УДК 800/801
ББК 81.2Р
С60

Рецензенты:
Л.И. Осипова, докт. филол. наук, проф. кафедры русского языка и специальной методики его преподавания МПГУ;
Е.Б. Яковенко, канд. филол. наук, доц., докторант сектора германских и кельтских языков института языкознания РАН;
А.Ю. Кузнецов, канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры русского языка МПГУ

Главы I и II написаны Ю.П. Солодубом,
глава III – Ф.Б. Альбрехтом

Ответственный редактор – *Ю.П. Солодуб*

Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б.

Современный русский язык. Лексика и фразеология (сопоставительный аспект): Учебник для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 264 с.

ISBN 5-89349-334-6 (Флинта)
ISBN 5-02-022610-6 (Наука)

В предлагаемом учебнике впервые лексика и фразеология современного русского языка рассматриваются в сопоставлении с лексикой и фразеологией английского, немецкого, французского и испанского языков, также впервые вводится специальная глава о переходной сфере языковых явлений, находящихся между лексикой и фразеологией.

Учебник предназначен для студентов филологических факультетов и факультетов иностранных языков университетов и педагогических институтов, а также для студентов педагогических колледжей, готовящихся к преподаванию русского и иностранного языка; он может быть успешно использован студентами, осваивающими специальность «Русский язык как иностранный», и учащимися старших классов гимназий и лицеев с общей гуманитарной направленностью образования.

ISBN 5-89349-334-6 (Флинта)
ISBN 5-02-022610-6 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2002

1. Слово и фразеологизм (сопоставительный аспект исследования)

В названии книги обычно раскрывается сущность ее содержания. Посмотрим с этой точки зрения на предлагаемый вашему вниманию учебник.

Наука о лексическом составе того или иного языка называется, как известно, **лексикологией.** Объектом нашего исследования является **лексический состав** современного русского литературного языка, или его **лексика.**

Напомним, что **литературным** традиционно признается только язык **нормированный**, не нарушающий общепринятых образованной частью общества норм. Нормы **современного** русского языка сложились в основном уже в 1-й трети XIX в. и нашли свое отражение в творчестве А.С.Пушкина как одного из его основателей и поэтов пушкинского окружения.

Слово **фразеология** может пониматься в значениях «фразеологический состав того или иного языка» и «наука, изучающая фразеологический состав того или иного языка». В названии нашего учебника представлено 1-е значение этого слова.

Как же следует объяснить ту часть названия, которая дается составителями учебника в скобках?

Во-первых, очевидно, речь идет о сопоставлении **слова** как основной единицы **лексики** русского языка с **фразеологизмом** как основной единицей **фразеологии** того же языка. В каком плане возможно такое сопоставление и почему оно целесообразно?

Отметим прежде всего, что **слово** как **диалектическое единство материальной звуковой оболочки** (комплекса звуков, реже только одного звука) и закрепленного за ней в системе русского языка **идеального содержания**, т. е. **лексического значения** (а часто и целой системы таких значений!), может быть сопоставлено с **фразеологизмом** и противопоставлено **фразеологизму**. Такое сопоставление и противопоставление основной единицы лексики и основной единицы фразеологии, безусловно, целесообразно, поскольку позволяет выявить как сходство, так и различие этих очень сложных по своей лингвистической природе единиц. **Слово** может быть противопоставлено **фразеологизму** как **цельнооформленная** языковая единица единице **раздельнооформленной**, при этом, однако, обе эти языковые единицы характеризуются наличием **целостного значения** (или значений!), т. е. значения, которое относится ко всему слову или всему фразеологизму как **одной** языковой единице:

1) *молоко* – «белая питательная жидкость, выделяемая грудными железами женщин или самок млекопитающих для выкармливания младенца, детеныша», 2) (у кого-либо) (*ещё*) (*материнское*) *молоко на губах не обсохло* – «(кто-либо) слишком молод, не имеет никакого жизненного опыта» (обычно с негативной оценкой и выражением презрительно-

уничижительного или шутливо-иронического эмоционального отношения к характеризуемому лицу), факультативные компоненты фразеологизма даны в скобках.

Первая языковая единица характеризуется **цельнооформленностью** и является **словом,** вторая – характеризуется структурной **раздельнооформленностью** и является **фразеологизмом.**

Фразеологизм, как мы видим, состоит из целого ряда **словных компонентов**, т. е. компонентов, восходящих к словам знаменательным или незнаменательным (один из этих компонентов восходит к слову *молоко*).

Наметим уже во введении, по каким аспектам **слова** и **фразеологизмы современного русского языка** (т.е. языка, рассматриваемого в очень широком временном срезе: от Пушкина до наших дней!) могут быть **сопоставлены** друг с другом и даже **противопоставлены** друг другу.

Во-первых, такое сопоставление и противопоставление возможно по форме выражения (**плану выражения – ПВ**) этих языковых единиц (**цельнооформленность** слова и **раздельнооформленность** фразеологизма).

Но здесь сразу же появляется вопрос, обязательным ли для всех русских слов нужно признать **признак цельнооформленности.** Являются ли цельнооформленными слова типа *кресло-качалка, вагон-ресторан,* просторечное (далее – прост.), *отец-мать* – «родители»?

Во-вторых, такое сопоставление (и противопоставление!) возможно и на основе сравнения **содержания** (т. е. значения) этих языковых единиц (**плана содержания – ПС**): лексическое значение слова *молоко* не содержит в себе никакого эмоционально-оценочного или **коннотативного** компонента (смысл этого термина, как и смысл термина **коннотация,** будет подробно проанализирован в дальнейшем), значение же фразеологизма, или фразеологической единицы (ФЕ), напротив, обладает ярким коннотативным содержанием (см. приведенное выше определение этого значения).

И снова сразу возникает вопрос: разве **коннотативность** – признак только фразеологического значения?

Достаточно обратиться, например, к словам лексико-семантической группы терминов родства (ЛСГ терминов родства!), чтобы убедиться в наличии коннотативного компонента в лексических значениях слов современного русского языка.

Рассмотрим в сопоставлении прямые (первичные) значения слов *брат* и *сестра*, при этом обратим внимание на тот интересный факт, что при подаче лексических значений этих слов в них достаточно четко можно выделить и составные **элементы** значений, **минимальные семантические единицы,** или **семы** («лицо», «мужской пол», «женский пол»).

Слово *брат* – «лицо мужского пола по отношению к другим детям своих родителей» и *сестра* – «лицо женского пола по отношению к другим детям своих родителей» **в системе языка** (но не в отдельных актах индивидуальной речи!) в своих указанных выше прямых первичных значениях лишены коннотативного компоненнта. Однако он выражен в значениях образованных от них с помощью суффиксов эмоциональной оценки слов: брат → братик, братишка, братец (для этого слова в современном языке характерны иронические контексты употребления: А братец мой снова не работает!), прост. – братан, братуха; сестра → сестренка, сестричка, прост. сеструшка, сеструха; в современном литературном языке несколько ироническое – сестрица (И чего только не выдумает моя сестрица?).

Наконец, в-третьих, сопоставление слова и фразеологизма возможно и на основе **соотношения формы** и **содержания** этих языковых единиц (их **ПВ** и **ПС**). Звуковой комплекс *молоко* (мълакоʹ) по отношению к выражаемому им лексическому значению осознается в настоящее время как знак **немотивированный**, явно **идиоматичный**, поскольку из соответствующей последовательности звуков М-Ъ-Л-А-К-Оʹ никак не может быть выведено приведенное выше значение слова (в целом ряде неродственных языков это же значение закреплено за совершенно иными комплексами звуков: казахское – cYт, башкирское – høт , вьетнамское – sữ a). Вместе с тем значение ФЕ *материнское молоко на губах не обсохло* (у кого-либо) **при определенной степени своей идиоматичности** (невыводимости целостного значения ФЕ из суммы значений ее компонентов: материнское, молоко, губа (на губах), обсохнуть, отрицательная частица *не* – «слишком молодой, не имеющий никакого жизненного опыта») характеризуется яркой **образной мотивированностью** на основе **метафоры**: уже достаточно взрослый человек, проявляющий полное отсутствие жизненного опыта, уподобляется грудному младенцу! Метафора как речевой прием и представляет собой уподобление объекта А объекту В на основе их сходства: некто А (твой брат, этот студент…) = В (совсем младенец!).

Целостное значение этой ФЕ является одновременно и **обобщенно-переносным,** поскольку оно сформировано в результате **целостного метафорического переосмысления** всего **словесного комплекса-прототипа**, т.е. того именно сочетания слов, на основе семантической трансформации которого возник данный фразеологизм (в формальном отношении это сочетание слов характеризуется наличием предикативной группы с незамкнутой позицией объекта характеристики – *у кого:* в составе этой предикативной структуры может быть выделено формальное подлежащее – *молоко* (с относящимся к нему определением *материнское*), свое формальное сказуемое *не обсохло* и формальный **дуплексив** (член предложения *на губах,* который может быть интерпретирован и как обстоятельство места, и как дополнение).

Однако, рассматривая и третий аспект сопоставления слова и фразеологизма, мы снова должны констатировать, что **образная мотивированность** значения и его **переносный** характер могут быть присущи не только фразеологизму. Многие **слова** в современном русском языке имеют **переносные** значения, возникшие на основе **образного** (и чаще всего именно **метафорического!**) переосмысления их первичных значений. Таковы, например, очень интересные и давно вошедшие в систему русского языка **отанималистические метафоры,** образованные от названий животных (лат. animal – «животное») для характеристики людей: медведь – 1) перен. «грубый, невоспитанный, не умеющий вести себя в обществе человек»; 2) перен. «неуклюжий, неповоротливый че-

ловек» (А.П. Чехов. «Медведь», пьеса-шутка, помещица Попова, возмущенная грубостью и невоспитанностью помещика Смирнова, кричит: «Медведь! Медведь! Медведь!»); змея – перен. «злой, коварный человек» (И.С. Тургенев. «Вешние воды». Санин о Полозовой: «Она змея, но какая красивая змея!»).

Итак, сопоставительный анализ **слова** и **фразеологизма** как различных языковых единиц показывает даже на начальном своем этапе, представленном во введении, что эти языковые единицы имеют не только явно различные свойства, но и определенные черты сходства (**изоморфизма**).

В таком случае приобретает актуальный характер и проблема **лексико-фразеологической переходности, состоящая** в выявлении **переходных, промежуточных** между словом и фразеологизмом языковых единиц.

Действительно, какой статус, например, имеют в современном русском языке единицы, состоящие из **словесных комплексов** (т.е. **раздельно** оформленные), в составе которых метафорическое переосмысление одного компонента детерминирует (обусловливает) появление другого, эмоционально усиливающего переносную семантику первого (словесные комплексы – СК–типа: он настоящий осел! она подлинная лиса!, какой он тюфяк!, он такая тряпка!)?

Поскольку по **форме** своего выражения **слово** явно проще **фразеологизма,** материал в книге будет распределен в следующей последовательности: глава I посвящена СЛОВУ в современном русском языке и его ЛЕКСИКЕ в целом; глава II посвящена ФРАЗЕОЛОГИЗМУ в современном русском языке и его ФРАЗЕОЛОГИИ в целом, при этом именно в главе II, в последнем её разделе, и будет осуществлено сопоставление СЛОВА и ФРАЗЕОЛОГИЗМА (для того, чтобы эти единицы могли быть рассмотрены в **сопоставлении**, необходимо с возможной полнотой и четкостью показать особенности каждой из них!). Явлениям лексико-фразеологической переходности посвящена заключительная, третья глава (для того чтобы рассматривать **переходные** явления от СЛОВА к ФРАЗЕОЛОГИЗМУ, читатель должен со всей возможной глубиной осознать, что из себя представляют «полярные языковые зоны», между которыми и находится зона переходности).

2. Некоторые наблюдения над русской лексикой и фразеологией, рассматриваемых в сопоставлении с лексикой и фразеологией английского, немецкого, французского и испанского языков

Взятые в названии учебника в скобку слова – **сопоставительный аспект** исследования – предполагают последовательное проведение в нем еще одного и не менее важного, на наш взгляд, сопоставления: весь русский материл в указанных главах будет дан в сравнении с аналогичным материалом английского, немецкого, французского и испанского языков (другие современные иностранные языки будут привлекаться к сравнению с русским только с целью углубления этого сопоставления).

Выбор языков регулярного сопоставления объясняется тем, что именно английский, немецкий, французский и испанский языки чаще

всего изучаются в российских высших и средних учебных заведениях как иностранные.

Наш учебник пока является единственным учебником русского языка, построенным на системно проводимом сопоставлении русского материала с материалом изучаемых в России иностранных языков. В сфере **лексикологии и фразеологии** такое сопоставление может быть особенно плодотворным и полезным, потому что именно эти лингвистические науки чаще всего имеют дело с какими-то универсальными явлениями, свойственными самым различным языкам мира.

В чем же мы видим основную целесообразность предполагаемого сопоставления языков в учебнике, посвященном изучению лексики и фразеологии языка русского?

Великому немецкому мыслителю и поэту И.-В. Гёте принадлежат замечательные слова: «Wer fremde Sprachen nicht kennt, weiβ nichts von seiner eigenen» («Кто не знает иностранных языков, не знает ничего о своем родном»). В этих словах «ключ» к разгадке нашего авторского замысла: сопоставляя лексику и фразеологию современного русского языка с однотипными сферами английского, французского, немецкого и испанского языков, мы преследуем цель более глубокого проникновения наших читателей в особенности родного языка.

Постараемся показать на нескольких конкретных примерах, каким образом знание иностранных языков может помочь образованному специалисту-филологу глубже понять свой родной язык, выявить его национальные особенности и вместе с тем черты изоморфизма, объединяющие русский язык с языками иностранными. Естественно, во всех наших сопоставлениях и противопоставлениях мы остаемся в рамках выбранного нами анализа языковых сфер – ЛЕКСИКИ и ФРАЗЕОЛОГИИ.

Выше мы уже отметили, что русские слова *брат* и *сестра* являются так называемыми терминами родства и называют самых близких родственников, принадлежащих к тому же поколению, что и говорящий (в контекстах: это моя сестра! – она моя сестра! – сегодня я иду к сестре…). Это слова в своих **первичных** прямых (основных!) значениях выполняют прежде всего функцию **номинации** (условное обозначение такого вида значения – 1Н).

Однако слова *братик, братишка* и *сестричка, сестренка* выполняют в своих первичных прямых значениях уже две функции – **номинации** и **коннотации** (тип значения – 1НК), при этом перечисленные слова употребляются в русском языке преимущественно по отношению к младшим братьям и сестрам.

Анализируя соответствующие им слова в привлеченных для сопоставления языках, отметим, что их точный перевод на английский язык вообще не возможен. Возможны варианты словосочетаний, совмещающие в своем употреблении номинативную и коннотативную функции: my dear brother, my little brother, my dear little brother. Конечно, в индивидуальной речи с помощью особого интонирования, отражающего чувства любви и ласки, английские brother и sister могут в какой-то мере приблизиться к указанным выше русским словам.

В немецком языке паре слов *брат* и *сестра* точно соответствуют der Bruder и die Schwester, а русским уменьшительно-ласкательным наименованиям с типом значения 1НК соответствуют подобные же суффиксальные образования, переводяшие на основе родовой специфики суффиксов – chen и – lein сами слова в систему средств ласкательных (т.е. коннотированных!) наименований **среднего** рода: (das) Brüderchen, (das) Brüderlein, (das) Schwesterchen, (das) Schwesterlein. Эти слова также употребляются преимущественно по отношению к младшим и вообще **маленьким** братьям и сестрам (см. стихотворение-шутку: Unser kleines Schwesterlein macht schon alles ganz allein: wäscht sich selbst mit einem Schwamm, kämmt sich selbst mit einem Kamm – Наша маленькая сестренка / сестричка делает уже все сама: умывается губкой, причесывается гребешком). В индивидуальной речи возможны, конечно, отступления от принятого употребления слов: известно, что бывший канцлер ФРГ Коль называл свою старшую по возрасту сестру Schwesterchen.

Французский и испанский языки дают очень ограниченное количество коннотированных терминов родства (только по одному для каждой пары слов: франц. (le) frère, 1Н – (le) frérot, 1НК (≅ братик, братишка), (la) soeur, 1Н – (la) soeurette, 1НК (сестричка, сестренка), исп. (el) hermano, 1Н- (el) hermanito, 1НК (≅ братик, братишка), (la) hermana, 1Н – (la) hermanita, 1НК (сестричка, сестренка).

Русская система терминов родства вообще очень богата коннотированными терминами (тип значения 1НК), явно выделяющими ее в этом отношении на фоне языков регулярного сопоставления (мама, мамочка, мамуля, мамулечка, мамусенька – дочка, доченька, доча, дочурка, дочурочка – сынок, сыночек, сынуля, сы́ночка…).

Часто ту или иную особенность лексики русского языка можно наглядно пронаблюдать при сопоставлении оригинального текста с талантливо выполненным его переводом.

Обратимся к самому началу романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» и его немецкому переводу, выполненному Гербертом Вотте: «Весенний светлый день клонился к вечеру, небольшие розовые тучки стояли высоко в ясном небе и, казалось, не плыли, а уходили в самую глубь лазури». – «Ein heller Frühlingstag neigte sich dem Abend zu, kleine rosige Wölkchen standen hoch am klaren Himmel, und es schien, als schwebten sie nicht vorüber, sondern zögen in die lasurblaue Tiefe davon».

Поражает глубокое проникновение переводчика в гармоническую картину природы, переданную русским писателем. Сохранена вся цветосветовая гамма оригинала: ein *heller* Frühlingstag …kleine *rosige* Wölkchen (= тучки, 1НК)… am *klaren* Himmel… an die *lasurblaue* Tiefe… Но вместе с тем сопоставление текстов наглядно показывает особенности соединения слов в обоих языках: **словосочетанию** русского языка *весенний*, светлый *день* соответствует сложное **слово – универб** (лат.unum verbum – «одно слово»), составленное из двух немецких существительных (Ein Frühlingstag), из двух прилагательных (lasur+blaue) составлен эпитет к слову die Tiefe – «глубина».

Наконец, само название романа «Дворянское гнездо» переведено также универбом – «Ein Adelsnest», при этом русская метафора *гнездо*,

гнездышко – «родной дом, местопребывание нескольких поколений одной семьи», возникшая, очевидно, под влиянием **фразеологизма** *свить себе гнездо* (*гнездышко*) – «обзавестись своим домом, семьей» сохранена и в немецком переводе и введена в структуру универба: der Adel – «дворянство», das Nest – «гнездо». Здесь, возможно, сыграло роль наличие в немецкой фразеологии совершенно аналогичной по семантике и образу ФЕ *sich ein Nest / Nestchen bauen*, букв. «построить себе гнездо / гнездышко» – «обзавестись своим домом, семьей».

Как было отмечено выше, русский язык богат системой суффиксов эмоциональной оценки, «пронизывающих» его лексику, именно поэтому многие русские слова даже в своих первичных, прямых значениях способны сочетать функции номинации и коннотации (тип значения 1НК). В языках сопоставления в этом отношении картина далеко неоднозначна. Обратимся к переводу фразы из рассказа А.С.Пушкина «Выстрел»: «Прошло несколько лет, и домашние обстоятельства принудили меня поселиться в бедной деревеньке Н++ уезда». Слово *деревенька*, которое прежде всего интересует нас, характеризуется как раз значением типа 1НК, при этом, помимо вносимого в это слово суффиксом –еньк- семантического признака «очень незначительный размер», в слове – в зависимости от контекста – может актуализироваться позитивная или негативная эмоциональная оценка. В контексте рассказа А.С.Пушкина выражена скорее отрицательная коннотация. Это и определило эмоциональную тональность переводов.

Обратимся к их анализу. В испанском языке, как и в русском, суффиксы эмоциональной оценки довольно широко распространены, что сближает в какой-то мере лексику этих двух языков, часть которой может совмещать номинативную и коннотативную функцию уже на уровне прямых первичных значений (1НК), поэтому испанский перевод очень точно соответствует русскому оригиналу: en una pobre aldehuela (букв. «в бедной деревеньке», la aldehuela – эмоционально окрашенное слово со значением уменьшительности образовано от la aldea – «деревня»).

Английский и французский переводчики (Проспер Мериме!) идут одним путем: в связи с тем, что в обоих языках подобрать абсолютно точный эквивалент для русского слова *деревенька* нельзя, они передают его семантическим эквивалентом русского слова «деревня», но усиливают эмоциональную окраску определения за счет слова с более ярко выраженной негативной оценкой: фран. dans un misérable village (букв. «в *жалкой* деревне»), англ. in a poverty-stricken village (букв. «в *пораженной бедностью* деревне»).

Все приведенные выше примеры достаточно ясно показывают, как ярко высвечиваются на фоне иноязычной лексики некоторые национальные особенности русского слова.

Теперь следует перейти к не менее актуальной проблеме – исследованию особенностей русской фразеологии также на фоне фразеологии иноязычной (прежде всего английской, немецкой, французской и испанской), чему посвящается глава вторая.

Сопоставление русской ФЕ *свить себе гнездо / гнездышко* с немецкой ФЕ *sich ein Nest / Nestchen bauen* показывает, что межъязыковые фразео-

логические эквиваленты (МФЭ), т.е. фразеологизмы разных языков, совпадающие между собой по значению, мотивирующему это значение фразеологическому образу (ФО) и стилистической окраске (чаще – принадлежности к разговорному стилю литературного языка) могут существовать и в неблизкородственных языках (русский – немецкий). При этом у нас нет основания утверждать, что здесь имел место акт заимствования из немецого языка в русский или из русского в немецкий: образное видение мира может быть в той или иной мере одинаковым даже у народов, являющихся носителями совершенно неродственных и в структурно-генетическом отношении очень далеких языков.

Для того чтобы продемонстрировать последнее положение, вновь вернемся к русской ФЕ (у кого-либо) *материнское молоко на губах не обсохло.* Уточним здесь, что лингвистическим выражением ФО является тот словесный комплекс-прототип (СК-прототип), на основе которого фразеологизм формировался. ФО как **наглядное представление** особенно ясно осознается на фоне **обобщенно-переносного значения** фразеологизма, поэтому при сопоставлении ФЕ разных языков следует очень внимательно сопоставлять лингвистические средства выражения их ФО, т.е. прежде всего их СК-прототипы.

Отметим также, что в современном русском языке эта ФЕ чаще всего употребляется с элиминацией (опущением) первого (атрибутивного) компонента, тем не менее, в сознании носителей русского языка этот компонент как бы всегда присутствует, поскольку он очень важен для правильного восприятия ФО-метафоры.

Демонстрируя межъязыковые связи этой русской ФЕ, мы намеренно выйдем из тесных рамок четырех языков сопоставления, поскольку собираемся показать, что близкие и даже тождественные по своим ФО ФЕ могут встречаться в языках неродственных и в структурно-генетическом отношении очень далеких.

Начнем наш анализ все-таки с языков регулярного сопоставления. В английском и немецком языках, т.е. языках **германских**, вообще нет фразеологизмов с близкой образностью. Семантически тождественные ФЕ этих языков построены на основе совсем других метафор: «только что появившийся на свет птенец» (нем яз.) «или детеныш какого-то животного» (англ.яз.) → «совершенно неопытный, очень молодой человек»: нем. (er) *hat noch Eierschalen hinter den Ohren* (букв. «у него еще яичная скорлупа за ушами»); англ. *an unlicked cub* (букв. «необлизанный детеныш», метафора связана с поверьем – медвежата рождаются совершенно бесформенными, медведица, облизывая их, придает им форму).

Однако образы ФЕ французского и испанского языков уже очень близки к русской фразеологической метафоре. Если вспомнить, что первый компонент в русской ФЕ в речи часто опускается («Ишь ты, еще *молоко на губах не обсохло*, а уже перечишь!»), то испанский фразеологизм *tiene la leche en los labios* (букв. «имеет молоко на губах») так же, как итальянский *ha ancôra il latte alla bocca* (букв. «имеет еще молоко у рта») являются МФЭ по отношению к русскому фразеологизму.

Французский фразеологизм в структурном отношении более сложен, поскольку сам ФО французской ФЕ также характеризуется большей

сложностью, но его **близость** к русской фразеологической метафоре сомнений не вызывает: il est si jeune («он так молод» – типичное *контекстное окружение ФЕ!*) *que si on* (*lui*) *pressait* (*pinçait*) *le nez en sortirait encore du lait* (букв. «если (ему) сжать (ущемить) нос, оттуда выйдет молоко»).

В некоторых языках нерегулярного сопоставления **близкие** ФО указывают на сохранившийся у рта *запах* молока: болг. *още* (му) *мирише от устата на мляко* (букв. «(у него) рот пахнет молоком»), турецк. *ağzi süt kokuyor* (букв. «(его) рот пахнет молоком»), вьетн. *miêng con hôi sữa* (букв. «рот еще пахнет молоком»). По отношению друг к другу ФЕ этих совершенно неродственных и в структурно-генетическом отношении очень далеких языков являются МФЭ.

Необходимо также учитывать соотношение **структуры** слов в русском и других языках. Так, мы уже отметили, что русские **словосочетания** семантически могут быть эквивалентны немецким сложным словам (универбам).

В сфере фразеологии в немецком языке нет ФЕ, сходных по своему образу с аналогичной русской ФЕ, однако в сфере немецкой **лексики** мы находим образ явно близкий, но в структурном отношении представленный универбом: der Milchbart – «молокосос» (букв. «молочная борода», уничижительная характеристика слишком молодого и неопытного человека).

Подобные фразеологические экскурсы в область многих языков, значительно превышающие языки регулярного сопоставления, будут предприниматься нами, конечно, не систематически, фактически только в тех случаях, когда русские ФЕ обнаруживают очень широкие межъязыковые связи. Основными объектами фразеологических спостaвлений остаются в нашей книге ФЕ английского, немецкого, французского и испанского языков. При этом в главе второй будет предложена **типологическая классификация** схождений и расхождений ФЕ русского и сопоставляемых языков, исходящая из их **семантического** и **стилистического тождества** и выявляющая **различные степени тождества** или **близости фразеологических образов.**

На основе всего содержания главы второй будут также подведены итоги сопоставления **слова** как основной единицы **лексики** и **фразеологизма** как основной единицы **фразеологии.**

Глава третья (завершающая) посвящается анализу **переходной лексико-фразеологической** зоны русского и сопоставляемх с ним языков.

С некоторыми языковыми явлениями явно переходного характера мы уже фактически встречались во введении: 1) одним из средств эмоционально-оценочного усиления слова в переносном значении (Эта женщина – *змея, гадюка!*) является его употребление в составе **словосочетания** с различного рода лексическими усилителями его коннотативного потенциала (Она – *такая змея!* Она – *настоящая гадюка!*), вся конструкция в таком случае приближается по своей **структуре** к **фразеологизму;** 2) некоторые средства яркой эмоционально-оценочной характеристики человека по своей структуре ближе к **слову**, характеризуются, в частности, его **цельнооформленностью** (русск. *молокосос* – уничижит.-презрит.

«человек, не имеющий никакого жизненного опыта», ≅ нем.der Milchbart), но фактически обладают уже **целостным обобщенно-переносным значением**, подобным значению **фразеологизма**; их значение формируется на основе образного осмысления (и переосмысления!) семантически взаимодействующих морфем, составляющих такие слова.

Завершая вводную часть нашего учебника, специально остановимся на проблеме его использования в студенческой и вообще учебной аудитории. В связи с большой тягой молодежи к изучению иностранных языков, большим интересом её к культуре других народов наш учебник может быть рекомендован не только для студентов, осваивающих специальность «русский как иностранный» (РКИ) и не только для студентов педагогических учебных заведений (университетов, колледжей), в которых имеется специализация одновременно по родному (русскому) и одному из иностранных языков (английскому, немецкому, французскому и испанскому). Думается, что он может быть очень интересен и для студентов-филологов, занимающихся изучением русского языка и литературы, но еще в школьные годы хорошо обладевших одним или двумя иностранными языками.

Не меньший интерес он может вызвать и у будущих специалистов по иностранным языкам: чтобы во всех тонкостях овладеть структурой иностранного языка, необходимо так же глубоко владеть структурой языка родного.

Думается также, что наш учебник может вызвать большой интерес у учащихся старших классов школ с углубленным изучением одного или нескольких иностранных языков, учащихся старших классов школ, гимназий, лицеев с общей гуманитарной специализацией.

Работая с нашим учебником, учащиеся получают возможность глубоко изучить имеющуюся в настоящее время **научную литературу** по проблемам **лексикологии** и **фразеологии**: эта литература представлена в обширном **справочном аппарате (системе сносок, данных по главам)**.

ГЛАВА I

ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЛЕКСИКОЙ АНГЛИЙСКОГО, НЕМЕЦКОГО, ФРАНЦУЗСКОГО И ИСПАНСКОГО ЯЗЫКОВ

1. ПОНЯТИЕ О СЛОВЕ КАК ОБ ОСНОВНОЙ ЕДИНИЦЕ ЛЕКСИКИ, ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ СЛОВА

Словарный состав того или иного языка, или его лексика, видимо, всегда представляется носителям этого языка как некое безбрежное, бесконечное пространство, отражающее в значениях бесчисленного количества слов всю окружающую действительность. Не случайно терминологическим понятиям *словарный состав, лексика* в немецком языке соответствует слово *der Wortschatz,* букв. *словесное сокровище,* для носителей немецкого языка, возможно, уже давно угасшая, но яркая и выразительная в своей первоначальной образности метафора, подчеркивающая и богатство словарного состава, и его выразительные возможности (der Schatz – «сокровище»).

Видимо, также не случайно ширазский перс Фирузабади (1329–1414), составляя свой словарь, назвал его «Камус» – «океан». Теперь это слово вошло во многие восточные языки как термин со значением «словарь»: *Kamus* Bahasa Russia – Bahasa Malaysia (В.А. Погадаев, Н.В. Ротт. Русско-малайзийский словарь. М., 1986), «*Kamus* Na Rashanci-Hausa» (В.В. Лаптухин, под ред. Адо Гвадабе Кано, Русско-хауса словарь. М.,1967; хауса – третий по распространенности язык Африки).

Еще одна яркая в своей первоначальной образности метафора, также подчеркивающая безбрежность и бесконечность словарного состава того или иного языка. Действительно, кто может ответить на вопрос, сколько слов в лексике русского, английского, немецкого, французского или испанского …китайского, вьетнамского, японского языков?

«Словарь русского языка» в четырех томах под ред. А.П. Евгеньевой (Малый академический словарь – МАС), М.,1984 включает в свой состав 82980 слов, однотомный «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, М.,1992 – 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. Однако разве охватывают эти очень ценные лексикографические источники всю лексику современного русского языка?

Словарь нашего родного языка находится в состоянии постоянного пополнения и развития (в последние десятилетия в него вошло очень много заимствований из английского языка: менеджер, менеджмент, дилер, пейджер и др.). Вместе с тем из него постепенно уходят какие-то слова, отражающие в своих лексических значениях устаревшие и ушедшие в прошлое понятия: епархиалка – «ученица среднего учебного заведения для дочерей лиц духовного звания» (епархиального училища).

Для человека любой национальности, даже если он никогда и не занимался филологией, совершенно ясно, что **лексика** его родного языка состоит из **слов** как её основных единиц. Именно поэтому прежде чем характеризовать **лексику** любого, в том числе и русского языка, необходимо определить, что такое СЛОВО. При этом, поскольку мы рассматри-

ваем русскую лексику в многоязычном сопоставлении, нас прежде всего будет интересовать возможность существования **универсального,** т.е. применимого фактически для всех языков определения СЛОВА.

Сложность решения этой проблемы была ещё в 1973-м году отмечена известным русским лексикологом Д.Н. Шмелевым: «…уже предложено бесчисленное количество определений слова, которые *существенно* отличаются друг от друга и редко использовались кем-нибудь, кроме самих их авторов»[1].

Для того чтобы получить нужное нам определение слова, мы должны исходить из объективных и совершенно бесспорных свойств слова в большом количестве самых разнообразных языков. Во введении уже было отмечено, что СЛОВО всегда представляет собой **диалектическое единство материального звукового комплекса и закрепленного за ним в системе того или иного языка идеального значения (семантики).**

Поскольку русское слово *город* (*го́рът*) – «крупный населенный пункт, промышленный и культурный центр» имеет свои семантические эквиваленты практически во всех языках народов, достигших современного уровня цивилизации, представим указанное выше диалектическое единство на материале самых разных, типологически принадлежащих к самым разнообразным семьям и группам языков.

Языки	**Звуковой комплекс** (в артиклевых языках артикли даны в скобках, постпозитивные артикли выделены в составе слова)	**Значение (семантика) слова**
Русский	город (горът)	**«Крупный населенный пункт, промышленный и культурный центр»**
Украинский	місто	
Чешский	město	
Польский	miasto	
Болгарский	градът	
Сербскохорватский	град	
Английский	(a) town / (a) city	
Немецкий	(die) Stadt	
Шведский	staden	
Норвежский	byen	
Испанский	(la) ciudad	
Итальянский	(la) città	
Французский	(la) ville	
Румынский	orașul	
Венгерский	(a) varos	
Эстонский	linn	
Турецкий	şehir	
Казахский	қ,ала	
Узбекский	шах,ар	
Китайский	chéngshì	
Корейский	тоси́ (русская графика)	
Японский	тосё (русская графика)	
Хауса	birni / gari	
Малайзийский	bandaranaya / bandar	

[1] *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. С.35.

Приведенная выше таблица подтверждает одно из важнейших и бесспорно объективно выявленных свойств слова любого языка: СЛОВО есть всегда диалектическое единство МАТЕРИАЛЬНОГО и ИДЕАЛЬНОГО, ЗВУКОВОГО КОМПЛЕКСА и закрепленного за ним в системе языка ЗНАЧЕНИЯ; условно обозначив звуковой комплекс как Ф (от слова «фонетический»), а его значение как СЕМ. (от слова «семантика»), мы можем записать краткую формулу СЛОВА: СЛОВО → (Ф – СЕМ.).

Пользуясь терминами СЕМИОТИКИ (науки о знаковых системах), мы можем охарактеризовать звуковой комплекс (Ф) как **знак,** или **означающее**, имеющее в связи со своей знаковой природой вполне определенное **означаемое** (см. приведенное выше лексическое значение – ЛЗ – русского слова *город* и ЛЗ разноязычных семантических эквивалентов этого слова: linn, şehir, la ville, la ciudad, die Stadt и т.д.).

К такому пониманию слова исследователи подошли уже очень давно. Уже в знаменитой Грамматике Пор-Рояля (La Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal, 1660) мы читаем: «…слова можно определить как членораздельные звуки, которые используются людьми как знаки для обозначения их мыслей»[2].

Формула СЛОВО→(Ф – СЕМ.) находит свое отражение и в определении слова, данном известным французским лингвистом А. Дармстетером: «…le mot est un son ou un groupe des sons articulé auquel ceux qui parle attachent une valeur intellectuelle…[3](…слово есть звук или группа звуков, которым те, кто говорит, придают интеллектуальную значимость…»-перевод мой. – *Ю.С.*).

Не возражая в целом против такого определения слова, отметим только, что эта «интеллектуальная значимость» уже **социально** закреплена за ним в системе языка и говорящие на том или ином языке только **воспроизводят** слово, выступающее в актах речи в своем материально-идеальном единстве; исключение из этого составляют только слова-*новообразования*, так называемые *окказиональные слова* (*окказионализмы*), которые могут никогда не войти в систему языка (П.А. Флоренский вспоминает, как В.В. Каменский, увидев пролетающую ласточку, крикнул ей: *Вчить-карм!,* «слово», которое автор воспоминаний воспринял как новое поэтическое название этой птички[4]).

Языковая картина мира, т.е. отражение действительности в языке, конечно, не может быть совершенно тождественной у разных народов. Это явление отразилось и в приведенной выше таблице: для некоторых народов является актуальным разграничение с помощью специальных названий понятий «очень крупный промышленный центр» и «промышленный центр менее значительных размеров»: англ. a city – a town, малайзийск. bandaranaya – bandar, хауса birni – gari.

Приведенная выше формула СЛОВО → (Ф – СЕМ.) и зашифрованное в ней определение слова помогут нам легко отграничить эту **языковую**

[2] Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля. – М., 1990. С.90.
[3] *Darmesteter A.* La vie des mots étudiée dans leur significations. – Paris, 1946. P. 36.
[4] *Флоренский П.А.* Антиномии языка // Вопросы языкознания. – 1988. № 6. С. 104.

единицу от случайных, чаще всего индивидуально-речевых образований, только по форме напоминающих слова.

В своей статье «Слово и «слово» (1914 г.) И.А.Бодуэн де Куртене приводит запись «речи» одного сектанта из секты хлыстов (Шишлова), который в состоянии религиозного экстаза говорит «на других языках»:

Немос, памос, быос…
Червон дровулмире вдрувул
Дремиле черезондро фордей!

Конечно, перед нами не слова, а лишенные всякой знаковой функции, не имеющие никаких означаемых комплексы звуков (реализован только один компонент формулы: Ф). На возражение о том, что, возможно, Шишлов вкладывал в эти звукокомплексы вполне определенное содержание, ответим, что проверить это теперь, конечно, совершенно невозможно, кроме того, даже и в этом случае перед нами явные «псевдо-слова», лишенные социальной значимости (смыслов, доступных для других), а составленная из таких псевдо-слов «фраза» не могла бы выполнить самой важной функции **предложения – коммуникативной** функции.

Теперь мы снова должны продолжить наш поиск универсального определения слова. Уже во введении было сказано о том, что СЛОВА как языковые единицы могут выполнять функцию **номинации** и функцию **коннотации**. Разноязычные семантические эквиваленты русского слова ГОРОД, как и само это слово, выполняют только **номинативную** функцию (тип значения –1Н). Не выполняя **коммуникативной** функции, т.е. функции речевого общения, СЛОВА, тем не менее, способствуют её выполнению в составе ПРЕДЛОЖЕНИЯ – языковой единицы, специально ориентированной именно на осуществление акта речевого общения (коммуникации). При этом слова в составе предложения употребляются в соответствии с грамматическими законами того или иного языка, вступая в определенные грамматические отношения друг с другом.

Вполне очевидно, что в языках различных структурных типов *грамматическое употребление слов* может быть очень различным.

Предположим, что нам нужно перевести на целый ряд представленных в таблице языков предложение «Улицы города красивы». Предположим также, что красивы *все* улицы какого-то вполне *определенного* города (это позволит во всех артиклевых языках однозначно выбрать только определенные артикли).

Значительную разницу в формах грамматического употребления слов можно уже увидеть при переводе словосочетания «улицы города».

В русском языке, языке преимущественно *синтетического строя*, лексическое и грамматическое значения слова чаще всего находят выражение в одном целостном комплексе звуков: *улиц***ы** (лексическое значение «пространство между двумя рядами домов для прохода или проезда» + флексия слова как показатель грамматических значений именительного падежа множественного числа) *город***а** (указанное выше лексическое значение «населенный пункт…» + флексия слова как показатель грамматических значений мужского рода, единственного числа и родительного падежа).

Во многих близкородственных славянских языках мы найдем типологически тождественные формы: укр. вулици міста, польск. ulice miasta, но в близкородственном болгарском языке имя существительное характеризуется совсем иной структурной типологией: оно не имеет системы склонений, но наделено постпозитивным артиклем – улиците (определенный артикль множ. числа), при отсутствии форм склонения значение принадлежности передается предлогом *на*, стоящим перед существительным с партитивным постпозитивным артиклем (обозначающим часть от целого): *улиците на градá*.

В английском языке категория множественного числа передается не изменением артикля, а специальной флексией – s, значение принадлежности выражается предлогом of, стоящим перед названием «обладателя»: *the streets of the town*.

В немецком языке форма множественного числа находит выражение и в специальном артикле, и в специальном аффиксе множественного числа, характерном для многих существительных жен. рода, форма же родит.пад. со значением принадлежности имеет чисто аналитическое выражение – обозначается особой формой артикля для существительных жен.рода при полном отсутствии изменений самого существительного: *die Straßen der Stadt*.

Достаточно аналитичными по форме являются конструкции французского и испанского языков: формы множественного числа манифестируются специальным артиклем (при этом в испанском языке и с выражением рода), форма принадлежности выражается предлогом, стоящим перед наименованием «обладателя»: франц. *les rues de la ville*, исп. *las callas de la ciudad*. Однако форма множ. числа сущ. «улицы» имеет и черты синтетического строя: в пределах целостного звукокомплекса появляется флексия – s в обоих языках (во франц.яз. эта флексия не произносится!).

Грамматическое **употребление** слова (или, по крайней мере, той его части, которая выражает именно лексическое значение: Stadt, town, ville, ciudad) далеко не всегда влечет за собой какие-то его звуковые изменения. В русском предложении «Этот мальчик очень хорошо учится» качественное наречие *хорошо* и наречие степени *очень* употреблены в соответствии с грамматическими нормами русского языка, но не претерпевают при этом никаких фонетических видоизменений.

Итак, ещё одним вполне объективно установленным признаком слова в самых разных языках является возможность его **грамматического употребления** в составе предложения; именно это свойство и позволяет СЛОВУ *опосредованно*, благодаря грамматическому функционированию в предложении, принимать участие в реализации **коммуникативной функции языка.**

Теперь мы уже вплотную подошли к тому **универсальному** определению слова, которое дал ему другой французский лингвист –Антуан Мейе: «un mot est défini par l'association d' un sens donné à un ensemble donné de sons susceptible d'un emploi grammatical donné[5] (**«слово есть результат**

645123

[5] *Meillet Antoine*. Linguistique historique et linguistique générale. Paris, 1948. P. 30.

Центральная городская публичная библиотека им. В.В.Маяковского С-Петербург, наб. р.Фонтанки 46

связи определенного значения с определенным комплексом звуков, способным к определенному грамматическому употреблению»[6]).

Это определение СЛОВА мы можем теперь передать в виде краткой формулы: СЛОВО→(Ф – СЕМ.)Гр.

2. ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЛОВА И ЕГО НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ

Универсальное определение слова найдено. Теперь нас будет интересовать возможность дать такое определение *русскому* слову, которое могло бы на фоне других языков и прежде всего языков регулярного сопоставления (английского, немецкого, французского и испанского) показать его национальную специфику.

Такое определение предложил в своих трудах русский лексиколог и фразеолог Н.М. Шанский: СЛОВО – «это лингвистическая единица, имеющая… в своей исходной форме одно основное ударение и обладающая значением, лексико-грамматической отнесенностью и непроницаемостью».[7]

Вполне естественно, что некоторые свойства *русского слова* носят вообще *универсальный* характер и уже были в той или иной мере представлены в определениях А.Дармстетера и А.Мейе:

1) слово – это не просто некий звуковой комплекс, а лингвистическая единица, имеющая свою форму и содержание;

2) формой этой лингвистической единицы является соответствующий звуковой комплекс, а содержанием – закрепленное за ним в системе языка значение;

3) все слова русского языка (как и слова других языков), помимо лексического значения, обладают обобщенными грамматическими значениями (значение предметности для имен существительных, значение признака для имен прилагательных, значения действия или состояния для глаголов и т.д.) и характеризуются лексико-грамматической отнесенностью к той или иной части речи.

В определении, предложенном Н.М. Шанским, следует обратить особое внимание на такие национально-специфические свойства русского слова, как его недвуударность в исходной форме, т.е. той именно форме, которая является начальной в системе его парадигматических изменений и в которой слово дается в словарях (окно, смелый, учиться, хорошо и т. д.), и его непроницаемость.

Русские знаменательные слова (на предлоги, союзы, частицы это положение не распространяется) действительно одноударны в своей исходной форме в отличие, например, от сложных слов английского языка, которые очень часто характеризуются двуударностью: ˊschool‚fellow – «школьный товарищ», «одноклассник», ˊschool‚master–1) «школьный учитель», 2) «наставник», 3) «директор или помощник директора школы», ˊschool‚mistress – 1) «школьная учительница», 2) «женщина – директор школы», 3) уст. «гувернантка». В ряде случаев, однако, сложные английские слова характеризуются также одноударностью: ˊschoolboy – «школьник», ˊschoolgirl – «школьница», одноударность этих слов объясняется, видимо, тем, что второе слово в их составе воспринимается только как *аффиксоид,* т.е. приближающийся по своей морфологической роли в слове к суффиксу элемент, являющийся показателем пола лица.

В немецком языке сложные имена существительные, состоящие по своей структуре из *двух слов* всегда двуударны: der ˊSchul‚freund – «школьный друг», der ˊLand‚lehrer – «учитель сельской школы», der ˊKlassen‚lehrer – «классный руководитель», die ˊWald‚wiese – «лесной луг».

Говоря об одноударности русского слова как его национально-специфической черте, следует, однако, обратить внимание, что очень сложные по своей морфологической структуре русские слова, состоящие из двух-трех и более корневых морфем, одноударными уже фактически не являются: *грязеводолечебница, водохранилище, овощехранилище.*

Следует также обратить внимание на **тоническое своеобразие русских знаменательных слов в потоке речи:** словное ударение в потоке речи может переходить со знаменательного слова на предлог (девицы **по'** лесу гуляли – из русской народной песни, у А.С. Пушкина: Ветер **по'** морю гуляет…).

Вопрос о непроницаемости русского слова очень сложен и требует самого детального рассмотрения.

Проницаемым может быть признано слово, которое в потоке речи разделяется на части, пропуская внутрь себя, между этими частями, другие слова и даже целые сочетания слов. Наиболее типичные примеры проницаемости слов можно пронаблюдать в немецком языке на материале глаголов с так называемыми отделяемыми приставками – приставками, которые в исходной форме (инфинитиве) несут на себе основное ударение и в некоторых глагольных формах (Präsens Indikativ, Präteritum Indikativ, Imperativ) отделяются от корневой морфемы и завершают собой предложение, образуя так называемую рамочную конструкцию фразы.

Сопоставим сначала русские и немецкие слова в их исходных формах: Павел – Paul, вставать – ˊaufˌstehen, всегда – immer, рано – früh.

Теперь сравним составленные из этих слов предложения, чтобы наглядно представить себе свойство проницаемости некоторых немецких слов (в частности, глаголов с отделяемыми приставками):

Павел всегда встает рано – Paul steht immer früh auf.

В английском языке имеются глаголы с так называемыми *послеглагольными словообразовательными элементами.* В своей исходной форме такие глаголы уже представляют собой *раздельнооформленные* языковые единицы; сравним некоторые английские глаголы такого структурного типа с их русскими семантическими эквивалентами: to go out – выйти, to come in – войти.

В потоке речи такие глаголы обнаруживают также свойство **проницаемости:** I' ll **ring** you **up** and let you know; If they **put** our candles **out,** it will be an awful thing (Twain)[8].

---

[6] Перевод на русский язык. См.: *Вандриес Ж.* Язык. – М., 1937. С. 90.

[7] *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – М., 1972. С. 32.

[8] *Ворно Е.Ф., Кащеева М.А., Малишевская Е.В., Потапова И.А.* Лексикология английского языка. – Л., 1955. С. 78.

В артиклевых языках свойством проницаемости обладают и имена существительные – в тех случаях, когда между артиклем, т. е. *грамматическим детерминантом слова,* и самим именем существительным, выражающим *лексическое значение слова,* может быть вставлено какое-либо слово, например, имя прилагательное. Сравним переводы фразы «Мы стояли в местечке…» (А.С. Пушкин. «Выстрел») на английский и испанский языки:…at the small town of X;…en la pequeña localidad de X.

Можно ли говорить об абсолютной непроницаемости русского слова? Кроме общеизвестных случаев проникновения предлогов «внутрь» некоторых неопределенных местоимений (сравнить: кое-кто – кое у кого, кое к кому, кое о ком), свойством проницаемости обладают и аналитические формы русских глаголов: И легкие месяцы *будут* над нами, Как снежные звезды, *лететь* (А. Ахматова).

Вообще свойства **недвуударности и непроницаемости** характерны в значительной степени и для слов других славянских языков. В данных ниже предложениях, взятых из различных славянских языков, каждое знаменательное слово обладает как свойством одноударности, так и свойством непроницаемости: Не слухала Катерина Ні батька, ні неньки, Полюбила москалика, Як знало серденько (Т.Шевченко. «Катерина»); болг. От сутрин до вечера софийските улици ехтяха от грохота на моторизирани колони, които отиваха на юг (Димитър Димов. «Тютюн». Перевод: С утра до вечера софийские улицы вздрагивали от грохота моторизированных колонн, которые направлялись на юг); польск. Suchy wiatr spalił wielki śniegi. (Stefan Żeromski. «Wiatr od morza». Перевод: Сухой ветер растопил большие снега).

Итак, мы рассмотрели как универсальное определение слова, так и определение, отражающее некоторые национально-специфические свойства русского слова, проявляющиеся также и в других славянских языках, т. е. свойства общие для всего ареала славянских языков.

Сравнивая оба определения, нельзя не заметить, что они в большей мере ориентированы на качества слова, проявляющиеся у него в потоке речи, а не в системе языка. В системе языка слово чаще всего обладает не одним значением, а несколькими; будучи взаимосвязаны, они образуют **семантическую структуру слова**.

Понятие **о лексеме как о слове в системе языка** вводит в своем фундаментальном труде о русском языке В.В. Виноградов: «Слово, рассматриваемое в контексте языка, т.е.**взятое во всей совокупности своих форм и значений** (выделено мною. – *Ю.С.*) часто называется *лексемой*»[9].

Проиллюстрируем это определение конкретным примером. Лексема СОЛНЦЕ имеет в современном русском языке следующие значения: 1) «звезда, являющаяся центром нашей планетной системы, дающая ей свет и тепл» (*первичное прямое* значение, выполняющее номинативную функцию – 1,Н); 2) «свет и тепло, которое дает эта звезда»: не стой на солнце! Уйди с солнца! На солнце сегодня жарко! (вторичное, номинативное по своей основной функции значение, произведено от первичного

[9] *Виноградов В.В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М., 1986. С. 21.

с помощью переноса типа **метонимии** –2, Н); 3) «о ком-либо особенно дорогом и близком», реже с оттенком значения «о чем-либо очень дорогом»: Будь же счастлива, Мери, солнце жизни моей! (А.С. Пушкин); Ты – солнце моих песнопений! (А.А. Ахматова); Лиля – солнце нашей семьи (М. Цветаева); сложность типологии этого значения требует особых пояснений: значение явно *вторичное, переносное, с ярко выраженной функцией* ***коннотации***, образовано от 1-го и 2-го значений на основе их **метафорического переосмысления**, реализуется, как правило, в *синтаксической функции предиката* (или производных от нее функций: *приложения, характеризующего обращения*) и поэтому является *синтаксически связанным*; реализуется только в особой синтаксической ***конструкции: солнце + зависимое слово или словосочетание в родительном падеже***, поэтому является *конструктивно обусловленным* (2, К! синт. связ., констр.обусл.);

4) «любая звезда, имеющая свою планетную систему» (вторичное значение, образованное от 1-го на основе его семантической **генерализации**, т.е. обобщения, основная функция – номинативная – 2Н).

Число возможных словоформ определяется спецификой того или иного значения: в 1-м значении возможны только 6 словоформ, поскольку слово не может иметь форм множественного числа, в 4-м значении возможны все 12 словоформ.

Понятие **лексемы** было использовано В.В. Виноградовым по отношению к *русскому слову,* но оно может быть распространено и на *слова других языков.*

Английская лексема small зафиксирована лексикографией в 17 значениях, но в положительной степени может иметь только одну словоформу, т.к. имя прилагательное в английском – неизменяемая часть речи. При подсчете количества возможных слоформ немецкого слова die Stadt – «город» (лексема в системе этого языка однозначна) нужно учесть, что имя существительное имеет в немецком языке 4 падежа, в единственном числе может употребляться с определенным или неопределенным артиклем, при этом падеж манифестируется только изменением артикля (итого 8 словоформ), во множественном числе слово может быть употреблено с определенным артиклем (4 словоформы) или вообще без артикля (как правило, с предшествующим ему прилагательным: Sie sind aus verschiedenen Städten hierher gekommen – Они прибыли сюда из различных городов – тоже 4 словоформы).

Существуют языки, в которых слово может быть представлено только единственной словоформой: во вьетнамском языке, например, имя существительное не имеет падежных форм и не изменяется по формам числа, поэтому вьетнамское словосочетание tình mẹ может быть переведено в зависимости от окружающего контекста и как «любовь матери», и как «любовь матерей», и как «материнская любовь» (в последнем случае употребленное в постпозиции существительное «мать» воспринимается уже как относительное прилагательное).

Из всего сказанного выше явно следует, что каждое из приведенных определений слова необходимо для более полного раскрытия этого сложного понятия и только все определения, взятые в своей

совокупности, приближают нас к пониманию этой сложной языковой единицы.

Подведем некоторые итоги, относящиеся к нашим знаниям о СЛОВЕ, на основе материалов, изложенных во введении и двух первых разделах главы 1:

1) универсальное определение СЛОВА, зашифрованное в формуле СЛОВО → (Ф –СЕМ.) Гр., отмечает **диалектическое единство материального звукового комплекса и идеального значения в этой лингвистической единице и её способность к грамматическому употреблению в составе предложения**;

2) только в составе предложения слово опосредованно (через посредство предложения) может выполнять коммуникативную функцию, основные же функции слова – это функция **номинации** (слово называет объекты действительности, их качества и признаки, состояния и совершаемые ими действия, признаки, характеризующие действия или состояния: *хорошо* учиться, *весело* смеяться) и функция **коннотации** (эмоциональной оценки объектов действительности, их действий и состояний и т.д.);

3) **номинативная и коннотативная функции очень часто совмещаются в одном слове**: русск. братик, братишка братец, браток, немецк. das Brüderlein, das Brüderchen, франц. le frérot, исп. el hermanito;

4) в системе языка слово может обладать сложной **семантической структурой**, представляющей собой **взаимосвязь и взаимодействие всех его значений**; кроме того, в системе языка слово существует во взаимодействии всех своих возможных **словоформ**, специальный термин для обозначения **слова в системе языка – лексема.**

3. НЕОСНОВНЫЕ (ПЕРИФЕРИЙНЫЕ, МАРГИНАЛЬНЫЕ) ЕДИНИЦЫ ЛЕКСИКИ

Достаточно глубоко раскрыв смысл термина СЛОВО, обратим теперь внимание на то, что до сих пор, называя СЛОВО основной единицей ЛЕКСИКИ, мы ничего не говорили о неосновных её единицах, которые находятся в каких-то **краевых (периферийных, маргинальных**: франц. la marge, англ. a margin – «край») её зонах, но, тем не менее, вместе со СЛОВАМИ составляют лексический фонд как русского, так и других языков.

Представляется, что кроме СЛОВ, в состав ЛЕКСИКИ должны быть включены СВЕРХСЛОВНЫЕ НОМИНАНТЫ, т. е. **выполняющие номинативную функцию устойчивые, воспроизводимые в речи СЛОВОСОЧЕТАНИЯ, целостное значение которых фактически соответствует сумме значений их компонентов и никакого образного переосмысления не претерпевает**. К таким сверхсловным номинантам могут быть отнесены названия многих наук: *высшая математика, органическая химия, неорганическая химия* (в разговорном стиле литературного языка: *органика, неорганика*), *ядерная физика, начертательная геометрия* (в студенческом жаргоне: *начерталка*) и т.д., названия некоторых учреждений: *отдел социального обеспечения, страховое агентство, сберегательный банк*, названия учебных заведений: *педагогический колледж, медицинское училище, строительный колледж*, названия предприятий: *комбинат бытового обслуживания*, организаций: *Фонд общественного мнения, Центр стратегических разработок*.

Конечно, в количественном отношении эти сверхсловные номинанты значительно уступают словам, но они, безусловно, составляют определенную часть лексического фонда современного русского литературного языка. Эта часть лексического фонда нашего языка также основывается на СЛОВЕ как компоненте всего словокомплекса.

Вполне естественно, что подобные же сверхсловные номинанты мы достаточно часто встречаем и в языках, привлеченных нами для сопоставления с русским: англ. *World Peace Council* (*Всемирный Совет Мира*), *Security Council* (*Совет Безопасности*), *city council* (*муниципальный совет*), франц. *Légion Etrangère* (*Иностранный Легион*), *rhétorique générale* (*общая риторика* – лингвистический термин)[10], исп. (из автобиографии поэта Federico Garcia Lorca): «Desde el año 1918, que ingresé en la *Residencia de Estudiantes* de Madrid»[11].

В немецком языке – в связи с ярко выраженной в нем тенденцией к образованию **сложных по структуре, но однословных номинантов, номинантов – универбов** (напомним: unum verbum – «одно слово») сверхсловные единицы наименования встречаются в общем реже, чем в русском, английском, французском и испанском языках: так, например, научная терминология, обозначающая специфику речи молодежи, молодежный сленг, включает в свой состав целый ряд универбов: *Jugenddeutsch, Jugendjargon, Jugendslang, Halbstarkendeutsch, Jugendsprache* и только один сверхсловный номинант – *die Sprache der Teenager*.

К сверхсловным номинантам субстантивной структуры, рассмотренным нами выше, в какой-то мере приближаются сверхсловные номинанты глагольной структуры, часто имеющие в языках однословные эквиваленты: русск. *дать совет – посоветовать*, нем. (*einen*) *Rat geben – raten*, исп. *dar* (*un*) *consejo – aconsejar*, при этом и в испанском, и в немецком языках артикль может быть опущен, сравните сверхсловные конструкции с аналогичным глаголом в английском и французском языках: (to) *give information* – «сообщать сведения», *donner de directions* – «давать указания».

Однако в составе этих глагольно-именных конструкций глагольный компонент уже претерпевает семантическую трансформацию, утрачивая свое конкретное лексическое значение и передавая лишь обобщенную семантику действия, поэтому эти конструкции правильнее рассмотреть в специальной главе, посвященной проблемам **лексико-фразеологической переходности** (сравните: дать книгу – *дать совет*)[12].

---

[10] *Dubois J., Edeline F., Klinkenberg J.M., Minguet P., Pire F., Trinon H.* Rhétorique générale. – Paris, 1970.

[11] *Federico Garcia Lorca.* Prosa, Poesia, Teatro. – Moscú, 1979. P. 47.

[12] Прокопович Н. Н. Устойчивые словосочетания аналитической структуры в современном русском языке // Мысли о современном русском языке. – М., 1968.

Противопоставляя СЛОВО как основную единицу **номинации** (которая в ряде случаев может совмещаться и с **коннотацией**: *городок – городишко, домик – домишко*) СВЕРХСЛОВНЫМ НОМИНАНТАМ, отметим, что и между этими двумя категориями лексического состава языка имеется некоторая «переходная зона».

Она заполнена СЛОВАМИ, звуковые комплексы которых обладают значительной протяженностью и в устной речи проявляют тенденцию к несвойственной русскому языку двуударности: *грязеводолечебница, водохранилище*.

В эту же «переходную зону» можно включить сравнительно незначительные по количественному составу СОСТАВНЫЕ СЛОВА, называющие объекты (реалии, денотаты) с двойной функциональной направленностью и поэтому состоящие из двух изоморфных слову, т.е. по своей внешней форме подобных слову, единиц: *кресло-кровать, вагон-ресторан, диван-кровать, шкаф-купе, ясли-сад* (детский сад) и т.д.

Во французском и испанском языках имеются аналоги таких «двойных слов»: франц. *le divan-lit* («диван – кровать»), *le lit – cage* – «складная металлическая кровать» (франц. la cage – «клетка»), *la tente – abri* – «походная палатка» (la tente – «палатка», «шатер» , un abri – «кров, пристанище», «защита, навес», ср. с русск. *Плащ-палатка*), исп. *el sofa-cama* («диван-кровать»), *el vagon-restoran*.

В английском языке составное слово, состоящее из двух внешне изоморфных слову частей, очень активная словообразовательная модель: *a school-book* – «учебник», *a school-desk* – «школьная парта», *a school-house* – «здание школы» (обычно сельской) и т.д. Английские эквиваленты некоторых приведенных выше русских составных слов: *a bed-chair, a dining-car, a divan-bed, a tent-cape* (*«плащ-палатка»*).

Немецкие семантические соответствия русских составных слов («двойных» слов) представляют собой, как правило, сложные цельнооформленные слова с двумя словными ударениями – основным и второстепенным: *der ´Schlaf ˌsessel* (*«кресло-кровать»*), *der ´Speise ˌwagen* (*«вагон-ресторан»*), *die ´Zelt ˌbahn* (*«плащ–палатка»*).

Здесь следует отметить, что в некоторых типологически очень далеких от русского языках составные («двойные») слова играют в системе словообразования очень существенную роль: индонезийск. *anak sungai* (букв. «ребенок река») – «приток реки», *surat cabar* (букв. «письмо известие») – «газета»; вьет. *bō mẹ* (букв. «отец мать», ср. с русским просторечным составным словом *отец-мать* – «родители») – «родители», *đất nước* (букв. «земля вода») – «родина».

В дальнейших разделах главы будет рассматриваться только СЛОВО как **основная единица лексики.**

4. СЛОВО КАК ОБЪЕКТ ОНОМАСИОЛОГИИ

4.1. ОНОМАСИОЛОГИЯ КАК ОСОБЫЙ РАЗДЕЛ ЛЕКСИКОЛОГИИ, ЕГО СВЯЗЬ С СЕМИОТИКОЙ КАК НАУКОЙ О ЗНАКОВЫХ СИСТЕМАХ: ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ЗНАКЕ, ТИПОЛОГИЯ ЗНАКОВ, ЗНАКОВАЯ ПРИРОДА СЛОВА И ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СЛОВА КАК ЗНАКА

Одной из главных функций СЛОВА **как основной единицы лексики** является функция **номинативная.** Именно поэтому СЛОВО прежде всего следует рассмотреть как объект особого раздела лексикологии – **ономасиологии**, представляющей собой **общую теорию номинации** (от греч. onoma – «имя», onomadzo – «именую, называю» →«именовать, называть»).

Возвращаясь к вопросу о диалектическом объединении в слове его материальной и идеальной сущности, отметим, что именно материальная сущность слова (определенный **звуковой комплекс**) и воспринимается нами как **единица номинации (означающее)**, в то время как идеальная сущность слова есть некое **означаемое**: сад (сáт), (a) garden, (der) Garten, (le) jardin, (el) jardin – *«участок земли, засаженный деревьями, кустами, цветами»*. Следовательно, материальная часть слова выполняет функцию **знака**, имеющего вполне определенное **означаемое** (см. данное выше **лексическое значение** слов *сад, a garden, der Garten, le jardin, el jardin*). Но назвав слово ЗНАКОМ, мы тем самым показали и глубокую внутреннюю связь **ономасиологии** с другой, уже фактически не лингвистической, а философской наукой – **семиотикой**, наукой о различных знаковых системах и знаках как основных составляющих этих систем. Проблемы семиотики глубоко разработаны в современной науке[13]. Это позволяет нам увидеть определенные аналогии между **знаками других систем** и **словом как знаком в системе языка.**

Очевидно, мы должны теперь найти **определение знака,** удовлетворяющее специфике знака языкового и знаков других систем.

Известный ученый, исследователь эстетики, Ян Мукаржовский предлагает следующую дефиницию этого понятия: «Знак есть **чувственная реальность** (выделено мною. – *Ю.С.*), имеющая отношение к иной реальности, которую она должна вызывать»[14].

Знак как чувственная (т.е. материальная, воспринимаемая нашими органами чувств) реальность может вызывать какую-то другую реальность только в нашем сознании: в виде **наглядного представления** об этой реальности или в виде мыслительного содержания, обобщенного до уровня **понятия** о ней.

Красный свет светофора (**знак** из системы дорожных сигналов), действуя на наши органы зрения, вызывает в нашем сознании **понятие** о том, что переход закрыт, и **представление** о привычной для таких случаев ситуации: пешеходы стоят и ждут другого – противоположного по своей семантике (своему **означаемому**) **знака** – *зеленого света*.

---

[13] *Peirce C.S.* Collected papers of Charls Pierce.Cambridge, 1965 –1966; *Morris C.S.* Writings on the general theory of signs. Hague, 1971; Философия языка и семиотика. Иваново, 1995.

[14] *Мукаржовский Ян.* Исследования эстетики и теории искусства. – М., 1994. С. 192.

Итак, *красный свет и зеленый свет светофора* – это **знаки,** поскольку они вызывают в нашем сознании понятие и представление **о других реальностях** (переход закрыт! – переход открыт!), эти понятия и представления и составляют их **означаемое**, их идеальное содержание, которое, естественно, не является составной частью их материальных знаков.

Конечно, можно представить себе и другую ситуацию – ситуацию непосредственной соотнесенности **знака** с той **реальностью**, которую этот знак обозначает: в аэропорте, у турникета, служащий удостоверяет по фотографии в паспорте (знак!) идентичность его предъявителя с личностью будущего пассажира самолета (та, **вторая реальность,** которую **знак** – фотография обозначает!).

В настоящее время в семиотике разработана **типология знаков**, с нею мы должны познакомиться, чтобы в дальнейшем проводить какие-то аналогии между знаками других систем и **словом** как единицей языка, имеющей также **знаковую природу.**

По мнению Ч. Пирса[15], **знаки** могут быть классифицированы на основе особенностей их связи с **означаемым**: 1) **знаки иконические** (англ. an ikon – 1) икона, 2) эстамп, гравюра, иллюстрация, 3) уст. изображение, портрет), по своей материальной форме подобные означаемому (фотография → изображенная на ней личность, портрет → человек, изображенный на портрете);

2) **знаки индексальные**, связанные с означаемым причинно-следственными отношениями (*дым*, окутывающий дом, может свидетельствовать о *пожаре*, для безнадежно заблудившихся в глухой тайге путников *лай собак – знак* находящегося поблизости *жилья*);

3) знаки-**символы**, характеризуемые произвольностью, немотивированностью связи **знака** и **означаемого** (у древних греков: доска – знак-символ богини Геры, камень – знак-символ Эроса, бога любви).

На основании представленной типологии можно отметить, что связь **знака** и **означаемого** может быть как мотивированной (1. 2), так и произвольной (3).

Возвращаясь к проблеме знаковой природы слова, поставим теперь перед собой те вопросы, на которые следует прежде всего дать ответы:

1) **что** именно является в **СЛОВЕ знаком** – только его материальная оболочка или его материальная оболочка в единстве с идеальным содержанием (значением)?

2) какова в слове связь между его материальным звуковым комплексом и идеальным значением – **мотивированная** или **чисто произвольная** (как в знаках-**символах**)?

Если первый вопрос связан с семиотикой, то второй обращен уже непосредственно к общей теории номинации – **ономасиологии**. Сложность ответов на поставленные вопросы связана с тем, что они не имеют однозначных решений в современной лексикологии. Вполне естественно, что в поисках этих решений мы будем исходить прежде всего из разделяемых нами концепций.

Отвечая на первый вопрос, напомним, что **СЛОВО** – это **двусторонняя, билатеральная** (лат. bi – в словосложениях «двойной, двоякий», lateralis – «боковой, …сторонний») единица, объединяющая в себе материальный звуковой комплекс и идеальное значение. Но сам **словесный знак,** как и все **знаки вообще**, – это уже **односторонняя, т.е. монолатеральная, материальная сущность,** которая может быть воспринята нашим слухом или зрением (если слово представлено в графике). Такова концепция **монолатеральности словесного знака**, разделяемая в настоящее время многими лингвистами[16] и, в частности, авторами этой книги.

[15] *Peirce C.* Ibid…

Представители концепции **монолатеральности** языкового (словесного) знака, тем не менее, отграничивают его от знаков других систем, рассматриваемых семиотикой, считают его знаком особого типа. Этот знак может характеризоваться **многозначностью,** т.е. наличием не одного, а нескольких или даже многих **означаемых**. Вспомним все сказанное выше о многозначности таких словесных знаков, как русские звукокомплексы *идти, солнце,* английский звукокомплекс *small.* Французский звуковой комплекс *léger*(*-ère*) имеет 12 означаемых. Испанское прилагательное *extraño*(*-a*) как знак может иметь, по крайней мере, 8 означаемых, передаваемых семантикой русских слов *чужой, чуждый, странный, редкий, удивительный, небывалый, неслыханный.*

Знаки же других систем, как правило, однозначны: световые сигналы семафора, строго однозначные дорожные знаки, выражающие информацию: проезд закрыт! – осторожно: дети! – вблизи находится телефон-автомат!; черное платье или черный платок как знак траура по усопшему у народов европейского культурного ареала (у некоторых мусульманских народов знак траура – белая одежда). Знаки с несколькими означаемыми в других системах – явление довольно редкое (звук звонка как знак начала или конца занятий).

Помимо концепции **монолатеральности** словесного знака, широкое распространение имеет и концепция его **билатеральности (двусторонности)**[17].

С точки зрения представителей этой концепции словесный знак – двойная (билатеральная!) **материально-идеальная сущность,** включающая в свой состав как звуковой комплекс, так и его означаемое (или систему означаемых!).

Как единое целое эта материально-идеальная сущность соотносится с тем или иным объектом действительности (денотатом) или целым классом однородных денотатов: САД (САТ) – «участок земли, засаженный деревьями, кустами или цветами» → класс денотатов (объектов действительности), соответствующих данному выше означаемому (включенному в состав знака!) или каждый из этих денотатов в отдельности.

Поскольку мы не разделяем концепции **билатеральности** словесного знака, позволим себе сделать несколько замечаний по поводу самой этой концепции:

[16] *Панфилов В.З.* О гносеологических аспектах проблемы языкового знака // «Вопросы языкознания», № 2, 1977. С. 3–14; Солнцев В. М. Языковой знак и его свойства // «Вопросы языкознания», № 2, 1977. С. 15 –29.

[17] *Маслов Ю.С.*Введение в языкознание. М., 1975; *Степанов Ю.С.* Основы общего языкознания. – М.,1975; *Stepanova M.D., Černyševa I.I.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – M., 1975.

1) трактовка словесного знака как билатеральной сущности нарушает одно из важнейших правил формальной логики: видовые понятия (словесный знак, знаки определенных ритуалов, дорожные знаки и т.д.) должны соответствовать в своей сущности понятию родовому – **ЗНАК**; **ЗНАК**, согласно учению семиотики, **всегда монолатерален, материален**, однако согласно концепции **билатеральности словесного знака** последний, видимо, вообще должен быть выведен из системы знаков, поскольку признается одновременно и материальным, и идеальным;

2) денотат билатерального словесного знака можно достаточно легко представить себе, если такой билатеральный словесный знак направлен на какие-то конкретные реалии действительности или классы таких реалий (сад, река, озеро, гора, море и т. д.), но денотаты отвлеченных понятий типа *великодушие, милосердие, гуманность, сострадание* представить очень сложно, **лексические значения** подобных слов основываются прежде всего на достаточно определенном понятийном содержании (**сигнификате**), однако, согласно концепции билатеральности словесного знака, сигнификаты этих слов вводятся в состав знака, что же тогда такой знак может обозначать?

Высказанными выше положениями (1.2) мы заканчиваем наш ответ на 1-й вопрос. Ответ на второй вопрос будет подробно представлен в специальном разделе главы 1, посвященном исследованию взаимосвязи звукового комплекса слова с выражаемым им лексическим значением.

4.2. МОТИВИРОВАННОСТЬ И ИДИОМАТИЧНОСТЬ СЛОВА КАК ПРОБЛЕМА ОНОМАСИОЛОГИИ

Обращаясь теперь к **ономасиологии как общей теории номинации**, скажем сразу, что ономасиологическими исследованиями можно заниматься на основе обеих рассмотренных выше концепций словесного знака, т. к. наиболее актуальная проблема ономасиологии заключается в выявлении характера связи между **звуковым комплексом** (**материальной** сущностью слова) и **его означаемым** (**идеальной** стороной слова).

Ономасиология определяет, является ли такая связь чисто случайной, **произвольной, совершенно немотивированной, идиоматичной** (последний термин произведен от слова **идиома** – устойчивое сочетание слов, целостное значение которого не выводится из суммы значений составляющих его компонентов: *собаку съесть* (на чем-либо) – «приобрести значительный опыт (в каком – либо деле)») или, наоборот, не случайной, не произвольной, а **мотивированной** (тогда в самом отборе звуков, составляющих слово, и их последовательности так или иначе отражается сущность **означаемого, значения**).

В современной ономасиологии наиболее четко противопоставлены друг другу две концепции: концепция **немотивированности слова, произвольности** связи в его структуре звукового комплекса и закрепленного за ним значения **(концепция 1)** и концепция **мотивированности слова, непроизвольности** связи звукового комплекса и значения **(концепция 2).**

Концепция 1 очень широко представлена в современном языкознании. Она восходит, в частности, к трудам известного швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра[18].

«Так понятие «сестра» (т.е. «лицо женского пола по отношению к другим детям своих родителей». – *Ю.С.*) не связано никаким внутренним отношением с последовательностью звуков **S-OE:-R,** служащей во французском языке её означающим; оно могло бы быть выражено любым другим сочетанием звуков…» – утверждал Ф. де Соссюр[19].

Прежде чем приступать к анализу этого конкретного примера, послужившего для многих лингвистов доказательством **произвольности** связи звукового комплекса и значения в слове, выясним основные возможные направления такого анализа.

Анализ может производиться только в **синхронном аспекте**, т.е. только с учетом восприятия этой проблемы носителями различных **современных** языков. Покажет ли такой **синхронный** анализ **подлинную (исходную) природу** словесного знака, **изначально истинное** соотношение в слове его звукового комплекса и закрепленного за ним значения? Вряд ли… Скорее мы увидим здесь только последствия многовекового функционирования слова в системе того или иного языка (в нашем случае – французского).

Для того чтобы определить подлинный характер отношений словесного знака и его означаемого, необходимо совместить **синхронный** и **диахронический** аспекты анализа: исторический экскурс в далекое прошлое выбранного нами для анализа французского слова, конечно, в большей мере, чем анализ только синхронный, поможет определить подлинный характер этих отношений.

Тем не менее, мы не отказываемся полностью и от анализа **синхронного**. Подтверждает ли именно такой анализ совершенную произвольность связи звукового комплекса **S-OE:-R** с указанным выше значением «сестра»? Обратимся к данным близкородственных романских языков: франц. (la) sœur, итал. (la) sorella, румынск. soră (исп. la hermana восходит к другой корневой морфеме!). Данные близкородственных романских языков скорее говорят о том, что связь интересующего нас звукового комплекса и значения и во французском языке возникла не совершенно случайно. Об этом же фактически говорит и сопоставление французского слова с его семантическими эквивалентами в языках неблизкородственных. Славянские параллели: русск. сестра, укр. сестра, блр. сястра, болг. сестра, сербскохорв. сестра, польск. siostra, чешск. sestra, словацк. sestra. Германские параллели: англ. (a) sister, нем. (die) Schwester, шведск. syster(en), норв. søster, исл. systir.

Подведем некоторые итоги сопоставительного **синхронного** анализа слов со значением «сестра» в романских, германских и славянских языках, которые могут быть использованы и при переходе к анализу **диахроническому: 1)** в романских языках последовательно выделяется корневая морфема SOR (с некоторой трансформацией во французском

---

[18] *Соссюр де, Фердинанд.* Труды по языкознанию. – М., 1977.
[19] Указ. соч. С. 101.

языке: S-OE;-R), возможно, представляющая собой образование более древнего происхождения, знание её значения могло бы помочь нам восстановить **внутреннюю форму** романских слов, т.е. найти тот **признак (или группу признаков), который первоначально был положен в основу наименования денотата (реалии СЕСТРА); 2)** в германских и славянских языках указанная выше морфема подверглась, очевидно, более значительной трансформации: герм. S(T) – гласный звук – R или слав. STR (используем для обозначений только буквы латинского алфавита!), однако и в этих языках сохранились некоторые фонетические показатели указанной выше морфемы: S---R; **3)** в германских и славянских языках можно предположительно выделить фонетические комплексы, которые могут свидетельствовать и о другой древней морфеме: SE (слав. SE-; герм. SCHWE-,SI-,SY-), значение которой тоже, видимо, очень важно для понимания **внутренней формы** этих слов.

Предварительные обобщения снова свидетельствуют о том, что во французском языке, как и в других близкородственных и неблизкородственных для него языках, отбор звуков для выражения значения «лицо женского пола по отношению к другим детям своих родителей» был все-таки не случаен.

Перейдем теперь к **диахроническому анализу** интересующего нас термина родства. П.Я. Черных реконструирует для **общеславянского языка** слово +SE-SR-A, в составе которого выделяются две корневые морфемы, восходящие к **индоевропейскому языку**, т.е. общему языковому предку европейских языков: SE – «свой», SR (SOR) – «женщина»[20]. Такую же **внутреннюю форму** этого термина родства дают на основании анализа большого количества древних языков индоевропейской семьи Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов[21]: SUE – «свой», SOR-A – «женщина». Германский **этимолог** (специалист, занимающийся исследованием происхождения слов) Фридрих Клуге реконструирует также звуковой комплекс SUESOR со значением «своя женщина»[22].

Итак, в результате сопоставительного **синхронного и диахронического анализа** слов, выражающих в современных европейских языках понятие «сестра», мы реконструировали их **внутреннюю форму** – значение слова SUESOR в индоевропейском праязыке. В результате длительного функционирования во всех приведенных для сопоставления европейских языках слово из языка-первоисточника претерпело определенные фонетические изменения: так, еще в период **общеславянского и общегерманского языков** в звуковом комплексе SUESOR появился вставочный элемент – звук T[23]. Слово приобрело и семантические изме-

[20] *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.2, – М.,1993. С.159.

[21] *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы, часть 2.1. – Благовещенск, 1998. С.764.

[22] *Kluge Friedrich.* Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. – Berlin, New York, 1975. S. 693.

[23] Об этом см.: *Черных П.Я.* Указ. соч. С. 159; *Шанский Н. М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь. – М., 1971. С.408. Данные по общегерманскому языку: Kluge Friedrich Ibid. S.693.

нения, получив значение «лицо женского пола по отношению к другим детям своих родителей»: первоначальное (этимологическое) значение получило дальнейшую конкретизацию по семантическим признакам «ближайшее кровное родство» и «принадлежность к одному поколению с Ego (говорящим)».

Внутренняя форма слова и есть то логическое звено, которое помогает объединить в одно целое – **СЛОВО-звуковой комплекс** и закрепленное за ним **значение**; при этом **внутренняя форма слова** дает возможность установить **непроизвольность, мотивированность** связи материального и идеального в слове как единой сущности.

Возвращаясь к конкретному примеру Ф. де Соссюра (la)soeur – «сестра», отметим, что это понятие не могло быть передано во французском языке «любым другим сочетанием звуков». Возможно, что французское слово было сформировано на основе латинского soror с тем же значением (лат. soror восходит к so-sor, где первая морфема выражает притяжательное местоимение «своя», вторая – существительное «женщина», фонетическая трансформация латинского слова объясняется проявлением фонетического закона **ротацизма** – перехода звука s в интервокальном положении в звук r; французская лексикография фиксирует постепенные трансформации французского слова: seror – 1050 г., serur – 1080 г., позже – soeur[24]).

Наблюдения над некоторыми фонетическими сходствами слов – семантических эквивалентов в современных родственных языках (план синхронии) помогает иногда выявить тот общий принцип номинации денотата, который мог сложиться в далеком прошлом (план диахронии). Так, в названии лиственного дерева со светлым (белым) стволом в современных славянских и германских языках можно выявить некоторое сходство в последовательности звуков в составе корневой морфемы: русск. **берёза**, укр. **береза**, блр. **бяроза**, нем. (die) **Birke**, англ. (a) **birch**, швед. **Björk**(en), норв. **bjørk** (en), датск. **birk** (en), также в прибалтийских языках: литовск. **béržas**, латышск. **berzs**. Ученые-этимологи возводят эти звуковые сходства и подобия к индоевропейскому слову + bher – «белый, светлый»[25]. Название этого дерева связывается этимологически со словами древних языков: готск. bairhts – «ясный», индоевропейск. + bhereg – «нечто блестящее, светлое, белеющее».

Таким образом, *береза* как денотат (класс однородных денотатов) получила в различных языках свое название по цвету ствола как наиболее отличительному признаку (сравним с турецким названием этого дерева: akağaç – «белое дерево»: ак – «белый», ağaç – «дерево»).

Специальный историко-этимологический анализ помогает восстановить **внутреннюю форму** большинства слов различных языков. Поэтому вывод, к которому пришли, исследуя лексику современного французского языка, Н.Н. Лопатникова и Н.А. Мовшович, не кажется парадоксальным и по отношеннию к лексике других языков: «En principe tout mot est

[24] Le petit Robert. – Paris, 1972. P. 1659.

[25] *Черных П.Я.* Указ. соч. Т. 1. С. 85.

motivé à l' origine»[26] («В принципе каждое слово мотивировано в момент своего происхождения». – *Ю.С.*).

Возвращаясь к изложенным выше концепциям, которые определяют типы связи звукового комплекса и значения в слове, отметим, что **концепция 1** (о **произвольности** связи звукового комплекса и значения) не соответствует результатам **диахронического анализа** слов, а **концепция 2** (её традиции связаны ещё со знаменитыми Диалогами Платона и его размышлениями о словах) полностью подтверждает себя именно в этом же аспекте анализа. Мы занимаемся, однако, описанием лексики **современного** русского языка (в сопоставлении с лексикой английского, немецкого, французского и испанского языков), поэтому для нас более актуальным является ономасиологический анализ этой лексики в рамках её **современного состояния.** Вот почему необходима некоторая переоценка изложенных выше концепций.

Большая часть лексикологов и дериватологов (специалистов по словообразованию) склонна очень осторожно относиться к изложенным выше концепциям, совмещая их в своих изысканиях. Так, участники семинара, специально посвященного проблеме мотивированности слова в языках различных типов (Ленинград, 1969)[27], в большей своей части пришли к выводу, что в системах разных языков имеются как **мотивированные**, так и **немотивированные слова**, для последних в **синхронном** аспекте связь между звуковым комплексом и значением представляется чисто **произвольной.** К немотивированным относятся в различных языках чаще всего **однокорневые непроизводные слова**: русск. *лес* – «множество деревьев, растущих на большом пространстве», англ. (*a*) *wood,* (*a*) *forest* (лес бóльшего размера чем то, что обозначается словом *a wood*), франц. (*le*) *bois,* (*la*) *forêt*, исп. (*el*) *bosque,* (*la*) *selva* – «тропический лес» (сравните: латинск. *silva* – «лес»), нем. (*der*) *Wald*.

Однокорневые непроизводные слова, видимо, быстрее, чем слова других морфологических типов, утрачивают свою связь с **внутренней формой** и в связи с этим приобретают свойство **идиоматичности, т.е. невыводимости целого из совокупности составляющих его элементов:** значение «множество деревьев, растущих на большом пространстве» никак не может быть выведено из совокупности звуков (л'-э–с), подобно тому, как этого также нельзя достигнуть, сопоставляя приведенные выше иноязычные звуковые комплексы с выражаемыми ими тождественными значениями.

При **диахроническом** же анализе как русского, так и иноязычных слов, обозначающих класс денотатов ЛЕС, их **внутренняя форма** может быть восстановлена, например: *лес* → общеслав. *lěsa, lěsčina* – «орешник», далее, видимо, развитие слова шло по линии семантической генерализации: «лиственная поросль» → (вообще) «обширная лиственная поросль» → «лес» (см. указ. выше значение)[28].

---

[26] *Lopatnikova N.N., Movchovitch N. A.* Lexicologie du français moderne. – Moscou, 1971. P. 25.

[27] Материалы семинара по проблеме мотивированности языкового знака. Л.,1969.

[28] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1993. С. 476.

Но **диахронический анализ**, выявляя подлинную природу словесного знака, вместе с тем не всегда отражает восприятие его носителями современных языков.

Немотивированным, идиоматичным словам в любом языке противопоставляются слова **мотивированные,** значение которых в той или иной степени определяется соответствующей последовательностью звуков. Одной из наиболее актуальных проблем ономасиологии является проблема **типологии мотивированности слов**, т.е. выявления **различных типов этой мотивированности.**

Предлагаемая нами типология мотивированности слов важна именно для ономасиологии как общей теории наименования: выявляя наиболее распространенные, по сути дела, **универсальные** типы этой мотивированности, мы в значительной степени типологически **обобщаем** языковой материал, не занимаясь подробно различными типами и подтипами словообразовательных структур, что характерно, например, для исследований ученых-дериватологов[29].

На самом верхнем уровне противопоставления типов мотивированности слова выделяются две её основные разновидности: **прямая (непосредственная) мотивированность слова – непрямая (опосредованная) мотивированность слова**.

Прямая (непосредственная) мотивированность слова предполагает возможность определения его значения **непосредственно и прямо** на основе соответствующей последовательности звуков, составляющих материальную его основу, без обращения к грамматической структуре языка, без знания его лексической структуры. Этот тип мотивированности в ономасиологии часто называется **ономатопеей** (греч.**onoma** – «имя», topadzo – «догадываться, предполагать»).

Возможность **догадаться** о смысле **имени (слова)** часто бывает связана с так называемым **звукоподражанием** – специальным подборов звуков, отражающих формы восприятия человеком тех или иных объектов действительности (чаще всего на звукоподражаниях построены названия различных птиц или животных, издающих весьма характерные звуки).

Так, даже не зная перечисляемых ниже языков, можно догадаться о том, что приводимые на этих языках слова обозначают птицу, которая в восприятии русских издает характерный звук «ку – ку!» (восприятие этого звука другими народами не всегда адекватно русскому!): турецк. kuku, татар. küki, мордовск. kuk'u, эстонск. kuk'o, венг. (a)kakkuk, хауса kukku, узбек. какку, казах. кökек. Перед нами яркие примеры **прямой (непосредственной) мотивированности** слова.

С таким же типом мотивированности мы встречаемся и во всех языках регулярного сопоставления: англ. (a) cuckoo, нем. (der) Kuckuck, франц. (le) coucou, исп. (el) cuco, (el) cuclillo.

Название этой птицы в русском языке, как и в ряде других славянских, помимо звукоподражательного комплекса, включает в свой состав и специальные морфемы (суффиксы, флексии), что требует уже некоторого

---

[29] *Ширшов И.А.* Типы словообразовательной мотивированности. Филологические науки. 1995. № 1. С.41–55.

знакомства со словообразовательными структурами этих языков: русск. кукушка, польск. kukułka, чешск. kukačka, болг. кукувица. Славянские названия птицы представляют собой уже **переходный тип** мотивированности слова: от **прямой (непосредственной)** к **непрямой (опосредованной):** необходимо знать общеязыковую семантику суффиксальных морфем и правильно квалифицировать финальную морфему как флексию имени существительного женского рода.

В качестве дополнительных примеров слов с **прямой мотивированностью** дадим несколько разноязычных зоонимов (названий животных) и орнитонимов (названий птиц): китайск. мао – «кошка», вьет. mèo – «кошка», венг. (a) kakas (ко'каш) – «петух», англ.(a) crow, нем. (die) Krähe – «ворона», франц. (la) grue – «журавль» (у русских журавль *курлыкает*).

Разноязычный характер примеров свидетельствует о возможной **универсальности** прямой (непосредственной) мотивированности слова. Продемонстрирован он был исключительно именами существительными, однако некоторые аналогии данного типа мотивированности слова возможны и в других частях речи.

Е.С.Копорская подробно анализирует особый разряд слов современного русского языка, включающий звукоподражания, условно воспроизводящие различные звуки, существующие в природе: *бам, бах, бац, бряк, бултых, бум, бух, динь, динь-динь, ...хрусть, хрясть, чик, чирк, чирк-чирк, чмок, шарк и т.д.* (всего, по подсчетам исследователя, этот разряд слов состоит из нескольких десятков единиц)[30]. По своей семантике, выражающей чаще всего действие интенсивное и неожиданное, этот разряд слов сближается с **глаголами** и квалифицируется автором статьи как **звукоподражательные глаголы.**

Слова подобного типа характерны и для других языков, во всяком случае, для всех языков регулярного сопоставленя: русск. *бах! бух!* – *англ. bang! boom!* – *нем. bumm! peng! plumps!* – *франц. pan! bing! patatras!* (*о падении*) – *исп. pum! cataplum!* (*о падении*); *русск. трах!* – *англ. bang!* – *нем. krach!* – *франц. patatras!* – *исп. paf! pum! cataplum!* В языках регулярного сопоставления эти слова причисляются к **междометиям.**

Предполагаемая **универсальность** мотивированности 1-го типа не исключает значительной сложности при определении значений слов, в особенности в языках с очень сложными фонетическими системами (китайский, вьетнамский). Сопоставляя, например, фонетический строй русского языка с китайским, можно – исходя из восприятия фонетического строя китайского языка русскими! – предположить, что один гласный звук китайского языка может быть произнесен с 4-мя различными тональностями. Интересно, что только слово мао – «кошка» (ровная тональность) будет характеризоваться звукоподражанием, слова с другими типами тональностей: máo – «мех, шерсть, волосы» и его омоним máo – «копье» **ономатопеей** не обладают.

---

[30] *Копорская Е.С.* Семантическая природа звукоподражательных слов и их словарное представление // Филологический сборник. – М., 1995. С. 245–254.

Русские слова *бухнуть* (из ружья) и *бухнуться* (кому-либо в ноги) характеризуются уже переходным типом мотивированности: звукоподражание, характерное для этих слов, совмещается здесь с типичной структурой глагольного слова, в составе которого суффикс -ну- выражает семантику интенсивного неожиданного действия – признак мотивированности 2-го типа! – **непрямой (опосредованной) мотивированности**.

2-й тип мотивированности слова (**непрямая опосредованная мотивированность**) отличается от 1-го типа тем, что лексическое значение того или иного слова может быть мотивировано не прямо и непосредственно на основе соответствующего звукового комплекса, а только **опосредованно**: в результате сопоставления всей последовательности звуков с моделями грамматического построения слов в данном языке и особенностями лексического наполнения этих моделей.

Указанная выше необходимость обращения к грамматической и лексической системе того или иного языка является общей особенностью **двух подтипов** мотивированности 2-го типа: 1) мотивированность слова на основе **особенностей его морфологической структуры (2. 1);** 2) мотивированность слова на основе **образного осмысления семантического взаимодействия составляющих его морфологических частей (2. 2).**

2.1. Слово *река* – «естественный водный поток значительных размеров от истока до устья» воспринимается в современном русском языке как слово с чисто **произвольной** связью звукового комплекса и значения, т.е. как слово уже **идиоматичное.** Но слова *речка и речонка* при рассмотрении особенностей морфологической структуры каждого из них идиоматичными быть признаны не могут: 1) владея русским языком, мы связываем значения этих слов прежде всего со значением производящего слова *река* (см. выше); 2) семантическая специфика словообразовательных суффиксов -к- и -онк-, характерная для системы русского языка, несколько трансформирует значение производящего слова как в сигнификативном (понятийном), так и в предметно-вещественном (денотативном) отношении: *речка и речонка* – это «естественный водный поток незначительных размеров от истока до устья» (сравнить: нем. das Flüsschen, исп. el riachuelo (от el rio – «река»); 3) суффикс -онк- вносит в слово *речонка* и особое коннотативное содержание – выражение негативного, уничижительного отношения к объекту.

К подтипу 2.1 могут быть отнесены и сложные слова, включающие в свой состав две и более корневых морфемы: *скалолаз, водолаз, луноход, леспромхоз,* и слова составные: *диван-кровать, плащ-палатка* (см. выше иноязычные эквиваленты этих слов). В пределах этого же подтипа выделяется общая для всех сопоставляемых языков словообразовательная модель «учить, обучать» → «учитель» → «учительница» (семантика отдельных компонентов модели будет для некоторых языков уточнена!):

1) русск. **уч -и** (словообразовательный суффикс инфинитива) –ть → **уч**-итель (суффикс с семантикой деятеля – **агенса**, обычно ассоциируемый с лицом **мужского пола**) – «лицо мужского пола, на основании профессиональной подготовки занимающееся обучением учащихся в школе»→**уч** –и-тельниц (суффикс с семантикой лица – агенса женского пола)-а (флексия с семантикой женского рода, передающая в существительных, обозначающих

лицо, сему «женский пол») – «лицо женского пола, на основании профессиональной подготовки занимающееся обучением учащихся в школе»;

2) англ. (to) **teach** – «учить, обучать» → (a) **teach** -er (суффикс лица-агенса, в связи с отсутствием в системе английского имени существительного категории рода не передающий семантического признака пола, для специального разграничения по признаку пола может быть использована другая словообразовательная модель: **a schoolmaster –a schoolmistress)** –« учитель/учительница»;

3) нем. **lehr** -e (словообразовательный суффикс инфинитива)-n – «учить, обучать» →(der) **Lehr** -er (суффикс лица – агенса, обычно ассоциируемый с лицом мужского пола) – «учитель» → (die) **Lehr** -er -in (суффикс лица – агенса женского пола) – «учительница»;

4) франц. **institu** -er- «формировать, образовывать», но также с XVI – XVII веков и «обучать» (=«instruire») → (un) **institu** – teur – «учитель начальных классов» → (une) **institu** –trice – «учительница начальных классов»;

5) исп. **maestre-** ar- «обучать» → (el) **maestr** -o (флексия, указывающая на принадлежность лица – агенса к мужскому полу) – «учитель» (часто также «учитель начальных классов») → (la) **maestr** -a (флексия, указывающая на принадлежность лица-агенса к женскому полу» – «учительница» (часто также «учительница начальных классов»).

Приведенная выше межъязыковая словообразовательная модель имеет прямое отношение к популярной в настоящее время **гендерной лингвистике (от англ. a gender – «категория рода»),** которая занимается исследованием отражения в сфере различных языков общественной ценности лиц в зависимости от их пола, а также выявлением на лингвистическом уровне социально-культурных причин межполовых различий[31].

Наш материал наглядно показывает, что все наименования лиц женского пола мотивируются на основе слов производящих – наименований лиц мужского пола – и присоединяемых к ним специальных морфологических показателей семы «женский пол»: особых суффиксов (русск. яз., нем. яз., франц. яз.), специальных флексий (русск. яз, исп. яз.). Эта своеобразная лингвистическая закономерность имеет свое экстралингвистическое (внеязыковое) объяснение: в XVIII и XIX веках (время формирования литературных языков в интересующих нас странах) привилегией получать образование и давать его другим пользовались прежде всего мужчины.

2.2. Подтип **непрямой (опосредованной) мотивированности** слов, основанный на **образном осмыслении семантического взаимодействия корневых морфем.** Этот подтип непрямой (опосредованной) мотивированности слова можно короче назвать **мотивированностью образно-семантической**.

Образно-семантическая мотивированность реализуется всегда в сложных словах, включающих в свой состав две корневые морфемы. В русском языке подтип образно-семантической мотивированности слова представлен довольно большим количеством лексических единиц: *молокосос* – «очень юный, не имеющий никакого жизненного опыта человек»

[31] *Кирилина А.В.* О применении понятия *гендер* в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3. С.18 –28.

(коннотация включает негативную оценку и эмоциональную тональность уничижительно-пренебрежительного отношения к характеризуемому лицу), *кровосос, кровопийца* – «жестокий, совершенно бессердечный человек, обычно живущий за счет эксплуатации других» (резко негативная характеристика!), *сорви-голова* – «отчаянный озорник» (чаще негативная характеристика), *головорез* – «бандит, хулиган», в смягченном варианте значения – «отчаянный озорник»:

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, *головорез,*
Приятель задушевный!

(А.С.Пушкин о товарище по лицею Иване Малиновском, 1814 г.),

белоручка (редкий случай образной характеристики, построенной на синекдохе) – «человек, избегающий грязной работы, вообще физического труда» (сравнить с полным образно-семантическим эквивалентом чешского языка: *běloručka*). Всего, по нашим данным, в русском языке имеется более 50 слов такого структурного типа[32].

Не менее интересны слова такого же структурного типа в языках регулярного сопоставления: нем. (*das*) *Elefantenküken* (букв. «слоновий цыпленок», в немецком языке это одно сложное слово, состоящее из двух корневых морфем, – «очень высокий, худой, нескладный подросток», чаще о мальчиках), (*der*) *Erbsenzähler* (букв. «считатель горошин») – «скряга, жадина», (*das*) *Ehekreuz* (букв. «брачный крест») – «злая и сварливая жена»; англ. (*a*) *chicken-heart* (букв. «цыплячье сердце») – «трус», (*a*) *sweetheart* (букв. «приятное, милое сердце») – «любимая, дорогая», (*a*) *wallflower* (букв. «настенный цветок») – «девушка, никем не приглашенная на танец»; франц. (*le*) *coupe-jarret* (букв. «наносящий удар по подколенной впадине») – «головорез, хулиган»; (*le*) *bec-jaune* (букв. «клюв – желтый») – «молокосос, человек, не имеющий никакого жизненного опыта»; в испанском языке зафиксировано очень интересное слово *arrancapinos* (от arrancar – «вырывать с корнем», los pinos – «сосны», букв. «вырывающий с корнем сосны»), это слово является в испанском языке иронически переосмысленной метафорой – «маленький и обычно тщедушный человек»[33].

Уникальность слов рассмотренного выше типа заключается в том, что их **первичное** и чаще всего единственное значение уже воспринимается как **обобщенно-переносное**, поскольку представляет собой **семантический результат образного осмысления смыслового взаимодействия двух корневых морфем.** Это обстоятельство и сближает слова такого типа с **фразеологизмами:** они, видимо, частично заполняют зону переходных между **словом** и **фразеологизмом** языковых единиц.

Близость этих слов к фразеологизмам подчеркивается даже и образным сходством некоторых из них с фразеологическими оборотами: *молокосос* –

[32] *Солодуб Ю.П.* Языковые единицы со статусом лексико-фразеологической переходности // Семантика языковых единиц. Доклады 6-й Международной конференции. Т.1. – М., 1998. С. 290–293.

[33] *Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. – М., 1958. С. 128. *Ермакова О.П.* Об иронии и метафоре // Облик слова. – М.,1997. С.56.

(у кого-либо) *материно молоко на губах не обсохло* (см. введение), *кровопийца – пить* (*чью-либо*) *кровь* – «жестоко относиться (к кому-либо), причиняя мучения, страдания», *губошлеп* – «человек, не умеющий ясно и четко излагать свои мысли» – *губами шлепать* – «очень неясно и нечетко излагать свои мысли».

Сопоставляя обе разновидности **непрямой (опосредованной) мотивированности слова (2.1 и 2.2),** следует отметить, что на практике их не всегда можно легко разграничить, поскольку **семантическое взаимодействие морфем**, составляющих **слово,** может вызывать у носителей языка и определенные **образные ассоциации.**

Рассмотрим высказанное выше положение на примере ономасиологического анализа названия самого первого весеннего цветка (русск. *подснежник*). Анализ будет проведен по следующему плану: название цветка – буквальный перевод названия и его образная интерпретация – анализ внутренней формы слова с выявлением признаков, первоначально положенных в основу названия – определение типов мотивированности. Ономасиологический анализ: 1) русск. *подснежник* – метонимический образ: связь по временной смежности с таянием снега – 1) время появления: ранняя весна, 2) способ появления (цветок появляется как бы из-под снега) – 2.1 и 2.2;

2) англ.(*a*) *snowdrop* – «снежная капля»: метафорическое изображение размеров и цвета цветка – 1) время появления (таяние снега), 2) размер цветка – «капля…», цвет (белый: snow…) – 2.2;

3) нем. (*das*) *Schneeglöckchen* – «снежный колокольчик»: метафорическое изображение формы, размера и цвета цветка – 1) форма цветка – «колокольчик», 2) размер цветка, 3) цвет (der Schnee – «снег…») – 2.2;

4) франц. (*le*) *perce-neige* – «проходящий сквозь снег, прокалывающий снег»; метонимический образ: временная связь появления цветка с таянием снега – 1) время появления, 2) способ появления – 2.1 и 2.2;

5) исп. (*la*) *campanilla blanca* – «белый колокольчик»: метафорическое изображение формы цветка – 1) форма цветка , 2) цвет – 2.1 и 2.2;

6) венг. (*a*) *hovirag* (хýвирáг) – «снежный цветок»: метонимическое указание на время появления и метафорическое изображение его цвета – 2.1 и 2.2;

7) турецк. *kardelen* (кáрдэлэн) – «прокалывающий, пронзающий снег»: метонимическое изображение времени и способа появления цветка – 2.1 и 2.2.

4.3. ИДИОМАТИЧНОСТЬ И МОТИВИРОВАННОСТЬ КАК ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ, НО НЕ ВЗАИМОИСКЛЮЧАЮЩИЕ СВОЙСТВА СЛОВА

До настоящего времени еще не сделано подсчетов о соотношении идиоматичных и мотивированных слов в лексиконе того или иного языка. Такое соотношение, видимо, нельзя получить даже с использованием новейшей компьютерной техники: **идиоматичность и мотивированность – это противоположные,** но не **взаимоисключающие свойства слова.** Эти свойства могут сосуществовать в пределах одного слова. Как мы в дальнейшем увидим, было бы вообще правильнее говорить о той или иной степени мотивированности или идиоматичности слова.

Вернемся к только что проанализированным нами названиям первого весеннего цветка в различных языках. При всей прозрачности внутренней формы, явном использовании обеих разновидностей непрямой (опосредованной) мотивированности русское слово все-таки хранит в себе и некоторую долю идиоматичности: ни одна из его морфем не выражает семантического содержания «цветок». В связи с этим производные номинативные значения слова могут быть очень далеки от представлений об этом поэтическом цветке: 1) «сезонный рабочий, появляющийся только весной», 2) спец. юридич. «труп, обнаруженный весной в связи с таянием снега».

Используя принцип того же семантического «контроля», мы можем сказать, что и все иноязычные названия цветка, кроме венгерского, тоже в какой-то степени идиоматичны по той же именно причине. Однако ни в одном из слов связь звукового комплекса со значением не осознается как совершенно произвольная. Все эти слова в гораздо большей степени являются **мотивированными,** чем **идиоматичными.**

То же самое можно сказать об именах существительных, входящих в рассмотренную нами межъязыковую словообразовательную модель «учить, обучать» → «учитель» → «учительница»: ни в одном из них набором специальных звуков (специальной морфемой) не представлена сема «имеющий / ая профессиональное образование» (при семантизации слов: «на основе профессиональной подготовки»). Возможно, отсутствие формального выражения именно этой семы способствовало появлению в русском языке у слова *учитель* вторичного переносного коннотированного значения (2, К! – «человек, который учит чему-либо полезному, нужному, доброму»: *Учитель!* Перед именем твоим//Позволь смиренно преклонить колени! (Н.А. Некрасов).

Однако и эти слова в гораздо большей мере являются мотивированными, чем идиоматичными, доля их идиоматичности очень незначительна, т.к. сама принадлежность лиц к указанной профессии уже предполагает наличие необходимой специальной подготовки.

В словах *водолаз и скалолаз* В. Я. Мыркин видит идиоматичность в формальной невыраженности в структуре этих слов способов передвижения человека: *под* водой, но *по* скалам, *на* скалы[34]. Однако внутренняя форма обоих слов является очень прозрачной, их морфологическая структура достаточно ясно мотивирует значения.

Наиболее распространенным подтипом непрямой (опосредованной) мотивированности слова является подтип 2.1 (мотивированность слова по его морфологической структуре).

Подтип 2.2 (образно-семантическая мотивированность слова) встречается гораздо реже. Слова, характеризуемые этим типом **мотивированности** (русск. *головорез, губошлеп, белоручка,* нем. (*das*) *Elefantenküken,* англ. (*a*) *chicken-heart,* франц. (*le*) *coupe-jarret,* исп. *arrancapinos* и т.д.), являются одновременно и **идиоматичными**: **мотивированность** их опирается на яркие **образы,** наглядные представления (*головорез* якобы

[34] *Мыркин В.Я.* Лексическая система – «картина мира» ? // Семантика слова, образа, текста. – Архангельск, 1995. С.36.

режет кому-то головы, *кровопийца* якобы в действительности пьет чужую кровь, *молокосос* якобы все ещё питается молоком матери… *arrancapinos* якобы с корнем вырывает сосны), **идиоматичность** слов такого типа проявляется в том, что их **целостное обобщенно-переносное значение** не выводится из суммы значений составляющих их корневых морфем (*молокосос* – «очень юный, не имеющий никакого жизненного опыта человек», но он все же уже давно не сосет материнскую грудь, *chicken-heart* – «трус», но сердце у него все-таки не цыплячье, а обычное человеческое). Наличие в русском языке и языках регулярного сопоставления довольно большого количества слов с **образно-семантической мотивированностью** и явно выраженной **идиоматичностью** ещё раз убеждает в том, что указанные выше свойства слова, являясь, в сущности, противоположными, в то же время не могут рассматриваться как взаимоисключающие.

Вновь возвращаясь к ещё не решенной ни на одном из языков проблеме количественного соотношения мотивированных и идиоматичных слов, мы теперь видим, что сама постановка такой проблемы не вполне корректна, поскольку одно и то же слово может быть и идиоматичным, и мотивированным.

Тем не менее, обратимся на материале русского языка к некоторым данным словаря А.Н. Тихонова[35]. Немотивированное для носителей современного русского языка слово *вода* становится источником мотивированности по типу 2 (подтип 2.1) для 349 слов (это слова с одной корневой морфемой: *водица, водичка, водяной, водный, водянистый …*и слова, в составе которых корневая морфема *вод-*, вступая в семантическое взаимодействие с другими корневыми морфемами, создает возможность их мотивированности: *маловодный, полноводный, половодье, водолечебница, грязеводолечебница, водомер, водолаз, водокачка и т.д*[36]. Немотивированное слово *глаз* является источником мотивированности 110 слов: *глазик, глазок, глазастый, глазеть …синеглазый, синеглазка, кареглазый, черноглазый, шустроглазый, ясноглазый*[37].

Эти подсчеты позволяют сделать предварительный вывод: мотивированных слов в русском языке достаточно много, их количественное соотношение со словами немотивированными (идиоматичными) не позволяет говорить о том, что связь звукового комплекса и значения всегда или почти всегда произвольна. Такого вывода не сделал в свое время и Ф. де Соссюр на материале французского и немецкого языков: наряду со словом (la) sœur он рассматривал такие пары слов, как (la) pomme – (le) pommier (яблоко – яблоня), (la) poire – (le) poirier (груша – дерево груши), называя вторые слова в этих парах относительно мотивированными, немецкое слово (das) Handwerk (ремесло) он также признает относительно мотивированным, сопоставляя его со словами (die) Hand (рука, ср. с русским устаревшим словом *рукомесло*) и (das) Werk (дело). На материале английского языка он выявляет возможность частичной мотивированности слова по его грамматической форме: ships «корабли» своей формой напоминает весь ряд: flags, birds, books[38].

[35] *Тихонов А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т.1, 2. – М., 1985.
[36] *Тихонов А.Н.* Указ. соч. С. 180 –182.
[37] *Тихонов А.Н.* Указ. соч. С. 221, 222.

Все сказанное нами выше о мотивированности и идиоматичности слова не позволяет нам разделить мнения тех ученых, которые фактически абсолютизируют только 2-е свойство, считая его едва ли не категориальным признаком слова[39].

4.4. ФОНОСЕМАНТИКА И ПРОБЛЕМА МОТИВИРОВАННОСТИ / /ИДИОМАТИЧНОСТИ СЛОВА

Заканчивая очень сложный по своему содержанию раздел книги, в котором мы должны были представить свойства слова как **знака особого типа (семиотика)** и свойства слова как **единицы номинации** (часто и **коннотированной номинации**) объектов действительности (**ономасиология**), мы не можем обойти молчанием той не совсем традиционной, но весьма распространенной в современной ономасиологии концепции, которая достаточно однозначно утверждает, что любое слово не только на диахроническом, но и на синхронном уровне анализа всегда является словом мотивированным.

Такой взгляд на вещи соответствует, как было отмечено выше, **концепции 2 (концепции мотивированности словесного знака)**, однако здесь правильнее говорить об особом варианте этой концепции, опирающемся на принципиально иное понимание такого термина, как **фонема,** с её формами реализации в речи в качестве **звуков и аллофонов** (конкретных реализаций звуков в индивидуальной речи).

Достаточно традиционной и полностью разделяемой нами концепцией фонемы является понимание её как **монолатеральной** лингвистической единицы, имеющей только свое **материальное выражение** (звук, аллофон) и не имеющей своего **значения**, т.е. стороны **идеальной**[40].

Однако в настоящее время существует и имеет свои очень давние традиции (Платон, Лейбниц, Ломоносов, Джон-Леббок и др.) и другая концепция фонемы, рассматривающая её как **билатеральную** единицу, имеющую как свою **материальную** (конкретный звук, выражающий данную фонему в речи), так и **идеальную (значение** данной фонемы) стороны. Согласно этой концепции звуки речи всегда содержательны сами по себе и этой их содержательности и соответствует **значение** состоящих из них слов. Таким образом, значения слов всегда мотивированы содержанием их звукового состава. К категории мотивированных следует тогда отнести и непроизводные, первоосновные слова (*гора, море, сад, лес и т.д.*), при этом они мотивируются именно в синхронном аспекте на основе семантики входящих в их состав фонем. Один из наиболее из-

[38] Соссюр де, Фердинанд. Указ. соч. С.164.
[39] См., например, определение слова, предложенное в 1973 г. известным российским лексикологом Д. Н. Шмелевым: «Слово – это единица наименования, характеризующаяся цельнооформленностью (фонетической и грамматической) и идиоматичностью». (*Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. С. 65.)
[40] О понятии **фонема** см.: Лингвистический энциклопедический словарь. – М.,1990. С. 552–554.

вестных представителей этой концепции в России проф. А.П. Журавлев предлагает следующую мотивацию слов *белка* и *барс* на основе семантики составляющих их фонем: *белка – быстрый, легкий, безопасный, яркий, подвижный; барс – большой, мужественный, активный, сильный, быстрый, могучий*[41].

В своей монографии, само название которой – **«Фонетическое значение»** – уже достаточно четко отражает концепцию её автора, А.П. Журавлев предлагает описание символического значения звуков современного русского языка в 25 признаковых шкалах, при этом каждая пара признаков составляет фактически антонимическую пару: хороший– плохой, большой–маленький, нежный–грубый и т. д. Многие из этих признаков носят явно антропоцентрический, т. е. ориентированный в большей степени на качественную оценку человека, характер: женственный–мужественный, храбрый–трусливый, могучий–хилый; некоторые из них по отношению к звукам речи воспринимаются как метафорические эпитеты, уподобляющие сферу звуковых характеристик речи другим понятийно-вещественным сферам: горячий–холодный, светлый–темный.

Все звуки русского языка расписаны по пятибалльной системе оценок с возможными дробными показателями: 2, 8; 3, 5; 1, 6; 4, 8 и т. д., показатель в виде балла соотносится с тем членом антонимического ряда, к которому он в числовом отношении ближе (до 2,5 к 1-му члену антонимического ряда *хороший, нежный, женственный, светлый…*, после 2, 5 – ко 2-му, соответственно: *плохой, грубый, мужественный, темный*).

Символические значения звуков русского языка выявлены на основе многочисленных экспериментов в специальных фонетических лабораториях, на основе специальных тестов и анкет. Не имея возможности представить всю систему символических значений русских звуков (экспонентов–выразителей–соответствующих фонем), дадим лишь несколько конкретных примеров: хороший–плохой: а –1, 5; и –1, 7; с –3, 6; с' –3, 8; э –2, 0; р–2, 9; р' –2, 6; большой–маленький: а –1, 8; и –3, 2; с –3, 5; с'–3, 8; э –1, 8; р –2, 1; р' –3, 4; нежный–грубый: а –2, 8; и –1, 8; с –3, 2; с'–2, 0; э –3 ,4; р–4, 6; р' –3, 2; светлый–темный: а –2, 2; и – 2, 0; с –2,5; с'–2, 4; э –2, 5; р –3, 8; р' –2 ,9; храбрый–трусливый: а –1, 8; и –2, 9; с –4, 0; с'–4, 5; э –2, 2; р –1, 4; р' – 2, 5[42].

Над символической семантикой звуков различных языков размышляли многие ученые, жившие задолго до автора книги «Фонетическое значение». Ещё Платон отметил у древнегреческого звука Р способность выражать идею разрушения, разрыва: tragein – «крушить», ereikein – «рвать», croyein – «дробить»[43]. Это наблюдение тем более интересно, что, в отличие от современного русского звука (р), древнегреческий звук Р был очень сильным вибрантом. Германский философ Лейбниц видел в звуке **(r)** возможность передавать сильные движения и вызываемый ими шум. К этому выводу он пришел, наблюдая символическое значение звука в разных ев-

[41] *Журавлев А.П.* Фонетическое значение. – Л., 1974. С. 131.
[42] *Журавлев А.П.* Указ. соч. С. 80 –88.
[43] *Платон.* Сочинения в трех томах. Т.1. – М., 1968. С. 471–473.

ропейских языках: нем. (der) Riss – «разрыв», латинск. rumpo-rumpĕre – «рвать», франц. arracher –«вырывать, выдирать», он же отмечал особую мягкость европейского звука **(l)**, который может обозначать «тихое движение»: нем. leben – «жить», lind – «мягкий, кроткий»[44]. С. Джон-Леббок на материале английского языка доказывал, что от восклицания «фи!» (fie!) ведут свое начало многие слова этого языка с общей негативной семантикой: (a) fiend (fi:nd) – «неприятель», (a) foe (fou) – «враг», (a) feud (fju:d) – «вражда», faul (fo:l) – «нечистый, скверный, гнусный»[45].

В 1933 году появляется очень интересное в плане развития фоносемантики исследование американского лингвиста Л. Блумфилда «Language»[46].

Этот ученый, погружаясь в звуковую магию слова, предлагает свою разгадку её тайны: по его мнению, значения закреплены в языке не за отдельными звуками, а за некоторыми сочетаниями звуков. В английском языке он выделяет несколько звукосочетаний, наделенных определенной семантикой: **fl** выражает идею быстрого движения (to flap – «махать», to flip – «слегка ударить», to flop – «хлопнуться, плюхнуться», to flitter – «порхать»), звукосочетанию **gl** приписывается значение «гореть, сверкать, блестеть» (to glare – «ослепительно сверкать», to glitter – «блестеть, сверкать», to glow – «накаляться», to glimmer – «мерцать»), звукосочетание **sl** символизирует нечто неприятное – грязную жидкость, грязь, слизь (a slew – «болото, трясина, заводь», a slime – 1) «ил, муть, наносы», 2) «слизь», a slob – ирландск. «липкая грязь», америк. «рыхлый снег», a slobber – «слюна, слюни»). Мы сопоставили наблюдения Л. Блумфилда с материалами близкородственными английскому немецкого и шведского языков и в некоторых случаях получили фактически аналогичные результаты: нем. fliegen – «лететь», fliehen – «спасаться бегством», flattern – «порхать», швед. (att) flykta – «бежать, спасаться бегством», (att) flyga – «летать», (att) fly – «бежать, спасаться бегством»; нем. glänzen – «блестеть», glühen – «накаляться», glimmen – «мерцать», швед. (att) glittra – «блестеть, сиять», (att) glimma – «блестеть, мерцать», (att) glänsa – «блестеть, сиять»; нем. (der) Schleim – «слизь, мокрота», schleimig – «слизистый» (примеры единичны, само звукосочетание несколько трансформировано!). Проведенное сопоставление позволяет предполагать, что первоисточником выделенных Л.Блумфилдом сочетаний является, видимо, общегерманский язык. Внутреннюю форму приведенных выше слов можно было бы обнаружить с помощью специального диахронического анализа. В современном английском, как и в немецком и шведском языках, мы находим слишком много отступлений от предложенной Л. Блумфилдом семантической систематики звукосочетаний **fl, gl, sl**. На это положение в свое время обращала внимание и И.В. Арнольд: «There are many words, for exemple, containing the initial **fl** – but not associated with quick or any other movement and even indicating just the contrary: flat, floor, flour»[47].

[44] *Погодин А.Л.* Язык как творчество. – Харьков, 1913. С. 393.
[45] Цитируется по указ. соч. А.Л. Погодина. С.465.
[46] *Bloomfield L.* Language. New York. 1933.
[47] *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка. – М.,1973. С.29.

Наблюдения подобного характера, свидетельствующие о значительном количестве отступлений от описанных Л. Блумфилдом семантико-фонетических ассоциаций, сделаны и нами на материале английского, немецкого и шведского языков. Приведем некоторые примеры только на материале английского языка: (a) flame – «пламя», (a) flare – «яркий, неровный свет, сверкание, вспышка», (to) flare – «гореть ярким пламенем» (все приведенные выше слова по своей семантике соотносятся с группой слов с начальным звукосочетанием **gl**), (a) flash – «лужа, болотистое место» (семантика группы слов с начальным **sl!**), (a) flesh – «тело, мясо, плоть», flimsy – «хрупкий, непрочный», (a) glove – «перчатка», (a) globe – «шар», (to) glide – «скользить, двигаться плавно» (семантика слов с начальным звукосочетанием **fl**), (a) gleet – «липкая, скользкая грязь» (семантика слов с начальным звукосочетанием **sl**), (a) slap – «шлепок», (to) sleep – «спать», (to) slay – «убивать, умерщвлять», slight – «изящный, хрупкий, тонкий», (to) slide – «скользить, двигаться плавно» (ближе по семантике к словам с начальным звукосочетанием **fl**).

На основании приведенных выше примеров становится совершенно ясно, что Л. Блумфилду не удалось обнаружить каких-либо семантико-фонетических универсалий английского языка. Это скорее всего только некоторые не лишенные интереса наблюдения в области фоносемантики. Точно так же могут быть квалифицированы и приведенные выше высказывания Платона, Лейбница, Джона-Леббока. Тем не менее, теория фоносемантики продолжает интересовать современных лингвистов, в настоящее время она представлена не только работами А.П. Журавлева[48].

Перед нами, безусловно, заслуживающая внимания концепция, утверждающая возможность синхронной мотивированности слов любого структурного типа, в том числе и непроизводных. Что нам мешает её принять?

Мы не можем согласиться с тем, что фонема (и её конкретные звуковые экспоненты) может быть признана **билатеральной языковой единицей**: фонема сама по себе (**а, ф, б, л', т', э** и т.д.) **ничего не обозначает и поэтому полностью лишена номинативной функции, необходимой для каждого слова** (даже междометия, выполняющие в основном **коннотативную функцию**, реализуют и функцию **номинативную** на основе закрепленного за ними определенного понятийного содержания и денотативной связи с определенной ситуацией: *увы!* – всегда выражает разочарование, *ах* – слово полиэмоциональное, способное выразить широчайшую гамму переживаний)[49].

Именно это основное возражение позволяет нам не менять наших позиций в лингвистике и в ономасиологии, в частности. Тем не менее, мы считаем невозможным не познакомить молодых, начинающих лингвистов с этой интересной теорией, отражающей прежде всего неиндиффе-

[48] *Peterfalvi J.-M.* Recherches expérimentales sur le symbolisme phonétique. – P., 1970. *Левицкий В.В.* Семантика и фонетика. – Черновцы, 1973. *Воронин С.В.* Основы фоносемантики. – Л.,1982.

[49] *Леонтьева Е.А.* Эмоционально-оценочные возможности междометных фразеологических единиц в современном русском языке: Автореферат дисс. на соискание ученой степени канд. филологич. наук. – М., 2000.

рентное, часто явно эмоциональное отношение людей как к фонетической системе родного языка, так и изучаемых иностранных языков. Однако «семантика» звука во многом определяется лексической семантикой слова, в котором этот звук употреблен: звук (л') мы легко воспринимаем как символический выразитель любви и нежности в словах *любить, лелеять*, но никогда не воспримем его носителем той же семантики в словах *леший, лень, ленивый, льстивый*.

Очень заманчива процедура семантизации слов на основе их фонетического состава (см. выше: *белка, барс*), но не является ли здесь сам набор признаков простым отражением жизненного опыта людей, хорошо представляющих себе и белку, и барса? Не мог ли и здесь проявить себя эффект «бумеранга»: к фонетической семантизации слова человек шел от его лексического значения, от своего жизненного опыта?

Вместе с тем сама теория фоносемантики представляется нам исключительно ценной в ином совершенно аспекте – в аспекте актуализации эмоционального восприятия слов родного и иностранного языков, в аспекте актуализации эстетической функции звукового облика слова при лингвостилистическом и лингвопоэтическом анализе текстов.

В стихотворении А.А. Ахматовой «Смуглый отрок бродил по аллеям…» (октябрь 1911 г. – столетие со дня открытия Лицея) звуковые образы, связанные с мыслью о бессмертии поэта-лицеиста, построены на мягких переливах сонорных звуков, соединенных узким гласным переднего ряда (**э**): аллеям---лелеем, мысль о постоянном присутствии мальчика Пушкина в осенних садах Царского Села имеет также свое звуковое решение – неоднократно повторяющийся звук **(ш)** как бы воспроизводит шум его удаляющихся шагов: еле слышный **шелест шагов**…

Систематика звуков русского языка, разработанная А.П. Журавлевым, воспринимается как метафорическая их характеристика, направленная прежде всего на эмоциональное восприятие самих звуков. Как иначе можно понять утверждение, что звук **(а)** на 2,7 единицы **храбрее** звука **(с')**, а звук **(р)** на 2,4 единицы **более могуч**, чем звук **(и)**? Наше неиндифферентное, в целом эмоционально-оценочное отношение к звукам родного языка отражается в выборе имен для детей, в делении имен русского **ономастикона** (собрания собственных имен) на «красивые» и «некрасивые», «благозвучные» и «неблагозвучные», «приятные» и «неприятные» (подобное же деление может быть, конечно, распространено и на иностранные имена). Дело в том, что русский ономастикон в своей основной части восходит к именам древнееврейского, древнегреческого и латинского языков, поэтому внутренние формы русских имен в большинстве случаев утрачены, не осознаются носителями современного русского языка, с подобным же явлением мы сталкиваемся и в языках иностранных: русск. Иван, англ. John, франц. Jean, нем. Johann, исп. Juan (из древнеевр. yohanaan – «бог милует»), русск. Елизавета, англ. Elisabeth, франц. Elisabeth (из др.-евр.ĕl-í-šeba – «бог мой – клятва»), степень утраты внутренней формы имени может быть не одинаковой в различных языках: русск Петр, англ. Peter, нем. Peter характеризуются полной утратой внутренней формы (из греч. Petros – «камень», ср. с англ. (a) stone, нем. (der) Stein), но во французском и испанском языках внутренняя

форма имени все-таки в какой-то степени просматривается при сопоставлении имени со звучанием соответствующего слова: франц. Pierre (сравните: la pierre), исп. Pedro (сравните: la piedra – «камень, скала»). При утрате внутренней формы имена подбираются только по «благозвучию», «красоте» созвучий (могут действовать, конечно, и какие-то другие факторы: принятая в семье традиция передачи имени от поколения к поколению и т.д.).

Эмоционально-оценочное восприятие имен очень индивидуально: предложите аудитории в 100 или 200 человек написать любимое мужское и любимое женское имя – вряд ли вы получите хотя бы 2 абсолютно идентичных ответа! Иногда имя приобретает неожиданную популярность благодаря приятному звучанию не основного (официального) своего варианта, а варианта уменьшительно-ласкательного. Видимо, это и способствовало широте распространения в последние два десятилетия имени *Дарья*, которое на протяжении всего XIX века и части XX считалось простонародным и грубым (типа имен Матрена и Акулина): неофициальные, уменьшительно-ласкательные варианты имени *Даша, Дашенька* звучат мягко и приятно.

При всей индивидуальности эмоционально-оценочного отношения к именам, в их употреблении иногда возникают и какие-то общенациональные традиции. В.А. Никонов в книге «Имя и общество» отмечает, например, увлечение некоторых тюркоязычных народов заимствованными именами, содержащими сонорные звуки: Эльмира, Эльвира, Лилия, Алла, Альберт (последнее имя было в 1967 году в Казани 4-м по частотности употребления, «потеснив» даже татарские имена с созвучием сонорных: Равиль, Ренат) [50]. В 60–70-е годы XX века некоторые представители тюркоязычных народов предпочитали красивые иноязычные созвучия своим собственным именам, очень часто, кстати, сохранявшим совершенно прозрачные внутренние формы: Саодат – «счастье» (узб. женск. имя), Бактыбек – «богатый счастьем» (киргизск. муж. имя), Гёзал – «прекрасная» (азербайдж. и туркменск. женск. имена)[51].

Темы рефератов к разделам 1, 2, 3, 4, главы I

1. Слово как основная единица лексики, возможность универсального определения слова (реферат по книге Д.Н. Шмелева. Проблемы семантического анализа лексики. Глава «Проблема определения слова», М.,1973; также анализ статей «Слово» и «Словоформа» по «Лингвистическому энциклопедическому словарю (ЛЭС)», М.,1990).

2. Универсальное определение слова и проблема определения слова в системе русского языка, структура русского слова (его недвуударность и непроницаемость) в сопоставлении со структурой слова в английском (немецком, французском, испанском) языке: сопоставительный анализ

[50] *Никонов В.А.* Имя и общество. – М.,1974. С.113.
[51] *Никонов В.А.* Указ. соч. С.99.

русского слова в оригинале художественного произведения (2–3 страницы по выбору студентов) и в его переводе.

3. Слово и «слово» (по выбору студентов: на материале поэзии русского футуризма, ранней – до 1918 г. – поэзии В.В. Маяковского, поэзии В. Хлебникова, с возможным привлечением перевода выбранного для анализа произведения на иностранный язык).

4. Маргинальные (периферийные) единицы лексики в их соотношении со словом (по выбору студентов: составление словаря полиморфемных слов русского языка и определение их тонической структуры – системы ударений, составление словаря составных слов, составление словаря сверхсловных номинантов русского языка; в любом случае словарь должен включать не менее 30 языковых единиц; источники исследования: БАС, МАС, Словарь Ожегова–Шведовой, русский материал должен быть представлен в полном или частичном переводе на изучаемый иностранный язык).

5. Лексема как слово в системе языка: русские лексемы *море, река, гора, светлый, темный, черный, белый, тихий, видеть, читать* в сопоставлении с семантически наиболее близкими лексемами английского (немецкого, французского, испанского) языка. Лексемы на обоих языках демонстрируются во всех возможных словоформах и лексических значениях. Каждый студент описывает в реферате только одну лексему русского языка, количество иноязычных лексем определяется возможностями перевода всех значений русской лексемы на иностранный язык. Для реферата используются указанные выше лексикографические источники русского языка и двуязычные словари. Набор лексем может быть, естественно, изменен.

6. Ономатопея в современном русском и современном английском (немецком, французском, испанском) языке. Материал данного учебника сопоставляется с материалом описания ономатопеи в учебниках по лексикологии английского (немецкого, французского, испанского) языков. Составляются словарики звукоподражательных слов. Исследуется использование ономатопеи в русской и иноязычной художественной литературе (произведения для анализа подбираются по выбору студентов).

7. Мотивированность русского слова по морфологической структуре и способы перевода таких слов на изучаемый иностранный язык (отбор материала по БАС, МАС и двуязычным словарям).

8. Образно-семантическая мотивированность русских слов и способы их перевода на иностранный язык, образно-семантическая мотивированность слов в изучаемом иностранном языке и проблема их перевода на русский язык (для выборки слов используются данные БАС, МАС, двуязычных словарей и одноязычных толковых словарей изучаемого иностранного языка).

9. Слова с образно-семантической мотивированностью в художественных произведениях (напр., в ранних рассказах А. П. Чехова, стихотворениях Саши Черного, рассказах Тэффи и т.д.), их эмоционально-оценочная роль в художественном произведении и проблема их перевода на иностранный язык.

10. Идиоматичность и мотивированность как взаимодополняющие категории, характеризующие слово в русском и иностранных языках (подбор материала по указанным выше лексикографическим источникам).

11. Фоносемантика и проблема идиоматичности / мотивированности слова. Реферирование книги С.В. Воронина «Основы фоносемантики». Л., 1982.

12. Звукопись в русской поэзии (анализ «Опытов по эвфонии (евфонии)» В. Брюсова. Звукопись в поэзии В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, А.А. Фета, Ф.И. Тютчева, звукопись в творчестве поэтов Серебряного века (для реферата достаточно исследования звукописи в творчестве только одного поэта, выбранного по желанию студента).

5. СЛОВО КАК ОБЪЕКТ СЕМАСИОЛОГИИ

5.1. СЕМАСИОЛОГИЯ КАК ОСОБЫЙ РАЗДЕЛ ЛЕКСИКОЛОГИИ

Семасиология – особый раздел лексикологии, исследующий как семантическую структуру отдельного слова (см. выше: анализ семантической структуры лексемы *солнце*), **так и семантическую структуру всей лексической системы того или иного языка.** Термин восходит к древнегреческому слову semaino – «обозначаю, обозначать». Семасиология и изучает прежде всего то, что обозначает то или иное слово, т.е. его лексическое значение (ЛЗ).

Однако, как уже было сказано выше, от значения одного слова семасиология в конце концов приходит к исследованию всей семантической структуры лексики того или иного языка.

Это постоянное и постепенное расширение объекта исследования семасиологии предполагает, что материал раздела 5 будет далее излагаться в следующей последовательности: 5.2) понятие о лексическом значении слова (в сопоставлении с его грамматическим значением), лексическое значение слова как многокомпонентная структура, анализ компонентов этой структуры в их взаимосвязи и взаимодействии; 5.3) типология лексических значений слова (слово как единица языка часто имеет не одно, а несколько значений, это и обуславливает необходимость изучения различных типов лексического значения слова); 5.4) семантическая структура слова как проявление взаимосвязи и взаимодействия различных его значений, проблема семантического тождества слова; 5.5) семантическая структура всего лексического состава языка и основные формы её организации: лексико-семантические группы (ЛСГ) и лексико-семантические поля (ЛСП).

5.2. ПОНЯТИЕ О ЛЕКСИЧЕСКОМ ЗНАЧЕНИИ СЛОВА, ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ КАК МНОГОКОМПОНЕНТНАЯ СТРУКТУРА

Лексическое значение слова, т.е. социально закрепленное за ним как определенным комплексом звуков его индивидуальное содержание, представляет собой, по мнению ряда лингвистов[52], некое семантическое целое, состоящее, однако, из взаимосвязанных и взаимообусловленных частей, или компонентов.

---

[52] *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969; М.Д. Степанова и И.И. Чернышева выделяют в лексическом и фразеологическом значениях сигнификативный, денотативный, коннотативный, социальный и структурный аспекты: *Stepanova M.D., Černyševa I.I.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – M., 1975. S. 212.

Прежде чем рассматривать компоненты лексического значения в их взаимосвязи и взаимообусловленности, мы должны представить себе само это значение как некое семантическое целое, связанное в системе языка с вполне определенным комплексом звуков. Это семантическое целое, как уже было отмечено выше, носит индивидуальный характер и именно благодаря этому обстоятельству позволяет различать в системе языка слова, обозначающие объекты действительности, очень близкие в предметно-вещественном (онтологическом) отношении: 1) пруд – «искусственный водоем незначительных размеров, замкнутый в берегах» – 2) озеро – «естественный водоём значительных размеров, замкнутый в берегах» (сравнить также в языках сопоставления: англ. (a) pond – (a) lake, нем. (der) Teich – (der) See, франц. (un) étang – (le) lac, исп. (el) estanque – (el) lago).

Само словосочетание «лексическое значение слова» ни в коей мере не является тавтологическим, поскольку у слова, как известно, кроме лексического, есть еще и грамматическое значение. Но если **лексическое значение слова**, благодаря своему **индивидуальному** содержанию, позволяет уже на уровне словарных дефиниций разграничить онтологически близкие единицы лексикона (см. приведенные выше примеры), то **значение грамматическое является результатом предельной генерализации** целой серии индивидуальных содержаний различных слов вплоть до выделения в этих содержаниях семантических признаков, позволяющих произвести классификацию этих слов по категориям предметности, признака–качества, действия–состояния, признака признака (*постоянно* веселый) или признака действия–состояния (*хорошо* учиться, *часто* грустить). На основе общности слов по одной из выше перечисленных семантико-грамматических категорий (предметность, признак–качество и т.д.) в однотипные классы (части речи) могут объединяться онтологически очень далекие лексические единицы (в русском языке на основе категории предметности объединены в класс имен существительных следующие, например, слова: *любовь* – «чувство глубокой привязанности», *ёж* – «небольшой зверек, спина и бока которого покрыты острыми иглами», *вечер* – «время суток от окончания дня до наступления ночи»).

Лексическое значение в связи с индивидуализированным характером своего содержания позволяет осознать каждое слово как отдельный, имеющий свою специфическую значимость компонент всей лексико-семантической системы языка. Если слово многозначно, то каждый его отдельный лексико-семантический вариант (1) *море* – «естественный водоём с горько-соленой водой, имеющий огромные размеры», 2) *море* (*чего-л.*) – «очень большое количество чего-л., чаще о предметах, способных составить единую массу: *море* слез, *море* крови… *море* огней, *море* цветов…) представляет собой отдельный компонент лексико-семантической структуры языка.

Слова-синонимы, т.е. слова с предельно близкими, но не тождественными значениями (!), представляют собой, как подробно будет показано ниже (раздел 5.5), в диалектическом единстве материального звукового комплекса и закрепленного за ним значения также отдельные, характери-

зуемые спецификой своей семантики компоненты всей лексико-семантической системы языка.

Итак, мы рассмотрели в сопоставлении и противопоставлении лексическое и грамматическое значения слова. Объектом нашего исследования является только **лексическое значение (ЛЗ).**

О каких **компонентах** этого значения следует говорить? Ведь уже в самом начале раздела, посвященного **лексическому значению**, было отмечено, что оно представляет собой **многокомпонентную структуру.**

Уже во введении вы познакомились с понятием о **семе** как минимальной, далее неделимой в составе того или иного лексического значения семантической единице. **Семы являются минимальными, конечными семантическими составляющими лексического значения, его элементами**[53]. В составе уже рассмотренных нами лексических значений слов *пруд и озеро* можно выделить общие, объединяющие эти значения семы (**интегральные семы!**): «водоем», «замкнутый в берегах»; можно выделить и семы, помогающие разграничить ЛЗ этих слов (**дифференциальные семы**): «естественное происхождение», «значительные размеры» (→ *озеро*), «искусственное происхождение», «незначительные размеры» (→ *пруд*). Более подробно на семном анализе лексических значений слов мы остановимся несколько позже, рассматривая системные связи слов во всей лексико-семантической системе языка. На данном этапе отметим только еще раз, что семы могут рассматриваться как составляющие ЛЗ семантические единицы, его **элементы.**

В термин **компонент ЛЗ** мы вкладываем иное содержание: **компонент ЛЗ** – это **способ отражения действительности в ЛЗ слова, конкретная форма этого отражения. Различные** способы отражения действительности, вступая во взаимодействие друг с другом, и создают **многокомпонентную структуру ЛЗ слова.** Какие же **компоненты** составляют **многокомпонентную** структуру ЛЗ?

1. Лексическое значение любого слова, отражая наиболее существенные свойства, признаки того или иного объекта действительности, всегда основывается на определенном **понятии (сигнификате).**

Понятие (сигнификат), лежащее в основе того или иного лексического значения, обычно и является основой его семантизации в словаре: озеро, (a) lake, (der) See, (le) lac, (el) lago – «естественный водоем значительных размеров, замкнутый в берегах».

Понятийная основа лексического значения просматривается в словах самых различных частей речи: *белый* – «цвета снега», *бежать* – «быстро передвигаться, с силой отталкиваясь от поверхности ногами» (бежать можно не только по земле, но и по палубе парохода, по мосту и т.д.), *плохо* – «в полном несоответствии с определенными требованиями». Обычно наличие понятийного содержания не усматривается в междометиях. Но лингвисты, семантизирующие слова этого типа, не замечают, что также опираются на свойственные ЛЗ этих слов понятийные содержания: *брр*

[53] *Задорожный М.И.* Общие принципы компонентного анализа // Вопросы русистики. – Орехово-Зуево, 2000. С. 68.

может выражать дрожь от холода и от брезгливости, *фу* – чувство отвращения и осуждение[54].

Итак, **1-й компонент ЛЗ – это компонент сигнификативный, отражающий то понятийное содержание, на основе которого данное ЛЗ сформировано.**

2. В ЛЗ слова всегда отражается в виде наглядных субъективно-объективных представлений о **денотатах** (объектах действительности), обозначаемых этим словом, его предметно-вещественная – **денотативная** – отнесенность. Так, звукокомплекс ГОРА вызывает в сознании носителей русского языка не только сигнификативное содержание «возвышенность значительных размеров», но **и конкретное представление о данной реалии**, дающее возможность отличить её от онтологически близкой реалии ХОЛМ (ср. также с сигнификативно-денотативными параллелями в сопоставляемых языках: англ. (a) mountain – (a) hill, нем. (der) Berg – (der) Hügel, франц. (la) montagne – (la) colline, исп. (la) montaña, (el) monte – (la) colina) .

Приведенные выше примеры показывают, что термин **денотат** может обнаруживать свою двойственную сущность: он может обозначать и конкретный предмет действительности, и обобщеннное представление о нем или целом классе однородных предметов (класс предметов, объединяемых названием ГОРА, или класс предметов, обозначаемых названием ХОЛМ). **Денотативный же компонент ЛЗ, т.е. компонент, в котором реализуется предметно-вещественная отнесенность слова, сущность, безусловно, идеальная.**

Объективно-субъективное представление, лежащее в основе **денотативного компонента ЛЗ**, опирается на объективированные сознанием наиболее существенные признаки денотата и на какие–то этнически типизированные и даже совершенно индивидуализированные его признаки: жители средней полосы России и жители Тибета представляют себе названный выше денотат совершенно по-разному; некто Н., реагируя на звукокомплекс ГОРА, представляет себе гористые берега родной реки, некто М. – покрытые вечными снегами горы Кавказа. Объективная основа всех субъективных, достаточно индивидуалированных вариантов представления заключается, однако, в том, что каждый все-таки представляет себе именно ГОРУ, а не ХОЛМ.

Термин **денотат** (=объект действительности) понимается нами очень широко: это не только предмет в собственном смысле слова или представление о данном предмете, а также целом классе однородных предметов, но и любой фрагмент действительности и представление о нем.

Это реальные **признаки** тех или иных предметов (С. Есенин: «Май мой – **синий,** июнь – **голубой…**»), это их **действия и состояния** (М.Цветаева: «Колокола **звонят** в тени…» А.С. Пушкин: « Я вас **любил**…»), это **признаки**, характеризующие эти действия и состояния (М.Ю. Лермонтов: «**Печально** я гляжу на наше поколенье…»). Наконец, это и конструкты человеческой фантазии, вызывающие в нашем сознании достаточно определенные представления (А.С. Пушкин: « **…русалка** на ветвях сидит…»).

[54] *Бурукина О.* Коннотативное поле в переводе // Мир перевода. 1999. № 2. С. 40.

Даже междометия – при всей яркости эмоциональной стороны и оценочности их значений! – имеют свои **денотаты** – те типизированные жизненные ситуации, с которыми связано в нашем сознании их употребление: **увы** – как эмоционально-оценочный выразитель глубокого разочарования в сложившейся ситуации, **цыц!** – как яркий эмоциональный сигнал о необходимости немедленно прекратить нежелательные высказывания.

1–2. Взаимодействие сигнификативного компонента (С) и денотативного компонента (Д) в ЛЗ слова

В структуре ЛЗ его С и Д функционируют в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности: ЛЗ возникает только на стадии понятийного обобщения фактов действительности, которое, в свою очередь, зависит от степени четкости осознания носителями языка денотативной направленности слова; исчезновение какого-либо класса реалий в течение некоторого времени компенсируется тем, что сигнификативное (понятийное) содержание слова определяет и его денотативную направленность (историзмы типа: *стрелец* – «военный служилый человек из особого постоянного войска в Русском государстве XVI–XVII вв., *пепиньерка* – «воспитанница института благородных девиц, оставленная после окончания основного курса для обучения в особом педагогическом классе» – быт дореволюционной России). Со временем, однако, полная затемненность денотативной отнесенности слова приводит и к полной утрате его сигнификативного содержания (так появляются слова – **некротизмы**, т.е. уже «умершие слова», русского языка: *будара, выкомуры, крипта, чемарка...и т.д.*).

Несмотря на теснейшую взаимосвязь и взаимообусловленность С и Д в структуре ЛЗ, соотношение этих компонентов в значениях слов различных семантических типов может быть, конечно, также весьма различным: в ЛЗ с конкретно-предметной семантикой явно превалирует Д (*дом, река, лес, луг...лисица, корова, лошадь, курица...грабли, вилы, лопата и т.д.*), между тем в ЛЗ отвлеченных имен существительных явно доминирует С (*милосердие* – «готовность помочь кому-либо или простить кого-л. из сострадания, человеколюбия», *равнодушие* – «безразличное, безучастное отношение к окружающему, происходящему»).

Роль и соотношение С и Д в ЛЗ далеко не всегда определяется тем, относится ли слово к семантическому классу предметных имен или к классу так называемых имен признаков, или предикатов (глаголы и имена прилагательные)[55].

Думается, что в ЛЗ глаголов, обозначающих конкретные действия: *читать, писать, рисовать, плавать, бежать* и т. д., а также в ЛЗ прилагательных, обозначающих достаточно конкретизированные признаки, воспринимаемые на основе свойств некоторых предметов-эталонов (*красный* – «цвета крови», *белый* – «цвета снега», *голубой* – «цвета незабудки»…*холодный* – «имеющий низкую температуру», подобно льду, снегу, *горячий* – «имеющий высокую температуру», подобно раскаленному на огне предмету), роль Д более значительна, чем роль С.

[55] *Степанов Ю.С.* Имена. Предикаты. Предложения. – М., 1981. С. 115.

Наличие в ЛЗ компонентов С и Д позволяет слову выполнять одну из основных его функций – функцию **номинации**: слово как звуковой комплекс является одновременно **номинантом** закрепленного за ним понятийного содержания и определенных реалий и фрагментов действительности, на которые распространяется его денотативная отнесенность.

3. Уже во введении было отмечено, что **номинативная функция** часто сочетается в слове с **функцией коннотативной**: слово может не только **называть денотаты** (в том широком понимании термина, которое уже было объяснено выше!), но и выражать **их эмоциональную оценку**: *домик* – это не только «дом очень небольших размеров», это «дом очень небольших размеров, по отношению к которому говорящий испытывает какие-то добрые, теплые чувства, выражая при этом позитивную оценку самого денотата» (в стихотворении «Домики старой Москвы» М. Цветаева с глубокой любовью описывает постепенно исчезающие *домики* старой Москвы, составлявшие когда-то «славу прабабушек томных»). Слово, как вам уже хорошо известно, может выполнять не только **номинативную,** но и **коннотативную функцию**.

Сам термин **коннотация** происходит от латинского слова **connotāre**, букв. «соозначать», т.е. означать нечто, уже находящееся за пределами сигнификативно-денотативного содержания слов – **сложное содержание эмоциональных тональностей и оценок, которые также могут входить в состав ЛЗ**.

Итак, **3-й компонент ЛЗ – компонент коннотативный (К).** Коннотативный компонент ЛЗ является наиболее сложным, сложность его связана прежде всего с тем, что, в отличие от С и Д, он имеет **иерархическую структуру.** Иерархическая структура этого компонента достаточно четко просматривается уже в определениях тех языковых категорий, на основе которых формируется **коннотация.** Коннотация – «добавочные семантические или стилистические оттенки, которые накладываются на основное значение слова и служат для выражения **эмоционально-экспрессивной** окраски, придавая высказыванию тон торжественности, непринужденности, фамильярности и т.п.»[56]. Итак, **коннотативность** слова связана не только с его **эмоционально-оценочными**, но и **экспрессивными** возможностями. **Экспрессия** же – «это **образность,** наглядность, яркость мыслительного содержания речи»[57]. **Экспрессивность** (выразительность) слова – это как раз то качество, которое способствует проявлению его **эмоционально-оценочного потенциала.**

Сложная взаимосвязь и взаимообусловленность выделенных выше языковых категорий (коннотативность ← эмоциональность и оценочность ← экспрессивность ← образность) отражает иерархическую структуру коннотативного компонента лексического значения слова.

Категория коннотативности опирается прежде всего на эмоционально-оценочные возможности слова. Однако для их реализации необходимо, чтобы слово воспринималось как экспрессивная лингвистическая едини-

[56] *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь–справочник лингвистических терминов. – М., 1985. С. 111.

[57] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. – М., 1969. С. 203, 204.

ца: оно должно быть с помощью каких-либо языковых средств специально **выделено** на фоне других, лишенных экспрессивности слов (сравните: русск. поэт – поэт**ишк**а, нем. (der) Dichter – (der) Dichter**ling,** англ. (a) poet – (a) poet**aster,** исп. (el) poeta – (el) poet**astro,** франц. (le) poéte – (le) rimailleur, от франц. (la) rime – «рифма» + суффикс со значением агенса, ср. с русск. *рифмач*). Почти во всех приведенных нами примерах экспрессивность слова создается на основе семантического взаимодействия корневой морфемы с суффиксом агенса, выражающим презрительно-пренебрежительное отношение к лицу.

В сопоставляемых нами языках имеется много других языковых средств для создания **экспрессем** (экспрессивных слов).

Достаточно часто таким средством является специфика самой **фонетической организации слова,** его **звуковой образ:** нежными переливами мягких боковых сонантов (л'), соединенных узким звуком переднего ряда (э), глагол *лелеять* прекрасно передает свою семантику «нежно беречь»; в лексико-семантической группе (ЛСГ) терминов родства словам, выполняющим чаще всего собственно номинативную функцию (русск. *мать, отец, дочь, сын*), могут быть противопоставлены **экспрессивно-стилистические синонимы** с богатым диапазоном мелиоративной (положительной) эмоциональной тональности и постоянной позитивной оценкой: русск. мать – мама, мамочка, мамуся, мамуленька, англ. mother – mum, mummy, mom, mommy, mam, mammy, нем. Mutter – Mutti, Mamá, франц. mère – maman, исп. madre – mama, mamita, madrecita .

В создании этих экспрессивно-стилистических синонимов большую роль сыграли как уменьшительно-ласкательные суффиксальные средства (русский и испанский языки), так и другие формы создания экспрессем (усечение корневой морфемы слова с добавлением уменьшительно-ласкательного суффикса: нем. яз., редупликация первых двух звуков термина родства: русск. яз., исп. яз., редупликация только первого звука: франц., нем. Mamá). Перечисленные выше способы создания экспрессем в разной мере свойственны сопоставляемым языкам. Русский язык, например, очень богат суффиксами эмоциональной оценки в отличие от английского. Сравните следующие стихи С.Есенина с их английским переводом:

Темна ноч**еньк**а, не спится, …… Dark night, I cannot sleep,
Выйду к реч**ке**, на луж**ок**……..But walk to the river meadow[58].

В последние два десятилетия англисты отмечают, однако, значительную интенсификацию в английском языке суффиксов эмоциональной оценки: «Для выражения отрицательной оценки используются суффиксы – ard, – ster /aster, – eer: drunkard, oldster, poetaster, black–marketeer. В последнее время появились особые суффиксы для выражения презрительного отношения к предмету речи: – o ,-eroo / –aroo / –roo / –oo; –ino / –erino / –arino: oldo, jackeroo, pockerino и т. д .[59]

Гораздо шире, чем создание экспрессем на основе специфической суффиксации, распространена в самых различных языках система нейтральных и экспрессивно-стилистических синонимов: русск. *говорить – болтать,* укр. *говорити, мовляти – базікати,* польск. mówić – gadać, англ. (to) speak, (to) say – (to) chatter, нем. sprechen, sagen – schwatzen, норв. (å) snakke – (å) sludre, франц. parler, dire – bavarder, исп. hablar – charlar, итал. parlare – ciarlare, венг. beszélni – fecsegni, csevegni, турецк. bahsetmek – saçmalamak, хауса fada – tsattsata. Экспрессивно-стилистические синонимы (на фоне их нейтральных семантических соответствий!), видимо, представляют собой своего рода **универсалию** (явление, характерное для всех языков мира!), создающую реальные языковые условия для **эмоционально-оценочной ориентации слов**, а значит и их **коннотирования.**

Такой же **универсалией,** создающей реальные условия для возникновения экспрессем с яркой эмоционально-оценочной ориентацией, способных выполнять в языке функцию **коннотации,** является уже упоминавшаяся выше **образность.** Как известно, **образность** – результат смысловой двуплановости слова[60], результат взаимодействия в его глубинной семантике двух значений – вторичного переносного (2 К! – где К! – условный символ ориентации слова прежде всего на функцию коннотации), **образно мотивируемого,** и первичного прямого (1Н), **образно мотивирующего.** Рассмотрим факты языковой образности на материале **отанималистических метафор**, т.е. метафор, образно уподобляющих человека на основе каких-то его качеств животным или птицам (лат. animal, -is – «животное»). Такого рода метафоры характерны, видимо, для всех языков мира. Характеристики типа: «Н – осел! (глуп, упрям)», «М. – лиса! (хитер, изворотлив)» зафиксированы нами в самых различных языках (русск., укр., блр., болг., польск., чешск., сербскохорв., нем., англ., швед., норв., франц., итал., исп., рум., венг., турецк., казах., узб., башк., китайск., корейск. – только «лиса!», вьет.).

Итак, **коннотативный компонент ЛЗ** может быть реализован только на основе взаимосвязи и взаимодействия входящих в его состав в строго определенной последовательности и подчиненных ему компонентов (его **субкомпонентов!**): **эмоционально-оценочного, экспрессивного, образного** или **словообразовательного**, специально ориентированного на словопроизводство **экспрессем.** Именно поэтому коннотативный компонент ЛЗ и имеет **иерархическую структуру.**

Приведенный выше языковой материал наглядно показывает, что коннотативный компонент, в отличие от компонентов сигнификативного и денотативного, входит в состав ЛЗ далеко не всех слов: его не имеют в своих ЛЗ нейтральные синонимы в отличие от синонимов экспрессивно-стилистических (см. выше ряды слов: говорить – болтать и т.д., его не имеют в составе своих ЛЗ многие слова, выполняющие только номинативную функцию: слово *город* и его многочисленные разноязычные семантические эквиваленты, слова, обозначающие классы предметов, не вызывающих к себе никакого эмоционально-оценочного отношения: *река, лес, сад, книга, тетрадь, улица...,* многие слова, обозначающие признаки тех или иных денотатов: *железный, каменный, деревянный...* их

---

[58] *Попович А.* Проблемы художественного перевода. – М.,1980. С. 107.
[59] *Фридрих С.А.* Экспрессия в языке и речи. – Владимир, 1990. С. 14.
[60] *Bally Ch.* Précis de stylistique. – Paris, 1925. P. 101, 102.

действия и состояния: *идти, бежать, стоять, читать и т.д.*). Коннотативный компонент ЛЗ является, таким образом, компонентом только факультативным. В сопоставлении с двумя другими компонентами ЛЗ слова это положение может быть передано краткой формулой: **С+, Д+, К± 1 – 2 – 3.** В следующем подразделе мы предполагаем показать взаимосвязь и взаимодействие рассмотренных выше компонентов ЛЗ – С, Д, К.

Коннотация всегда должна иметь предметно-вещественную направленность, и это положение подтверждает теснейшую связь К в ЛЗ того или иного слова с его Д и С. Вместе с тем наличие К в составе ЛЗ может его определенным образом трансформировать, влияя на его С и Д: *садик и садочек* – это уже не «значительное пространство земли, засаженное деревьями, кустами и цветами», а скорее «небольшой земельный участок, засаженный кустами и цветами» или только «…засаженный цветами».

Особенно тесно связь С, Д и К проявляется в сложном механизме функционирования вторичных переносных коннотированных значений (2 К!).

Обратимся к конкретной иллюстрации функционирования слова в таком значении. В пьесе А.П. Чехова «Медведь» реализуются оба переносных коннотированных значения этого слова: 1) «исключительно неуклюжий, неповоротливый человек» (напомним ситуацию: помещик Смирнов садится в кресло … «кресло под ним трещит и ломается»); 2) «человек крайне невоспитанный, грубый». Именно таким и воспринимает помещица Попова, «вдовушка с ямочками на щеках», своего нежданного посетителя, требующего от неё немедленной уплаты долга: «Медведь! Медведь! Медведь!» – кричит она в исступлении. Интересно, что в английском переводе произведения (Kathleen Cook. The Bear) метафора полностью сохраняется и в тексте пьесы используется слово в том же переносном ярко коннотированном значении (2 К!): You great bear! Bear! Bear! Это вполне возможно потому, что соответствующее английское слово имеет те же переносные значения.

Каков же вообще механизм функционировавния подобных переносных значений? Выше уже было сказано, что **образность** значения слова (в данном случае его **метафорическая образность)** строится на его смысловой двуплановости: на одновременном восприятии нашим сознанием двух его Д и С, Д–1 и С–1 (наглядное представление о медведе как животном и самое общее понятие о нем) становятся основой для понимания Д–2 и С–2 (представление о конкретном лице, в данном случае помещике Смирнове, и самый общий его сигнификат – «Смирнов – это тот, кто требует денег, когда-то взятых в долг еще покойным супругом Поповой»). Смысловая двуплановость значения «грубый, крайне невоспитанный человек» строится на « переплетении» двух С и двух Д: (Д –1 (Д–2)) – (С–1 (С–2)), что и становится основой яркой **образности, экспрессивности, эмоциональной оценочности**, а, следовательно, и яркой **коннотированности** характеристики героя.

Обращение ученых к исследованию **ЛЗ как многокомпонентной структуры** достаточно скоро привело их к выделению трех рассмотренных нами компонентов: если Огден и Ричардс склонны выделить только компонент, указывающий на какой-либо конкретный референт (объект

действительности, **денотат)**[61] и компонент, выражающий общее **понятие** о данном денотате, то шведский лингвист Г. Стерн уже отмечает, что лексическое значение слова способно отражать и субъективное понимание говорящим предмета действительности, т.е. в какой-то мере он уже приближается к признанию **коннотации** как категории субъективно-объективной[62].

Несколько позже В.В. Виноградов высказал свое мнение о том, что «слова находятся в непрерывной связи со всей нашей интеллектуальной и эмоциональной жизнью»[63]. Он же указал на способность слова к экспрессивной оценке действительности[64].

В монографии, посвященной детальному анализу структуры ЛЗ, Н.Г. Комлев в качестве особого **компонента** содержательной структуры слова выделяет компонент **коннотативный.** По его мнению, «слова с ярко выраженной коннотацией содержат и чувственный, и рациональный моменты»[65]. В настоящее время, кроме трех подробно рассмотренных нами компонентов ЛЗ: С, Д, К, лингвисты выделяют также компоненты **этнокультурный (культурно-национальный)** и **структурный.** Рассмотрим каждый из них отдельно.

4. **Этнокультурный компонент** ЛЗ представляет собой отражение в этом значении специфически национального восприятия тем или иным народом каких-либо реалий, фрагментов действительности и даже подлинных конструктов народного сознания, существующих только в фантазиях и мифах (*русалки и ундины* в русском и немецком фольклорах, *тролли* в фольклоре скандинавских народов и т. д.). Этническая самобытность ЛЗ слов, включающих в свой состав этнокультурный компонент (ЭК), обычно маркируется в лексикографических источниках с помощью специальных показателей национально-культурной ориентации слова: *гусли* – «старинный *русский* многострунный щипковый инструмент», *байрам* – «название двух трехдневных *мусульманских* праздников». ЭК ЛЗ опирается на особые фоновые знания о фрагментах действительности, свойственных тому или иному народу или культурной общности тех или иных народов (см. семантизацию слова *байрам*). Отразить эти фоновые знания в специальном наборе сем, составляющих С, очень сложно; ЭК гораздо глубже связан с денотативной отнесенностью слова и отраженными в Д представлениями о соответствующих реалиях. Вот почему лингвострановедческие словари значительно бы выиграли в информативном отношении, если бы в словарных статьях давали не только понятийные объяснения слов, но и изображения обозначаемых этими словами предметов или конструктов сознания, народной фантазии (*гусли, балалайка, изба, тройка* (*лошадей*), *русалка, леший, викинг, тролль, фиорд, мечеть, муэдзин, гурия* и т.д.).

---

[61] *Ogden C .K.* Richards I. A. The Meaning of Meaning. – New York, 1927.
[62] *Stern G.* Meaning and change of meaning. – Göteborg , 1931. P. 37.
[63] *Виноградов В.В.* Русский язык. – М., 1986. С. 25.
[64] Там же.
[65] *Комлев Н.Г.* Компоненты содержательной структуры слова. – М., 1969. С. 114.

Следует также отметить, что степень широты распространения ЭК в ЛЗ того или иного слова до сих пор еще не установлена. Известный лингвист Анна Вежбицкая, например, склонна рассматривать этноцентричность ЛЗ едва ли не как его универсальный признак вообще[66]. Думается, что такое широкое толкование ЭК вряд ли целесообразно; видимо, в ЛЗ целого ряда слов, лишенных какого-либо этнического содержания, этот компонент полностью отсутствует (*стол, стул, стена, плакать, смеяться, идти, бежать и т.д.*).

Но вместе с тем нельзя не согласиться, что глубокая связь ЭК и Д в составе ЛЗ позволяет вывести ЭК из довольно ограниченной сферы слов – **экзотизмов,** т.е. слов, связанных с культурой одного только народа или нескольких народов, составляющих общий культурный ареал (*гусли, русалка, изба – тролль, викинг – ундина, Лорелея*). Сигнификативное содержание «небольшой населенный пункт сельского типа», безусловно, объединяет ЛЗ слов *деревня,* (*das*) *Dorf,* (*le*) *village,* (*a*) *village,* (*la*) *aldea,* но Д их ЛЗ связан с национально специфическими представлениями русских, немцев, французов, англичан и испанцев об этих реалиях. Несоответствие денотатов слов *деревня и* (*le*) *village* в восприятии русского и француза прекрасно подмечает писатель Андрей Макин в своем написанном на французском языке романе «Le testament français» (Paris, 1995): бабушка-француженка, вспоминая свою юность, произносит следующую фразу: «Oh! Neuilly à l'époque, était un simple village…». Neuilly во времена далекой юности бабушки был маленьким захолустным *городишкой*. За неимением во французском языке соответствующего слова бабушка в переносном значении использует un village. Внуки её, мальчик и девочка, благодаря ей прекрасно знающие французский язык, живут в Сибири, никогда не были во Франции и при слове un village представляют себе сибирскую деревню с её широкими пыльными улицами, стадом коров, идущим по ним, крепкими избами…[67]Очевидно, приведенный нами выше ряд слов (русск. *деревня* …исп. (la) aldea) все-таки не лишен ЭК, который в составе их ЛЗ теснейшим образом связан с Д.

ЭК проявляет себя, конечно, и в системе переносных значений слов: индиец, считающий корову священным животным, вряд ли воспримет образ и резко негативную коннотацию, связанные именно с переносным значением соответствующего русского слова (*корова* – перен. –2К! – «толстая неповоротливая женщина»).

При всей широте своего распространения в семантике различных слов ЭК остается, подобно К, факультативным компонентом в структуре ЛЗ: **ЭК±.**

5. **Структурный компонент ЛЗ (СТР)** отражает **структурные связи** слова в том или ином конкретном значении с ЛЗ других слов, заполняющих определенное лексико-семантическое пространство: лексико-семантическую группу (ЛСГ) или лексико-семантическое поле (ЛСП).

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) – это объединение слов **одной части речи**, которые на уровне своих ЛЗ имеют хотя бы одну общую (интегральную) сему (напр. ЛСГ прилагательных, выражающих в своих прямых номинативных значениях цветовой признак в современном русском языке: *белый, серый, голубой, синий, фиолетовый, черный…*).

Лексико-семантическое поле (ЛСП) – это объединение слов **разных частей речи,** которые на уровне своих ЛЗ имеют хотя бы одну общую (интегральную) сему (напр. ЛСП слов, в своих прямых номинативных значениях выражающих цветовой признак, в современном русском языке: *белый–белеть–белизна …синеть–синий–синенький–синеватый–синь–синева …голубой–голубоватый–голубенький–голубизна–голубеть…*).

Структурный компонент вводит данное ЛЗ в **общую семантическую структуру языка,** делая его **самостоятельным элементом** всей этой семантической структуры.

От внутрисемантического структурирования ЛСГ и ЛСП в том или ином языке зависит специфика ЛЗ каждого из входящих в них слов, его «семантический объем». Так, в составе ЛСГ прилагательных цвета многих европейских неславянских языков лексически не разграничены понятия «голубой» и «синий», поэтому «семантический объем» двух славянских прилагательных, **лексически** (т.е. с помощью **разных слов**) разграничивающих эти понятия, приблизительно равен «семантическому объему» одного слова в европейских неславянских языках: русск. *голубой – синий,* болг. *гълъбъв – синь,* польск. *błękitny – niebieski,* чешск. blankytny – modry --- англ. *blue,* нем. *blau,* франц. *bleu,* исп. *azul.* Это соотношение весьма своеобразно отражается при фактах калькирования: русск. *голубая* кровь – «аристократ, человек дворянского происхождения» (из исп. sangre *azul,* возможно, через посредство французского sang *bleu*), но болг. *синя* кръв, чешск. *modra* krev; русск. *синий* чулок (от англ. *blue*stocking), но *голубой* цветок (символ немецкого романтизма) от нем. die *blaue* Blume: Ich suche die blaue Blume, / Ich suche und finde sie nie…(Eichendorf).

В нашем лингвистическом исследовании мы, естественно, не касаемся проблемы скорее психолого-биологической, чем лингвистической: в какой мере носители европейских неславянских языков могут вообще разграничивать цвета синий и голубой? В целом ряде художественных произведений, написанных на английском, немецком, французском или испанском языках, контекст достаточно однозначно определяет цвет только как *синий* или только как *голубой.* Так, следующий контекст почти однозначно говорит о том, что глаза у героини романа Томаса Гарди были *синие:*These eyes were blue; blue as autumn distance – blue as the blue we see between the retreating mouldings of hills and woody slopes on a sunny September morning. A misty and shady blue, that had no beginning or surface, and was looked *into* rather than *at.*[68]

Внутрисемантическое структурирование значений отдельных слов в составе ЛСП и ЛСГ обусловлено взаимной связью и взаимным влиянием этих значений. Оно, безусловно, не может быть совершенно одинаковым в различных языках.

---

[66] *Вежбицкая А.* Язык, культура, познание. – М., 1996. С. 20 – 23.

[67] *Makine A.* Le testament français. – Paris, 1995. P. 38.

[68] *Thomas Hardy.* A Pair of Blue Eyes.Penguin Books. P. 1 –2.

Если в языке имеются слова со значениями «старший брат» и «старшая сестра», то обязательно должны быть и слова со значениями «младший брат» и «младшая сестра», поскольку именно такое распределение значений соответствует внутрисемантическому структурированию этого небольшого участка ЛСГ терминов родства. Для русского языка и всех языков сопоставления такое внутрисемантическое структурирование ЛСГ терминов родства совершенно не характерно. Однако в тюркских языках, в языках венгерском (одном из европейских языков!), китайском, корейском, японском, вьетнамском СТР ЛЗ как раз проявляет себя в семантическом соотношении соответствующих терминов родства с более конкретными значениями: венг. bátya – öcs («старший брат» – «младший брат»), nénje –huga («старшая сестра» – «младшая сестра»), узб. ака – ука («старший брат» – «младший брат»), китайск. gége – dídi («старший брат» – «младший брат»), узб. опа – сингил («старшая сестра» – «младшая сестра»), китайск. jiějie –mèimei (~ цзяйцзяй – мэймэй: «старшая сестра» – «младшая сестра»).

Положение о том, что каждое отдельное слово в каждом отдельном своем значении является отдельным и самозначительным элементом всей семантической структуры языка связано, безусловно, с данным выше определением **лексического значения слова** как закрепленного за ним его **индивидуального содержания.**

Возвращаясь к этому положению, необходимо затронуть вопрос о **синонимах** и показать, в какой мере их значения могут рассматриваться как отдельные самостоятельные элементы семантической структуры языка.

Общеизвестна концепция, согласно которой синонимы – это слова не с абсолютно тождественными значениями, а со значениями только сходными, близкими, которые могут быть разграничены на основе **сем – дифференциаторов** при **семном** их анализе[69]. О системе семного анализа мы подробно будем говорить в последнем подразделе общего раздела **Слово как объект семасиологии.** Здесь же обратимся к процедуре семного анализа только трех синонимов русского языка, чтобы показать, что даже такие семантически очень близкие слова нашего языка, как *смелый, храбрый, мужественный,* все-таки являются отдельными и самозначительными элементами его семантической структуры.

Их ЛЗ объединяет интегральная сема «не знающий страха», но семы-дифференциаторы делают ЛЗ каждого из синонимов **отдельным самостоятельным элементом всей семантической структуры русского языка**: *смелый* – «(в опасных ситуациях) действующий решительно», *храбрый* – «(в опасных ситуациях) сохраняющий самообладание», *мужественный* – «способный рисковать жизнью ради высоких нравственных идеалов» (из всего набора этих синонимов для характеристики людей типа А. Сахарова больше всего подходит именно последнее слово!).

Естественно, что, в отличие от **К и ЭК, СТР** не может быть факультативным компонентом структуры ЛЗ: каждое отдельное слово в каждом отдельном своем значении является отдельным элементом всей семантической структуры языка и в соответствующих лексико-семантических пространствах (**ЛСГ и ЛСП**) вступает в структурно-семантические связи с другими словами. В понятие **структурный компонент лексического значения слова** мы вкладываем приблизительно то же содержание, которое в свое время Фердинанд де Соссюр вкладывал в понятие **значимость слова (valeur)**: « …в каждый данный момент она (значимость. – *Ю.С.*) зависит от системы сосуществующих с ней других значимостей»[70].

Итак, лексическое значение – это многокомпонентная структура, состоящая из трех обязательных (облигаторных) компонентов: сигнификативного, денотативного и структурного – и двух факультативных, но высокочастотных: коннотативного и этнокультурного.

Самой сложной внутренней структурой, имеющей **иерархический характер,** обладает компонент **коннотативный.** К тому же при семантизации именно этого компонента мы сталкиваемся с довольно значительными трудностями: если понятийное содержание (**С**) и предметно-вещественная направленность слова (**Д**) могут быть представлены определенным набором сем (см. данную выше семантизацию слов-синонимов: *смелый, храбрый, мужественный*), то интерпретация **коннотативного компонента (К)** должна проводиться на основе принципиально иной терминологии. При семантизации этого компонента указывается общий диапазон эмоциональной тональности и характер оценки. Так, **С** и **Д** лексического значения слов *смельчак и храбрец* могут быть представлены набором указанных выше сем с добавлением лишь семы «лицо» (её экспонентом может быть слово «человек»: *храбрец – «человек, не знающий страха, в опасных ситуациях сохраняющий самообладание»*). При семантизации же коннотативного компонента этих слов указывается широкий диапазон эмоциональной тональности (от одобрения, похвалы до явного восхищения) и определяется тип оценки характеризуемых лиц (акцентированно позитивная оценка: не просто *хорошо, а очень хорошо! прекрасно!*).

Обращаем внимание также на то положение, что выделенные нами составные части лексического значения являются именно его **компонентами,** а не **аспектами,** которые при анализе лексического значения могут быть выделены как особые **направления** такого анализа, но могут и не выделяться. Термином **аспект** лексического значения пользуются в настоящее время многие лингвисты[71]. Нам же представляется, что самой концепции, определяющей **лексическое значение слова** как **многокомпонентную структуру** в значительно большей мере соответствует выбранный нами термин **компонент.**

5.3. ТИПОЛОГИЯ ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВА

В этой части нашей работы мы продемонстрируем **различные типы лексических значений,** которые могут быть свойственны семантической структуре **многозначного** (по крайней мере, **двузначного!**) **слова.**

---

[69] *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.,1995. О редком совпадении значений слов-синонимов до полной идентичности см.: Там же. С. 220.

[70] *Соссюр де, Фердинанд.* Труды по языкознанию. – М., 1977. С. 113.

[71] *Stepanova M.D., Černyseva I.I.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – M.,1975. S. 212. *Телия В.Н.*Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1986.

Начнем с того, что о **типологии** значений **однозначных слов** говорить фактически не приходится: единственное значение слова – это значение, конечно, всегда **первичное прямое** и чаще всего только **номинативное**, т.е. способное выполнять только **номинативную функцию** (в системе наших условных обозначений – **1Н**). Именно к такому **типу значений** и относится единственное значение русского слова *арфа* так же, как и значения его семантических эквивалентов во всех языках сопоставления, при этом в семантизации этого единственного значения в разноязычных лексикографических источниках наблюдается значительное сходство в связи с полной идентичностью С и Д в ЛЗ этих слов: русск. *арфа* – «щипковый музыкальный инструмент в виде большой треугольной рамы с натянутыми на ней струнами» (МАС. Т. 1. С. 47), франц. (une) harpe – «Grand instrument de musique à cordes de longueur décroissante que l'on fait sonner en les pinçant ou en les effleurant» (Dictionnaire du français moderne par Maurice Remy. Hatier, 1969, p.135), англ. (a) harp – «free-standing musical instrument with vertical strings played with the fingers «(Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1974 , p. 392).

В двуязычных словарях никогда не возникает проблем при переводе соответствующего иностранного слова на русский язык в связи с его полной семантической эквивалентностью с русским *арфа*: (*la*) *arpa – арфа* (L.Martinez Calvo. Diccionario Español – Ruso, Barcelona, 1975, p. 237); (*die*) *Harfe –1 – арфа* (Das Große Deutsch – Russische Wörterbuch. M.,1969, Band 1, S. 598, в качестве омонима немецкого слова в словаре фиксируется (*die*) *Harfe – 2* – «веялка»); здесь также следует отметить, что русское слово *арфа* является, видимо, немецким заимствованием: в приведенной выше словарной статье из МАС немецкое (die) Harfe указывается как слово-первоисточник.

Как в русском языке, так и во всех языках регулярного сопоставления рассмотренное нами слово может выполнять только **номинативную функцию** и выступает в своем **первичном** (и единственном!) **прямом номинативном значении.**

Однако на основании сделанных нами ранее наблюдений можно было убедиться в том, что целый ряд и русских, и иностранных слов уже в своих **первичных (прямых!) значениях** может совмещать функцию **номинативную** с функцией **коннотативной:** русск. *деревенька* (*1НК*), *деревушка* (1НК), нем. (*das*) *Dörflein*, (*das*) *Dörfchen* (оба слова с типом значения 1НК), исп. (la) aldehuela (1НК); в лексических значениях русских слов, рассмотренных нами в предыдущем подразделе, *смельчак, храбрец* **коннотативная функция** явно превалирует над **функцией номинативной (1 КН!)**, но об этом подробнее мы будем говорить позже.

Теперь нам очень важно убедиться, что та **типология ЛЗ**, с которой вы уже в какой-то степени познакомились на основе анализа значений лексемы *солнце*, может быть использована и для анализа типов значений привлекаемых нами для сопоставления иностранных слов. С этой целью мы и предполагаем сравнить семантическую структуру слова *солнце* с семантической структурой соответствующих слов (*the sun, die Sonne...*) в языках регулярного сопоставления.

Прямые номинативные (первичные) значения всех сопоставляемых слов фактически почти полностью совпадают даже при их семантизации: русск. «звезда нашей планетной системы, дающая свет и тепло её планетам» = англ. «the heavenly body from which the earth gets warmth and light» (Oxford Advenced Learner's Dictionary…Oxford, 1980, p. 866–867) = франц. «astre qui éclaire et réchauffe la terre et autour duquel elle tourne» (Dictionnaire du français moderne – par Maurice Remy – Hatier, 1969, p. 591) ~нем. «zentraler Himmelskörper des Sonnensystems, der als Spänder von Licht und Wärme das Leben auf der Erde ermöglicht und *als kreisrunde, gelblich bis rot leuchtende Scheibe sichtbar ist*» (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 5. Band, Akademie – Verlag – Berlin, 1978. S. 3458; семантизация слова в немецком языке, в отличие от русского, английского и французского, включает в свой состав дополнительное **денотативное** содержание – очень наглядное описание представления о солнце, сложившегося у жителей Земли); в двуязычных словарях **прямое номинативное значение** обычно без дополнительных комментариев просто переводится на другой язык своим семантическим эквивалентом: (el) sol – солнце (L. Martinez Calvo. Diccionario Español – Ruso. Barcelona, 1975, p. 1676). Условное и сокращенное обозначение значений этого типа – **1 Н.**

Второе значение в семантической структуре русского слова «свет и тепло, которые дает солнце планетам нашей солнечной системы», возникшее на основе **метонимического** переосмысления **прямого номинативного** (первичного) значения, также имеет свои аналоги в семантических структурах слов сопоставляемых языков: англ. light and warmth from the sun (sit in the sun, have the sun in one's eyes: Oxford Dictionary, 1980, p.867), нем. (der) Sonnenschein («солнечное сияние, свет»: die Wohnug hat viel, wenig, keine Sonne…sie kann keine Sonne vertragen –Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 1978. S. 3458), франц. Lumière de cet astre; temps ensoleillé :…s'asseoir au soleil, chercher le soleil (Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (par Paule Robert), 1973, p. 1662).

Это значение русского слова и его аналоги в сопоставляемых языках могут быть охарактеризованы как значения **вторичные производные** (они **произведены** от 1-го, исходного значения) **номинативные** (основным стимулом для их становления в языках является функция **номинации** того тепла и света, которые получает от солнца наша планета). Условное и сокращенное обозначение этого типа значений – **2 Н.**

Сразу же заметим, что термин **вторичное значение** здесь и далее употребляется нами несколько условно: это не в буквальном смысле **второе** и далеко не всегда именно 2-е по счету значение в составе семантической структуры слова: термин этот лишь подчеркивает, что данное значение возникло в результате семантической трансформации какого-то другого значения, являющегося по отношению к нему **первичным и исходным.**

Так, к системе **вторичных** и также **производных номинативных (2 Н)** значений лексемы *солнце* мы можем отнести, например, его 4-е по счету значение, имеющее свои семантические аналоги только в некоторых языках регулярного сопоставления: русск. «любая звезда, имеющая

свою планетную систему» ~ англ. any fixed star: There are *many suns* larger as ours (Oxford Dictionary, p.867), русск. = англ. any star that is the center of a planetary system (Webster's Newworld Dictionary of the american language, New-York, 1979, p.599); во французском словаре Поля Робера, уже указанном нами выше, дается строго научное, полностью соответствующее современным данным астрономии определение интересующего нас значения, которое, видимо, относится как к нашему солнцу, так и другим звездам того же типа, имеющим свои планетные системы: Astre producteur et émetteur d'énergie, étoile moyenne du type jaune… masse gazeuze à peu près sphérique, autour de laquelle gravitent, sur les orbites elliptiques, plusiuers planètes parmi lesquelles se trouve la Terre (p.1662).

К этой же системе **вторичных** значений должно быть отнесено и очень сложное по своей структуре 3-е значение лексемы *солнце*, которое мы поэтому рассматриваем после значения 4-го.

3-е значение русского слова *солнце* – «самый дорогой, самый близкий человек» может быть **противопоставлено** как **коннотативное** по своей основной функции (функция **номинации** для него лишь второстепенна!) всем остальным значениям (1-му, 2-му и 4-му) как **номинативным. Коннотативная функция 3-го значения** опирается на его ярко выраженную **эмоционально-оценочную направленность** и **экспрессивность метафорической образности**, возникшей на основе переосмысления двух первых номинативных значений: самый дорогой и близкий человек = свет и тепло, которое дает нам солнце, и одновременно своего рода центр, к которому направлены все наши мысли и чувства (солнце – центр всей нашей планетной системы). Это значение мы явно воспринимаем как **переносное, образно мотивированное** двумя общеязыковыми метафорами. Именно поэтому нам и представляется целесообразным противопоставить его даже **терминологически** двум тоже вторичным, но противоположным по своей функциональной направленности значениям – 2-му и 4-му, значениям **производным номинативным.** 3-е значение лексемы *солнце* – значение **переносное коннотативное (2 К!).**

Напомним, что уже во введении были определены и другие особенности этого значения, которые, как покажет дальнейший анализ, являются также **типологически важными**: 1) будучи **коннотативным** по своей основной функции, оно синтаксически предрасположено к функции предиката или функциям полупредикативным (характеризующее обращение, приложение: см. пример из стих. А.С. Пушкина) и может быть определено как **синтаксически связанное (синтаксически обусловленное),** 2) поскольку оно может быть реализовано только в составе вполне определенных **синтаксических конструкций**: N–1 --- N–2 (N – имя существительное, цифра – показатель порядкового номера падежа), N–1 --- (Adj – Pronomen) N–2 (Ты – солнце моих песнопений! – А.Ахматова), (Pronomen –N)-1: Ты – мое солнце!, его следует определить как **конструктивно обусловленное.**

Иноязычные эквиваленты должны соответствовать всем перечисленным выше признакам с учетом, конечно, специфики грамматической структуры того или иного языка (в исп. и франц. языках форме N–2 может соответствовать форма de N, в англ. яз. – форма of N и т.д.). Существуют ли такие эквиваленты?

Petit Robert (1973, p. 1662) в качестве 4-го значения лексемы (le) soleil дает значение **переносное, метафорическое**: «Tout ce que brille, répand son influence bien faisante comme le soleil» («Все, что блестит, распространяет свое благотворное влияние, как солнце»). Приведенный далее пример Vous êtes mon soleil! вполне соответствует и другим указанным выше признакам: реализована функция предиката и модель (Pronomen – N): Вы – моё солнце!

В испанском языке имеется коннотативная номинация Иисуса Христа – sol de justicia («солнце справедливости»): предикативная функция, видимо, также возможна, модель N de N соответствует русской конструкции N-1 → N-2.

Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache (1978. S. 3458) не выделяет значения интересующего нас типа, но в иллюстративном материале дает именно его:…die Mutter war die Sonne von Rechtenfleth gewesen (Oelfken, Traum, S.141): переносное коннотативное значение реализовано в предикативной функции в составе модели N–1 von N, которой в русском языке может также соответствовать конструкция N–1 --- N–2. О наличии в немецком языке переносных коннотативных синтаксически связанных и конструктивно обусловленных значений говорит и следующий пример из того же лексикографического источника, но с общеязыковой метафорой, имеющей уже другую семантику:…sie ist *der Stern dieses Balletts* (S.3582).

Мы не ставим здесь перед собой цели сопоставления семантической структуры лексемы *солнце* с семантическими структурами соответствующих лексем во всех языках регулярного сопоставления в полном их объеме. Рассмотренный нами разноязычный материал уже показывает, что предлагаемая типология может быть использована для описания лексических значений различных языков. Но прежде чем переходить к анализу основных принципов её построения, обратимся к краткой истории вопроса.

Типология лексических значений была впервые разработана на материале русского языка В.В. Виноградовым в 1953 году[72]. В настоящее время статья, в которой были изложены основные положения этой типологии, включена в собрание «Избранных трудов» академика[73] и широко используется в учебниках по лексикологии современного русского языка[74].

Значительный интерес представляет и типология лексических значений М.И. Фоминой, разработанная также только на материалах русского языка и построенная на основании четырех различных исходных критериев[75].

---

[72] *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания, 1953, № 5.

[73] *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. С. 162–192.

[74] *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – М., 1972. С. 33 –42 (Основные типы лексических значений русских слов).

[75] *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. – М., 1983. С. 30–37.

Предлагаемая нами классификация типов лексических значений слова опирается на один исходный критерий – **соотношение функций номинации и коннотации в первичном (прямом) и всей системе его (слова) вторичных значений**. Так как функции номинации и коннотации являются основными функциями слова в системах различных языков, критерий этот представляется достаточно актуальным для создания на его основе типологии лексических значений слов различных языков.

Мы, естественно, не отказываемся полностью от уже имеющихся типологий лексического значения слов и каждый раз будем специально подчеркивать, какие положения высказанных ранее концепций вполне приемлемы и для нас.

Типологический анализ лексических значений слов различных языков будет проводиться на двух уровнях: 1) на уровне первичных (прямых) значений и 2) на уровне вторичных (производно-номинативных и переносных коннотативных значений).

5.3.1 АНАЛИЗ НА УРОВНЕ ПЕРВИЧНЫХ (ПРЯМЫХ) ЗНАЧЕНИЙ

– Прямое номинативное значение слова

«В системе значений, выражаемой словарным составом языка, легче всего выделяются значения прямые, номинативные, как бы непосредственно направленные на «предметы», явления, действия и качества действительности (включая сюда и внутреннюю жизнь человека) и отражающие их общественное понимание (выделено нами. – *Ю.С.*)» – отмечал В.В. Виноградов[76].

Однако **прямыми номинативными**, с нашей точки зрения, могут быть признаны лишь такие значения, которые, будучи «непосредственно направлены на «предметы», явления, действия и качества действительности», выполняют при этом только **номинативную функцию.**

Приводимый нами ниже небольшой отрывок из очерка И.С. Тургенева «Лес и степь» состоит в основном из слов, выступающих в своих прямых номинативных значениях **(1 Н)**: «Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон берёзовый *лесок* на горе; за ним болото, куда вы едете…». В тексте нами выделено слово *лесок*, в своем прямом значении совмещающее функции номинации и коннотации. Значение этого слова следует уже охарактеризовать как **прямое номинативно-коннотативное (1 НК).**

Слова с прямым номинативным значением, безусловно, свойственны самым различным языкам. Так, русское слово *река* в своем прямом номинативном значении «естественный водный поток значительных размеров от истока до устья» имеет лексико-семантические эквиваленты (далее ЛСЭ) в целом ряде языков (вполне естественно, что все ЛСЭ этого слова здесь перечислены быть не могут!): англ. (a) river, нем. (der) Fluss, исп. (el) rio, итал. (il) fiume, польск. rzeka, чешск. řeka, болг. река (та), малайзийск. sungai, вьет. song, хауса. kogi.

Такого же рода «цепочки слов» в прямых номинативных значениях можно выстроить и на другом лексическом материале: русск. *дом* – «строение для жилья», англ. (a) house, нем. (das) Haus, франц. (la) maison, исп. (la) casa, итал. (la) casa, польск. dom, болг. дом (ът), узб., казах. уй, малайзиск. rumah, вьет. nhà, хауса gida; *жить* – «существовать, находиться в процессе жизни», англ. (to) live, нем. leben, франц. vivre, исп. vivir, итал. vivere, польск. żyć, болг. живея, малайзийск. hidup, хауса zama.

Выполняя в системе языка прежде всего функцию номинации при прямой и непосредственной соотнесенности с соотвествующими денотатами, слова в прямом номинативном значении могут в отдельных актах индивидуальной речи выражать различного рода коннотации:

1) Я по-прежнему такой же нежный / И мечтаю только лишь о том, / Чтоб скорее от тоски мятежной / Возвратиться в низенький наш *дом* (С. Есенин. «Письмо к матери»); 2) (Раневская:)…В этой *детской* я спала, глядела отсюда на *сад*, счастье просыпалось со мной каждое утро… О *сад мой!* (А.П. Чехов. «Вишневый сад»).

В приведенных контекстах слова с **прямым номинативным значением** *дом, детская* (*«комната для детей»*), *сад* выражают **коннотацию** особой ласки, нежной любви, трогательной привязанности к названным объектам действительности. Очевидно, в таких случаях принятый нами ранее символ **1 Н** должен быть дополнен и показателем коннотации как признака факультативного, не отражающего **в системе языка сущность прямой номинации: 1 Н (К).**

Теперь мы переходим к рассмотрению типов **прямого номинативно-коннотативного и прямого коннотативно-номинативного значений**, т.е. к рассмотрению таких типов первичных прямых значений слова, в которых наличие коннотативного компонента ЛЗ является обязательным системным фактором языка.

– Прямое номинативно-коннотативное значение слова (1 НК)

Во введении и предыдущих разделах главы 1 мы уже рассмотрели как на материале русского языка, так и языков регулярного сопоставления достаточно большое количество слов, совмещающих в своем **прямом значении функции номинации и коннотации** (городок–городишко, домик–домишко, деревушка–деревенька…). Говорить о **превалировании** какой-то одной из этих функций в словах такого типа трудно: они именно **совмещены** в ЛЗ. Нами было также отмечено, что для формирования слов с **прямым номинативно-коннотативным значением** очень важную роль могут играть различные факторы в системе того или иного языка: наличие в нем суффиксов эмоциональной оценки, наличие парадигмы (ряда) лексических экспрессивно-стилистических синонимов, при этом последний фактор носит фактически **универсальный** характер. Небольшой, поражающий своей ветхостью и неопрятностью *дом* русские назовут *домишко, лачуга, хибара, хибарка, развалюха* (слово, характеризуемое в этом ряду наиболее негативной коннотацией и в С и Д ЛЗ особенно акцентирующее сему «ветхость»), немцы – (die) Kate, англичане – (a) hovel, (a) shack, французы – (la) masure, испанцы – (la) casucha (от la casa – «дом»), итальянцы – (la) casúpola (от la casa – «дом»), поляки – chałupka (ср. с русск. *халупа, халупка*), венгры – kalyiba, vityilló, малайцы – pondok, dangan. Старая, изможденная, раздражающая своей медли-

[76] *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. С. 171.

тельностью *лошадь* становится *клячей* (нем. (die) Mähre, англ. (a) jade, (a) hack, франц. (la) rosse, исп. (el) rocin, итал. (la) rozza, польск. szkapa, хауса jaguro).

Количество примеров можно было бы увеличить на основе анализа других семантико-стилистических парадигм: прямому номинативному значению русского глагола *идти* противопоставлены прямые номинативно-коннотативные значения глаголов *плестись, тащиться* (дополнительная сема «исключительно медленный темп движения» осложнена в ЛЗ этих глаголов ярко выраженной негативной эмоционально-оценочной тональностью).

Подобные же соотношения мы можем проследить и в некоторых других языках: польск. iść – taszczyć się, англ. (to) go – (to) trudge, нем. gehen – sich schleppen, франц. aller – se trainer, исп. ir – arrarstrarse, итал. andare – trascinarsi.

Достаточно сложное явление представляют собой семантико-стилистические парадигмы разных языков, включающие в свой состав некоторые **соматизмы** (названия частей тела или лица, от греч. soma, somatos – «тело»): *очи –глаза – гляделки , лик – лицо – рожа, глава – голова – башка;* подобные же синонимические ряды имеются и в других языках, таковы, например, иноязычные параллели для 2-й русской парадигмы (*лик –...*): нем. (das) Antlitz – (das) Gesicht – (die) Fratze, франц. (la) face – (le) visage – (la) gueule, исп. (la) faz, (el) semblante, (el) imagen (о лике святого) – (la) cara – (el) morro, (la) jeta, англ. (an) image (обычно о лике святого) – (a) face – (a) mug: what a mug!, узб. чеҳра – юз, бет – башара, бадбашара, малайзийск. wajah – muka – rupa, paras.

Обозначая один и тот же денотат, эти лексемы характеризуются различной функциональной направленностью: средние члены парадигм только называют этот денотат, реализуя свое **прямое номинативное** значение, крайние же члены парадигм совмещают акт **номинации с коннотацией**, направленной на какие-то частные признаки денотата (*очи* – о глазах больших, красивых, выразительных, *гляделки* – о глазах маленьких, пустых, некрасивых), реализуя значение **прямое номинативно-коннотативное.**

Суффиксы эмоциональной оценки как одно из средств формирования слов с номинативно-коннотативным значением имеют в различных языках разную степень широты употребления. Некоторый параллелизм частоты их употребления прослеживается при сопоставлении русского и итальянского языков: домишко = (la) casupola, домик = (la) casetta, городишко = (la) cittaduzza, городок = (la) cittadina, реченька = (il) fiumicino, речонка = (il) fiumiciáttolo. Выделенное нами из очерка И.С.Тургенева слово *лесок* может быть переведено словом в прямом номинативно-коннотативном значении только на немецкий (das Wäldchen) и на итальянский языки – (il) boschetto (il bosche – «лес»). В переводе очерка на французский язык использовано слово в прямом номинативном значении: Un village s'estompe derrière la forêt…(Henri Mongault. Mémoire d'un chasseur. Paris, 1953, p. 394).

Обращаясь к языкам, типологически очень далеким от русского, можно найти совершенно необычные для нас и для европейцев вообще спо-

собы создания слов, совмещающих в прямом своем значении функции **номинации и коннотации.** Так, например, во вьетнамском языке, совершенно лишенном системы словообразовательных суффиксов, к слову в прямом номинативном значении (sách – «книга») присоединяется особая финаль (исходная часть сложного слова!), начинающаяся с повторения первого звука слова (s) и придающая всему сложному слову sách siễc значение уничижительной множественности (~ «книжонки»), в некоторых конкретных контекстах слово может означать и объект в единственном числе («книжонка»)[77].

Итак, специфика прямого номинативно-коннотативного значения слов заключается в диалектическом объединении в значении этого типа обеих основных функций слова – номинации и коннотации. Функция номинации находит свою реализацию в С и Д ЛЗ (а также и ЭК, если он имеется). Функция коннотации реализуется с помощью специального компонента – К.

– Прямое коннотативно-номинативное значение

Термин, использованный в заголовке, достаточно ясно говорит о том, что в данном типе первичного (прямого) значения преобладает **коннотативная** функция, функция же **номинативная** отходит на 2-й план. Значительная часть слов с таким типом значения выражает номинации людей на основе яркой эмоционально-оценочной характеристики их качеств (чаще всего внутренних, но иногда имеющих и внешнее проявление). Такова, например, в русском языке система однокорневых синонимов *молодец, молодчага, молодчина,* выражающих высшую степень похвалы в адрес лиц обоего пола, что является подтверждением значительного семантического отдаления их от слова-первоисточника **мо'***лодец* – уст. «молодой человек, достигший расцвета сил, крепкий, статный». Вне более широкого контекста определить пол характеризуемого лица не всегда возможно: Вот *молодчина!* Получай целковый, выбрасывай в окошко багаж (В.Я. Шишков. «Угрюм-река», т.1, Ташкент–Нукус, 1978. С. 193; здесь речь героя обращена к кондуктору поезда).

В самых различных языках большая часть слов со значением этого типа выражает негативные и резко негативные характеристики лиц: *Жулики* вы с Громовым! Вы только тень на воду наводите! *Мерзавцы* вы! В каторгу вас, *подлецов!* (В.Я. Шишков. «Угрюм-река», т.2, Ташкент–Нукус, 1978. С. 177).

Приведенные выше русские слова с **прямым коннотативно-номинативным значением** имеют свои ЛСЭ в самых различных языках (в артиклевых языках они чаще употребляются с опущением этого грамматического детерминанта, чем и объясняется форма подачи слов в нижеследующих примерах): англ. rascal, scoundrel, villain, нем. Schuft, Schurke, Halunke, франц. gredin, coquin, villain, исп. canalla, infame, польск. łajdak, łotr, малайзийск. hina, bajingan, bangsat, хауса dan iska.

В русском языке к группе слов с этим типом значения можно отнести ряд ярких коннотированных номинаций, обозначающих различные объ-

---

[77] *Панфилов В.С.* Грамматический строй вьетнамского языка. – СПб., 1993. С. 21. Здесь нами также учтен устный комментарий аспирантки из Вьетнама Ву Тхи Ха.

екты действительности: *красота* (чаще о красивом виде, пейзаже), *прелесть* (с очень неопределенным объектом оценки: вообще обо всем том, что нравится); как и в других языках, в русском языке имеется довольно большая группа слов, почти утративших свою денотативную направленность и обозначающих чаще всего резкое неприятие какого-либо явления, явное отвращение к нему: *гадость, мерзость, пакость.* Слова этой категории уже максимально сближаются с **междометиями**, которые с нашей точки зрения характеризуются **непосредственно выраженным (прямым) коннотативным значением,** о их **номинативных возможностях** будет сказано ниже.

Итак, слова с **коннотативно-номинативным значением (1НК)** представляют собой новую ступень ослабления номинативных возможностей слова за счет усиления возможностей коннотативных.

– Непосредственно выраженное (прямое) коннотативное значение

Последний тип первичного значения представлен в таких универсальных словах, характеризующих, видимо, все языки мира, как **междометия.** По отношению к словам этого типа значения термин **прямое (значение)** мы употребляем несколько условно: у слов этого типа почти утрачены понятийные (**С**) и предметно-вещественные (**Д**) соотношения с действительностью. Здесь правильнее, видимо, говорить **о непосредственном выражении** различного рода эмоционально-оценочных реакций, экспрессивных по форме своего проявления и на этих основах создающих яркую **коннотацию.**

Тем не менее, при описании этого последнего типа **первичных значений** необходимо рассмотреть один очень серьезный вопрос – вопрос о том, полностью ли лишены эти слова **номинативной** функции. Постараемся ответить на этот вопрос на основе анализа целого ряда близких по своей семантике разноязычных междометий.

Русские междометия *фи!* и *фу!* выражают пренебрежение, явное неприятие каких-то нежелательных для говорящего фактов действительности. В тех же понятийных категориях и с достаточно адекватной предметно-вещественной ориентацией мы можем описать и семантику иноязычных соответствий этих русских междометий: англ. *ugh! oh!*, франц. *fi! fi donc!*, исп. *uf! puf!*, нем. *pfui!* Значит, все эти междометия в результате долгого функционирования в соответствующих языках приобрели вполне определенное понятийное содержание (С), которое находит свое отражение именно в понятийных категориях (пренебрежение, неприятие); кроме того, они приобрели и вполне определенную предметно-вещественную направленность в виде соотнесенности с житейскими ситуациями их употребления (Д). Следовательно на фоне яркой коннотации, которая прежде всего характеризует семантику этих междометий, просматриваются и их в очень значительной степени ограниченные номинативные возможности. Именно потому в наше символическое обозначение этого (последнего!) типа первичных значений слова мы все-таки ввели и знак номинации, скорее даже потенции к номинации: **1К (Н)**.

О различных функциях слова и необходимости их разграничения писали многие лингвисты: Юджин Найда предлагал разграничивать **номинативную** и **экспрессивную** (в нашей терминологии **коннотативную**) функции[78], Н.Н. Лопатникова и Н.А. Мовшович выделяют **рациональную** (способность слова обозначать **понятия**), **номинативную** и **аффективную (эмоциональную)** функции[79], В.Н. Телия – функции **номинативную и коннотативную (или экспрессивную)**[80].

Нас прежде всего интересовала проблема взаимосвязи и взаимодействия **номинативной** и **коннотативной** функций слова. На уровне **анализа первичных (прямых) значений** нам удалось дать классификацию их типов с учетом роли каждой из функций в каждом типе значения. **Типология** первичных (прямых) значений помогла увидеть всю сложную диалектику взаимосвязи и взаимодействия **номинативной** и **коннотативной** функций во внутренней структуре этих значений.

Типология первичных (прямых) значений слова выявила постепенное сужение роли номинативной функции и постепенное же расширение роли функции коннотативной в этих значениях. Этот фактор находит свое отражение как в терминологическом обозначении интересующих нас типов значений, так и в символическом их изображении: **1) прямое номинативное значение: 1 Н – 1 Н (К) , 2) прямое номинативно-коннотативное значение: 1НК, 3) прямое коннотативно-номинативное значение: 1КН, 4) непосредственно выраженное (прямое) коннотативное значение: 1К (Н)**.

Одним из принципов классификации типов значений слова у М.И. Фоминой является принцип, учитывающий **возможности лексической сочетаемости** слов[81]. Для нас в связи с этим важно отметить, что лексическая сочетаемость слов, выступающих в своих прямых (первичных) значениях, отражает реальные предметно-вещественные связи объектов действительности, она не ограничена никакими внутриязыковыми факторами и поэтому может считаться **свободной:** сочетания типа *застенчивая девушка, застенчивый юноша* вполне реальны, поскольку отражают реальные свойства характеризуемых лиц, сочетания же *застенчивый крокодил* или *остроумный бегемот* можно, пожалуй, встретить только в каких-нибудь детских сказках, их явное несоответствие действительности не требует никаких доказательств.

Итак, прямые (первичные) значения во всей их разновидности – это значения **свободные.** При этом степень свободы слов в этих значениях фактически совершенно не зависит от степени широты сочетаемости самих слов. В.В. Виноградов отмечал, что слово *пить*, имеющее очень широкую лексико-семантическую сочетаемость (*пить воду, чай, молоко, какао, вино, напитки, лимонад...*), в такой же мере свободно в своей сочетаемости, как и слова *щурить, прищуривать*, лексико-семантическая сочетаемость которых «замкнута» фактически в одном слове *глаза*[82] (сравнить: нем. *mit den Augen blinzeln*, англ. *screw up one's eyes*, франц.

---

[78] *Nida E.* Componential Analysis of Meaning. The Hague, 1975.

[79] *Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А.* Лексикология современного французского языка. – М., 1971. С. 15.

[80] *Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М., 1980.

[81] *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. – М., 1983. С. 32 –33.

[82] *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. С. 172.

cligner les yeux, исп. *entornar los ojos*, где все глаголы с единичной лексико-семантической сочетаемостью являются также **свободными**).

Вполне понятно, что слова **в прямом коннотативно-номинативном значении** предрасположены к **предикативному и полупредикативному** функционированию их в предложении: именно в этих типах синтаксического употребления главным образом и реализуется их **прямая связь с действительностью** (*Она молодец! But he is scoundrel! Mais il est gredin*!).

Сам термин **свободная лексическая сочетаемость** несколько условен: свобода сочетаемости слов в прямых (первичных) значениях всегда определяется реальными связями предметов и явлений действительности. Сравните, например, достаточно различный выбор определений для слов *брат и студент: внимательный, заботливый, ласковый, любящий, нежный брат – способный, талантливый, умный, прилежный, серьёзный, трудолюбивый студент.* При этом, как вы видите, оба имени существительных выступают в своих **свободных прямых номинативных значениях.**

Принцип лексической сочетаемости слов не рассматривается как ведущий в предлагаемой нами классификации, но он особенно активно будет учитываться при **анализе на уровне вторичных значений**, к которому мы и переходим.

5.3.2. АНАЛИЗ НА УРОВНЕ ВТОРИЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Обращаясь к анализу системы вторичных значений, отметим, что все они – **результат семантической трансформации значений первичных (прямых).** Однако эта семантическая трансформация может быть представлена различными видами смысловых моделей: это может быть **генерализация** (см: 4-е значение слова *солнце*) или, наоборот, **семантическое сужение** значения-первоисточника (1Н: *чай* – «культивируемое вечнозеленое растение, высушенные и особо обработанные листья которого при заварке дают ароматный тонизирующий напиток» →2Н: «высушенные и специально измельченные листья такого растения»); это могут быть **метафорические** (см.: 3-е значение слова слова *солнце* – 2 К !) или **метонимические** переосмысления значения-первоисточника (см.: 2-е значение слова *солнце* – 2 Н).

Однако мотивы для такой семантической трансформации могут быть различны: 1) поиск **названия** для нового предмета или явления действительности (ведущий мотив – **номинация – Н**), 2) поиск новых способов более яркого **коннотирования** уже имеющих свои названия предметов и явлений, а также их свойств, действий, состояний (ведущий мотив – **коннотация – К!**).

Поскольку **исходные мотивы** для переосмысления значений – первоисточников (это уже не всегда собственно первичные значения!) столь **различны**, мы терминологически разграничиваем **значения вторичные** на два основных типа: **1) производные номинативные значения (2 Н)** – **2) переносные коннотативные значения (2 К!).**

– Производные номинативные значения (2 Н) отражают универсальную тенденцию языков к **экономии языкового материала.** За одним словом как звуковым комплексом, помимо первичного значения, может

быть закреплен целый ряд значений производных номинативных. Так, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (М., 1992. С. 568–569) отмечено, что слово *поле*, кроме прямого номинативного значения, может иметь семь производных номинативных значений (напр.: 2) «обработанная под посев земля, участок земли», 3) «большая ровная площадка земли, пространство, специально оборудованное, предназначенное для чего-н.») и одно переносное коннотативное (используем здесь нашу терминологию!).

Английское слово (a) cock – «петух», кроме отмеченного прямого номинативного значения, имеет в современной системе языка целую серию производных номинативных значений: «петушиный крик на заре» (значение сформировано на основе **метонимического переноса**), «кран», «флюгер», «курок» (пистолета), «сторожок» (весов), «сиденье летчика» (все последующие значения сформированы, видимо, на основе **метафорических переносов**: по сходству, иногда очень отдаленному, названных предметов с петухом; в последнем значении сыграло роль некоторое сходство летчика, сидящего на несколько приподнятом сиденье, с петухом, сидящем на насесте).

Образный строй метафор и метонимий, чаще всего лежащих в основе производной номинации, может иногда носить достаточно универсальный характер: опора для мебели (стола, стула, кровати, кресла) во многих языках уподобляется *ножке* (русск., укр., польск., чешск.,) или *ноге человека* (англ., нем., шведск., норв. – «верхняя часть ноги от ступни и выше», франц., исп., итал. – «нижняя часть ноги, ступня», венг., казах., узб., малайзийск., хауса – недифференцированное обозначение ноги).

В некоторых же производных номинациях мы сталкиваемся с ярко выраженным национальным характером образов: франц. (*la*) *queue* – (первоначально «хвост») – «ручка кастрюли, сковородки», чешск. *ucho* (первоначально «ухо») – «ручка кастрюли».

Мы уже ввели для **производного номинативного** значения условное символическое обозначение **2 Н.** Однако сама проблема соотношения функций **номинации и коннотации** в этом типе вторичного значения гораздо сложнее. Конечно, в сочетаниях типа *ножка* (кровати, стола, стула) мы имеем дело с общеязыковой традиционной и давно утратившей свою образную силу метафорой (это именно **2 Н).** Многочисленные производные номинации от глагола *идти* в прямом номинативном значении «передвигаться, перемещаться в пространстве» (МАС. Т. 1. С. 631), представленные в лексико-семантических вариантах этого глагола (его **ЛСВ**): *идти* – «направляться, отправляться куда-н. с какой-л. целью» (идти гулять, идти в отхожие промыслы), *идти* – «приступать к какой-л. службе, деятельности» (идти работать, учиться), *идти* – «приближаться, появляться» (поезд идет!) и т.д. достаточно однозначно могут быть обозначены символом **2 Н.**

В некоторых сравнительно недавно появившихся производных номинациях, в особенности возникших на основе метафорических переносов, функция **коннотации** еще проявляет себя с достаточной силой (она, по крайней мере, существует у них **в потенциале!**): *жаворонок* – «тот, кто продуктивно трудится по утрам», *сова* – «тот, кто продуктивно трудится

по вечерам», *морж* – «тот, кто занимается плаваньем зимой, в ледяной воде» (также: *моржиха, моржонок*). Более правильным символическим обозначением слов такого типа является знак, не исключающий до конца функцию коннотации – **2Н (К).**

Проблема разграничения **производного номинативного (2.1)** и **переносного коннотативного (2.2)** в системе **вторичных значений** также очень сложна, однако к решению её мы сможем обратиться только после описания второй разновидности вторичных значений слов – **значений переносных коннотативных**.

Завершая анализ первой разновидности вторичных значений – **значений производных номинативных**, отметим, что они, подобно всей системе первичных значений, могут быть отнесены к **свободным**: являясь, как правило, единственным наименованием того или иного объекта действительности, его признаков, действий, состояний, оно не ограничено формами синтаксического функционирования (В нашей семье все жаворонки. Жаворонки особенно хорошо работают по утрам. У нас на работе больше любят жаворонков, чем сов.) и в своей лексической сочетаемости отражает реальные предметно-вещественнные связи (Мы идем гулять… на экскурсию… в театр… в музей; у стула кривые… прямые ножки, дай мне твою ручку… возьми мою ручку… это его ручка).

– Типология переносных коннотированных значений

Слова в **переносных коннотативных значениях**, возникших в результате поисков более впечатляющих **коннотаций,** в отличие от слов в значениях **производных номинативных,** имеют в системе языка менее выразительные в коннотативном отношении **синонимы** или **синонимически близкие номинативные единицы:** Она *змея,* но какая красивая *змея!* (И.С. Тургенев. «Вешние воды») – она *жестока и коварна*; *Медведь! Совершенный медведь!* (Н.В. Гоголь. «Мертвые души»: Чичиков о Собакевиче) – он *неповоротлив, неуклюж*.

Наличие синонима или синонимически близкой номинативной единицы – один из признаков слова в переносном коннотативном значении.

Сложность переносного коннотативного значения заключается в том, что оно включает в свой состав несколько типов, сформировавшихся на основе внутриязыкового фактора – семантической трансформации (чаще всего метафорического переосмысления) исходного значения.

Процесс семантической трансформации исходного значения может привести к появлению у **переносного коннотативного значения целого ряда типологически важных признаков**, поэтому дальнейшая типология **разновидностей** этого значения будет проводиться с учетом таких признаков.

При этом целесообразнее всего начать с того **типа переносного коннотативного значения**, который имеет минимальное количество признаков, позволяющих его формально отграничить от **производного номинативного значения.** Перед переходом к непосредственному анализу введем небольшое терминологическое уточнение: термины **производное номинативное значение** и **переносное коннотативное значение** находятся в отношении взаимопротивопоставленности и очень выразительны

именно в этом отношении. Но теперь мы переходим к типологии **переносного коннотативного значения.** Здесь считаем возможным ввести небольшое уточнение: любое **переносное значение**, т.е. значение, в котором еще очень хорошо ощущается его **образная, чаще всего метафорическая мотивированность,** всегда является **коннотативным.** Поэтому вне сопоставления с **производным номинативным значением** сам термин может быть несколько упрощен: **переносное значение + указание на его конкретный тип.**

– Переносные значения с широкой лексико-семантической валентностью («свободные» переносные значения)

Представляется, что труднее всего отграничить от **производного номинативного значения** тип **переносного значения с широкой лексико-семантической валентностью** (т.е. способностью соответствующего слова к широкой лексико-семантической сочетаемости).

Переходим непосредственно к его рассмотрению. Таким типом значения, безусловно, характеризуется русское слово *горький* в его переносном значении «тяжелый, горестный, такой, который причиняет, вызывает горе или выражает горе, огорчение»[83]. Лексико-семантическая валентность слова в этом значении является очень широкой. Даже в «Словаре сочетаемости слов русского языка» она представлена не полностью (в скобках нами указаны некоторые семантические аналоги в языках сопоставления): судьба, доля (но: исп. el destino cruel, франц. le destin cruel – «жестокая судьба, доля» с использованием эпитета в прямом номинативном значении), участь, жизнь, нужда (нем. bittere Not с использованием прилагательного в переносном значении: букв. «горькая нужда»), минута, разлука, правда, истина (исп. verdad amarga с использованием прилагательного в аналогичном переносном значении), опыт (англ. bitter experiencis, нем. bittere Erfahrung, исп. experiencia amarga – во всех языках прилагательные использованы в аналогичных переносных значениях), мысли, чувства, слова (=нем. bittere Worte, англ. bitter words), воспоминание, весть, известие, разочарование (=англ. bitter disapointment), раскаяние (=нем. bittere Reue), признание, обида, жалоба, упрек (нем. bittere Worwürfe, англ. bitter reproaches), смех (исп. risa amarga), плач, слезы (=нем. bittere Tränen, англ. bitter tears, исп. lágrimas amargas), улыбка, усмешка, ирония (=нем. bitterer Hohn, bittere Ironie), франц. (~ une remarque aigre)…Словарная статья оставлена открытой в знак того, что лексико-семантическая валентность слова *горький* в указанном переносном значении еще не исчерпана.

Признаки, помогающие отграничить слово в переносном значении с широкой лексико-семантической валентностью от слова в производном номинативном значении: 1) восприятие самого значения именно как переносного с яркой образно-метафорической мотивированностью; 2) наличие в системе языка синонимов и синонимически близких слов (горькая судьба – жесткокая судьба, ср. с параллелями испанского и французского языков, тяжелая судьба; горькие мысли, чувства, пережи-

---

[83] Словарь сочетаемости слов русского языка // Под ред. Денисова П.Н. и Морковкина В.В. – М., 1983. С. 110.

вания – печальные мысли, чувства, переживания; горькая улыбка, усмешка, ирония – печальная улыбка, усмешка, злая ирония).

– Переносные лексически связанные значения

Достаточно часто семантическая трансформация исходного значения приводит к резкому ограничению лексико-семантической валентности слова в значении **переносном**, «замыкая» эту валентность только возможностью сочетания со словами одной или двух ЛСГ. Такой **тип переносного значения** является уже **лексически связанным.**

Слово *серебряный* в переносном значении «мелодичный, звонкий, обладающий высокой тональностью» вступает в сочетание со словами ЛСГ «звук» (*звук* как слово, обозначающее родовое понятие, или **гипероним**, также *голос, звон, смех, тон, перезвон, трель, тенор, альт*, но не *баритон, бас*, поскольку эти голоса отличаются низкой тональностью!): *Угощу под заветнейшим кленом / Я беседой тебя не простой – / Тишиною с серебряным звоном / И колодезной чистой водой* (А. Ахматова).

Аналогичная сочетаемость характеризует и немецкое слово *hell* в синонимически близком переносном значении: *heller Ton, helle Stimme, heller Klang, helles Lachen* (в прямом номинативном значении – «светлый»).

Оба слова (и русское *серебряный*, и немецкое *hell*) характеризуются **переносными лексически связанными значениями.**

Глагол *погружаться* обладает широкими лексико-семантическими связями, но для каждого из двух его **переносных значений** связи эти все-таки **лексически ограничены:** для значения «приходить в какое-либо состояние» они почти полностью исчерпаны словами ЛСГ психических проявлений (*погружаться в воспоминания, мысли, размышления, думы, задумчивость, мечты, тоску, печаль...*), для значения «полностью отдаваться какому-то делу, занятию» – связью со словами ЛСГ «формы деятельности» (*погружаться в работу, науку, учебу, занятия, дело, заботы, хлопоты...*). Перед нами снова тип **переносного лексически связанного значения** [84].

– Переносные фразеологически связанные значения

В отдельных случаях слово с **переносным значением** способно его реализовать только в том микроконтексте, в котором, видимо, и произошло переосмысление слова в исходном значении. Этот микроконтекст представляет собой в системе языка уже **устойчивое (фразеологическое) сочетание, которое воспроизводится полностью. Переносные значения** такого типа являются **фразеологически связанными**: русск. *голубые* мечты – «заветные, очень дорогие, но неисполнимые мечты» (при широкой лексико-семантической валентности слова в прямом номинативном значении: голубые глаза, голубое платье, голубые цветы, голубой небосклон, голубая тетрадь...), *розовые* мечты – «прекрасные, но очень наивные и тоже неисполнимые мечты», франц. *voix blanche* (букв. «белый голос») – «бесцветный, невыразительный голос» (также при широкой валентности слова blanc в прямом номинативном значении: une maison blanche, une robe blanche, une ceinture blanche...), *une voix aigre* (букв. «горький голос») – «пронзительный, раздражающий голос», нем. *dicke Freunde* (букв. «толстые друзья») – «очень близкие, закадычные друзья» (но dicke Freundinnen может быть понято только буквально: «толстые подруги»), англ. *white lie* (букв. «белая ложь») – «ложь, достойная прощения» (ср. с русск. *святая* ложь), *black lie* («черная ложь») – «особенно подлая ложь».

Как показывают многочисленные разноязычные примеры, в составе **фразеологических сочетаний** один компонент (в наших примерах **имя существительное**) сохраняет свое прямое номинативное значение, второй же компонент – **имя прилагательное** – выступает в **переносном фразеологически связанном значении.**

Узкие рамки фразеологически обусловленной сочетаемости слов могут постепенно расширяться, в таких случаях слово в переносном фразеологически связанном значении обнаруживает тенденцию к переходу в разряд слов со значением лексически связанным: в современном русском языке слово *розовый* в указанном уже выше переносном значении достаточно часто сочетается со словом *надежды*, а также с некоторыми словами ЛСГ, обозначающей периоды жизни человека, как правило, ранние периоды: *розовое* детство, *розовая* юность.

Итак, рассмотренные нами переносные значения могут быть расположены по степени широты сочетания слов в этих значениях в следующем порядке: **1) переносные значения с широкой лексико-семантической валентностью, 2) переносные лексически связанные значения, 3) переносные фразеологически связанные значения.**

– Переносное синтаксически связанное значение

4-й тип **переносного значения** построен на совершенно ином внутриязыковом факторе. На этот фактор, лежащий в основе формирования 4-го типа переносного значения, обратил в свое время внимание А.А.Потебня: «Если, напр., говорим: этот человек – *осел, вол, баран, лисица*, то каждый раз имеем в виду определенное свойство известного животного и *отвлекаемся* от остальных его свойств. Это возможно лишь в том случае, если слово поставлено **предикативно** или **атрибутивно** (выделено нами. – *Ю.С.*)...» [85].

В.В.Виноградов называет **переносное значение** слова *петух* – «забияка» **предикативно-характеризующим** [86]. Далее он приводит целый ряд названий животных и птиц, которые употребляются для образной характеристики тех или иных свойств человека: *гусь, осел, ерш, лиса, байбак, ворона* [87]. Перед нами целая серия русских **отанималистических метафор**, обладающих яркой образностью, экспрессивностью, которые придают им эмоционально-оценочный характер и делают их поэтому одним из наиболее **коннотативных** средств характеристики человека. Нами подобные **коннотативные** средства качественной оценки лица были подробно рассмотрены выше на материале многих языков (см.: **Лекси-**

---

[84] Термин впервые использован Л.А.Качаевой: *Качаева Л.А.* Об основных типах лексических значений слова» // Филологические науки, № 6, 1978.

[85] *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т.3. – М., 1968. С.62 (Работа издана впервые в 1899 г. – *Ю.С.*).

[86] *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. С.184.

[87] Там же. С.184.

ческое значение как многокомпонентная структура). Здесь напомним только один наш пример из пьесы А.П. Чехова «Медведь» в сопоставлении с английским переводом: (Попова:) *Медведь! Медведь! Медведь!* – (Popova:) *Great bear! Bear! Bear!*

Этот пример интересен в том отношении, что и в русском, и в английском языках слова **в переносных значениях** употреблены **предикативно** (термин А.А. Потебни), как **предикативно-характеризующие** (термин В.В. Виноградова). В.В. Виноградов называл также этот тип значения слов **функционально-синтаксически ограниченным значением**[88].

М.И.Фомина предлагает для переносных значений такого типа термин **синтаксически обусловленное значение**[89].

Несомненно, что этот же тип значений (без его терминологического определения) описал в 1953 году (год выхода в свет статьи В.В. Виноградова!) и французский лингвист Ф. Брюно (F. Brunot): Elle est mère pour tous ces enfants. Elle était toujours soeur pour moi (Она мать для всех этих детей: не являясь фактически матерью этих детей, она заботится о них и любит их как родная мать; не будучи для меня сестрой, она заботилась обо мне как сестра; слова mère и soeur употреблены в **переносных предикативно-характеризующих значениях**, обращает на себя внимание и тот интересный факт, что во французском языке в данных конкретных случаях имеется формальный показатель этого типа значения – отсутствие артикля[90]).

Итак, 4-й тип **переносного значения**, отличающийся от трех предыдущих внутриязыковым принципом его формирования, характеризуется **синтаксической связанностью** употребления слова: значения данного типа реализуются только в **функции предиката** или **функциях полупредикативных** (Будь же счастлива, Мери, *солнце* жизни моей!). Это **переносное синтаксически связанное значение.**

В целом же типология переносных коннотативных значений представлена четырьмя их типами:

1) переносное значение с широкой лексико-семантической валентностью, которое можно условно назвать **свободным** (однако термин «свободный» здесь понимается скорее как синоним выражения «обладающий широкой лексико-семантической валентностью») **– 2 К! (Н) св.;**

2) переносное лексически связанное значение – 2 К! (Н) л/ св.;

3) переносное фразеологически связанное значение – 2 К! (Н) фр / св.;

4) переносное синтаксически связанное значение – 2 К! (Н) синт. / св.

Знак **(Н)** в символическом изображении демонстрирует второстепенную роль функции номинации во всей системе переносных значений. Тем не менее, в каждом из них номинация реализуется на фоне ярко выраженной и явно превалирующей функции коннотации: во фразеологическом сочетании *розовые мечты* первое слово, выступая в переносном фразеологически связанном значении, называет мечты идиллические и наивные; слово *лиса* в переносном синтаксически связанном значении

[88] Там же. С.186.
[89] *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. – М., 1983. С. 33.
[90] *Brunot.F.* La pensée et la langue. – Paris, 1953.

называет человека хитрого и изворотливого. Очень интересный случай **предикативного расширения слова в синтаксически связанном значении до целого словосочетания** представлен при демонстрации английского перевода русского слова *медведь* (= *great bear!*), расширение слова до целого словосочетания, формально уже сближающего всю конструкцию с **фразеологизмом,** мотивировано стремлением усилить коннотативные возможности слова, характеризуемого данным типом переносного значения. Подобные случаи специально будут рассмотрены в главе III, посвященной явлениям **лексико-фразеологической переходности**.

В основополагающей для нашей типологии статье В.В. Виноградова достаточно часто употребляется и термин **конструктивно обусловленное значение**[91]. Однако мы постараемся доказать, что в данном случае речь идет скорее о **признаке**, характеризующем самые различные типы как **первичных (прямых), так и вторичных (производных номинативных и переносных коннотативных) значений слов.**

Анализируя значение глагола *впасть*, В.В. Виноградов одновременно называет его и **фразеологически связанным**, и **конструктивно обусловленным. Конструктивно обусловленным** оно является потому, что этот глагол в значениях **переносных** может быть употреблен только в конструкции «впасть + в + N–4 (существительное в винит. пад.)»: 1) «начать испытывать какое-нибудь состояние (тягостное, предосудительное)»: *впасть* в бешенство, в ярость, в отчаяние, в сомнение, в гнев… 2) «проявить признаки чего-нибудь (расцениваемого отрицательно)»: *впасть* в ересь, в противоречие, в пошлый тон, в крайность, в бедность, в ничтожество…[92]

Как показывает достаточно широкая, но все же лексически ограниченная сочетаемость этого глагола в двух его переносных значениях, здесь скорее следует говорить **о лексической связанности** этих значений.

Рассмотренный нами выше глагол *погружаться* в двух своих **переносных** значениях также является не только **лексически связанным**, но и **конструктивно обусловленным**: для реализации этих значений необходима **синтаксическая конструкция** «погружаться + в+ N–4».

Признак конструктивной обусловленности может характеризовать значения самых различных типов. Напомним прежде всего, что в практике преподавания русского языка как иностранного и интересующих нас иностранных языков многие глаголы **в прямых номинативных значениях** даются учащимся сразу с характерными для их употребления синтаксическими конструкциями «глагол + предлог + сущ.(N) в нужной падежной форме, если в данном языке *падежные формы* вообще возможны».

Прямое номинативное значение таких глаголов является, следовательно, **конструктивно обусловленным:** русск. *надеяться* + на + N–4, *полагаться* + на + N–4, возможны и беспредложные конструкции: *гордиться* + N–5), англ. *to wait* for + N – «ждать кого-л.», *to explain* to + N (somebody) – «объяснять кому-либо», франц. *s'intéresser* à qch (+ N) –

[91] *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 186, 187.
[92] *Виноградов В.В.* Указ соч. С. 178.

«интересоваться чем-либо», *parler* de qch (+N) – «говорить о чем-либо», исп. *preocuparse* por +N – «заботиться о чем, ком–л.», *confiar* en – «доверять в чем-либо», нем. *sich interessieren* für + N–4 – «интересоваться чем-либо», *denken* an +N–4 – «думать о чем, ком-л.».

Чтобы показать, что признак **конструктивной обусловленности** характерен для самых разных типов **переносного значения**, покажем его проявление в формах многоязыкового выражения широко распространенной метафоры «большое количество каких-либо объектов, чаще всего способных составить одну сплошную массу» →*«море»*.

В русском языке слово *море* в указанном **переносном** значении имеет **широкую лексико-семантическую валентность** в пределах **конструкции** *«море* + сущ. в родит. пад. (N–2): *море крови, слез, вина, огней, цветов, людей, машин…* происходит явное расширение лексико-семантической сочетаемости за счет слов отвлеченной семантики*: море счастья, радостей, впечатлений, гипотез, слов*; у Б.Окуджавы находим индивидуально-авторское расширение сочетаемости: «лишь слов напрасных пустота, да *море клятв,* да запах серы» (Дружба народов, 1988, № 1).

Указанный выше **тип переносного значения** характерен также для польского: *morze krwi, morze lez, morze wina, kawy, gło'w, płomienie, miłośći, nieszczęść* (несчастий), английского (**в конструкции** «a sea **of** + N): *a sea of blood, of flame, of troubles, of heads*, французского (**в конструкции** «la mer **de** + N»)*: la mer de sang, de blé, de sable, de mots*, испанского **в конструкции** «el mar, но чаще la mar **de** N): *un mar de lágrimas, la mar de gente, la mar de puchos de cigarillos* (~ уйма окурков от сигарет) языков, индивидуально-авторское сочетание в пределах модели: На estado *la mar de tardes sin salir* (V. Blasco Ibánez. «Sangre y arena»: ~ было множество вечеров без выхода из дома) свидетельствует об очень широкой лексико-семантической валентности слова la mar в **переносном значении.**

Но во вьетнамском языке слово biển («море») зафиксировано в специфической для этого языка беспредложной **конструкции N+N** в указанном **переносном** значении только в двух сочетаниях: *biển máu, biển lúa* («море крови», «море огня»). Перед нами явно **переносное фразеологически связанное и конструктивно обусловленное значение.**

Именно с таким же типом значения мы имеем дело и в узбекском языке, где слово *дар'ё* (букв. «большая река») с редупликацией (повторением) реализует свое переносное значение в **единственном фразеологическом сочетании**: *дар'ё – дар'ё к,он* («большая река крови»).

Переносное фразеологически связанное и конструктивно обусловленное значение достаточно широко представлено в русском языке конструкцией типа «N–1 + N–2», в составе которой компонент N–1 выступает именно в **переносном фразеологически связанном значении**, реализующим себя только при соединении с компонентом N–2: *зерно* истины, *гвоздь* программы, сезона, *нить* разговора, *червь* сомнения[93]. Семантические аналоги этих русских выражений существуют и в языках

[93] *Смерчко З.Е.* К вопросу об устойчивости фразеологических сочетаний в современном русском языке // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968. С. 106–113.

сопоставления, в их составе слово в переносном фразеологически связанном значении также реализует это значение в характерной для данного языка конструкции.

Сравните соответствия русского фразеологического сочетания *зерно истины* в языках регулярного сопоставления: англ. *a grain of truth*, франц. *un grain de vérité*, нем. *ein Körnchen Wahrheit,* исп. *una migaja de verdad.*

Синтаксически связанное переносное значение, характеризуемое признаком конструктивной обусловленности, было уже продемонстрировано нами на примере 3-го значения слова *солнце* и его семантических параллелей в немецком, французском и отчасти испанском языках. Этот же тип значения, характеризуемый признаком **конструктивной обусловленности**, можно показать и на примере **переносного синтаксически связанного значения** слова *сын* – «приверженец (чего-л.), человек, характеризуемый определенными склонностями»: Я, право, *неги сын* (А.С. Пушкин), И ты пришел, *сын лени вдохновенный*, / О Дельвиг мой (А.С. Пушкин).

Семантические параллели, представленные также **переносным синтаксически связанным и конструктивно обусловленным значением** соответствующих слов, можно найти и в языках сопоставления: англ. he is *a son of Apollo* (он – поэт), he is *a son of the soil* (он – дитя природы, букв. он – сын земли), франц. il est *le fils de la lyre* (он – поэт, букв. он – сын лиры), il est *le fils de ses oeuvres* (он всем обязан самому себе, букв. он – сын своих дел), нем. er war *ein echter Sohn der Musen* (он был поэт, букв. он был подлинным сыном муз), dieser hässliche Junge ist *ein echter Sohn der Hölle* (этот противный мальчишка – сущее исчадие ада, букв. настоящий сын ада), исп. él es *hijo del agua* (он прекрасный пловец, букв. он – сын воды), él es *hijo de sus obras* (он всем обязан самому себе, букв. он – сын своих дел, ср. с франц.).

Слова в **производных номинативных значениях** часто нуждаются в **конструктивных восполнениях** для более четкого и однозначного понимания всего высказывания: *ножка* сломана (ср.: ножка стула сломана), *ручка* сломана (ср.: ручка двери сломана), *носик* разбит (ср.: носик чайника разбит).

Итак, **признак конструктивной обусловленности может характеризовать самые различные типы первичных и вторичных значений и именно поэтому не может быть признан особым типом значения.**

В целом наша типология лексических значений слова, впервые представленная читателям еще в 1988 году[94], может быть в символических знаках продемонстрирована в следующем обобщенном виде: 1) анализ на уровне **первичных (прямых) свободных значений: 1Н –1Н (К) –1НК – 1КН –1К (Н);** 1) анализ на уровне **вторичных (производных номинативных и переносных коннотативных значений): 2Н – 2Н (К)** (система **производных номинативных свободных значений) → 2 К! (Н) св. – 2К! (Н) лексич. связ. – 2К! (Н) фраз. связ. – 2К! (Н) синт. связ.** (система **переносных коннотативных значений**).

[94] *Солодуб Ю.П.* Типология значений языковых единиц докоммуникативного уровня (функциональный аспект анализа) // Филологические науки. 1988, № 5. С. 37–46.

5.4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СЛОВА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВЗАИМОСВЯЗИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЕГО ЛЕКСИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

Изучив **типологию лексических значений слова**, мы теперь можем обратиться к его **семантической структуре** как проявлению взаимосвязи и взаимодействия **различных типов** этих значений.

Уже в связи с анализом понятия о **лексеме** мы представили **семантическую структуру** слова *СОЛНЦЕ* во взаимосвязи и взаимодействии его отдельных значений. Однако при первичном ознакомлении с понятием семантической структуры слова мы специально выбрали лексему, соотношение различных типов значений которой не было очень сложным.

Вместе с тем в лексической системе современного русского языка, как и языках сопоставления, достаточно много лексем с очень сложной **структурной конфигурацией значений**: с очень сложными их взаимными связями и формами взаимодействия. Для подтверждения этого положения остановимся на лексеме с одной из наиболее сложных семантических структур – на семантической структуре лексемы *СВЕТЛЫЙ*. Семантическая структура этой лексемы будет рассмотрена нами в сопоставлении с семантически близкими ей лексемами всех четырех языков регулярного сопоставления.

Изучив описание семантической структуры этой лексемы в современной русской лексикографии (БАС, МАС, Толковый словарь русского языка под ред. С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), мы сочли возможным использовать то её описание, которое дает в диссертационном исследовании, специально посвященном семантической структуре имен прилагательных с исходным (первичным!) световым значением Е.А. Шумских[95]. Этот источник представляется нам наиболее исчерпывающим и корректным. Однако в отдельных случаях со знаком ~ вводятся наши коррекции материала.

Прежде чем обращаться к демонстрации семантической структуры выбранной нами лексемы, мы должны остановиться на понятии **оттенок лексического значения**, которое в предыдущих разделах главы 1 и во введении не рассматривалось.

Ю.Д. Апресян, несомненно, прав, указывая на значительную неопределенность в толковании этого понятия различными лексикологами и лексикографами[96]. Но это понятие, тем не менее, активно используется во всех изученных нами и названных выше лексикографических источниках, поэтому полностью игнорировать его мы не можем.

С нашей точки зрения, **оттенок лексического значения (ЛЗ)** – объективная реальность, проявляющаяся в семантике слов. Это такая форма реализации в системе языка того или иного значения, которая **оттеняет** (выделяет, подчеркивает) какие-то отдельные содержательные аспекты в

[95] *Шумских Е.А.* Семантическая структура имен прилагательных с исходным световым значением в современном русском языке: Дисс. на соискание ученой степени канд. филологич. наук. – М., 1996.

[96] *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Фирма, РАН, 1995. С.243–248.

сигнификативном, денотативном, коннотативном или этнокультурном компонентах лексического значения, не изменяя в целом самих этих компонентов.

Появление у того или иного ЛЗ **оттенка значения**, естественно, отражается на структурном компоненте ЛЗ, поскольку это ЛЗ начинает существовать в системе языка наряду с выделенным **на его основании** оттенком, вполне возможно, что **оттенок значения может семантически сформироваться с течением времени в самостоятельное ЛЗ** (думается, что такие именно отношения существуют в современном русском языке между **переносным коннотативным синтаксически связанным и конструктивно обусловленным** значением лексемы *СОЛНЦЕ* – «самый близкий, самый дорогой человек» и **оттенком** этого значения – «о чем-либо очень близком и дорогом»).

Вполне понятно, что при сопоставлении с одним из производных номинативных значений лексемы *СВЕТЛЫЙ* (2Н) «хорошо освещенный, достаточно наполненный светом (преимущественно о дневном, солнечном свете)» содержание «прозрачный, свободно пропускающий свет, создающий четкую видимость» воспринимается как его **оттенок**, уточняющий степень этой освещенности, доведенной до *прозрачности*.

При использовании понятия «оттенок значения» мы пользуемся традиционным в лексикографии знаком //.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЛЕКСЕМЫ *СВЕТЛЫЙ*:

1. ~ «излучающий умеренно-яркий, спокойный, ровный свет (о естественных и искусственных источниках света)»: светлое солнце, светлые звезды, светлая лампа; Во имя света и науки / Свой светлый светоч поднимай! (С. Надсон. Светоч – «большой факел») – **1Н (К** – в отдельных контекстах как результат воздействия специфики **С и Д**, см.: из стих. С. Надсона);
2. «хорошо освещенный, достаточно наполненный светом» (обычно о дневном, солнечном свете): светлое утро, светлая комната; Среди этих больших светлых комнат я жил уединенно …(Б.К. Зайцев. «Тихие зори») – **2Н (К** – также определяется спецификой контекста, см.: из рассказа Б.К. Зайцева); // «свободно пропускающий свет, дающий возможность далеко видеть, прозрачный, ясный» (Светлые башни! Хочу вас видеть/ В мерцанье призрачно – белых стен! – В. Ходасевич. Белые башни); // «незначительный, слабо наполненный светом» (**антонимический** по сравнению с предыдущим оттенок значения, обычно о явлениях природы, связанных с приближением темноты: светлые сумерки (ср. с нем. helle Dämmerung), светлая мгла, светлые вечера, ночи);
3. «не темной окраски, оттенков цвета»: светлые ткани, светлое пальто; Ходят молодые студенты и девушки в светлых платьях (Б.К. Зайцев. «Тихие зори») – **2Н (К** как контекстуально обусловленный компонент **ЛЗ**: см. выше в рассказе Б.К. Зайцева); // «менее насыщенный, менее густой по сравнению с обычной окраской»: светлый румянец, светлая листва деревьев; // «легкий, слабый загар» (о цвете или оттенке кожи): Говорили – на сто миль вокруг/ Женщин не было меня свет-

лее (Н. Гумилев. Озеро Чад) // «светлеющий, выделяющийся в темноте»: светлое пятно лица выделялось в темноте;

4. ~ «ярко отражающий свет, блестящий» (соединение *света и блеска!*): Нет солнца, но светлы пруды / Стоят зеркалами литыми (И.А. Бунин) – **2 Н(К)**;
5. ~ **перен.** «погожий, ясный, солнечный»: погода стояла светлая (ср. с франц. temps clair, исп. tiempo claro, tiempo despejado) – **2 К (Н),** погода получает **метонимическую** характеристику (по светлым, солнечным дням);
6. ~ **перен.** «прозрачный (на свету), очень чистый» (обычно о жидкости, о стеклянных поверхностях): светлые капли дождя, светлая роса, …и его образ, омытый светлыми слезами (Б.К. Зайцев. «Тихие зори»), **метонимическая** характеристика по способности объекта на основе значительной светопроницаемости казаться светлым –**2 К (Н), лексич. связ.** (ограниченная связь с ЛСГ «жидкость» и «стеклянная поверхность»), // чистый, ясный, незамутненный (только о глазах!): Светлые черные глаза Машуры…(Б.К. Зайцев. «Голубая звезда») – оттенок значения – **ОЗ** – характеризуется **фразеологической связанностью**;
7. **перен.** «высокий, ясного, чистого тембра» (о голосе, вообще о звуках высокой тональности): звучал её светлый голос (ср. с англ. clear voices of children, нем. eine helle Stimme, франц. une voix claire, исп. voz clara) – **2 К (Н),** значение построено на так называемой **синестетической метафоре**, переводящей эпитет из одной предметно-вещественной сферы в другую (от зрительного восприятия к восприятию звуковому);
8. **перен.** «радостный, беспечальный, ничем не омраченный» (чаще всего со словами ЛСГ «душевное состояние человека»: волнение, настроение, расположение духа, воспоминания): Наконец, в светлом волнении он приоткрывает глаза (Б.К. Зайцев. «Миф») – **2 К (Н), лексич. связ.**;
9. **перен.** «благополучный, счастливый, удачный» (только со словами ЛСГ «жизнь»: светлая судьба, жизнь, доля, предопределение, также о некоторых периодах жизни: светлая юность) – **2 К (Н), лексич. связ.** // «внушающий оптимизм, веру в лучшее будущее» (обычно со словами типа: мечты, грезы, надежды): И грезится мне светлая мечта. И.А. Бунин. Надежды светлые кипят у нас в груди. С. Надсон. **ОЗ с тенденцией к лексической связанности**;
10. **перен.** «просветленный, умиротворенный, озаренный внутренним светом, обладающий ясным и чистым духом»: И Праведник шел за посланником Бога / Огромный и светлый по черной горе. А. Ахматова – **2 К (Н)** (в пределах очень ограниченного круга лексики, обозначающей лиц, проявляющих указанные выше качества: праведник, праведница, подвижник, подвижница), **лексич. связ.**;
11. **перен.** «обладающий высокими моральными качествами, благородный, прекрасный»: светлая личность, светлый образ матери (отца, брата, сестры, друга, подруги), светлый человек – **2 К (Н), лексич. связ.**;

12. **перен.** «обладающий развитым умом, способный ясно и четко мыслить» (об уме, мыслях: И зарею ясной запылает время / Время светлой мысли, правды и труда. С. Надсон) – **2 К (Н), лексич. связ.**

Перед нами лексема, имеющая исключительно сложную семантическую структуру: эта семантическая структура включает в свой состав 12 лексических значений, причем некоторые из них (5) имеют особые оттенки значений. Показать взаимосвязь и взаимозависимость всех компонентов семантической структуры будет, конечно, достаточно трудно.

Еще В.В. Виноградов обратил внимание на то, что **прямое номинативное значение слова – «опора и общественно осознанный фундамент всех других его значений и применений»**[97].

Именно с этого значения, значения **первичного,** мы и начнем наш анализ. Сразу отметим, что при символическом представлении значения в виде краткой формулы **1 Н (К)** мы не сочли возможным, учитывая функцию **номинации как явно превалирующую**, совершенно не учесть и **коннотативных его возможностей**: возможности **позитивного** осмысления заложены уже в самой формулировке **прямого номинативного значения** (см. выше) и таят в себе намеки на многочисленные разновидности **позитивно окрашенных его переосмыслений.**

В данном разделе главы 1 при анализе семантической структуры лексемы *СВЕТЛЫЙ* мы почти не обращаемся к методологии **семного** (в другой терминологии – **компонентного**) анализа: этот тип анализа лексической семантики слов подробно будет представлен в следующем разделе главы. Тем не менее, отдельные фрагменты семного анализа будут введены уже и в этот раздел.

Как мы видим, **прямое номинативное значение (1) и производные номинативные значения лексемы** *СВЕТЛЫЙ* **(2, 3, 4)** объединены наличием **семы** «световой признак». Возникновение **производных номинативных значений** связано прежде всего с трансформацией именно этой семы: в **прямом номинативном значении** эта сема обозначает признак, присущий **субъекту**, способному **к светоизлучению**; во 2-м по счету и в сущности 1-м **производном номинативном значении** этот признак приписывается **объекту**, способному **к светопроницаемости**; во 2-м **производном номинативном значении** обозначается **степень светопроницаемости** («не темной окраски, оттенков цвета»); в 3-м **производном номинативном значении** отмечается способность **субъекта к светоотражению, блеску**.

Естественно, что 1-е производное номинативное значение возникло от значения прямого номинативного, но 2-е значение этого типа сформировалось на основе значения уже вторичного, тоже производного номинативного (3←2), последнее же производное номинативное значение восходит также к прямому номинативному: способность субъекта к светоизлучению трансформирована в нем в способность к светоотражению и блеску. Представим в виде схемы взаимосвязь и взаимозависимость 1-х четырех значений слова: 2, 4 →1, 3→2.

---

[97] *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. С. 171.

Начиная с 5-го (по счету!) значения семантическая структура лексемы СВЕТЛЫЙ включает в свой состав 8 **переносных значений с ярко выраженной коннотацией** (их символическое изображение: **2 К (Н)**). Из них 5-е и 6-е представляют собой метонимические замены определенных признаков словом, отражающим признак именно световой (5: погожий, ясный, солнечный → светлый; 6: прозрачный, очень чистый (на свету!) → светлый) . 5-е значение явно восходит к значению 2-му (ср.: «хорошо освещенный, достаточно наполненный светом» → «погожий, ясный, солнечный» → «светлый»), 6-е – по «семантической цепочке» к 5-му: «прозрачный, очень чистый» (о жидкости, стеклянной поверхности) → «светлый»; «семантическая цепочка» не обрывается и на 7-м значении, образная структура которого была описана выше. Итак: (2) ← 5 ← 6 ← 7.

Метафора, на основе которой построено 8-е значение, явно содержит уподобление таких признаков эмоциональной сферы, как радостный, беспечальный, ничем не омраченный, зримо воспринимаемым картинам безоблачного, ясного, хорошо освещенного солнцем неба (см. значение 2). Итак: 8 ← 2.

Далее идут переносные коннотированные значения 9, 10, 11, метафоры, образно мотивирующие эти значения, требуют особенно внимательного анализа.

Для значения 9 роль своего рода «внутренней формы» – метафоры, его образно мотивирующей, играет значение 2: «хорошо освещенный, достаточно наполненный светом» → «благополучный, счастливый, удачный» (о жизни), вместе с тем это значение является своего рода конкретизацией значения 8. Видимо, семантическими источниками значения 9 являются оба указанных выше значения: 9 ← 2, 8.

Значение 10 образно мотивируется значением 1, которое также осмысливается как его своеобразная внутренняя форма: 10 «просветленный, озаренный внутренним светом» ← 1 «излучающий умеренно яркий, спокойный, ровный свет» (метафора в какой-то мере также носит синестетический характер: душевная ясность и чистота, «свет души» уподобляются световой энергии как физическому явлению).

Все, сказанное выше о взаимосвязи значений 1 и 10, позволяет рассматривать значение 11 как их семантическую производную: метафорическую мотивированность значение 11 получает на основе значения 1, его содержание (теснейшее взаимодействие С, Д, К) предельно приближают его к значению 10. Итак: 11← 1, 10.

Наконец, последнее значение (12) представляет собой результат метафоризации значения 11: высокий интеллект уподоблен высоким моральным качествам.

В результате проведенного анализа семантическая структура лексемы *СВЕТЛЫЙ* предстает перед нами во всей внутренней сложности взаимосвязей и взаимозависимостей своих значений. Поскольку, однако, **все значения лексемы *СВЕТЛЫЙ* находятся между собой в непосредственно или опосредованно выраженной семантической связи, мы можем с уверенностью утверждать, что перед нами не 12 различных слов, а 12 лексико-семантических вариантов одного слова, или лексемы. Тождество этой лексемы как одной лексической единицы поддерживается, таким образом, не только единством её материального выражения (*звукокомплекс СВЕТЛЫЙ*), но и семантическим взаимодействием всех её 12 значений**[98].

Заканчивая семантический анализ русской лексемы, отметим еще раз особую важность её первичного прямого номинативного значения как основу всех остальных возможных семантических трансформаций.

Для упрощения процедуры анализа отметим также, что оттенки значения рассматриваются нами в пределах соответствующих значений как их семантические производные, не имеющие, однако, статуса самостоятельного ЛЗ.

Сопоставление лексемы *СВЕТЛЫЙ* с семантически близкими ей лексемами английского, немецкого, французского и испанского языков является сложной проблемой, поскольку ни в одном из этих языков нет абсолютно точного семантического эквивалента, обладающего совершенно идентичной семантической структурой. Иначе говоря, обращаясь к поискам такого эквивалента, мы будем вынуждены «составлять» его из нескольких лексем интересующих нас языков. Только **взятые вместе** они способны передать **все значения** русской лексемы *СВЕТЛЫЙ*.

Перечислим с указанием языков те лексемы, которые выступают в качестве наиболее частотных эквивалентов русского слова в том или ином его значении: англ. bright, light, clear, реже lucid, франц. clair, lucide, lumineux, реже radieux, нем. hell, klar, licht, реже leuchtend, исп. claro (чаще всего!), luminoso, radiante, lucido, brillante.

Оттенки значений в процедуре сопоставительного анализа рассматриваться не будут. Значения русской лексемы не повторяются, а даются под соответствующими цифровыми индексами (1-е значение – 1, 2-е значение – 2, 3-е – значение –3 и т.д.).

1. Русск.яз. – 1: англ. bright (the star is bright, a sunshine is bright), light: a light lamp, a light candle; нем., hell: die helle Sonne scheint, ein heller Sonnenschein, eine helle Lampe; франц. clair: un clair soleil, lumineux: un corps lumineux, un rayon lumineux; исп. claro: Luna clara, brillante: el sol brillante.
2. Русск. яз. – 2: англ. light, bright: a light / bright room, a light / bright day; нем. klar: der klare Himmel, hell: ein helles Zimmer, der helle Morgen, licht: die lichte Weite (poetisch); франц. clair: une chambre claire, une pièce claire; исп. claro: dia claro, una habitación clara.
3. Русск. яз. – 3: англ. light: light hair, light complexion, fair: fair complection, light-coloured dress; нем. hell: helles Haar, ein helles Kleid; франц. clair: une étoffe claire; исп. claro: vestido claro.
4. Русск. яз. – 4: англ. ~ bright eyes – «блестящие глаза», нем. licht: lichte Augen, франц. clair: des vitres bien claires, исп. claro: ojos claros.
5. Русск. яз. – 5: англ. bright: bright day, radiant: radiant morning, clear: clear sky; нем. klar: ein klarer Himmel, ein klarer Tag; франц. clair: le temps clair, le ciel clair; исп. tiempo claro.

---

[98] О проблеме тождества слова в системе языка см.: *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. С. 74 –96.

6. Русск. яз. – 6: англ. clear: clear water of the lake, clear glass, bright: bright wine, lucid: lucid streams; нем. hell: helles Wasser, klar: klares Wasser, eine klare Quelle; франц. lumineux: une source lumineuse, исп. claro: almas de fuentes claras (F. Garcia Lorca).
7. Русск. яз. –7: англ. clear: clear voice, clear voices of the children, the clear note of bell; нем. hell: eine helle Stimme, ein heller Klang, ein heller Ton, helles Gelächter; франц. clair: un son clair, une voix claire (T. Gautier: elle me dit d'une voix gracieuse, plus claire que l'argent); исп. claro: voz clara, sonido claro.
8. Русск. яз. – 8: англ. bright: bright future, bright prospects, bright face, bright smile; нем. licht: lichte Zukunft, hell: das helle Morgen – «счастливое будущее»; франц. radieux: un avenir radieux, un visage radieux; исп. luminoso: futuro luminoso, radiante: porvenir radiante.
9. Русск. яз. – 9, только для передачи ОЗ «внушающий оптимизм, веру в лучшее будущее» (ЛСГ «мечты, грезы, надежды»): франц. rêves ensoleillés – «мечты, пронизанные солнцем», исп. sueños dorados – «золотые (позолоченные) мечты».
10. Русск. яз. – 10: в языках регулярного сопоставления отсутствуют переносные коннотативные значения, построенные на «световых» метафорах.
11. Русск. яз. – 11: англ. bright, fine: fine woman, perfect: A perfect Woman, nobly planned, / To warn, to comfort, and command (William Wordsworth); нем. leuchtend: ein leuchtendes Beispiel, eine leuchtende Heldentat, licht: die lichte Gestalt der Mutter, das lichte Antlitz der Heldin; во французском и испанском языках нет переносных значений, близких по типу мотивирующих их метафор.
12. Русск. яз. – 12: англ. clear: clear intellect, clear head; bright: bright boy, bright girl (~«способный»), lucid: lucid mind; нем. hell: ein heller Kopf, licht: ein lichter Gedanke, klar: ein klarer Verstand; франц. lucide: esprit lucide, idée lucide, lumineux: esprit lumineux, idée lumineuse, исп. claro: explicación clara, lucido: mente lucido.

При сопоставлении лексемы *СВЕТЛЫЙ* с близкими по семантической структуре лексемами иностранных языков мы, разумеется, не смогли рассмотреть все значения каждой из них: к сопоставлению привлекались только действительно близкие значения. Вот почему за пределами нашего сопоставления оказались и некоторые уникальные семантические явления: таковы, например, два **переносных лексически связанных** значения немецких лексем *LICHT и HELL: licht* – «редкий (и поэтому *просвечивающий!*)» (о различных порослях и волосах: lichter Wald, lichter Hain, lichtes Haar), hell – «явный, очень отчетливо воспринимаемый» (как если бы был *ярко освещен!*) – о разного рода глупостях, нелепостях, явной бессмысленности: heller Wahnsinn! (явное безумие!), heller Blödsinn! (явная глупость, нелепость!).

Проведенное сопоставление отражает не только отличие семантической структуры лексемы *СВЕТЛЫЙ* от семантически близких слов других европейских языков, но позволяет выявить и определенные черты их семантического сходства: 1) несмотря на то, что семантические соответствия русской лексемы обнаруживают себя иногда на материале 4 и даже

5 слов того или иного иностранного языка, в каждом из них может быть выделена и *одна лексема*, по своей семантической структуре близкая к русской (англ. bright, нем. hell, франц. clair, исп. claro), 2) во всех пяти языках имеется достаточно большое количество «световых метафор»: 1) насыщенный светом → прозрачный, 2) наполненный светом и поэтому кажущийся особенно чистым → красиво, мелодично звучащий, 3) наполненный светом → обещающий счастье, радостный, 4) очень светлый и ясный → понятный, имеющий высокую интеллектуальную значимость.

Слово *СВЕТЛЫЙ во всей сложности своей семантической структуры* не существует в лексической системе русского языка изолированно от других слов. Оно может семантически контактировать с ними, вступая в ассоциативно близкие (*СВЕТЛЫЙ – ЯСНЫЙ)* или, наоборот, контрастивные связи (*СВЕТЛЫЙ – ТЕМНЫЙ*).

Однако для углубленного анализа семантики слов, для **сопоставления и противопоставления их лексических значений** необходимо ознакомление с методикой **семного (компонентного) анализа** этих значений, к чему мы непосредственно переходим в следующем разделе учебника. **Семный (компонентный) анализ** лексических значений слов поможет нам достаточно наглядно увидеть основные закономерности функционирования **СЛОВА во всей лексической системе языка.**

6. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СЛОВА В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ ЯЗЫКА, СИСТЕМНЫЕ И АСИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ СЛОВА

6.1. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ЛЕКСИКЕ КАК СИСТЕМЕ, ОТРАЖЕНИЕ В ЕЁ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОСНОВНЫХ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ ЧЕЛОВЕКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Ознакомившись с введением и с предыдущими разделами главы I нашего учебника, вы убедились, что СЛОВО не может существовать изолированно, вне связи с другими СЛОВАМИ того или иного языка. Вместе с тем и ЛЕКСИКА – это не некое безграничное и совершенно бессистемное собрание слов. Заманчивые своей необычной образностью метафоры: лексический состав языка – это *ОКЕАН* (*KAMUS!*), *НЕИСЧЕРПАЕМАЯ СОКРОВИЩНИЦА – eine unerschöpfliche Fundgrube* (*W. Humboldt*), *БЕСПОРЯДОЧНОЕ ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО – a random patchwork* (*Floyd G.Lounsbury*) – искажают суть проблемы, позволяют забыть, что ЛЕКСИКА – это прежде всего стройная СИСТЕМА семантической организации слов и даже, как мы покажем в дальнейшем, СИСТЕМА СИСТЕМ.

При этом в системной организации лексики отражается предметно-вещественное многообразие и разнообразие окружающего нас мира, характеризуемое, несомненно, также определенной *СИСТЕМНОСТЬЮ.*

Меняется окружающая нас действительность – меняется и отражающая её лексическая система или какие-то её подсистемы (в настоящее время осознаются только как **историзмы** определенной эпохи такие слова ЛСГ «учащийся», как *вузовец – вузовка, рабфаковец – рабфаковка,*

вместе с тем вновь обретают жизнь, получив, правда, несколько иные значения, слова *гимназист – гимназистка, лицеист* с новой для русского языка женской параллелью этого слова *лицеистка*. Неприятные уже по одному своему звучанию слова *пэтэушник и пэтэушница* почти полностью заменены элегантными устойчивыми сочетаниями *учащийся колледжа – учащаяся колледжа.*

Мы продемонстрировали внутренние изменения только в составе одной из ЛСГ современного русского языка, вместе с тем такие изменения происходят, безусловно, и в других ЛСГ и ЛСП русской лексики. При значительных изменениях в социальной жизни общества могут исчезнуть целые ЛСГ и ЛСП – целые подсистемы лексики.

В своей антиутопии «Мы» Е. Замятин рисует общество далекого будущего (к счастью, такое будущее, видимо, уже не угрожает человечеству!): люди не существуют как личности, они все – винтики единой огромной машины – общества, у них нет личной жизни, нет семей, им неизвестны их матери и отцы, они не знают своих детей… В свободное от работы время они организованными массами «гуляют» по улицам городов, потом возвращаются в свои комнаты-одиночки, сделанные сплошь из стекла (у «винтиков» не может быть тайн друг от друга!). Обладатель «одиночки» имеет право опустить занавески только в том случае, если он принимает у себя женщину …в целях продолжения рода человеческого. Любви нет… Новорожденные с первых минут их жизни попадают в общественные воспитательные заведения.

Каким убогим должен быть язык такого общества! Исчезнут слова *любовь, любить, любимый, любимая*, исчезнет вся ЛСГ терминов родства: ведь ни один ребенок не знает, кто его *отец* или *мать* и чей он *сын* или *дочь*.

Мы совершили это путешествие в будущее, которого, к счастью, в такой именно форме никогда не будет, чтобы показать, как отражаются в лексике особенности жизни человеческого общества, её закономерности, её определенная системность. Отражением системной организации окружающего нас мира и являются формы системной организации лексики, те ЛСГ и ЛСП, о которых мы уже говорили в предыдущих разделах книги. Однако прежде чем показать, как проявляют себя лексические значения слов в указанных формах системных структур лексики, познакомим вас с краткой историей исследования лексики как системы.

6.2. КРАТКИЙ ОБЗОР УЧЕНИЙ О СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ

Мысль о **системной организации лексики** зародилась уже очень давно. Ещё великий китайский философ Конфуций (551–479 до н.э.), проявлявший глубокий интерес к лексике родного китайского языка, предлагал давать её описание в словарях по определенным системным группам, показывающим отраженную в значениях слов действительность: небо, погода, земля, реки, горы, трава, деревья; звери, домашние животные, человек. Через тысячу лет после Конфуция древнеиндийский ученый Амарасимба (5 в. н.э.) составил словарь санскрита, выделив приблизительно те же самые предметно-вещественные группы, **систему** таких групп.

Нет ничего удивительного в том, что ученые, жившие в далекой древности, которых мы даже не можем назвать **лингвистами** в собственном смысле этого слова, заметили, что в **системной организации лексики** отражается предметно-вещественное многообразие и разнообразие окружающего мира, характеризуемое также определенной **системностью**.

Во 2-й половине XIX и XX вв. в лингвистике уже четко определилось понимание **лексики как системы** и **слова как основной единицы этой системы.** Интересно, что **семасиология** как наука о семантической структуре слова и лексической системы того или иного языка в целом оформилась в особую область языкознания значительно раньше **лексикологии** (работа французского лингвиста М. Бреаля по **семантике** появилась в 1883 году[99], работа русского лингвиста М.М. Покровского по **семасиологии** – в 1894 году[100]).

Постепенно отрабатывается лингвистическая терминология, отражающая **системный характер организации лексики**: «Я исследую слова по **сферам представлений** (выделено нами. – *Ю.С.*), разумея под этим термином известные стороны нашего быта или группу однородных явлений внешнего или духовного мира», – писал М.М.Покровский[101]. **Сферы представлений**, охватывающие слова с близкими, сходными лексическими значениями, **семантические**[102], **понятийные**[103], **языковые поля**[104], представляющие различные лексические подсистемы в виде определенных семантических пространств, – всё это формы лингвистической констатации **системной организации лексики.** Система понятий, отражаемая лексикой, уже рассматривается как основа **лексикографии**[105]. Значительным вкладом в изучение **лексической системы** современного русского литературного языка явились известные работы Д.Н. Шмелева и Г.С. Щура[106]. Следуя за исследованиями Р. Халлига и В. фон Вартбурга, Ю.Н. Караулов предлагает описать лексику современного русского литературного языка как **трихотомическую систему**: «Вселенная», «Человек», «Человек и Вселенная», выделяя в каждой из указанных подсистем **семантические поля**[107].

Итак, для описания системных объединений лексики предлагается целый набор терминов: понятийные поля, языковые поля, семантические поля. Ни один из предлагаемых терминов, однако, не устраивает нас: термин *языковые поля* представляется слишком неопределенным и требует дополнительной конкретизации, термин *понятийные поля* явно уп-

---

[99] *Bréal M.* Essai de sémantique. – Paris, 1883.

[100] *Покровский М.М.* О методах семасиологии. – М., 1894 (См.: *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. – М., 1959 .

[101] *Покровский М.М.* Указ. соч. С. 29.

[102] *Ipsen G.* Der alte Orient und die Indogermanen. – Berlin, 1924.

[103] *Trier J.* Der deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes. – Heidelberg, 1931.

[104] *Weisgerber J.L.* Das Gesetz der Sprache. – Düsseldorf, 1951.

[105] *Hallig R.* Wartburg von W. Begriffssystem als Grundlage für die Lexikographie. – Berlin, 1963.

[106] *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973; *Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. – М., 1974.

[107] *Караулов Ю.Н.* Словарь как компонент описания языков // Принципы описания языков мира. – М., 1976. С. 313–340.

рощает объект исследования: многокомпонентная структура лексического значения (С, Д, К+-, ЭК +-, СТР) не может быть сведена только к одному из её компонетов (понятийному, или сигнификативному – С), термин *семантические поля* представляет *слово* как *монолатеральную, идеальную* единицу языка. Под этим термином может подразумеваться только *значение* слова.

Исходя из того положения, что СЛОВО – это всегда **диалектическое единство материальной звуковой оболочки и идеального значения (или целой системы значений, как в словах-полисемантах)**, мы считаем более корректным обозначить системные объединения лексики на основе определенного сходства значений отдельных слов как **лексико-семантические поля (ЛСП)** или **лексико-семантические группы (ЛСГ).**

Термины эти уже хорошо известны вам и не требуют дополнительных комментариев. Напомним, что в составе лексико-семантических **полей лексические значения** отдельных слов объединены на основе по крайней мере одной общей **(интегральной) семы**, в составе лексико-семантических **групп** действует тот же механизм объединения **лексических значений** слов, принадлежащих к тому же и к одной части речи, т. е. характеризуемых определенной общностью их **грамматических значений** («предмет» – для имен существительных, «признак» – для имен прилагательных, «действие» или «состояние» – для глаголов и т. д.).

Рассмотрим в сопоставлении ЛЗ двух слов, входящих в русском языке в ЛСГ «возвышенность» (*гора, пригорок, горка, горочка, холм, холмик, курган, сопка, утес, скала, дюны...*). **Интегральная сема** используется в качестве названия всей **ЛСГ.** Для сопоставительного анализа прямых номитнативных ЛЗ выбираем слова *гора* и *холм.* В составе их прямых номинативных значений (1Н) легко выделяется эта интегральная сема и семы-дифференциаторы (дифференциальные семы): *гора* – «**возвышенность** *значительных размеров*», *холм* – «**возвышенность** *незначительных размеров*, обычно отлогой формы». Предварительно определив **сему** как мельчайший, не подлежащий дальнейшему делению элемент ЛЗ, подведем итоги нашему анализу: прямые номинативные значения обоих слов объединены интегральной семой, разграничиваются по **семантическому признаку** (этот термин будет уточнен в дальнейшем!) «размер» **семами-дифференциаторами** «значительный размер» (ГОРА) и «незначительный размер» (ХОЛМ); кроме того, в прямом номинативном значении слова ХОЛМ выделяется по **семантическому признаку** «форма» сема «отлогая форма», которая для слова ГОРА обязательной (облигаторной) не является.

Интересно, что во всех языках регулярного сопоставления и во многих других языках наблюдается полная аналогия значений соответствующих слов в данном «участке» их ЛСГ: англ. (a) mountain – (a) hill, франц. (la) montagne – (la) colline, исп. (la) montaña – (la) colina, итал. (la) montagna, (il) monte – (la) collina, (il) colle, нем. (der) Berg – (der) Hügel, болг. планина – хълм, польск. góra – wzgórek, чешск. hora – vrch, chlum – «лесистый холм», венг. (a) hegy – (a) halom, вьет. nu'i – gó, малайзийск. gunung – bukit, хауса tudu – tsauni.

Достаточно большое количество языков, в которых наблюдается семантическое сближение данной пары слов по интегральной семе их ЛСГ и их разграничение по семантическому признаку «размер», говорит о том, что перед нами, видимо, некая **семантическая универсалия**, проявляющаяся в специфике семантической структуры слов, в своих прямых номинативных значениях (1Н), обозначающих класс денотатов ГОРА и класс денотатов ХОЛМ. Вместе с тем проведенный нами **семный анализ** ЛЗ данных слов явно свидетельствует, что с его помощью исследователь-лингвист может проникнуть в **систему** организации ЛЗ вообще и в **системный характер** лексического состава в целом. Поэтому одной из актуальных проблем дальнейшего исследования является наиболее точное определение как самой сущности семного анализа ЛЗ слов, так и по возможности наиболее наглядная демонстрация его процедуры. Именно **семный анализ ЛЗ слов** в составе различных ЛСГ и ЛСП и представляется нам тем «ключом», с помощью которого может быть открыт весь сложный механизм **системной организации лексики любого языка.**

6.3. МЕТОД СЕМНОГО (КОМПОНЕНТНОГО) АНАЛИЗА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВНЫХ СРЕДСТВ ОПИСАНИЯ СИСТЕМНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА ЯЗЫКОВ

В настоящее время метод семного анализа лексических значений слов активно используется для описания системной организации лексического состава различных языков. Однако мысли о том, что ЛЗ не является минимальной и далее неделимой семантической единицей, высказывалась лингвистами уже довольно давно. Было замечено, что само ЛЗ состоит из минимальных и далее неделимых или, по крайней мере, неделимых при анализе именно *данного* ЛЗ семантических единиц. Специального терминологического обозначения этих элементов ЛЗ долго не существовало.

Еще М.М.Покровский отмечал, что названия действующих лиц как представителей профессии (учитель, врач, адвокат и т.д.) обозначают действие, исходящее от определенного субъекта, распространяющееся на определенный объект и совершающееся в определенных условиях[108]. В этом наблюдении указано, по крайней мере, три элемента ЛЗ, позволяющие найти системные противопоставления в определениях ЛЗ названных нами слов (учитель *обучает учащихся,* врач *лечит больных,* адвокат *защищает во время судебного процесса обвиняемого*).

В настоящее время имеется очень обширный по своему составу набор терминов для обозначения тех минимальных семантических единиц, которые в своем взаимодействии образуют ЛЗ: атомы, кванты, компоненты смысла (значения, содержания), минимальные атомы (кванты) содержания, мельчайшие единицы содержания, семантические (смысловые) компоненты (составляющие, признаки, маркеры, примитивы, меризмы), дифференциальные (различительные) семантические (смысловые) признаки (элементы, компоненты), семантические множители, элементарные

[108] *Виноградов В.В.* История русских лингвистических учений. – М., 1978. С. 191.

смысловые (семантические) единицы, элементарные значения (смыслы), предельные (простейшие, минимальные, конечные, мельчайшие) семантические (смысловые) составляющие (элементы, единицы), фигуры плана содержания, семы и мн.др.[109]

Столь обширная терминология свидетельствует прежде всего об особенной активности лингвистических исследований именно в данной области – области семасиологии (лексикологии), занимающейся изучением лексического значения как феномена явно делимого. Некоторые термины представляют собой явные метафоры, взятые «напрокат» из других и часто очень далеких по своему объекту анализа наук.

Такой «взрыв» интереса к внутренней структуре лексического значения был вызван одновременным появлением в науке двух работ, в которых **семный анализ лексического значения** был явно направлен на исследование **системного построения определенных ЛСГ (в частности, терминов родства)** [110].

Авторы этих работ, Уорд Гуденаф и Флойд Лаунсбери, дали не вполне адекватную классификацию минимальных семантических единиц, входящих в состав **ЛЗ**, или **семемы** (синонимические термины: ЛЗ = семема). По мнению У. Гуденафа, минимальными семантическими единицами в составе семемы (ЛЗ) являются далее неделимые семантические элементы или семантические компоненты семемы (это нашло отражение даже в названии его статьи – «Componential analysis and the study of meaning»). Так, семантизируя слово *женщина* (*a woman, la femme, la mujer, die Frau*), мы можем представить его ЛЗ (семему) в виде набора семантических компонентов: «взрослое» (1), «лицо» (2), «женского пола» (3).

Ф. Лаунсбери допускает включение в процедуру компонентного анализа семемы не только наборов минимальных семантических компонентов (**сем**), но и некоторых уже не вполне элементарных смыслов, **частотные по употреблению семемы**, содержание которых широко известно носителям языка, так называемые **семантические множители**. Русское слово *свекровь* гораздо проще и эффективнее семантизировать набором двух семантических множителей «мать мужа», чем представлять то же содержание в виде набора самых элементарных и далее неделимых смыслов, т.е. собственно семантических компонентов (или элементов), составляющих данную семему (интересно, что точных семантических эквивалентов это русское слово не имеет ни в одном из языков сопоставления: a mother- in – law, die Schwiegermutter, la belle-mére , la suegra не конкретизированы по семантическому признаку пола лица, принадлежащего к более младшему поколению).

Работы У. Гуденафа и Ф. Лаунсбери послужили серьезным импульсом к развитию структурной семасиологии, к появлению научных трудов

[109] *Задорожный М.И.* Общие принципы компонентного анализа // Вопросы русистики. – Орехово-Зуево, 2000. С. 68.

[110] *Goodenough Ward.* Componential analysis and the study of meaning // Language, vol. 3, №1, 1956; *Launsbury Floyd.* A semantic analysis of the Pawnee Kinship usage // Language, vol. 3, № 1, 1956. Первой работой, в которой была представлена методика семного анализа на материале ЛСГ терминов родства, является, однако, исследование А.Крёбера: *Kroeber A.* Classificatory systems of relationship // Journal of the Royal Anthropological Institut, 1909.

разных жанров (монографий, диссертаций, статей) на материале самых разных языков[111]. Методология **семного (или компонентного) анализа** лексических значений слова прекрасно разработана в современной лингвистической литературе и на русском языке[112].

Тем не менее, мы считаем необходимым уточнить некоторые теоретические понятия в этой области и показать, каким образом семный анализ лексического значения слова помогает установить его семантические связи с другими словами в лексической системе языка. Итак, мы переходим к непосредственному анализу системных отношений в лексике.

6.4. СИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

В наших наблюдениях мы будем пользоваться только терминами **сема** и **семема** (синоним термина **лексическое значение**). Итак, семема состоит из набора сем. По мнению Н.В. Цветкова, одна семема должна состоять как минимум из двух сем (интегральной и дифференциальной: *белый* – «цвета снега», *красный* – «цвета крови», интегральная сема – «цветовой признак», дифференциальные семы представлены словами, обозначающими традиционный эталон соответствующего конкретного цветового признака). По наблюдениям того же автора, число сем в составе семемы обычно не превышает шести (большее количество сем с трудом сохраняет человеческая память!)[113] . О причине, по которой мы не пользуемся термином **семантический компонент**, было уже сказано выше.

Какое же содержание вкладывается нами в термин **сема**? Это, конечно, прежде всего мельчайшие и далее неделимые семантические элементы лексического значения (ср. с трактовкой понятия «семантический элемент / компонент» У. Гуденафом). При этом минимальное смысловое содержание семы имеет не всегда и минимальное выражение (так, при семантизации слова *женщина* две семы представлены отдельными словами и одна – целым словосочетанием – «женский пол»).

Практика семного анализа показывет, однако, как трудно и фактически невозможно использовать термин **сема** только в указанном выше значении, если мы хотим добиться эффективности такого анализа и избежать невероятно сложных конструкций его выражения. Нам представляется вполне целесообразным распространение его и на **семантические множители** (см. работу Ф. Лаунсбери!), если последние во время самой процедуры семного анализа дальнейшему делению уже не подвергаются (*свекровь* – «мать мужа»).

[111] См. библиографию к указанному выше разделу «Словарь как компонент описания языков», написанному Ю.Н. Карауловым в книге «Принципы описания языков мира». – М., 1976. С. 314–339.

[112] *Цветков Н.В.* К методологии компонентного анализа // Вопросы языкознания, 1984, № 2. С. 62–71; *Задорожный М.И.* Общие принципы компонентного анализа // Вопросы русистики. – Орехово-Зуево, 2000. С. 68–82. *Его же*. Методы компонентологии и терминология компонентного анализа. Там же. С. 82–95.

[113] *Цветков Н.В.* Указ. соч. С.67.

Такая установка, конечно, расширяет само понятие **сема**, но делает этот компонент семного анализа более «работоспособным». Для обоснования нашей точки зрения на понятие **сема** мы хотели бы обратиться к теории словообразования (дериватологии) и показать в этой области выразительную и очень важную для обосновния нашей позиции аналогию: **морфемы** в составе многих слов в звуковом отношении подобны **отдельным словам русского языка,** однако при словообразовательном анализе квалифицирутся именно только как **морфемы**, поскольку в составе анализируемых слов они выполняют только **функцию морфем** (дымоход – дым, ход; лесосплав – лес, сплав; ледоход – лед, ход).

Подобно **морфемам, словообразовательным** компонентам в **структуре слова, некоторые семантические множители** в процессе семного анализа рассматриваются только как **семантические элементы**, составляющие лексическое значение (семему), дальнейшему семантическому делению не подвергаются и выполняют фактически только **функцию сем.**

Теперь определим, каким образом **слово** в том или ином его значении может проявлять семантические связи в пределах лексической системы языка и каким образом **семный анализ** помогает обнаруживать и систематизировать эти связи.

Являясь в том или ином своем значении (см. семантическую структуру лексем *СОЛНЦЕ, СВЕТЛЫЙ*) элементом всей семантической структуры языка, слово прежде всего обнаруживает свои семантические связи со словами, ему семантически близкими, следовательно, эти связи можно проследить достаточно легко в пределах ЛСГ и ЛСП, куда входит данное слово в том или ином конкретном значении. По числу возможных значений можно легко определить, в какое количество ЛСГ или ЛСП может входить интересующее нас слово в качестве лексико-семантического варианта.

Так постепенно вырисовывается общая картина системных семантических связей того или иного слова в лексике. Для слова *однозначного* (*закадычный* – «самый близкий, самый дорогой», обычно о друге – 1НК; *преклонный* – «приближающийся к глубокой старости», обычно о возрасте, о годах – 1НК) это только одна ЛСГ и одно ЛСП, лексема *светлый* может проявить свои семантические связи в 12 ЛСГ и ЛСП, по богатству своих семантических связей к ней приближаются в лексических системах языков сопоставления лексемы bright, clear (англ.), hell (нем.), clair (франц.), claro (исп.).

Очень сложной является система семантических связей русского глагола *идти,* поскольку в МАС этот глагол дан в **27 значениях**, а в Толковом словаре русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (М., 1992) – в **26 значениях.** Не менее сложной системой семантических связей обладает английский эквивалент этого русского глагола: в словаре Hornby зафиксировано 29 значений глагола to go (при этом в состав словарной статьи не включались образования с послеглагольным словообразовательным элементом, типа: to go out). Следовательно, указанный английский глагол может реализовать свои семантические связи, по крайней мере, в составе 29 ЛСГ.

Немецкий глагол gehen зафиксирован в 16 значениях (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 2 Band, Berlin, 1977, S. 1496 –1498), однако в некоторых случаях в состав словарной статьи были включены уже явно фразеологизированные конструкции: es geht um (etwas) – «речь идет о чем-либо», es geht (j-m) gut – «чьи-либо дела идут хорошо».

Однако внутри ЛСГ или ЛСП семантические связи слов определяются, как показал многоязычный материал, отражающий систему наименований ГОРА и ХОЛМ в различных языках, именно с помощью **семного анализа**: семный анализ выявляет интегральную сему, обозначающую общий элемент ЛЗ сопоставляемых слов, и он же выявляет дифференциальные семы, помогающие противопоставить эти ЛЗ.

Поскольку то или иное ЛСП состоит из целого ряда ЛСГ, обратим особое внимание на эту форму системной организации лексики разных языков. Продолжая исследовать семантические взаимодействия ЛЗ слов в составе ЛСГ, обратимся к так называемым «терминам родства» во всех пяти сопоставляемых языках. При этом мы будем исследовать собственно **термины** родства, выполняющие в системе того или иного языка только **номинативную функцию** (слова типа *сынок, сыночек,* нем. *das Söhnchen* останутся пока за пределами нашего внимания, за пределами же нашего внимания останутся и те случаи, когда слово, нормативно выполняющее в системе языка **номинативную функцию**, в индивидуальной речи приобретает и **коннотацию:** «О мать моя! Подвигнут я тобою! Во мне спасла живую душу ты!» – Некрасов).

Во всех пяти сопоставляемых языках ЛСГ терминов родства представлены двумя очень своеобразными по своей семантической конфигурации разновидностями (1 и 2).

1. Слова в составе ЛСГ расположены по вертикали в направлении «представители самого старшего поколения» → «представители самого младшего поколения» (мы предполагаем дать сопоставительный анализ названий только представителей трех поколений: «деды» → «внуки»).

На горизонтальных же линиях термины, обозначающие лиц одного поколения (дед – бабушка, отец – мать…), разграничиваются по семантическому признаку пола.

1.1. Русск. дед – бабушка, англ. (a) grandfather – (a) grandmother, нем. (der) Großvater – (die) Großmutter, франц. (le) grand-père – (la) grand-mère, исп. (el) abuelo – (la) abuela – «лицо мужского пола, являющееся представителем самого старшего поколения, по отношению к детям своих детей» – «лицо женского пола, являющееся представителем самого старшего поколения, по отношению к детям своих детей».

1.2. Русск. отец – мать, англ. (a) father – (a) mother, нем. (der) Vater – (die) Mutter, франц. (le) père – (la) mère, исп. (el) padre – (la) madre – «лицо мужского пола по отношению к своим детям» – «лицо женского пола по отношению к своим детям».

1.3. Русск. сын – дочь, англ. (a) son – (a) daughter, нем. (der) Sohn – (die) Tochter, франц. (le) fils – (la) fille, исп. (el) hijo – (la) hija – «лицо мужского пола по отношению к своим родителям» – «лицо женского пола по отношению к своим родителям».

1.4. Наименования детей одних и тех же родителей по отношению друг к другу: русск. брат – сестра, англ. (a) brother – (a) sister, нем. (der) Bruder – (die) Schwester, франц. (le) frère – (la) sœur, исп. (el) hermano – (la) hermana – «лицо мужского пола по отношению к другим детям своих родителей» – «лицо женского пола по отношению к другим детям своих родителей».

1.5. Русск. внук – внучка, англ. (a) grandson – (a) granddaughter, нем. (der) Enkel – (die) Enkelin, франц. (le) petit-fils – (la) petite-fille, исп. (el) nieto – (la) nieta – «лицо мужского пола по отношению к родителям своих родителей» – «лицо женского пола по отношению к родителям своих родителей».

Интегральные семы ЛЗ слов, обозначающих лиц одной возрастной группы (одного поколения), различны для каждой возрастной группы, поскольку они выражают свойственный только данному поколению тип родственных связей: ср. интегральные семы внутри каждого деления между собой (1.1–1.5; 1.3–1.4. и т.д.). В большинстве случаев, как мы видим, роль **семы** выполняет тот или иной **семантический множитель** (внук – « лицо мужского пола по отношению к **родителям своих родителей**). Семантическая структура ЛСГ-1 совершенно идентична для всех пяти сопоставляемых языков. Но некоторые отклонения от нее можно найти не только в типологически очень далеких языках (тюркские языки, китайский, корейский, вьетнамский, японский языки, в которых фактически отсутствуют буквальные соответствия нашим понятиям «брат» и «сестра»). В современном норвежском языке, наряду со словами bestefar = = «дед» и bestemor = «бабушка», активно функционируют слова с более конкретизированными значениями, дополнительно указывающими на родственные связи с одним из родителей: farfar – «дед, отец отца» (far – «отец»), morfar – «дед, отец матери» (mor – «мать»); farmor – «бабушка, мать отца», mormor – «бабушка, мать матери».

2-я ЛСГ терминов родства состоит из собирательных наименований форм прямого родства, при этом на каждой отдельной горизонтальной линии находятся наименования лиц только одного поколения. По вертикали (сверху вниз) просматриваются собирательные наименования всех поколений – от самого старшего до самого младшего (некоторая аналогия с расположением слов в ЛСГ-1). Поскольку во всех артиклевых языках существительному, как правило, предшествует артикль в форме множественного числа или заменяющее его слово (чаще всего местоимение) в такой же грамматической форме, позволим себе все эти грамматические показатели в таблицу не вводить: 1) русск.: 1) →, 2) родители, 3) дети, 4) внуки (внучата – разг. только о внуках, находящихся ещё в детском возрасте); 2) англ.: 1) grandparents, 2) parents, 3) children, 4) grandchildren; 3) нем.: 1) Großeltern, 2) Eltern, 3) Kinder, по отношению друг к другу: Geschwister, 4) Enkel; 4) франц.: 1) grandparents, 2) parents, 3) enfants, 4) petits-enfants; 5) исп.: 1) abuelos; 2) padres, 3) hijos («сыновья и дочери» или «сыновья», hijas – «дочери»), 4) nietos («внуки и внучки» или «внуки», nietas – «внучки»).

Схема показывает, что ЛСГ-2 уже не характеризуется абсолютно полной идентичностью и симметричностью: сразу бросается в глаза отсутствие в русском языке собирательного наименования для лиц мужского и женского пола в верхней возрастной ступени (в рассказе А.Ф. Писемского «Старая барыня»,1857 г. в таком значении употреблено слово *дедушки: «Пошто, пес, дедушек обижаешь и печалишь?*, при этом речь идет о деде и бабушке героя). Совершенно уникальным по своей семантике в сопоставляемых языках является немецкое слово (die) Geschwister как собирательное наименование братьев и сестер или, по крайней мере, брата и сестры (Ich habe Geschwister: mein Bruder ist schon Student, und mein Schwesterlein ist 5 Jahre alt). Семантические аналоги этого слова имеются во всех скандинавских языках (напр., швед. syskon – «брат и сестра»).

Мы не смогли показать всей ЛСГ терминов родства, нами даже не затронуты наименования непрямого родства (*дядя, тетя, племянник, племянница*) и родства, возникающего на основе бракосочетания и устанавливаемого законом (муж, жена, зять, невестка и т.д.; не случайно английские аналоги многих русских терминов имеют очень интересную внутреннюю форму: зять – son-in-law, букв. «сын по закону», свекровь, теща – mother-in-law, букв. «мать по закону», невестка – daughter -in-law, букв. «дочь по закону»).

Продолжим наше исследование роли **семного анализа ЛЗ** в выявлении **системной организации** всей лексики современного русского литературного языка и сопоставляемых с ним языков.

Из изложенного выше материала уже видно, что для такого анализа весьма актуальным является понятие о **семантическом признаке**. Термин этот явно не синонимичен термину **сема** (в нашем широком его понимании). **Семантический признак** – более отвлеченная семантическая единица, чем **сема.** Он, как правило, проявляется на основе семного анализа ЛЗ слов, содержащих конкретные контрастирующие семы, и **обобщает** их смысловое содержание: ЛЗ слов *гора и холм* взаимно противопоставлены по семантическому признаку «размер», в 1-й разновидности ЛСГ терминов родства каждая пара слов на горизонтальной линии противопоставлена по признаку «пол».

Анализ части ЛСГ терминов родства показал нам, что в связи с семантической спецификой языкового материала сами ЛСГ могут иметь различные и иногда довольно сложные типы структур (конфигурации).

Чаще всего, однако, одна ЛСГ может быть представлена в виде некой линейной последовательности слов, различающихся по набору сходных или контрастирующих сем. Семный анализ чрезвычайно актуален для семантического описания ЛЗ **синонимических единиц** и прежде всего **синонимов идеографических**, различающихся в семантическом отношении друг от друга именно набором сем, иногда наличием особых оттенков значения. Все эти различия и проявляются именно в **идеографии,** т.е. анализе, описании семантики слов.

Однако само свойство **синонимичности** целого ряда слов как одна из форм прояления **системной организации лексики** может реализовать себя в разной степени в той или иной синонимической парадигме. Иными словами, в одну и ту же синонимическую парадигму (синонимический ряд) могут входить как слова с предельно близкими (но все-таки не абсолютно тождественными!) значениями, так и слова с минимальной степенью синонимичности. Степень синонимичности слов

одной парадигмы может быть также установлена с помощью процедуры **семного анализа.**

Возможности **семного анализа** вполне очевидны даже при простом соположении ЛЗ слов одной синонимической парадигмы: 1) *бой* – «боевое столкновение вражеских сил, чаще представленных отдельными боевыми подразделениями» (1Н); 2) *сражение* – «крупное столкновение войск, армий» (1Н); 3) *битва* – «крупное боевое столкновение войск, армий, играющее решающую роль в исходе войны» (1Н); 4) *побоище* – «боевое столкновение вражеских сил, отличающееся особой жестокостью, большим количеством человеческих жертв» (1 НК); 5) *сеча* – «жестокое рукопашное столкновение вражеских сил» (1НК).

Семантической доминантой синонимической парадигмы, т.е. словом, наиболее четко выражающим смысл всего синонимического ряда без коннотативного компонента в ЛЗ, является, на наш взгляд, слово *сражение*, наиболее близкими к нему по семантике, т.е. **наиболее синонимичными** с ним, являются слова *бой и битва*, явно контрастирующие между собой по семантическому признаку «масштабы боевого столкновения»; слово *побоище* характеризуется ярко выраженным коннотативным компонентом ЛЗ, что отражается в его семантизации (оценочный эпитет *жестокий*, специальная сема, указывающая на количество человеческих жертв, совершенно отсутствующая в семантизации других членов синонимического ряда). На основе всего сказанного выше можно считать слово *побоище* наименее синонимичным по отношению к другим членам парадигмы. С ним по своей эмоциональной тональности (К в составе ЛЗ!) сближается только слово *сеча*, но оно сближается и со словом *бой* на основе нейтрализации семантического признака «масштабы военного столкновения» (в ЛЗ слова *бой* этот признак не нейтрализован: эта форма боевого столкновения вражеских сил предполагает её незначительные масштабы).

Слово *сеча* за счет наличия в своем ЛЗ специфической семы, отражающей *способ ведения военной операции*, и за счет нейтрализации семантического признака «масштабы военной операции» в наименьшей степени синонимично по отношению к словам *сражение, битва.* На основе нейтрализации указанного семантического признака оно *контрастирует* в своем ЛЗ с синонимически близким ему словом *побоище.*

Семантически связанное с описанной выше синонимической парадигмой слово *схватка* – «кратковременное и небольшое по масштабам столкновение вражеских сил» находится, как нам кажется, за порогом синонимической близости со всеми членами ряда, кроме слова *бой.*

Приведенная выше синонимическая парадигма имеет в какой-то мере национально-специфический характер: ни в одном из сопоставляемых языков нет четкого идеографического разграничения слов *сражение и битва,* переводы этих слов, как правило, не дифференцированы: англ. (a) battle, нем. (die) Schlacht, франц. (la) bataille, исп. (la) batalla. Набор сем «играть решающую роль», «исход войны» делает ЛЗ слова *битва* – при сопоставлении его с приведенными выше частичными иноязычными эквивалентами – в значительной степени уникальным.

Слова *побоище и сеча* имеют близкие семантические эквиваленты только в немецком (das Gemetzel) и испанском (la carniceria) языках, при этом в испанском языке используется **переносное (2 К!)** значение от прямого номинативного (**1Н**): (la) carniceria – «мясная лавка». В обоих указанных языках в ЛЗ приведенных слов актуализированы, как и в русском языке, семы «жестокость», «большое количество жертв».

При семном анализе экспрессивно-стилистических и функционально-стилевых синонимов в ЛЗ слов этого типа выделяются **эмосемы** – специальный термин, указывающий на наличие в составе ЛЗ **коннотативного компонента**: *старик* (слово вполне нейтральное с точки зрения его экспрессивно-стилистических и функционально-стилевых возможностей) – *старец* (книжное слово, тяготеющее к высокому, торжественному стилю, К: позитивная оценка, эмоциональная тональность глубокого уважения) – *старикан* (разг.-просторечн., К: эмоциональная тональность шутливой насмешки, оценка может быть даже позитивной: он славный такой старикан!), *старикашка, старичишка* (разг. – просторечн., К: оба слова характеризуются уничижительно-пренебрежительной тональностью, негативной оценкой).

Семный анализ ЛЗ столь же актуален и для анализа **антонимов** как слов с **противоположными, семантически резко контрастирующими** значениями. При этом следует отметить, что для самого возникновения **антонимических отношений** между ЛЗ **различных** слов языка очень важным является наличие в их ЛЗ **общей логической основы для противопоставления.** Такой логической основой очень часто является **сема**, не разграничивающая, а, наоборот, **сближающая** слова – антонимы, фактически их **интегральная сема.** На её фоне семантический контраст (наличие **дифференциальных контрастирующих сем**) осознается особенно четко: *любовь* – «чувство *глубокой внутренней привязанности* (*к кому-л.*)» – *ненависть* – «чувство *глубокой ожесточенной вражды* (*к кому-л.*)», сравнить: (a) love – (a) hate, (un) amour – (une) haine, (die) Liebe – (der) Hass , (el) amor – (el) odio.

Особой формой антонимии является **энантиосемия, внутрисловная антонимия,** проявляющаяся в наличии в семантической структуре **одного слова** *двух противоположных, контрастирующих значений:* слово *слава* имеет три значения, 1-е из них выражает явно позитивное содержание «почетная известность как признание заслуг, таланта, доблести» (1 НК), но уже 3-е значение синонимизируется со словом *репутация* и может иметь два оттенка значения – с позитивной (добрая слава) и негативной коннотацией (недобрая слава распространилась о нем с тех пор), 1-е значение, контрастируя со 2-м оттенком 3-го значения, создает **внутрисловную антонимию, или энантиосемию.**

Поразительный пример энантиосемии дает французское слово sacré – «священный, святой» (1НК) и «чертов, проклятый, отпетый» (2 К). Это же явление мы наблюдаем и в семантической структуре немецкого слова (der) Held – 1) «герой» (1КН) – 5) «трус»: du bist mir ein schöner, netter, rechter Held! (Wörter und Wendungen, Leipzig, 1977. S. 305).

Интересное явление энантиосемии, с одной стороны, отражает **системность** лексики, в которой антонимы имеют не только дифференциальные,

но и интегральные семы и функционируют в пределах общей ЛСГ, занимая в её составе «полярные позиции», такие же «полярные позиции» занимают в семантической структуре одного слова семантически контрастирующие значения, в чем, собственно, и находит свое выражение энантиосемия; с другой стороны, в самом противопоставлении таких значений заложена уже возможность **асистемных отношений**, ибо такие значения осознаются как **совершенно разные, исключающие друг друга.**

6.5. АСИСТЕМНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ЛЕКСИКЕ

Омонимия как универсальное, т.е. свойственное всем языкам мира, явление нарушает основной принцип **системной** организации лексики – возможность установить **семантические связи** между значениями входящих в её состав слов.

Асистемность омонимии проявляется в том, что значения слов – **омонимов** (греч. homos – «одинаковый», onoma – «имя») совершенно не связаны между собой, не имеют в своем составе (речь идет только о ЛЗ!) никаких общих сем и поэтому вообще несопоставимы. В то же время звуковые формы этих слов, а часто и их графический облик совпадают полностью. Если считать «именами» различных объектов действительности звуковые комплексы обозначающих их слов, то омонимы должны действительно восприниматься как «одинаковые имена», обозначающие совершенно разные объекты: русск. *клуб* – 1 – «шарообразная летучая дымчатая масса» (клубы дыма, клубы пыли), *клуб* – 2 – «общественная организация культурно-просветительского, политического или иного характера» (из англ. a club), англ. (a) bob – 1 – «школьник, ученик в Итоне», (a) bob – 2 – «шиллинг» (разг.), нем.die Mutter –1 – «мать», die Mutter – 2 – «гайка», франц. (la) balle – 1 –«мяч», (la) balle –2 – «пуля», исп. (la) maza –1 – «пирог из ячменной муки», (la) maza –2 – «палица, булава, колотушка». Приведенные выше примеры подтверждают универсальный характер омонимии, во всяком случае в русском языке и всех четырех языках регулярного сопоставления она широко распространена.

Одной из актуальных проблем современной лексикологии является проблема **типологии омонимов.** Поскольку основным языком нашего исследования является русский, мы предлагаем ту классификацию этих слов, которая прежде всего соответствует русскому языковому материалу. Затем посмотрим, может ли эта классификация быть использована для описания омонимов в языках сопоставления. Такая последовательность в изложении материала представляется логичной хотя бы уже потому, что во всех использованных нами описаниях иноязычных омонимов авторы предлагали свои, в значительной степени уникальные и отвечавшие особенностям слова именно в данном языке классификации[114].

[114] *Guitlitz A.* Curso de lexicologia de la lengua española contemporánea. – M., 1974. P. 51–54. *Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А.* Лексикология современного французского языка (Lexicologie du français moderne). – М., 1971. P. 198–206. *Stepanova M.D., Černyševa I.I.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. M., 1975. S. 21, 47, 54. *Ginzburg R.S., Khidekel S.S., Knyazeva G.I., Sankin A.A.* A Course in Modern English Lexicology. – M., 1979. P. 39–45.

В основу нашей классификации положен принцип учета **степени омонимичности слов.** Исходя из подробно рассмотренного ранее понятия **лексемы**, мы стремимся определить, в какой мере это языковое явление охватывает словоформы лексем, вступающих в омонимические отношения. Если взаимно омонимичны **все словоформы обеих лексем** (при **бинарной омонимии**), то перед нами **полные лексические омонимы (1).** Так, русские лексемы *ключ*–1 – «металлический стержень особой формы для отпирания и закрывания замка» и *ключ*–2 – «бьющий из земли источник воды» являются полными лексическими омонимами, поскольку все 12 словоформ каждой лексемы взаимно омонимичны.

Но приведенная уже выше омонимическая пара *клуб* – 1 и *клуб* – 2 – лишь **неполные лексические омонимы**, поскольку в формах множественного числа ударение в лексеме *клуб* – 1 переходит на флексию и омонимия словоформ нарушается (ср. клубы' дыма, в клуба'х дыма – но клу'бы Москвы, в клу'бах Москвы).

Омонимы *лук* – 1 – «огородное растение со съедобной, острого вкуса луковицей и съедобными трубчатыми листьями» и *лук* – 2 – «оружие для метания стрел в виде гибкой дуги, стянутой тетивой» также являются **неполными лексическими омонимами**, поскольку лексема *лук* – 1 не имеет форм множественного числа, следовательно, сфера действия омонимии охватывает только формы единственного числа этих лексем.

Итак, 1-й этап классификации омонимов может быть представлен следующей их типологией: **лексические омонимы: 1) полные лексические омонимы – 2) неполные (частичные) лексические омонимы.**

На следующем этапе нашей классификации мы уже будем иметь дело не с омонимией лексем, а с **омонимией и / или омографией отдельных словоформ, т.е. с омоформами.** При этом выявляется следующая **типология омоформ**: 1) омоформы **фонетического типа**, т.е. отдельные словоформы разных слов, совпадающие в своем звуковом оформлении, но не совпадающие в графике: рог (ро'к) – рок (ро'к), стог (сто'к) – сток (сто'к), код (ко'т) – кот (ко'т), лук – 1 и лук – 2 – луг (лу'к); 2) омоформы **графического типа**, совпадающие в графике и различающиеся в произношении (чаще всего формами ударений): виски' – ви'ски, полки' – по'лки, в этих омоформах и находит свое выражение смежное языковое явление – **омография**; 3) омоформы **фонетико-графического типа**: рой (пчел, мух) – рой! – форма повелит. наклонения 2-го лица единств. числа от глагола *рыть*, мой! – форма повелит. наклонения 2-го лица единств. числа от глагола *мыть* – мой (как притяжательное местоимение: мой отец, мой брат).

Поскольку в омонимические (или омографические) отношения вступают только отдельные **грамматические формы слов**, мы можем здесь говорить об **омонимии** (или **омографии**) **грамматической.**

Итак, **омонимии лексической** в системе современного русского языка может быть противопоставлена **омонимия грамматическая** (смежное с омонимией явление **омографии** в этой части классификации такой оппозиции не имеет).

Однако в современном русском языке, кроме **омонимии лексической и омонимии грамматической**, существует и **омонимия лексико-грамматическая.** Лексико-грамматические омонимы занимают в системе русских омонимов или омоформ особое положение: их омонимичность проявляется в принадлежности их к различным лексико-грамматическим разрядам слов (частям речи). Это многочисленные в своем составе слова качественной характеристики на – о, которые – при определенном сходстве их лексических значений – принадлежат к разным частям речи (словам категории состояния, прилагательным, наречиям): Мне *грустно и легко* (А.С. Пушкин; в данном контексте это слова категории состояния); Его лицо было *грустно* (краткая форма качественного прилагательного); Он *грустно* улыбнулся (качественное наречие). Своеобразие омонимов **лексико-грамматического типа** заключается в определенной близости, явной сопоставимости их лексической семантики и вместе с тем в принадлежности их к совершенно разным частям речи. Последнее обстоятельство проявляется в том, что в составе предложения они выполняют совершенно разные синтаксические функции, почему их также называют **функциональными омонимами**.

Выше нами уже была выделена смежная с омонимией категория **омографии.** В современном русском литературном языке она может быть представлена не только **омоформами графического типа**, но и целым рядом **лексем-омографов**: а'тлас – «сборник таблиц, географических карт» (а'тласа, а'тласу, а'тлас, а'тласом, об а'тласе) – атла'с – «сорт шелковой гладкой блестящей ткани» (атла'са, атла'су, атла'с, атла'сом, об атла'се), сравнить также грамматические парадигмы слов: му'ка – мука', за'мок – замо'к. Перед нами явно смежное с **лексической омонимией** языковое явление – **лексическая омография**.

Так выглядит в целом типология омонимов и близких к ним языковых явлений в современном русском языке. Некоторые категории этой типологии широко представлены и в языках регулярного сопоставления. Таковы, например, **полные и неполные (частичные) лексические омонимы.**

В некоторых языках (в частности, в английском) ряды **лексических омонимов** характеризуются значительной протяженностью. Отсутствие у некоторых членов ряда форм множественного числа (без множ.) делает их уже **неполными (частичными) лексическими омонимами**: (a) bob – «коротко подстриженные волосы, короткая стрижка» – (a) bob – «резкое движение, толчок» (разг.) – (a) bob – «школьник, ученик (в Итоне)» – (a) bob – «шиллинг» (без изменений во множественном числе!) – (a) bob – «кожаный полированный круг». Несколько меньшей протяженностью ряда обладают некоторые **лексические омонимы** французского и испанского языков: франц. (la) botte – «сноп», (la) botte – «сапог», (la) botte – «бочка», (la) botte – «выпад» (при фехтовании), (la) balle – «мяч», (la) balle – «пуля», (la) balle – «тюк», исп. (la) moña – «кукла», (la) moña – «бант, украшение из лент», (la) moña – «хмель, опьянение» (без множ.).

К **неполным лексическим омонимам** относятся приведенные выше немецкие (die) Mutter – «мать» и (die) Mutter – «гайка», т.к. формы множественного числа этих существительных в омонимические отношения не вступают: (die) Mütter – (die) Muttern.

Не являются полными (абсолютными –в терминологии авторов[115]) лексическими омонимами франц. (la) goutte – «капля» и (la) goutte – «подагра», т.к. 2-е существительное в этом ряду не имеет форм множ. числа.

Наша классификация учитывает национальную специфику русского слова, проявляющуюся в **омонимии** и смежном с ним явлении **омографии**. Бóльшая фиксированность ударения в языках, сопоставляемых с русским, позволяет глубже осознать специфику **русских лексических омографов** (типа: а'тлас – атла'с).

Н.Н.Лопатникова и Н.А.Мовшович отмечают широкое распространение **омофонов**, т.е. слов, совпадающих по своему звучанию во всех возможных словоформах[116]. В некоторых случаях это, согласно нашей терминологии, **омоформы фонетическго типа**: deux, d'eux, d'oeufs, (le) camp – quand – quant – qu'en, но в ряде других случаев **омофония** охватывает все возможные аналитические формы сопоставляемых слов: la voix – la voie («голос» – «дорога»), une voix – une voie, les voix – les voies, des voix – des voies. Перед нами уже **полные лексические омофоны** французского языка..

В связи с близостью графического и фонетического облика слова в испанском языке омографы для него явно не типичны, в английском же языке и омофоны (sun –son), и омографы: (a) bow (bou) – лук как оружие, (a) bow (bau) – «нос корабля» – не характеризуются высокой частотностью.

Возникновение омонимии как универсального языкового явления во всех источниках объясняется приблизительно одними и теми же причинами. Продемонстрируем их на примере русского языка: 1) исконное, т.е. восходящее к очень древним временам случайное созвучие разнокоренвых слов (*ключ* –1 – от общеславянской основы kluk – «крюк», *ключ* – 2 – от звукоподражательного слова klu – kluk, изображающего звук текущей воды); 2) случайное звуковое совпадение исконно русского и заимствованного слова (*тур* – 1 – «дикий бык, водившийся до XVII в. в лесах Европы, исконно русское, *тур* – 2 – «один круг танца», от франц. le tour с указ. значением); 3) следствие омонимии различных морфем русского языка (*пере* – 1 – приставка со значением повторного действия – *перечитать* – «прочитать заново», *пере* –2 – приставка со значением широкого распространения действия – *перечитать* – «прочитать большое количество книг, журналов»); 4) следствие **распада полисемии** одного слова и образования на этой основе нескольких разных слов (в современной лексикографии *перо* – 1 – «роговое образование на теле птицы» и *перо* – 2 – «металлическая пластинка для письма» рассматриваются как **омонимы,** но в Словаре В.И Даля оба значения даются еще в пределах семантической структуры **одного слова – полисеманта**).

В русском языке к явлению **омонимии** очень близко явление **паронимии. Паронимы** (греч. para – «рядом», onoma – «имя») – это слова, характеризуемые значительным сходством звучания и совершенно несопоставимыми или, по крайней мере, семантически четко разграничиваемыми

---

[115] *Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А.* Указ. соч. С. 199.
[116] *Лопатникова Н.Н., Мовшович Н.А.* Указ. соч. С. 198.

значениями. В лексиконе того или иного языка они действительно как бы находятся «рядом», подобно очень сходным по звучанию личным именам (*антропонимам*): Валериан и Валерий, Мария и Марианна.

Еще А.М.Пешковский обратил внимание на значительную близость звучания следующих пар слов: *предвидеть – провидеть, смешение – смещение, интеллигентный – интеллигентский* (с нашей точки зрения коннотированный синоним к 1-му слову 3-й пары с типом значения 1НК)[117].

Существует концепция, согласно которой паронимы – это только **однокорневые** слова, значения которых явно сопоставимы и отличаются друг от друга «частными дополнительными смысловыми оттенками»[118]. В таком случае в категорию паронимов могут быть включены только 1-я и 3-я пары слов из примеров А.М. Пешковского. Слова же *смещение и смешение*, обладающие очень сходным звуковым обликом и семантически четко разграничиваемые, в категорию паронимов включены быть не могут. В таком случае паронимы вообще, наверное, очень близки к однокорневым синонимам (ведь именно ЛЗ синонимов разграничиваются на основе «частных дополнительных смысловых оттенков»).

Нам представляется, однако, что **паронимия** – явление значительно более близкое к **омонимии**, чем к **синонимии.** То определение паронимов, которое предложили мы, конечно, в какой-то мере снижает строгую объективность критериев в отборе соответствующего языкового материала. Единственным критерием такого отбора остается **предельная близость звукового оформления** таких слов в языке. В связи с опорой на этот критерий **паронимы** могут быть разделены на две группы: 1) **разнокорневые паронимы**, звуковые формы которых предельно близки и часто различаются между собой вообще по одной фонеме (*смешение – смещение, четкость – чуткость, честь – часть, ферма – фирма, время –бремя, пламя – племя, дом – ком – лом – ром – сом – том, вот – дот – кот – лот – мот – пот – рот – тот*), 2) **однокорневые паронимы** (*предвидеть – провидеть, квадрат – квадрант, здравица – здравница, диктант – диктат, дипломант – дипломат и т.д.*[119]).

Если разнокорневые паронимы характеризуются, как правило, семантической несопоставимостью их значений (четкость – чуткость, смещение – смешение, честь – часть, ферма – фирма и т.д.), то паронимы однокорневые, безусловно, семантически сопоставимы. При этом к категории однокорневых паронимов следует относить только те пары слов, которые не обнаруживают в своих значениях синонимической близости: *диктат* – «название неравноправных договоров, навязанных одним государством другому» (в сфере международного права), *диктант* – «письменная работа для упражнения в правописании, состоящая в записывании диктуемого текста», *квадрат* – «равносторонний прямоугольник», *квадрант* – «сектор, четверть круга, угломерный прибор».

---

[117] *Пешковский А.М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. – М., 1930. С. 59.

[118] *Вишнякова О.В.* Паронимы в русском языке. – М., 1974. С. 9.

[119] Русские однокорневые паронимы подробно представлены в специальном словаре. См: *Вишнякова О.В.* Паронимы в русском языке. – М., 1974.

Синонимическая близость однокорневых слов делает их семантические связи **системными**, паронимия же относится, с нашей точки зрения, как и омонимия, к **асистемным** явлениям языка. В тех случаях, когда между однокорневыми словами обнаруживается синонимическая близость значений, следует говорить именно об **однокорневых синонимах**: *интеллигентный* – «умственно развитый, образованный, культурный», *интеллигентский* – «имеющий отношение к интеллигентам, свойственный им», т.е. присущий людям умственно развитым, образованным, культурным[120].

Согласно нашим критериям, на основе которых было определено само понятие **паронимы**, слова подобного типа, отражающие **асистемные** связи лексики, имеются и в других языках: англ. (a) girt – «обвязка, пояс», (a) girth – «подпруга», исп. (el) haber – «имущество», (el) habar – «бобовое поле», (la) madraza – «слишком нежная мать», (la) madrasta – «мачеха».

Для нас проблема паронимии важна не только сама по себе, но и в связи с решением очень важного вопроса о реальности существования **межъязыковой омонимии (и паронимии).**

Существует ли в языковой действительности **межъязыковая омонимия (или паронимия)?** Некоторые факты, как нам кажется, подтверждают даже реальность межъязыковой омонимии.

К. Чуковский в книге «Высокое искусство» приводит строчку из стихотворения Т. Шевченко «Пішла *луна* гаем» в русском переводе «Пошла *луна* лесом». Перевод совершенно не верен, т.к. этот спутник земли называется по-украински *місяць*, слово же со звуковым комплексом *луна* (луна') означает «эхо, отзвук»[121]. Несколько дальше дается еще один интересный случай из переводов Ф. Сологуба: «Старцы – по-украински «нищие». Сологуб же переводит *старцы*, хотя эти старцы часто бывали подростками»[122].

В первом случае: русск. *луна* – укр. *луна* – перед нами несомненный случай **межъяыковой омонимии** в двух близкородственных языках. Во втором случае: русск. *старцы* – укр. *старци* – представлена скорее **межъязыковая паронимия**, потому что полного звукового соответствия между русским и украинским словами нет в связи с тем, что в украинском слове звучит весьма характерное для этого языка мягкое *ц'*.

Поскольку нас интересует само доказательство реальности существования межъязыковой омонимии или паронимии в языках не только близкородственных, но и совершенно неродственных и типологически очень далеких друг от друга, выйдем за рамки сопоставляемых нами языков: русск. *яма* – «углубление в земле» – японск. *яма* (без редукции конечного ударного гласного звука!) – «гора» (Фудзияма – название известного вулкана, «огненная гора»), франц. (la) joie – «радость» – казах. жуа (полное звуковое совпадение с той частью французского слова, которая выражает собственно лексическое значение) – «дикий лук», китайск. nàme – «тогда, в таком случае» – нем. (der) Name – «имя» (об абсолютном звуко-

---

[120] *Вишнякова О.В.* Указ. соч. С. 82.

[121] *Чуковский К.* Высокое искусство. – М., 1964. С. 305.

[122] *Чуковский К.* Указ. соч. С. 305.

вом совпадении говорить, видимо, все-таки нельзя за счет специфического звука à в китайском языке – гласного с понижающейся тональностью), русск. *баба!, ба!* (довольно часто встречающееся в детской речи обращение к *бабушке*) – китайск. bà – «отец», bàba – «папа».

Несмотря на то, что найти случаи полного звукового тождества разных по семантике слов в очень далеких друг от друга языках почти невозможно, приведенные выше примеры условно можно квалифицировать как **межъязыковую омонимию** или – в отдельных сопоставлениях – **межъязыковую паронимию** (ср. русск. *баба! ба!* – китайск. *babà – bà*).

Думается, однако, что **межъязыковая паронимия** распространена значительно шире: узб. *oná*, казахск., киргизск. *aná* – «старшая сестра, вообще уважительное обращение к женщине, старшей по возрасту» – венг. *ápa* (произносится: áп (а), где (а) – очень специфический звук венгерского языка: краткий лабиализованный звук *а*) – «отец», русск. просторечн. *батя* – венг. *bátya* (bátъ(a)) – «старший брат», русск. *карандаш* – казах. *к,арындас* – «младшая сестра, сестренка» (часто используется мужчинами как ласковое обращение к девочке или женщине, младшей по возрасту), русск. *питóмец* – «воспитанник», чешск. *pítomec* (с ударением на первом слоге!) – «глупец, дурак», русск. *живот* – чешск. *život* – «жизнь» (*krasny život* = «прекрасная жизнь»). На весьма отдаленной межъязыковой паронимии строятся следующие стихи: А бритвы раздай для жирных *горл!* / А девушке чудится: «Му, my *girl!* « (В. Маяковский).

Итак, такие явления, как **межъязыковая омонимия и межъязыковая паронимия,** вполне реальны. Чаще всего их можно объяснить чисто случайным звуковым совпадением или значительной звуковой близостью совершенно разных слов в разных языках. Однако в некоторых случаях эти явления требуют и более сложного объяснения. Так, в древнерусском языке слово **животъ** также имело значение «жизнь» (это значение до сих пор просматривается в некоторых фразеологизмах: **положить живот свой** (в борьбе за что-либо) – «погибнуть», **не щадя живота своего** (ради чего-л.) – «не жалея своей жизни» и т.д.). Вполне возможно, что венгерское слово со значением «старший брат» заимствовано венграми у славян (отсюда и определенная семантическая близость слов *батя* и *bátya*: в случае смерти отца его в семье заменял старший брат).

Однако теперь мы вновь вернемся к проблеме **внутриязыковой омонимии и паронимии.** Противопоставляя **омонимию и паронимию слов** *ПОЛИСЕМИИ СЛОВА,* мы тем самым противопоставляем **асистемные** явления языка явлениям *СИСТЕМНЫМ.*

6.6. ЛЕКСИКА КАК СИСТЕМА СИСТЕМ. ОТРАЖЕНИЕ СИСТЕМНЫХ СВЯЗЕЙ ЛЕКСИКИ В ЛЕКСИКОЛОГИИ И ЛЕКСИКОГРАФИИ

Именно теперь, противопоставив **системные** и **асистемные** отношения в лексике современного русского литературного языка, постараемся раскрыть смысл высказанного гораздо раньше положения: **лексика – это система систем.** Каждое многозначное слово – действительно одно из проявлений её **многочисленнных микросистем.** При этом не всегда легко определить реальные границы таких микросистем, найти реальные границы семантической структуры слова, отграничить отношения системные от асистемных.

Так, в МАС слово *титан* дано в одной словарной статье как многозначная лексема с 4-мя лексико-семантическими вариантами (ЛСВ): 1) «в древнегреческой мифологии: божество, один из сыновей Урана и Геи, побежденных Зевсом и низвергнутых им в Тартар»; в нашей классификации – 1Н; 2) перен. (обычно *чего*) «человек, выдающийся в какой-либо области, отличающийся исключительной силой ума, таланта, величием деятельности»: *титан* поэзии, *титан* научной мысли (в нашей классификации значений: 2К, синт. связ., конструктивно обусловленное); 3) «химический элемент, легкий тугоплавкий металл серебристо-белого цвета», 4) «название большого кипятильника особого устройства».

Как показывает словарная статья, семантическая связь прослеживается четко только между 1-м (1Н) и 2-м значениями (2К): 2-е значение на фоне 1-го осознается как яркая метафора (А = В: человек, выдающийся в какой-либо области деятельности = божество и богоборец, посягнувший восстать против самого Зевса). 3-е и 4-е значения фактически никак не связаны ни с двумя первыми, ни между собой.

Гораздо правильнее, как нам кажется, отражен семантический статус явления в «Толковом словаре русского языка» (С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой), М., 1992: только два первых значения представлены как семантическая структура одной лексемы (ТИТАН-1). Далее даны два омонима: ТИТАН-2 и ТИТАН-3, значения этих омонимов соответствуют 3-му и 4-му значениям лексемы – полисеманта в МАС.

Подтверждение именно такой семантической интерпретации данных слов мы в какой-то мере находим и в языках регулярного сопоставления: англ. titan – 1) (Gk myth) one of a family of giants who once ruled the world, 2) person of super-human size, strength, intellect (Hornby, p. 908), нем.(der) Titan-1: 1) Angehöriger eines riesenhaften Göttergeschlechts in der griech. Mythologie; 2) Mensch von überragender Geisteskraft; (das) Titan-2: metallisches Element mit niedrigem spezifischem Gewicht, das korrosionsbeständig und stahlhart ist (Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, 5 Band, S. 3742 – частичные лексические омонимы за счет расхождения грамматического рода слов); франц. (le) titan-1: 1) Nom des enfants d'Ouranos (le Ciel) et de Gaia (la Terre), dont l'ainé était Titan et le dernier Kronos,qui furent vaincus par Zeus, 2) Géant. Une oeuvre, un travail de Titan. Titan de l'Art (Michel- Ange); (le) titane-2 – …métal blanc brillant (Petit Robert, p.1787 – звуковое оформление слов не создает омонимии!).

Семантическая связь значений – одно из основных условий существования **многозначной лексемы,** её **тождества** в лексической системе языка, её статуса **семантической микросистемы** в **системах более сложного порядка** – ЛСГ и ЛСП.

После выхода уже известных работ Ф. Лаунсбери и У. Гуденафа началось построенное на их методологии интенсивное исследование **лексики как системы** на материале самых разных языков. Как правило, все такого рода исследования наглядно подтверждали мысль о том, что лексика любого языка в целом – это сложная **система систем.**

В 1972 и 1978 годах в МПГУ были защищены две кандидатские диссертации, охватывающие явно смежный и так или иначе семантически взаимодействующий материал русского языка: 1) диссертация Т.И. Но-

воселовой «Лексико-семантическая группа глаголов **созидания** в современном русском языке» (1972 г.) и 2) диссертация Т.А. Потапенко «Лексико-семантическая группа глаголов **разрушительного воздействия на объект** в современном русском литературном языке» (1978 г.).

Как видно уже из названий диссертаций, в них исследован очень обширный круг глагольных слов, составляющих фактически **антонимические подсистемы** одной очень сложной **системы – ЛСГ** глаголов, обозначающих **различные способы воздействия на объект.** Вместе с тем эта **система** сама является только **подсистемой** по отношнию к очень обширному по своей протяженности **ЛСП**, обозначающему с помощью **слов различных частей речи** различные способы воздействия на объект (строить, строительный, строительство… разрушать, разрушительный, разрушение).

Естественно, что названная лексико-семантическая **система** не является конечной **макросистемой** современного русского языка – такой **макросистемой** может быть только **вся его лексика.**

В своих кандидатских исследованиях «Семантическая структура имен прилагательных с исходным световым значением в современном русском языке» (Москва, 1996 г.) и «Семантическая структура имен прилагательных с исходным значением «сделанный из определенного материала» в современном русском языке» (Москва, 1997 г.) Е.А. Шумских и М.Н. Запорожец шли несколько другим путем: основными единицами их исследований были **лексемы** с указанными первичными значениями и всеми другими значениями, представляющими собой результаты семантических трансформаций как первичных, так и ряда вторичных значений.

В результате в каждом из названных здесь исследований были подробно представлены целостные семантические структуры названных лексем – своего рода **микросистемы**, составляющие вполне определенные части, зоны **макросистемы русской лексики.**

Если **всю лексику современного русского литературного языка** условно можно представить как некую **макросистему**, то **самым минимальным** системным образованием в её пределах является, безусловно, слово в **определенном лексическом значении.** Лексическое значение как **многокомпонентная структура** (С, Д, К, ЭК, СТР) – минимальное **системно организованное** семантическое единство, из состава которого и выделяются **семы** – далее уже неделимые семантические единицы.

Семы легче всего выделяются на основе взамодействия С и Д ЛЗ, т.е. на основе соотнесенного с определенным классом денотатов понятийного содержания: *студент* – «лицо (1) мужского пола (2), получающее образование (3) в высшем (4) гражданском (5) учебном заведении (6)», *ехать* – «перемещаться (1) по суше (2) с помощью транспорта (3)».

Наличие К фиксируется при семном анализе как присутствие в составе ЛЗ **эмосемы** с конкретным определением эмоциональной тональности и типа оценки: *молодец* – «лицо (1), достойное самой высокой похвалы (2), эмоциональная тональность восхищения, одобрения, оценка актуализированно позитивная (3)».

Наличие ЭК фиксируется как **этносема,** отражающая национальную специфику денотата: *изба* – «строение (1) для жилья (2) сельского типа (3) *в России* (4: этносема)».

Обращение к семному анализу еще раз показывает, что ЛЗ представляет собой минимальное **системно организованное** семантическое единство.

Проанализированные выше диссертационные исследования молодых ученых МПГУ внесли, безусловно, определенный вклад в изучение **системной организации лексики современного русского языка.**

В сопоставительном аспекте мы представили **системную организацию** лексики русского, английского, немецкого, французского и испанского языков на материале анализа ЛСГ терминов родства (линия прямых родственных связей) и семантического сравнения лексем с исходным световым значением.

Обратимся теперь к некоторым материалам диссертации М.Н. Запорожец, показав их также в сопоставительном аспекте. Русское прилагательное *железный* как в своем прямом номинативном значении «сделанный из железа» (1Н), так и в системе переносных вторичных лексически связанных значений (2К): «крепкий» (о физических возможностях человека: *железные* руки, мускулы, кулаки, здоровье, *железный* человек) и «стойкий, непоколебимый» (об особенностях внутренних качеств человека: *железные* нервы, *железная* воля, выдержка, дисциплина, *железный* человек) – имеет определенные семантические аналоги во всех языках сопоставления.

При этом в сопоставляемых языках обнаруживается различная **системность** в лексическом выражении этих семантических аналогов.

Наибольшую типологическую близость с русским языком обнаруживает немецкий язык. В этом языке, как и в русском, прилагательное eisern («железный») в своем прямом номинативном значении (1Н) принадлежит к категории относительных (ср.: железное кольцо, железная решетка, железная крыша – der eiserne Ring, das eiserne Gitter, das eiserne Dach), во вторичных переносных значениях (2К) оно уже относится к категории качественных прилагательных, при этом сама система этих значений в целом совпадает с соответствующими переносными значениями русского слова (die eiserne Faust, eiserne Muskeln, eiserne Gesundheit – eiserner Wille, eiserne Disziplin, eiserne Notwendigkeit, границы лексической сочетаемости, возможно, несколько шире: eiserner Fleiss – «железное прилежание», eiserne Zucht – «железное обуздание, дисциплина, насаждаемая жестокими мерами»).

В испанском языке допустимо некоторое дублирование лексических средств: как для передачи прямого значения, так и для передачи значений переносных используется прилагательное férreo («железный») и конструкция, состоящая из предлога, указывающего на принадлежность к определенному материалу («железо») – de hierro (~ «из железа»): camino de hierro, via férrea («железная дорога»), tejado de hierro («железная крыша») – salud férrea (de hierro) – «железное здоровье» – voluntad férrea (de hierro) – «железная воля».

В английском и французском языках для передачи семантики прямого номинативного значения русского прилагательного и для передачи его

переносных значений постоянно используется конструкция «предлог + сущ., обозначающее соответствующий материал (железо)»: англ. the roof of iron – muscles of iron – will of iron, an iron resolution – «непоколебимая (железная) решимость», франц. industrie de fer – avoir une santé de fer, avoir une main de fer, avoir une poigne de fer – avoir une volonté de fer, la discipline de fer.

Итак, определенные **системные** отношения между языками прослеживаются и на данном материале. Они помогают нам увидеть особенности **внутрисистемной организации лексики** в каждом из пяти языков.

Внутрисистемные связи лексики различных языков находят в настоящее время свое отражение не только в **лексикологии**, но и в **лексикографии.**

Ещё в 1933 году в Германии (на родине ученых Г. Ипсена, Л. Вейсгербера, Й.Трира, введших терминологию, с помощью которой началось описание **лексики как системы: sprachliche Felder, Begriffsfelder, semantische Felder**) был опубликован словарь Франца Дорнзайффа, представившего лексику немецкого языка в так называемых «предметных группах» (Franz Dornseiff. Der deutsche Wortschatz nach Sachgruppen. Berlin, 1933). Рассмотрим только одну словарную статью этого своеобразного лексикона, чтобы представить себе, как отражен в нем **системный характер** немецкой лексики.

Словарная статья **das Weib** («женщина») включает в свой состав ряд синонимически близких слов, принадлежащих, однако, различным стилям речи и имеющим различную диахроническую характеристику (устаревшую лексику мы даем со специальной пометой – уст.): die Frau («женщина», «жена», форма обращения к замужней женщине: Frau Müller!), das Frauenzimmer («женщина» – уст.), Dame, Madame, Lady (обращение к француженке или англичанке). В словарную статью включены слова, обозначающие лиц женского пола различных возрастных групп: Mädchen, Mädel («девушка», «девочка»), Pusselchen (ласковое обращение к маленькой девочке), слова, стилистически маркированные: Weibchen (прост. «бабёнка, бабёночка», само слово das Weib в современном немецком языке характеризуется также определенной стилистической сниженностью по сравнению со словом die Frau), Jungfrau (высок. «дева», «девственница», ср. в названии драмы Ф. Шиллера «Die Jungfrau von Orlean»).

В статье имеются интимные эмоционально ярко окрашенные названия женщин и девушек (Miesel – букв. «мышонок» – перен. «милочка, любимая»), даны также эмоционально-оценочные явно негативные характеристики женщин (Rechen – букв. «грабли» – «худая, высокая, нескладная женщина», Besen – букв. «метла» – то же самое).

В состав статьи включены некоторые прилагательные, содержащие в своих ЛЗ сему «женский пол»: fraulich («женский»), jungfräulich («девственный»), weibisch, weiblich («женский, свойственный женщине»), mädchenhaft («женственный, подобный девушке, девочке», иногда при характеристике лиц мужского пола: Er ist zu mädchenhaft – «он слишком похож на девушку, девочку»).

Статья содержит и некоторые устойчивые сочетания различных типов: УС нефразеологического типа (das schöne Geschlecht, das schwache

Geschlecht, das zarte Geschlecht – «прекрасный пол, слабый пол, нежный пол»), фразеологизмы: die Krone der Schöpfung – «венец творения».

Итак, перед нами системное объединение слов, очень близких к нашему понятию о **лексико–семантической группе**, но вместе с тем отражающее (с наших позиций) и некоторые признаки **лексико-семантического поля** (объединение слов **различных частей речи**, характеризуемых на уровне их **лексических значений** наличием **интегральной семы** «женский пол»).

Специфика включенных в словарную статью слов показывает, что автор словаря не отождествлял лексическое значение только с понятийным содержанием, он включает в состав статьи ярко коннотированную образную лексику, некоторые из этих метафор носят явно **этнокультурный** характер (Pusselchen от pusselig – «мягкий, нежный, мягкий на ощупь», Miesel, Rechen, Besen).

Словарь Франца Дорнзайффа выдержал в Германии пять изданий (с 1933 по 1959 годы).

В настоящее время (с 2000 года) в России научные сотрудники Института русского языка РАН (Российской академии наук) начали издавать многотомный словарь, в котором **лексика современного русского литературного языка** представлена как **система семантических классов слов.** Сам подход к описанию лексики современного русского литературного языка исходит из того, что перед нами сложная **система систем.** Внутри **макрокласса (части речи)** выделяются **классы,** возглавляемые **лексико-семантической доминантой («человек», «животное»)**[123].

Далее идет разделение этих классов на классы с более частными общими значениями, уже очень близкие к нашему понятию **ЛСГ**: так, на стр. 234–236 тома 1 под заголовком «Учащиеся, практиканты» даны слова, выражающие прежде всего наиболее общие значения: *студент, учащийся, ученик*, затем даются слова, в ЛЗ которых отражен тип учебного заведения и характер специальной подготовки (*суворовец, нахимовец, курсант, семинарист*)[124]. В связи с тем, что в следующем разделе нашего учебника мы дадим подробный синхронно-диахронический анализ ЛСГ «учащийся – учащаяся», здесь мы не будем больше задерживаться на демонстрации этого лексико-семантического материала. Ясно, однако, что составители словаря описывают лексику современного русского литературного языка как **макросистему**, объединяющую в единое целое **всю систему систем различной степени семантической сложности.**

Итак, наименьшей системной организацией в лексике является лексическое значение каждого отдельного слова как многокомпонентная структура. Перед нами уже **система** взаимообусловленных и взаимозависимых компонентов лексического значения.

Следующей минимальной системной организацией в лексике является семантическая структура каждой многозначной лексемы. Это уже **система систем.**

---

[123] Русский семантический словарь / Под общей редакцией академика Н.Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 1998. С. IX.

[124] Русский семантический словарь. Т.1. С. 234–236.

Более сложными по своей внутренней организации **системами систем** являются в лексике семантические объединения слов в составе **лексико-семантических групп и лексико-семантических полей.** При этом по мере обобщения, генерализации интегральных сем, объединяющих слова одной ЛСГ или одного ЛСП на уровне их лексических значений, постоянно расширяется сфера предметно-вещественной отнесенности этих ЛСГ и ЛСП, их **экстенсионал** (так, экстенсионал слов *школьник, ученик, студент, семинарист, курсант*, входящих в ЛСГ «учащийся», намного у́же экстенсионала слова *учащийся,* которое входит в качестве лексико-семантического компонента уже в ЛСГ, обозначающую лиц по их основным занятиям: *учащийся, рабочий, крестьянин, служащий*).

В результате постепенной генерализации интегральных сем, объединяющих слова одной ЛСГ, мы получаем в конечном итоге **систему систем,** отражающую соотношение **частей речи, т.е. лексико-грамматических разрядов слов** того или иного языка (см.: «предмет», «признак», «действие», «состояние» и т.д.).

В пределах указанной выше **трихотомической системы систем** («Человек» – «Вселенная» – «Человек и Вселенная») мы можем, однако, не выходить за рамки собственно лексико-семантических классификаций (интегральная сема «живое существо» объединяет в составе одной ЛСГ следующие слова: *человек, животное, птица, насекомое, растение*).

Системой систем является, естественно, **лексика любого языка**, однако в каждом отдельном языке и в целых системах родственных или неродственных, но постоянно контактирующих языков **на разных уровнях этой системы систем** могут быть обнаружены как национально-специфические, так и ареально-специфические особенности. В ЛСГ прилагательных с цветовым признаком в славянских языках последовательно разграничиваются лексемы с семантикой «синий» и «голубой», но в языках романских и германских этого разграничения мы не находим.

В ЛСГ терминов родства всех европейских языков выделяются лексемы семантики «брат» и «сестра», в венгерском языке при этом лексемы такой семантики сосуществуют с лексемами семантики «старший брат» – «младший брат», «старшая сестра» – «младшая сестра». В соответствующих ЛСГ всех тюркских языков, что, видимо, объясняется их исконным родством и ареальными взаимодействиями, выделяются только лексемы более конкретизированной семантики: «старший брат» – «младший брат», «старшая сестра» – «младшая сестра». Подобные же семантические соотношения лексем мы обнаруживаем и в ЛСГ терминов родства китайского, корейского, японского, вьетнамского языков.

Важно также усвоить, что лексика любого языка – это **живая, постоянно развивающаяся, обновляющаяся новыми словами и постепенно освобождающаяся от слов устаревших система систем.**

Лингвистические факты, подтверждающие эти положения, будут представлены нами в следующем разделе учебника прежде всего на материале русского языка, который будет рассмотрен **как с позиций синхронии, так и диахронии.** При описании факторов, свидетельствующих

о постоянном обновлении русской лексики, нас, безусловно, особенно будут интересовать слова, заимствованные из языков регулярного сопоставления (английского, немецкого, французского, испанского).

7. СИНХРОННО-ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

7.1. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИЧЕСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Раздел, посвященный синхронно-диахронической характеристике русской лексики, логичнее всего начать с краткого очерка её исторического становления, т.е. с её **диахронического анализа.** Русская лексическая система прошла очень сложный путь становления и развития. Напомним, что русский язык – это язык **индоевропейской семьи языков, славянской ветви и восточнославянской группы.**

В каждом из этих определений в предельно сжатой форме представлена и история становления и развития **лексики** современного русского языка, её контактов с лексикой других языков в прошлом (и иногда очень далеком прошлом!) и настоящем.

Какую-то часть своего лексического фонда русский язык воспринял от тех древних языков, которые являются исторически его далекими предками: языка **индоевропейского** и языка **праславянского (или общеславянского).**

Индоевропейский (праиндоевропейский) язык, общая основа всех современных европейских языков (кроме языков финно-угорской семьи: финского, венгерского, эстонского), языков иранских (персидский, таджикский) и некоторых индийских (хинди, бенгали, панджаби, синдхи и др. [125]) не оставил после себя никаких письменных памятников. Однако в его реконструкции играют большую роль письменные памятники достаточно близких к нему по времени и развившихся на его основе языков: древнеиндийского (2-е тысячелетие до н.э.), санскрита (более поздней формы древнеиндийского литературного языка), древнегреческого (памятники крито-микенской культуры – XV – XIII вв. до н.э.), фригийского (надписи первой половины 1-го тысячелетия до н.э.)[126].

«Живыми памятниками» этого языка-основы являются некоторые парадигмы семантически тождественных слов в **современных индоевропейских языках**: русск. *мать* (*матери, матерью, о матери – мн.ч. матери*), англ. *mother*, нем. *Mutter*, норв. *mor* (уст. *mødre*), швед. *mor* (уст. *moder*), франц. *mère* (около X в.: *madre, medre*), исп., итал. *madre*, тадж. *мадар.* Своего рода «мостиком» к соответствующему слову в индоевропейском языке – + maHt(h)er [127] – являются его семантические эквиваленты в более

---

[125] *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Часть 1. Благовещенск. БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 1984. С. XLVII.

[126] *Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс.* Указ. соч. С. XLII – XLIX.

[127] Там же. Часть II.1. С. 765.

близких к нам по времени древних языках: санскрит *ma:tá:* (1-й гласный звук является долгим, 2-й – долгим и ударным), латинск. *mater*.

Сравним также: русск. *брат*, польск. *brat*, чешск. *bratr*, англ. *brother*, нем. *Bruder*, норв. *bror*, швед. *broder*, *bror*, франц. *frère* (в X в.: *fradre*), итал. *fratello* ← латинск. *Frater* ← санскрит *bhratar* ← индоевропейский язык + *bhrater* («сородич»)[128].

Проведенный нами сопоставительный синхронно-диахронический анализ терминов родства семантики «мать» и «брат» убеждает в том, что соответствующие русские слова, как и их семантческие эквиваленты во многих других европейских языках индоевропейской семьи, восходят именно к индоевропейскому праязыку. Вполне правомерно поэтому говорить о русской (английской, немецкой, французской, шведской и т.д.) лексике индоевропейского происхождения.

Общеславянский (праславянский) язык (I– IV вв. н. э.) – новая ступень в языковом развитии части европейцев – **славян**, которая потом, через века, далеким эхом отзовется и в становлении **лексики русского языка.** В некоторых языковых явлениях мы и сейчас можем пронаблюдать противопоставление всех славянских языков языкам европейским, но не славянским. Так, русские слова *рука* и *нога* представляют собой номинацию **всей верхней** (от кисти до плеча) или **всей нижней** (от ступни до бедра) конечности человека. Тот же самый принцип номинации мы встречаем и во всех других славянских языках при значительном сходстве самих звуковых комплексов: блр. *рука – нога,* укр. *рука – нога*, болг. *ръка – крак* (диалектн. *нога*), сербскохорв. *ру́ка – нога,* чешск. *ruka – noha*, польск. *ręka – noga*, словацк. *ruka – noha.*

Во всех языках регулярного сопоставления использованы другие принципы номинации: 1) «ступня» – «часть ноги выше ступни»: англ.(*a*) *foot* – (*a*)*leg*, нем.(*der*) *Fuß* – (*das*) *Bein*, франц. (*le*) *pied* – (*la*) *jambe*, исп.(*el*) *pie* – (*la*) *pierna* («от ступни до колена»), (*el*) *muslo* («часть ноги выше колена»); 2) «кисть руки» – «часть руки выше кисти»: англ. (*a*) *hand* – (*an*) *arm*, нем. (*die*) *Hand* – (*der*) *Arm*, франц. (*la*) *main* – (*le*) *bras*, исп. (*la*) *mano* – (*el*) *brazo*.

Видимо, способ славянской номинации свидетельствует о формировании соответствующих слов в период **общеславянского языка** (незначительные расхождения в звуковом оформлении слов разных славянских языков – явление более позднего порядка).

Очевидно, и названия времен года складывались в период **общеславянский**: русск. *зима,* чешск. *zima,* польск. *zima,* сербскохорв. *зима,* болг. *зима* (*ma*) – англ. (a) *winter,* нем. (*der*) *Winter,* швед. *vinter*(en) – франц. *l'hiver,* исп. (*el*) *invierno.*

Формирование **собственно русской лексики** начинается приблизительно в XIII веке (после разделения **восточнославянского языка** на **русский, украинский** и **белорусский**). Покажем этот процесс на материале некоторых слов ЛСГ «социальное положение человека».

---

[128] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М., 1993. С. 109.

В.В. Виноградов, ссылаясь на доклад П.Б. Струве (4-й съезд русских ученых в Белграде, 1928 г.), впервые не рассматривает слово *крестьянин* («сельский житель, основным занятием которого является обработка земли») как производное от *христианин*, подчеркивая, что оно является собственно русским и появилось в связи с древнерусским церковным землевладением в XIV–XV веках[129] (производные слова более позднего происхождения: *крестьянка, крестьянствовать, крестьянский*).

К категории собственно русских слов следует, видимо, отнести и такие слова указанной выше ЛСГ, как *дьяк, стрелец.* Слово *дьяк* семантизируется П.Я. Черных следующим образом: «в домосковской Руси – делопроизводитель, писец князя; главный ответственный секретарь приказа»[130], при этом даются соответствия в украинском (*дяк*) и белорусском языках (*дзяк*), которые скорее всего являются переводами названия этой собственно русской реалии. В венгерском языке отмечается межъязыковой омоним этого слова: diák – «учащийся, школьник, студент».

Слово *стрелец* представлено в МАС только формой множественного числа – *стрельцы*, при этом семантизация слова четко указывает на собственно русский характер реалии: «военные служилые люди, вооруженные огнестрельным оружием, входившие в особое постоянное войско в Русском государстве XVI – XVII веков» (МАС, Т. 2. С. 286).

К категории собственно русских слов следует отнести и слово *дворянин*, внутренняя форма которого связана непосредственно со словом *двор* в значении «поместье»: «На Руси первоначально представитель низшей прослойки феодального военно-служилого сословия, составлявшей *двор* (выделено нами. – *Ю.С.*) князя или крупного боярина»[131]. Впоследствии, с XIV века, *дворянин* становился владельцем жалованного ему за службу поместья – *двора* (производные слова более позднего происхождения со значением типа 1Н: *дворянка, дворянство,* со значением типа 1НК: *дворянчик, дворяночка*). С XVII века *поместье* уже передается по наследству, и это делает актуальным семантику появившегося ранее (XV – XVI века) другого слова той же ЛСГ – *помещик* (женск. *помещица*).

Слово той же ЛСГ *боярин* (производная лексика: *боярыня, боярышня,* УС нефразеологического типа *боярский сын, боярские дети* как форма социальной характеристики лиц боярского происхождения), обозначавшее представителя наиболее привилегированного на Руси сословия, собственно русским не является: это древнее тюркское или монгольское заимствование (общетюркское: *bai* – «богатый, богач», *är* – «муж, мужчина»[132]). Производные от этого слова (*боярыня, боярышня, боярский*) возникли уже на русской почве, по законам русского словообразования и могут быть отнесены к категории **собственно русской лексики с иноязычной корневой основой.**

---

[129] *Виноградов В.В.* История слов. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 1999. С. 772.

[130] *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1. С. 278.

[131] *Черных П.Я.* Указ. соч., Т.1. С. 233.

[132] *Черных П.Я.* Указ. соч., Т.1. С.106.

Приблизительно в таком же соотношении находится и слово той же ЛСГ *князь* со своими производными *княгиня, княжна, княжич* («сын князя»), *княжеский.* Праславянское *kъnędzь*, к которому этимологически восходит слово *князь,* заимствовано из прагерманского (+*kuningaz*) или готского (одного из древних германских языков: +*kuniggs* [133]), приведенные же выше производные этого слова также могут быть отнесены к **собственно русской лексике с иноязычной корневой основой.**

Лексическая система **современного** русского литературного языка в основном сложилась уже к концу 1-й трети XIX века, значительный вклад в её формирование внесли лучшие русские поэты и писатели того времени, прежде всего, конечно, Н.А. Карамзин, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов. Однако эта лексическая система находится постоянно в стадии развития, совершенствования, изменения. Поэтому не менее важен для её становления был вклад прекрасных русских писателей и поэтов, живших позже (И.С. Тургенев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.А. Фет, Ф.И. Тютчев) и даже значительно позже и В.А. Жуковского, и А.С. Пушкина (Иннокентий Анненский, Анна Ахматова, Марина Цветаева, Максимилиан Волошин, Сергей Есенин, Борис Зайцев, Иван Шмелев, Константин Паустовский). «Существует вершина – чистый и гибкий русский литературный язык», – писал в свое время Константин Паустовский[134]. К этой вершине мы с вами постоянно идем, и каждый из нас (для этого совсем не обязательно быть выдающимся писателем или поэтом!) может бережным и любовным отношением к родному языку, к родному слову внести свою лепту в их дальнейшее совершенствование. И снова хочется вспомнить прекрасное высказывание Константина Паустовского о **словах** нашего языка: «Многие русские слова сами по себе излучают поэзию, подобно тому как драгоценные камни излучают таинственный свет»[135]. А какую поэзию способны излучать бесчисленные *дилеры, киллеры, риэлтеры, менеджеры, менеджменты,* которые буквально обрушиваются на нас со страниц газет и журналов?

На каком языке (неужели на русском?) ведут в метро диалог два очень интеллигентных на вид молодых человека? О чем они договариваются между собой? Послушаем: – Пошли на «Красную кобру»! – Я не врубаюсь. Это что такое? – Убойная штука. Все вообще в отпаде… – Завтра не могу. Уже стрелку забил. Надо позарез успеть. – Не гони. Завтра у меня тоже не прет. Я тут бабки заколачиваю (Мир за неделю. № 22(39) от 1–8 июля 2000 г. С.15).

Статья в газете, которая начинается этим диалогом, носит выразительное название «Агрессия слова». **Лексическая система современного русского литературного языка** в настоящее время должна действительно активно отражать агрессии и ничем не оправданных иноязычных заимствований (главным образом англицизмов и американизмов!), и постоянно проникающих в её состав словечек и выражений из всякого рода

[133] *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т.2. . – М., 1986. С. 266.
[134] *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений. Т. 2. Повести. – М., 1958. С. 585.
[135] *Паустовский К.Г.* Там же. С. 562.

жаргонов (молодежного, «новых русских» и т.д.). Этим серьёзным **лингвистическим поблемам** будут в дальнейшем посвящены специальные части данного раздела в нашем учебнике.

7.2. МЕЖЪЯЗЫКОВЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ. ЗАИМСТВОВАННЫЕ СЛОВА В СОСТАВЕ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ

Межъязыковые лексические контакты, т.е. контакты лексических систем объединяемых между собой культурными связями народов, – явление совершенно естественное, наблюдаемое не только в наше время, но имевшее место и в глубокой древности (см. данные о происхождении слов *боярин, князь*).

Естественным результатом таких контактов являются **лексические заимствования**, характерные, наверное, для всех языков мира.

На основе специфики языков-источников, из которых вошли в состав русской лексики те или иные заимствованные слова, мы можем говорить о **лексических заимствованиях из древних языков** (древнегреческого, латинского, старославянского) и **лексических заимствованиях из новых языков** (особенно внимательно нами будут рассмотрены заимствования из английского, французского, немецкого и испанского языков).

7.2.1. ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ

Непосредственных культурных контактов с древними греками и римлянами у русского народа, конечно, не могло быть, но исключительно богатое культурное наследие этих народов с очень давних пор привлекало и интересовало русских. Вспомним, что уже в первом учебном заведении России, приближавшемся по своей программе к университетам Европы, главное внимание уделялось древнегреческому, латинскому и старославянскому языкам (речь идет о Славяно-греко-латинской академии, в которой учился М.В. Ломоносов). Дореволюционные мужские гимназии назывались **классическими**, поскольку в них очень серьезное внимание уделялось преподаванию **классических** языков (древнегреческого и латинского).

Заимствования из **древнегреческого языка** широко представлены в русской научной терминологии: *грамматика* (grammata – «чтение, письмо», grammatike – «искусство правильного чтения и письма»), *арифметика* (arithmos – «число»), *тригонометрия* (trigonon – «треугольник»), *физика* (наука об основных законах природы, physis – «природа»). Еще в XIII веке[136] (начало становления собственно русской лексики!) в русском языке появилось слово *лексикон* в значении «словарь». К XVII веку оно нашло уже самое широкое распространение (греч. lexis – «слово»). Многие лингвистические термины связаны по своему происхождению с древнегреческим языком, хотя в русский язык вошли через посредство новых европейских языков (*лексика, лексикограф, лексикография, лекси-*

[136] *Черных П.Я.* Указ. соч. Т.1. С. 474.

кология – ср. с франц. *le lexique* – с XVI в., le lexicographe – с 1765 г., *la lexicographie, la lexicologie* – с XIX в.).

Некоторые заимствования из древнегреческого языка вошли и в бытовую лексику: *тетрадь* (tetradion – «1/ 4 часть листа»), *грамота* (в значении «умение читать и писать» – см. grammata).

К заимствованиям из древнегреческого языка типологически близки и **латинские заимствования.** Значительная часть их также входит в фонд русской научной, в особенности медицинской терминологии (само слово *медицина* восходит к латинскому УС нефразеологического характера *medicina ars* – «лечебная наука», букв. «лечебное искусство», также *medicus* – «врач»). Некоторые математические термины также восходят к словам латинского происхождения: *тангенс* – «касающийся, прикасающийся» (от лат. *tango* – *tangĕre* – «касаться», *tangens* – действительное причастие настоящего времени – «касающийся»), *котангенс* – «соприкасающийся».

Отдельные латинские заимствования также употребляются в бытовой лексике: *цирк* (лат. *circus* – «круглый»), *глобус* (лат. *globus* – «шар»), *гербарий* (лат. *herba* – «трава»), *аквариум* (лат. *aqua* – «вода»).

Небезынтересен и тот факт, что многие русские собственные имена (**антропонимы**, т.е. имена людей) имеют корневые морфемы, которые были в древнегреческом или латинском языке **значащими словами** или **компонентами значащих слов:** Агнесса (лат. «овечка»), Пульхерия (лат. «прекрасная»), Стелла (лат. «звезда»), имена – «синонимы»: Виктор (лат. «победитель») = греч. Никита, Марина (лат. «морская») = греч. Пелагея.

Старославянские заимствования, в отличие от **древнегреческих** и **латинских,** вошли в состав русской или ещё древнерусской лексики из **близкородственного языка. Старославянский язык –** это язык древнейших переводов греческих богослужебных книг, выполненный в IX в. братьями – просветителями славянских народов Кириллом и Мефодием, а в X и XI веках продолжателями их учения. Этот «международный» славянский язык, первый литературный язык славян, возник на южнославянской основе – солунском диалекте древнеболгарского языка. Вот почему по ряду фонетических признаков своих слов он гораздо ближе к современному болгарскому, чем к современному русскому языку.

Эти фонетические признаки слов старославянского языка и могут помочь выделить некоторые **старославянские заимствования** из состава русской лексики.

Рассмотрим фонетические признаки, «маркирующие» старославянские заимствования, сопоставляя слова старославянского, современного болгарского и современного русского языков: 1) **неполногласие слов старославянского происхождения** (**ра:** *град* – «город», *храбрый*, **ла:** *злато, младость*, **ре:** *древо, брег*, **ле:** *млеко*) – **неполногласие слов современного болгарского языка**: *град* (*ът*), *храбър – злато, младост – дърво, бряг – мляко* – **русское полногласие**, имевшее место уже в древнерусском языке: **город**, хоробрый (др.-русск.), **золото**, **молодость**, **дерево**, **берег**, **молоко**; 2) **сочетания жд, шт в словах старославянского происхождения** (рождать, одежда, надежда, нощь, дщерь, пещера) – **фонетические соответствия этих сочетаний в современном болгарском языке:** раждам, надежда, нощ, дъщера, пещера – **фонетические соответствия этих сочетаний в русском языке:** *рожать, прост. надёжа, одёжа, в пословице: по одёжке вытягивай ножки! – ночь, дочь, Печора* (**гидроним**, название реки, сохранившее русскую форму произношения слова!); 3) **е (jэ) в начале слов старославянского происхождения** (*единый, единство*) – **е (jэ) в начале слов болгарского языка** (*единство*) – **(о) в начале русских слов** (*один, одинокий, одиночество*); 4) **ю (jу) в начале слов старославянского происхождения** (*юноша, юный, юродивый*) – **ю (jу) в начале слов болгарского языка** (*юн, юнак*) – **(у) в начале русских слов** (др.- русск.: *унош; урод, уродливый*).

Проведенное сопоставление наглядно показывает, что многие старославянские заимствования давно осознаются как собственно русские слова, более того, некоторые из них вытеснили из нашего языка собственно русские слова (*надёжа, одёжа* – только в просторечии, *унош* – не употребляется совершенно!).

Кроме признаков **фонетических**, многие старославянизмы характеризуются признаками **морфологическими:** старославянского происхождения многие слова с суффиксами -ствие (*действие, шествие, присутствие, отсутствие, предчувствие, препятствие*), -знь (*жизнь, казнь, болезнь, неприязнь*), -(а)ение (*хождение, блуждание, творение, избиение*), -тие (*житие, бытие, распятие*), с префиксами чрез- (*чрезвычайный, чрезмерный*), пред- (*предубеждение, представление*), пре- (*преграда, препятствие, предел*), из/ис (*излить, испить*). Следует также помнить, что некоторые старославянизмы употребляются в нашем языке как **экспрессивно-стилистические** (и поэтому ярко **коннотированные) синонимы** соответствующих русских слов, придавая речи торжественный, возвышенный характер. Именно это свойство таких старославянизмов прекрасно использовал совсем юный Пушкин, выступая со своими стихами перед Державиным:

Навис покров угрюмой *нощи*...
И вскоре новый век *узрел*
И *брани* новые, и ужасы военны…
… Где *прежде* взору *град* являлся величавый,
Развалины теперь одни…
Утешься, мать *градов* России,
Воззри на гибель пришлеца!

Итак, **заимствования из древних языков (древнегреческого, латинского и особенно старославянского)** занимают достаточно большое место в **лексике современного русского литературного языка.** Какую же роль играют в лексической системе этого языка **заимствования из новых языков (прежде всего английского, французского, немецкого, испанского)?**

7.2.2. ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ НОВЫХ ЯЗЫКОВ

Обращаясь к исследованию заимствований из новых языков в лексической системе **современного русского литературного языка**, мы, конечно, не можем оставаться только в его временных границах («от Пуш-

кина до наших дней»!): ведь многие из этих заимствований вошли в наш язык значительно раньше.

Значительная часть лексических заимствований из **немецкого языка** вошла в наш язык в XVIII веке и особенно в 1-й его половине (царствование Петра I и его дочери Елизаветы Петровны). В это время в Москве уже существовала Немецкая слобода с её протестантской, реформатской и католической церковно-приходскими школами для мальчиков и девочек, в которые охотно отдавали учиться своих сыновей и некоторые русские родители. Среди учащихся 1-й медицинской школы, открывшейся в Слободе, были также русские юноши[137]. Возникают самые благоприятные условия для межъязыковых контактов русских и немцев.

Эти контакты значительно расширяются и укрепляются во второй половине XVIII века, когда по приглашению императрицы Екатерины II в Россию прибывают тысячи немецких переселенцев, людей, всегда стремившихся к мирному сотрудничеству с другими народами (русскими, украинцами, чувашами, татарами). Все эти обстоятельства, безусловно, активно способствовали вхождению в состав русской лексики большого количества немецких слов.

Конечно, попадая в лексическую систему русского языка, немецкое слово иногда фонетически очень трансформировалось: в слове *рыдван* теперь очень трудно увидеть его немецкий прототип – слово (der) Reitwagen – «экипаж для конной езды», а в слове *рейтузы* не менее трудно увидеть его немецкий первоисточник (die) Reithose – «брюки для верховой езды».

Тем не менее, именно некоторые **фонетические признаки** позволяют определить первоначальную принадлежность слова к немецкому языку, поскольку **лексическая семантика** немецких заимствований была очень разнообразна: здесь широко представлена бытовая лексика (*кухня, бутерброд, рюкзак, стамеска* – das Stemmeisen, *дуршлаг* – der Durchschlag), названия ряда профессий (*бухгалтер* – der Buchhalter – «держатель книги», во французский язык немецкое слово было точно калькировано – буквально переведено на основе его морфологических частей: (*le*) *teneur* – «держатель», *de livre* – «книги» – (*le*) *teneur de livre*; *слесарь* – der Schlosser, *фельдшер* – der Feldscherer, букв. «тот, кто стрижет на поле битвы»: das Feld – «поле», scheren – «стричь»).

Семантическим признаком немецких заимствований является принадлежность многих из них к военной терминологии: *плац, ранг, гауптвахта, фельдфебель, фельдмаршал, фельдегерь* – «военный или правительственный курьер для особо важных поручений».

Фонетические признаки немецких заимствований: 1) сочетания «шт» и «шп» в начале слова: *штопор, штольня, штраф, штурм, штора, штрейкбрехер, штанга, штаб, штамп, шпиц, шпицрутен, шпиль, шпора*, однако иногда подобные же сочетания можно встретить и в словах не немецкого происхождения (*шпага* – от итал. (la) spada – «меч, шпага», *штаны* – тюркск. *ичтон* – «внутренняя одежда», *шпаргалка* – от латинск. sparganum – «пеленка»); 2) сочетание «ей», передающее дифтонг немецкого языка (ei): (die) Reithose – *рейтузы*, (der) Reichstag – *рейхстаг*, (der) Brandmeister – *брандмейстер* – «начальник пожарной команды»; иногда это же сочетание «ей» передает другой дифтонг немецкого языка – (eu), (äu): (das) Feuerwerk – фейерверк.

[137] *Ковригина В.А.* Немецкая слобода Москвы и её жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. – М.: Археографический центр, 1998.

Очень значительными и тесными были языковые контакты дворянской России и Франции (XVIII–XIX века), что проявилось в большом количестве **французских заимствований**, вошедших в русский язык в это время. Обладая, как и **немецкие заимствования**, самой разнообразной семантикой, они также могут быть выявлены прежде всего на основе **фонетических признаков**: 1) фиксированное ударение на последнем слоге: *кашне', портмоне', колье', пальто', пенсне', гардероб'*, 2) специфическое сочетание гласных звуков «уа», отражающее на русской почве произношение французского дифтонга (oi): *тротуар, резервуар, репертуар, дортуар* – «общая спальня для учащихся закрытого учебного заведения», 3) сочетания гласных **а** и **о** с носовыми согласными **н** и **м** (специфическое средство отражения на русской почве существующих во французском языке носовых гласных звуков): *ансамбль, амплуа, ассамблея, ангажемент, бульон, батальон, антракт.*

Для многих представителей русской аристократии, придворной знати французский язык был более близким и родным, чем русский. Весьма своеобразный пример «русской» речи аристократа дает Л.Н. Толстой в романе «Война и мир»: «В *Moscou* есть одна барыня, *une dame*. И она очень скупа. Ей нужно было иметь два *valets de pied* за карета. И очень большой ростом. Это было её вкусу. И она имела *une femme de chambre*, ещё большой росту» (рассказ Ипполита Курагина, «дурака покойного», по выражению его собственного отца).

В XVIII и XIX веках **английский язык** был значительно менее популярен в России, чем немецкий и французский. Поступив в 16 лет в Московский университет, М.Ю. Лермонтов был почти единственным студентом своего курса, свободно владевшим этим языком. Однако со 2-й половины XX века популярность английского языка в России непрерывно растет. У нас уже появились свои «Ипполиты Курагины» из числа жаждущих попасть в категорию «новых русских», которым говорить по-английски гораздо легче, чем по-русски. (В одной из телепередач, посвященной современной молодежи, очень юный клерк какой-то преуспевающей фирмы заявил, что по-английски он бы без всяких затруднений смог ответить на вопрос, в чем смысл жизни, по-русски же он ответить на этот вопрос затрудняется.) В связи с этим хочется вспомнить слова К.Г. Паустовского: «Истинная любовь к своей стране немыслима без любви к своему языку. Человек, равнодушный к родному языку, – дикарь»[138]. Очевидно, в равной степени *дикарями* являются и русские аристократы, презиравшие родной язык, и современные юнцы, его немилосердно уродующие: «*Фазер*! Купи мне новые *шузы*. Эти уже *олдовые*!»

Однако отвлечемся от этической стороны проблемы ничем не оправданного пренебрежения родным языком и рассмотрим **ангийские лек-**

[138] *Паустовский К.Г.* Собрание сочинений. Т. 6. – М., 1958. С. 637.

сические заимствования как объективный факт, характерный для развития **лексической системы современного русского языка** и особенно интенсивно проявляющийся во 2-й половине XX и начале XXI веков. В «Словаре иностранных слов», изданном в 1999 году [139] и фиксирующем лексические заимствования середины и конца XX в русском языке, более 80% этих заимствований восходит к языку английскому или американскому варианту этого языка.

Если английские заимствования 2-й половины XIX и начала XX века характеризовались в большинстве случаев общим **семантическим признаком** – принадлежностью к тематической группе «Спорт» (*футбол, баскетбол, волейбол, гол, голкипер, хоккей, раунд, аут, тренер, тренинг*), то в настоящее время семантическая сфера английских заимствований значительно расширилась. Ссылаясь прежде всего на данные указанного нами словаря, мы будем указывать в скобках лишь страницы, на которых фиксируется то или иное заимствование.

Очень четко выделяется целый ряд совершенно новых **семантических групп**, характерных для английских заимствований последнего временного периода (середина и конец XX века).

1. Торговая деятельность, торговые операции: *демпинг* – «вывоз товаров по бросовым ценам» ← анг. (a) dumping, (to) dump – «падать», с. 62; *шопинг* – «процесс покупки» ← анг. (a) shopping , (to) shop – «покупать», с. 316, *бизнес* – «коммерческая деятельность, дающая прибыль» ← англ. (a) business от busy – «деятельный, занятой», с. 41; лица, занятые торговой деятельностью, торговыми операциями: *дилер* – «посредник при купле-продаже ценных бумаг, товаров и валюты, заключающий сделки на свой счет и свое имя» ← анг. (a) dealer – «торговец, агент по продаже», (to) deal – «вести дела, заключать сделки», с. 70; *риэлтор, риэлтер* – «бизнесмен, занимающийся куплей–продажей недвижимого имущества» ← анг. (америк.) (a) realtor – «агент по продаже недвижимости», с. 248; *бизнесмен* – «коммерсант, предприниматель» ← англ. (a) businessman в том же значении, с. 41.

2. Деятельность, связанная с управлением производством: *менеджмент* – «совокупность средств (методов, приёмов) и форм управления производством» ← анг. (a) management – «управление, заведование», (to) manage – «руководить, управлять, заведовать»; *менеджер* – 1) «специалист по управлению компании, предприятия, банка», 2) «специалист в профессиональном спорте, организующий тренировки и выступления спортсменов» ← анг. (a) manager – «управляющий, заведующий, руководитель», с. 193.

3. Техника, технические новшества последних лет: *интернет* – «электронная компьютерная сеть, охватывающая весь мир» ← анг. (an) internet, inter – «между», (a) net – «сеть», с. 104; *компьютер* – «электронная вычислительная машина» ← анг. (a) computer, (to) compute – «вычислять»; *пейджер* – «миниатюрное принимающее радиосигналы и преобразующее их в текст устройство, находящееся при служащем для срочного вызова его

[139] Словарь иностранных слов. Актуальная лексика. Толкования и этимология. – М.: Цитадель, 1999.

на работу или передачи срочной информации» ← анг. (a) pager, (to) page – «вызывать, громко выкрикивая фамилию», с. 223.

4. Пресса, культура (в том числе и «массовая культура»), образование: *дайджест* – «конспективный обзор периодики или других печатных изданий» ← англ. (a) digest – «сборник, справочник, резюме, обзор» от (to) digest – «приводить в систему, классифицировать», с. 58; *триллер* – «книга или фильм «ужасов», сюжет которых изобилует изображением кровавых сцен, убийств и насилий» ← англ. (a) thriller – разг. «сенсационный (особенно детективный) роман, фильм, боевик; мелодрама», от (to) thrill – «вызывать трепет», с. 284; *хит* – «популярная, модная песня, мелодия, пластинка, спектакль, фильм» ← англ. (a) hit – «спектакль, фильм, роман и т.п., пользующийся успехом», с. 307; *колледж* – «высшее или среднее учебное заведение в Англии, США и некоторых других странах» ← англ. (a) college, с. 140.

5. Преступная деятельность: *киднэпинг* – «похищение людей (в частности детей) с целью получения выкупа» ← англ. (a) kidnapping – «похищение детей»: (a) kid – «ребенок», (to)nap – «похищать», с. 132; *рэкет* – «крупный шантаж, вымогательство, осуществляемое путем угроз и насилия *рэкетирами*» ← англ. (америк.) (a)racket – «обман, шантаж, вымогательство», первоначально «шум, гам, грохот», с. 249; лица, совершающие преступления: *рэкетир* – «лицо, занимающееся шантажом и вымогательством и получающее в результате этого крупные денежные суммы» (см. выше *рэкет*, в словаре это слово не дается), *киллер* – «наемный убийца» ← англ. (to) kill – «убивать», с. 132 (в русском языке слово получило более конкретное значение за счет наличия семы «наёмный»).

6. Некоторые продукты питания: *крекер* – «сухое, хрупкое пористое печенье из дрожжевого теста» ← англ. cracker – «тонкое, сухое печение» от (to) crack – «производить треск» (звукоподражание!), с. 167; *чипсы* – «жареный хрустящий картофель в ломтиках» ← англ. chips в том же значении, с. 312.

Термин **семантические группы** использован нами только для актуализации самих **семантических признаков** английских заимствований, сами же заимствованные слова в диалектическом единстве звукового комплекса и соответствующего ему значения входят в русском языке в определенные ЛСГ.

Английские заимствования (подобно немецким и французским!) характеризуются и некоторыми **фонетическими признаками:** 1) сочетанием «дж», отражающее английский звук (dž): *имидж, дайджест, менеджер, менеджмент, джаз, джемпер, бриджи* (первоначально: «брюки для верховой езды»); 2) исход слова на «инг» (финаль «инг»), отражающий очень продуктивный английский суффикс ing, утративший на русской почве свой морфемный статус, т.е. уже не выделяемый в качестве суффикса: *брауниng, митинг, допинг* («средство искусственно взбадривать организм»), *шопинг, шейпинг* («разновидность гимнастики для женщин, включающей упражнения для развития выносливости, пластичности и красоты фигуры» ← анг. (to) shape – «придавать форму, формировать»).

Испанские заимствования в лексической системе современного русского языка встречаются много реже английских, французских и немец-

ких. Очевидно, это связано с тем, что испанский язык стал вводиться в систему школьного и университетского преподавания иностранных языков фактически только во 2-й половине XX века. В XVIII – XIX веках Испания оставалась для многих русских таинственной и экзотической страной. А.С. Пушкин, например, очень интересовался испанской культурой и языком, но даже в именах своих героев – испанцев допускал некоторые фонетические неточности: Дон Жуан (испанское имя Juan произносится по-русски скорее как Хуан), Инезилья («Я здесь, Инезилья, я здесь, под окном!»): испанское имя Ines имеет в этом языке два уменьшительно-ласкательных варианта, т.е. фактически два **коннотированных слова-синонима,** Inesita и Inesilla (по-русски их правильнее произнести как Инесита и Инесилья, поскольку звуки (з) и (з') испанскому языку совершенно не свойственны).

Однако заимствования из испанского языка в лексике современного русского языка все же имеются, некоторые из них семантически связаны с реалиями испанской жизни и достаточно близки к другой категории слов – словам-**экзотизмам**, т.е. словам **иноязычной лексики**, используемых в русских текстах, чаще всего текстах художественных, в качестве своего рода **знаков иной культуры** (о словах-**экзотизмах** и близких к ним словах-**варваризмах** подробнее будет сказано ниже!): слова-синонимы *матадор, тореадор, эспада* – «главный участник в бое быков», *каравелла* (от исп. carabela) – «трех-, четырехпарусное судно со сложной системой парусов», *мантилья* (от исп. mantilla) – «кружевная (белая или черная) женская накидка», *эмбарго* (от исп. embargo) – «наложение ареста, запрет (на ввоз или вывоз товаров), *балата* (от исп. balata) – «высушенный млечный сок от дерева того же названия, растущего в тропической зоне Южной Америки». Одно из последних по времени и широко употребляемых в русском политическом лексиконе испанских заимствований – слово *хунта* (от исп. junta), которое имеет два значения, 1-е из них сохраняет ЭК и этим способствует восприятию слова скорее как **экзотизма** – «название организации, объединения обычно политического характера в странах **Латинской Америки и Испании**», 2-е же значение типа 2 К(Н) уже приобрело обобщенный и ярко выраженный эмоционально-оценочный характер, видимо, «погасивший» этносему – «группа заговорщиков, незаконно захвативших власть и правящих диктаторскими методами»[140].

В лексике современного русского литературного языка имеются, безусловно, и лексические заимствования из других языков, однако мы уже предварительно определили, что основным объектом исследования для нас будут лексические заимствования из языков регулярного сопоставления. Здесь отметим только, что заимствования одних языков легко выделяются из системы русской лексики на основе **семантических признаков (итальянские** лексические заимствования связаны прежде всего с темами «Театр» и «Музыка»: *опера, ария, дуэт, трио, квартет, квинтет, фортепьяно, кантата, сопрано, меццо-сопрано*), для выявления заимствований из некоторых других языков эффективнее проявляют себя

[140] Там же. С. 309.

фонетические признаки (заимствования из **тюркских языков** отражают часто, например, свойственную этим языкам **сингармонию гласных звуков слова**, т.е. повторение в слове гласных звуков одного и того же ряда: *каланча* ← турецк. calača – «маленькая крепость», *саранча* – тюркский корень *сары* – «желтый», *барабан* ← татарск. *дарабан,* турецк. balaban).

Теперь, когда нами рассмотрено большое количество слов, заимствованных русской лексической системой из других языков, можно ответить и на вопрос о том, что же происходит со словом в процессе заимствования. Попав в иноязычную лексическую систему, слово проходит через стадию **освоения и усвоения** его этой системой. **Освоение и усвоение слова** всегда проявляется на **фонетическом и морфологическом уровнях**, а в целом ряде случаев – и на уровне **семантическом**, что бывает связано с той или иной формой **семантической трансформации** его первоначального значения.

Обратимся к некоторым конкретным примерам: 1) слово (die) Strafe в немецком языке обозначает наказание любого вида, а слово (a) dog в английском языке обозначает любую собаку независимо от её породы, в русской лексической системе слова *штраф и дог* получили значения более конкретные, а поэтому и более узкие по своему **экстенсионалу**: *штраф* – «наказание в виде денежного взыскания», *дог* – «короткошерстная крупная служебная собака», итак, при освоении и усвоении их лексической системой русского языка оба слова прошли через определенную **семантическую трансформацию**;

2) оба слова в определенной степени приспособились к новой для них **фонетической** системе: немецкое слово утратило не характерный для русских финалей звук (е) и совершенно не свойственную русским гласным звукам фонематическую долготу звука (а) – *штраф*; слово, пришедшее в русский язык из английского языка, стало произноситься с характерным для русского языка **лабиализованным** звуком (о) и с характерным для многих русских слов (рог, порог, творог, стог) оглушением конечного звонкого согласного – (док), однако в формах косвенных падежей единственного числа (*дога – догу – дога – догом – о доге*) и в формах множественного числа (*доги – догов – догам – догов – догами – о догах*) признак звонкости согласного сохранился;

3) оба слова полностью приспособились к совершенно новой для них **морфологической** системе: были утрачены артикли, свойственные более аналитическим по своей природе именам существительным английского и немецкого языков, исход слов на твердый согласный звук способствовал их осмыслению в новом языке как имен существительных мужского рода, этот же фактор послужил причиной развития у них парадигмы склонения, характерной для имен существительных мужского рода твердого варианта.

Несмотря на неизбежность фонетических изменений заимствованных слов в системе заимствующего языка, именно **фонетические признаки** чаще всего, как показал весь предшествующий проанализированный нами материал, являются наиболее объективными показателями исходной «иноязычности» слова.

Итак, определенная часть лексики современного русского литературного языка является **заимствованной** по своему происхождению. Как же следует оценивать сам объективный фактор **заимствования** в становлении и развитии лексической системы того или иного языка?

Очевидно, ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Если заимствованные слова расширяют выразительные возможности языка, то сам факт заимствования может быть оценен только положительно. В своей книге «История слов» В.В. Виноградов пишет: «Из французского языка в XVIII – XIX вв. пришли к нам: *бордовый, палевый, оранжевый, розовый, лиловый, фиолетовый, фрезовый, кремовый, пунцовый* (*пропеаи* – «цвет мака») и т.п. Ср. в XX в. *бежевый* (франц. beige)»[141].

Все эти слова, безусловно, значительно обогатили выразительные возможности русских прилагательных со значением цветового признака (ЛСГ прилагательных со значением цветового признака!): с их помощью русские прилагательные получили возможность обозначения различных оттенков цвета и сочетания цветовых признаков: *оранжевый* – «густо-желтый с красноватым оттенком», *кремовый* – «бледно-желтый, белый с желтоватым оттенком», *палевый* – «бледно-желтый с розоватым оттенком», *розовый* – «цвета недозрелой мякоти арбуза, цветков яблони, белый с красноватым оттенком» («Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, М., 1992. С. 706).

Приведенный В.В. Виноградовым языковой материал требует дополнительного лингвистического комментария: в двух случаях (*бордо, беж*) имели место собственно **лексические заимствования**, однако заимствованные лексемы не приспособились к грамматической системе русского языка, пополнив группу несклоняемых имен прилагательных (пальто цвета беж, платье цвета бордо), в основном же французские слова были осмыслены как **корневые морфемы**, на основе которых по законам русского словообразования возникли **собственно русские слова с иноязычными корневыми морфемами** (ср. *боярин – боярыня, боярышня, боярский*). Сам факт подобных заимствований, расширяющих выразительные возможности заимствующего языка, можно оценить только положительно.

Только положительно можно оценить заимствование русским языком английских слов с семантикой «техника, технические новшества» (*интернет, компьютер, пейджер*), т.к. в русском языке эти достаточно краткие однословные номинации могут быть заменены только сложными многословными комбинациями слов.

Однако значительная часть английских заимствований других перечисленных выше семантических групп (см. выше!) представляется явно избыточной: слова типа *дилер, риэлтер, рэкетир, рэкет, киднэппинг* имеют в русском языке вполне адекватные соответствия, даже ставшее очень модным слово *бизнесмен* могло бы быть заменено русским *делец*, т.к. *делец* – это тоже «деловой человек, коммерсант». Вообще излишняя «англизация» или «американизация» нашего родного языка представляется нам явлением однозначно негативным.

---

[141] *Виноградов В.В.* История слов. – М., 1999. С. 839.

Поскольку нас прежде всего интересует **становление и развитие лексической системы современного русского литературного языка,** проблема влияния русского языка на другие языки мира в данном учебнике подробно рассматриваться не будет. Проблема эта очень сложна и не может быть исчерпана серией демонстраций русских слов, вошедших в другие языки (см. лишь отдельные иллюстрации такого типа: русск. *колхоз* – японск. *кохоходзу,* нем. (die) Kollektivwirtschaft – калька русского УС, на основе которого возникло слово – универб *колхоз – коллективное хозяйство*; русск. *луноход* – англ. The Lunokhod –1, «The Canadian Tribune», 1970, нем. Lunochod-1, «Berliner Zeitung», 1970; франц. Le Lunokhod, «Le drapeau rouge», 1970[142]).

Русский язык – язык, на котором существует одна из богатейших литератур мира – русская литература, именно она продолжает привлекать к себе внимание всех подлинно культурных людей, именно поэтому молодежь США и Англии, Японии и Индии, Германии, Франции, Испании и других стран с глубоким интересом изучает русский язык – язык, открывающий ей доступ к познанию этой сокровищницы.

Итак, мы достаточно подробно рассмотрели ту часть лексического фонда современного русского литературного языка, которая по своему происхождению является **заимствованной.**

Теперь мы предполагаем непосредственно перейти к **незаимствованной иноязычной лексике**, которая, тем не менее, используется в русском языке чаще всего в произведениях художественной литературы и в целях также прежде всего художественно-изобразительных – **экзотизмам и варваризмам.**

7.2.3. ЭКЗОТИЗМЫ И ВАРВАРИЗМЫ – НЕЗАИМСТВОВАННАЯ ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА, ФУНКЦИОНИРУЮЩАЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Экзотизмы – это транслитерированные, т.е. переданные графическими средствами русского языка иноязычные слова, функционирующие как правило в произведениях художественной литературы для сохранения национального колорита, свойственного народам других культур. В русскоязычных контекстах такие слова воспринимаются как необычные, **экзотичные**, что и объясняет происхождение самого термина.

Экзотизмы достаточно часто встречаются в переводах иноязычной художественной литературы на русский язык: **Кэб**! – окликнул **мистер** Пиквик. – Пожалуйте, **сэр**! – заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то коллекции диковинок. Это был **уотермен.** – Пожалуйте, **сэр**!…

«Золотой Крест», – приказал **мистер** Пиквик. – Дел-то всего на один **боб**, Томми, – хмуро сообщил **кэбмен** своему другу **уотермену**, когда **кэб** тронулся (Чарльз Диккенс. Собрание сочинений. Т. 2. Посмертные записки Пиквикского клуба / Перевод с английского А.В. Кривцовой и Евгения Ланна. – М., 1957. С. 22).

---

[142] Эта проблема подробно представлена в монографии А.А. Брагиной. См.: *Брагина. А.А.* Неологизмы в русском языке. – М., Просвещение, 1973.

В приведенном выше тексте выделены все **экзотизмы.** Тематически эти слова связаны с передачей национального колорита жизни англичан 30 – 40-х годов XIX века. Некоторые из этих экзотизмов хорошо известны русскому читателю и по другим переводным произведениям из английской жизни и не связаны только с данным временным периодом: **мистер, сэр.** Другие же требуют специальных пояснений: **кэб** – «наёмный экипаж» (от англ. (a) cab), **кэбмен** – «извозчик, которому принадлежит наёмный экипаж» (от англ. (a) cabman), **уотермен** – «специальный слуга на стоянке наемных экипажей, в его обязанности входило следить за очередностью посадки пассажиров и поить лошадей» (от англ. (a) waterman, (a) water – «вода»), **боб** – англ. диалектн. «шиллинг» (от англ. (a) bob, см. выше многочленный омонимический ряд со звуковым комплексом bob).

Чем своеобразнее быт того или иного народа, чем своеобразнее его культура, тем бóльшую роль играют **экзотизмы** в повествовании о его жизни. К экзотизмам в своих русскоязычных произведениях очень часто обращается Чингиз Айтматов, чтобы отразить национальную специфику жизни киргизского **аила** (населенного пункта сельского типа) в начале 40-х годов XX века: «В Малом доме остались мать, которую я называю **«кичи-апа»** – «младшей матерью», и её невестка – жена Садыка. Я горячо любил Джамилю, и она любила меня. Мы очень дружили, но не смели друг друга называть по имени… Я называл её **джене**, как жену старшего брата, а она меня – **кичине бала** – маленьким мальчиком…» (Ч. Айтматов. «Джамиля»).

В приведенном выше отрывке из рассказа Ч. Айтматова очень экзотичными для европейского читателя являются киргизские термины родства: у отца-рассказчика было две жены, его мать была младшей по возрасту, отсюда и очень странное для европейца обращение **кичи-апа** («младшая мать»), ни в одном из пяти сопоставляемых нами европейских языков (русский – английский – немецкий – французский – испанский) нет специальных терминов родства для обозначения **жены старшего брата** и **младшего брата мужа.**

Иногда экзотизмы сопровождаются параллельным переводом (см. выше отдельные примеры из произведения Ч. Айтматова: кичи-апа – «младшая мать», кичине бала – «маленький мальчик») или вводятся в иноязычный текст с помощью перевода и дополнительного комментария, что именно и делает их доступными читателю: **Лунный старец** соединил вас, нынче ночью и сочетаетесь (Лю Шаотан. «Эмэй» / Перевод с китайского Т. Сорокиной // Современная новелла Китая. – М., 1988. С. 252, в комментарии на той же странице: Лунный старец – мифологический персонаж, живущий на луне и связывающий людей брачными узами).

От **экзотизмов** следут отличать **варваризмы** – иноязычные слова и выражения, передаваемые графическими средствами своего языка: Судьба Евгения хранила: / Сперва **Madame** за ним ходила, / Потом **Monsiuer** ее сменил (А.С. Пушкин. «Евгений Онегин») …Вот мой Евгений на свободе, / Острижен по последней моде, / Как **dandy** лондонский одет (там же).

Термин **варваризм** происходит от латинского слова **barbarus** – «варварский», так древние римляне с презрением называли все неримское, в том числе языки других народов и слова этих языков. В современной

лингвистике термин **варваризм** лишен, естественно, всех негативных коннотаций.

Иностранные слова, приведенные в строках из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», имеют не совсем адекватный лингвистический статус в русском языке: слово dandy употреблено в значении, свойственном ему в английском языке, – «a man who pays too much care to his clothes and personal appearance» (Hornby, p. 217), французские же слова Madame («госпожа») и Monsieur («господин») во 2-й половине XVIII и XIX веках употреблялись в среде русского дворянства в значениях «гувернантка-француженка» и «гувернер-француз», семантически приспособившись к русскому языку, они уже не вполне соответствовали термину **варваризм.** Этому термину синонимически близок другой лингвистический термин – **макаронизм**, фактически это тоже иностранное слово или выражение, употребленное без транслитерации в русской речи. Макаронизмы (варваризмы) часто использовались для создания так называемых **макаронических** стихов, построенных на языковой игре, на шутке, основанной на смешении слов разных языков (итал. **maccheronèz** – «шутка»):

Ах! Анна Алексевна,
Какой счастливый день!
Судьба моя плачевна,
Я здесь стою как пень.
И что сказать – не знаю,
А мне кричат: «Plus vite!»
Я счастья вам желаю,
Et je vous félicite.

(М.Ю. Лермонтов. «А.А. Олениной»; переводы французских выражений: plus vite! – «скорей!», et je vous félicite – «и я вас поздравляю».)

Некоторые из подобных стихотворных шуток, передаваемые от поколения к поколению, давно утратили имя автора и воспринимались как анонимные:

Regardez, ma chère сестрица. (Посмотрите, милая сестрица.)
Quel joli идёт garçon! (Какой красивый идет мальчик!)
C' est assez богу молиться. (Довольно богу молиться.)
Нам пора à la maison! (Нам пора домой!)

Позднее стали появляться макаронические стихи «на смеси» русского и английского, русского и немецкого и даже русского и испанского языков:

Где-ты, где ты, милый padre!
О тебе скучает madre
И скучает abuela,
Ждать мне тоже надоело!
Я дождусь ли того часа?
Ты вернешься к нам a casa.
Будет жизнь muy bonita! (очень хороша!)
Tu segura Inesita (твоя преданная Инесита).

В этих забавных стихотворных шутках отражено одно очень важное и объективное положение: в мире существует множество языков, языки эти постоянно вступают друг с другом в контакты.

Лексическая система современного русского литературного языка, как и лексические системы других языков мира, – это **динамическая система систем**, постоянно находящаяся в процессе развития и изменения: **иноязычные** слова, находящиеся в контакте с этой системой, могут войти в неё, приспособиться к ней и стать **заимствованными.**

Динамичность этой системы систем проявляется и в том, что определенная часть лексики современного русского литературного языка постепенно **устаревает и уходит из употребления**, одновременно с этим процессом происходит процесс явно противоположный – **процесс постоянного обновления лексики, процесс постоянного вхождения в её состав новых слов.** К рассмотрению этих двух противоположных по своей сущности процессов мы и переходим.

8. ВНУТРЕННЯЯ ДИНАМИКА ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: СООТНОШЕНИЕ ЛЕКСИКИ АКТИВНОГО СТАБИЛЬНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ С ЛЕКСИКОЙ, ВЫХОДЯЩЕЙ ИЗ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА И ВХОДЯЩЕЙ В ЭТУ СИСТЕМУ

Внутренняя динамика лексической системы современного русского литературного языка в своих проявлениях, безусловно, соответствует внутренней динамике лексики других современных языков, в том числе и языков, выбранных нами для регулярного сопоставления. Именно поэтому описываемое свойство лексики русского языка будет периодически сопоставляться с формами его проявления в языках английском, немецком, французском и испанском.

8.1. ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА, ХАРАКТЕРИЗУЕМАЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТЬЮ И АКТИВНОСТЬЮ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Значительная часть лексики современного русского литературного языка характеризуется определенной **стабильностью** и **активностью** употребления. Эта часть словарного состава языка и представлена прежде всего в его толковых словарях: лексика устаревшая вводится в такие словари с большой осторожностью и со специальной пометой – **уст.** (устаревшее слово), лексика же только входящая в систему **современного русского литературного языка** в такие словари, как правило, не включается. Напомним, что в один из последних по времени появления словарей такого типа включено 72500 слов (лексем), речь здесь идет о «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой. (М.: «АЗЪ» Ltd., 1992).

Лексика, представленная этим словарем, а также БАС и МАС, прежде всего и характеризуется указанными выше свойствами – стабильной широтой и активностью употребления в современном русском литературном языке. Лексемы, включенные в состав указанных толковых словарей, чаще всего характеризуются достаточной продолжительностью «жизни» в нашем языке: они функционируют в нем по крайней мере во временных

пределах, определяющих само понятие **современного** русского литературного языка («от Пушкина до наших дней»).

Неувядаемая красота одной из богатейших художественных литератур мира – русской литературы – заключается в значительной мере в удивительной **современности русского художественного слова.**

Обратимся к одному из самых поэтических творений этой литературы – стихотворению А.С. Пушкина, которое может быть названо только по первым своим строкам «Я вас любил…» и о котором известный французский переводчик произведений нашего великого поэта Анри Абриль сказал: «Mon choix s'est porté sur SEPT versions du poème siuvant, que **tout Russe connait par coeur**»[143].

Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.

Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то нежностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.

(А.С. Пушкин, 1829 г.)

Кажется, что это стихотворение написано только вчера, написано нашим современником, а не 172 года назад! В нем нет ни одного устаревшего слова, ни одного устаревшего оборота речи, все пронизано глубиной искреннего и нежного чувства, все освещено удивительной добротой. Может быть, именно поэтому «каждый русский» (и не только русский!) знает это стихотворение наизусть.

Почти сто лет назад написаны другие строки другим поэтом, глубоко и преданно любившим русскую землю, все русское, родное:

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим, смолистым ароматом,
И весело мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам!

Повсюду блеск, повсюду яркий свет,
Песок – как шелк…Прильну к сосне корявой
И чувствую: мне только десять лет,
А ствол – гигант, тяжелый, величавый.

Кора груба, морщиниста, красна,
Но так тепла, так солнцем вся прогрета!
И кажется, что пахнет не сосна,
А зной и сухость солнечного света.

(И.А. Бунин. «Детство», 1903–1906 гг.)

---

[143] Abril Henri. JE VOUS AIMAIS ou Traduire Pouchkin en français // Мир перевода, № 1, 1999. С. 36.

В стихотворении И.А. Бунина встречается только одно устаревшее слово: *палаты* – «просторное помещение в боярском доме». На основе этого слова создана яркая одночленная метафора: (**А** – компонент метафоры, устанавливаемый на основе содержания текста всего стихотворения и способствующий метафоризации компонента **В**, приблизительная семантизация компонента **А** – «бор, ярко освещенный солнцем») **– солнечные палаты (В).**

Именно в таких поэтических произведениях и раскрывается во всей своей красоте **современный русский литературный язык**, а рождающиеся буквально на наших глазах «самые современные» слова-монстры *раскрутка, зачистка, обломы, силовики, боевики, бомбилы* (Александр Семин. Агрессия слова // Мир за неделю, № 22 (39) от 1 – 8 июля 2000 г.), к счастью, пока не вошли в его лексический состав, не преодолев **литературной нормы.**

Обратимся теперь к лексике **устаревшей, вышедшей или выходящей** из словарного состава современного русского литературного языка. Существуют две, типологически очень различные разновидности таких слов: **1) историзмы, 2) архаизмы.**

8.2. УСТАРЕВШИЕ СЛОВА В СОСТАВЕ ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

8.2.1. ИСТОРИЗМЫ

Историзмы – это слова, являющиеся названиями не существующих в настоящее время реалий, объектов действительности, некоторые из них уже были приведены нами в предыдущих разделах учебника: *боярин, боярыня, боярышня, боярский сын* (УС нефразеологического характера). Для русских, живших в XVI –XVII вв., такие названия женской одежды, как *летник* – «летняя женская одежда с длинными широкими рукавами», *опашень* – «долгополый летний кафтан с широкими короткими рукавами», *телогрея* – «старинная русская женская одежда на меху или подкладке с длинными суживающимися рукавами», входили в состав лексики активного употребления.

Но в романе А.Н. Толстого «Петр I» это **историзмы**, воссоздающие колорит далекого прошлого: «…*боярыня* и подружки накладывали на невесту …китайского шелка *летник*, широкий *опашень* клюквенного цвета».

Напомним, что любое слово представляет собой диалектическое единство вполне определенного звукового комплекса и закрепленного за ним в системе того или иного языка значения. В **историзмах** в равной степени устаревшими являются и материальная (звуковой комплекс), и идеальная (значение) стороны слова. Слово устаревает в целом, именно как **билатеральная единица.**

В связи с определенной общностью культурного развития народов Европы в лексическом составе современного русского, английского, немецкого, французского и испанского языков могут быть выделены общие историзмы, имеющие, естественно, в каждом из языков свою специфику в звуковом и графическом оформлении.

Таковы, например, историзмы, связанные с эпохой рыцарства и крестовых походов: русск. *рыцарь, оруженосец, паж, феодал, вассал, крестоносец, крестовый поход, рыцарский орден*, англ. (*a*) *knight*, (*a*) *page*, (*a*) *féudal lord*, (*a*) *vassal*, (*a*) *crusáder*, (*a*) *crusáde*, (*an*) *order of knighthood*, франц. (*le*) *chevalier*, (*un*) *écuyer*, (*le*) *page*, (*le*) *seigneur*, (*le*) *féodal* , (*le*) *vassal*, (*le*) *croisé* (букв. «крещёный»), (*la*) *croisade*, (*un*) *ordre chevaleresque*, исп. (*el*) *caballero*, (*el*) *escudero*, (*el*) *paje*, (*el*) *señor feudal*, (*el*) *vasallo*, (*el*) *crusado* (букв. «крещеный»), (*la*) *cruzada*, (*el*) *orden de caballería*, немецк. (*der*) *Ritter*, (*der*) *Waffenträger*, (*der*) *Schildträger* (букв. «носитель щита»),(*der*) *Page*, (*der*) *Feudale*, (*der*) *Vasall*, (*der*) *Lehnsmann*, (*der*) *Kreuzträger*, *(der) Kreuzzug*, (*der*) *Ritterorden*.

Интересно, что в лексический состав русского языка многие из этих слов вошли значительно позже, чем в лексический состав языков регулярного сопоставления: *рыцарь* в формах *рыцерь* (ср. с польск. rycerz) и *рытор* (ближе к немецкому Ritter) – только с XIV в., *паж* – во время правления Петра I (от франц. (*le*) *page*, очевидно, языком-первоисточником и для русского, и для французского был итальянский: (*il*) *paggio* – «молодой слуга»). Указанное выше обстоятельство объясняется спецификой исторического развития России. Один из интереснейших историзмов английского языка эпохи рыцарства и средневековья вообще не был принят русской переводческой практикой как историзм. Речь идет о переводе на русский язык английского слова **childe** – «молодой дворянин, ещё не посвященный в рыцари»: Byron. «Childe Harold's Pilgrimage»[144]. Это слово давалось, как правило, без перевода, в русской транслитерации: «Паломничество Чайльд Гарольда»[145]. У А.С. Пушкина это слово передается в английской графике, однако с некоторой неточностью, сближающей его со словом (*a*)*child* – «дитя»: «Как Child-Harold, угрюмый, томный / В гостиных появлялся он[146]». Дефисное написание здесь свидетельствует, видимо, о том, что русский поэт воспринимал слово-историзм **childe** как одно из имен героя (сравните: Johann-Wolfgang Goethe, Ernest-Theodor-Amadeus Hoffmann). Сложность, связанная с правильным пониманием английского историзма **childe**, объясняется, безусловно, и тем обстоятельством, что действие самой поэмы Байрона происходит совсем не во времена средневековья.

Итак, **историзмы** – это слова, устаревшие именно как **билатеральные единицы,** слова, обозначающие не существующие более реалии действительности и выполняющие в современных языках прежде всего **эстетическую функцию восстановления колорита прошедших исторических эпох.**

---

[144] The Poetical Works of **Lord Byron.** The only complete and copyright text in one volume. – London, 1905. P. 141–242.

[145] *Джордж Гордон Байрон.* Избранное. – М., 1973. С. 61.

[146] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений в 10 т. – М.:. Изд-во АН СССР. М., 1957. Т. 5. С. 26.

Термин **архаизм** восходит к древнегреческому слову **archaios** – «первоначальный, древний, старинный, устарелый, старый, прежний». От **историзмов архаизмы** отличаются тем, что они **не представляют собой устаревших билатеральных языковых единиц. Устаревшей** в архаизмах является только их **звуковая форма (звуковой комплекс слова)**: *виктория* – «успех в битве или войне», *ланиты* – «боковые части лица от скулы до нижней челюсти», *чело* – «верхняя лицевая часть черепа». В современном русском языке указанные выше значения ассоциативно связаны с другими звуковыми комплексами: *победа, щека, лоб.* Механизм возникновения архаизмов в том или ином языке связан, как это отмечает группа авторов «Общей риторики», с тем, что «для одного и того же понятия была произведена **замена означающих** (выделено нами. – *Ю.С.*)[147]». Иными словами, **замена означающих** была произведена в языке для выражения одного и того же **лексического значения.** Именно поэтому описанную нами разновидность архаизмов правильнее всего назвать **архаизмами лексическими.**

Но звуковая оболочка слова может устареть не полностью, а лишь в отдельных своих элементах, в таких случаях выбор специального термина для обозначения той или иной разновидности архаизмов определяется ролью этих устаревших элементов в звуковом комплексе слова.

Достаточно часто звуковой комплекс слова включает в свой состав какие-то устаревшие **словообразовательные элементы**: *рыбарь* (А.С. Пушкин, «Деревня»: «Здесь вижу двух озёр лазурные равнины, / Где парус *рыбаря* белеет иногда»), *дружество* (А.С. Пушкин: «Любовь и *дружество* до вас / Дойдут сквозь мрачные затворы …»). В составе приведенных выше слов выделенные нами суффиксы воспринимаются как явно архаизированные (ср.: *рыбарь – рыбак, дружество – дружба*). **Архаизмы** такого типа правильнее всего назвать **архаизмами лексико-словообразовательными.** В состав некоторых фразеологизмов современного русского языка входят компоненты с архаизированными префиксами: **изл**ить душу (кому-либо) – «очень откровенно и правдиво рассказать кому-л. о том, что тебя мучает и беспокоит», **ис**пить чашу смертную – «умереть» (чаще о тех, кто погибает во время войны: все испили чашу смертную).

Звуковой комплекс того или иного слова может восприниматься как устаревший в связи с наличием в его составе отдельных звуков или звукосочетаний, которые и придают звучанию всего слова архаизированный характер. В связи с тем, что архаизация слова создается в таких случаях единицами **фонетического** уровня, **архаизмы** такого типа правильнее всего назвать **лексико-фонетическими.** Как правило, **лексико-фонетические архаизмы** имеют в современном русском языке лишенные какой-либо степени архаизации однокорневые синонимы: *пиит – поэт, дишкант – дискант, клоб* (А.С. Грибоедов, «Горе от ума»: «А дядюшка? Всё английского *клоба* почетный верный член до гроба?») – *клуб.* Значительную по своему составу группу **лексико-фонетических архаизмов** составляют в современном русском языке **старославянизмы**, образующие по отношению к словам современного русского языка целую систему экспрессивно-стилистических ярко коннотированных синонимов: *глад* – русск. *голод, хлад* – русск. *холод, младость* – русск. *молодость, град* – русск. *город, древо* – русск. *дерево.*

Для создания эффекта торжественной, возвышенной речи целой системой **лексических и лексико-фонетических архаизмов**, далеко не всегда восходящих только к **старославянизмам**, пользовался юный Пушкин в своих «Воспоминаниях в Царском Селе»: «В Париже *росс!* – где факел мщенья? / *Поникни, Галлия, главой.*/ Но что я вижу? *Росс* с улыбкой примиренья / *Грядет* с оливою *златой.*»

С этой же целью к **лексическим и лексико-фонетичеким архаизмам** прибегает в своем стихотворении «Предсказание» и 16-летний Михаил Лермонтов: «…Когда чума от *смрадных,* мертвых тел / Начнет бродить среди печальных *сел,* / Чтобы платком из хижин вызывать, / И станет *глад сей* бедный край терзать…». Здесь следует обратить особое внимание на старославянскую огласовку формы родительного падежда множественного числа слова *село – сел* (*с'эл*). Этот **архаизм** является одновременно и **лексико-фонетическим**, и **лексико-грамматическим**.

К категории довольно редко встречающихся **лексико-грамматических архаизмов** можно отнести и форму 3-го лица единственного числа древнерусского асигматического аориста, употребленную Максимилианом Волошиным в его стихотворении «Запал багровый день…»: «Птиц стоном *убуди* и *вста* звериный вой!». Выделенные нами **лексико-граммматические архаизмы** способствуют в стихотворении М. Волошина созданию колорита глубокой древности, изображаемой поэтом (предстоящее сражение русских с половцами – событие, описанное в «Слове о полку Игореве»).

Все, рассмотренные нами выше разновидности **архаизмов (архаизмы лексические, лексико-фонетические, лексико-словообразовательные и лексико-грамматические)**, связаны с той или иной формой архаизации **звукового комплекса слова.** В составе «формулы слова» А. Мейе все эти разновидности могут быть представлены с помощью выделения соответствующего символа: СЛОВО → (**Ф** – СЕМ) **ГР.**

Наряду с ними, однако, имеется и разновидность **архаизмов**, которая в составе формулы слова может быть представлена совсем иначе: СЛОВО → (Ф – **СЕМ**) ГР. Как показывает «формула слова» А. Мейе, это слова, архаизация которых связана только с **устарением** одного или нескольких свойственных ему в системе языка **лексических значений.**

В стихотворении М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» (1837 г.) мы читаем: «Угас как светоч дивный гений, / Увял торжественный венок». В данном контексте невозможно воспринять слово *светоч* в актуальном для нашего времени (2-я половина XX – начало XXI веков) значении «носитель высоких идей свободы, истины, просвещения (высок.)» (Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, М., 1992. С. 726). Здесь явно реализовано первоначальное и отмеченное этим

[147] *Дюбуа Ж., Мэнге Ф., Эделин Ф., Пир Ф., Клинкенберг Ж.-М., Тринон А.* Общая риторика. – М.: Прогресс, 1986. С. 110.

же словарем как устаревшее значение «В старину: большая свеча, факел». Только при таком толковании слова *светоч* можно воспринять впечатляющий образ, представленный М.Ю. Лермонтовым в его сравнении: поэт подобен яркому факелу, освещающему тьму окружающего, со смертью Пушкина этот свет навсегда угас.

Именно в таком же «семантическом ключе» расшифровываются и поэтические образы, созданные С.Я. Надсоном: «Во имя света и науки / Свой *светлый светоч* подымай!» («Вперед», 1878), «…с *ярким светочем* счастья в руках» («Ваал», 1881).

Перед нами лексема с очень интересной семантической структурой: **1-е её значение,** подробно рассмотренное выше, воспринимается нами как **устаревшее,** это и есть своего рода **семантический архаизм. 2-е же значение** (в нашей систематике это **2К, перен., синт. связ., конструктивно обусловл.**) приобрело большую актуальность, особенно в высоком торжественном стиле речи и поэзии.

К **семантическим архаизмам** следует отнести и значение «народ» лексемы *язык* (А.С. Пушкин. «Памятник»: «…и назовет меня всяк сущий в ней *язык*»), и значение «спектакль, сбор с которого идет в пользу одного актера» лексемы *бенефис.*

В последнее десятилетие XX и в начале XXI века складываются довольно сложные взаимоотношения между устаревшими и актуальными значениями целого ряда слов, входящих в ЛСГ «учебные заведения», а также и целого ряда слов ЛСГ «учащийся – учащаяся». На примере этих ЛСГ покажем сложную динамику их переоформления, связанную с семантической переориентацией и актуализацией составляющих эти ЛСГ слов.

В царской России уже к середине XIX века сложилась система образования, отражавшая сословно-классовую структуру общества и стремление более привилегированных сословий и классов давать раздельное воспитание юношам и девушкам. Эти экстралингвистические (внеязыковые) факторы и обусловили специфику структур указанных выше ЛСГ, из которых мы подробно рассмотрим только 2-ю: учащийся – учащаяся (в основе ЛСГ рассматриваются «элементарные значения», выполняющие функцию сем).

Слова *школьник – школьница, ученик – ученица*, в настоящее время также активно функционирующие в русском языке, могли в царской России относиться только к учащимся сельских (совместных) церковно-приходских училищ и городских училищ (учебных заведений как с раздельным, так и с совместным обучением мальчиков и девочек).

Учебные заведения для более привилегированных сословий и классов (богатых мещан, купечества, лиц духовного звания и дворян) были, как правило, раздельными. И этот экстралингвистический факт обусловил специфику отразившей его лексики: обозначения учащихся различных учебных заведений часто не имели коррелятов по признаку пола (в системе наших символов: – m , – f , соответственно «без коррелята для обозначения лиц мужского пола», «без коррелята для обозначения лиц женского пола»). Но и само наличие коррелятов отнюдь не обозначало, что лица разного пола получали абсолютно одинаковое образование и воспитание: *гимназист* – «учащийся мужского среднего учебного заведения с более ярко выраженным гуманитарным направлением образования и углубленным изучением древних (классических) языков – древнегреческого и латинского (с начала XX века обычно только латинского)», *гимназистка* – «учащаяся женского среднего учебного заведения с более ярко выраженным гуманитарным направлением образования и углубленным изучением новых иностранных (немецкого и французского) языков», *институтка* – «учащаяся женского среднего привилегированного и закрытого учебного заведения с более ярко выраженным гуманитарным направлением образования и углубленным изучением иностранных (французского и немецкого) языков», *институтец* – «учащийся мужского среднего привилегированного и закрытого учебного заведения с более ярко выраженным гуманитарным направлением образования и изучением как древних (классических), так и новых иностранных языков (французского и немецкого)».

Большая часть обозначений учащихся, как отмечено выше, коррелятов не имела: *реалист* – «учащийся мужского среднего учебного заведения с более ярко выраженным техническим и математическим направлением образования, но обязательным изучением двух иностранных языков (немецкого и французского)» (- f), *кадет* – «учащийся мужского среднего военного закрытого учебного заведения, подготавливающего воспитанников к военной карьере и поступлению в *юнкерские училища,* готовившие офицеров» (- f), *юнкер* – «учащийся мужского военного закрытого учебного заведения повышенного типа с углубленным изучением математики и специальных военных дисциплин, готовящего офицеров» (- f), *лицеист* – «учащийся мужского привилегированного закрытого учебного заведения, совмещавшего в программах обучения среднее и высшее образование преимущественного гуманитарного направления с углубленным изучением иностранных языков и готовящего воспитанников главным образом к дипломатической службе» (- f), *правовед* – «учащийся мужского закрытого привилегированного учебного заведения, совмещавшего в программах обучения среднее и высшее образование преимущественно гуманитарного направления с особенно глубоким изучением юридических дисциплин» (- f), *семинарист* – «учащийся мужского закрытого среднего учебного заведения, готовившего воспитанников к духовной карьере и принятию сана священника, с программой специального духовного образования и углубленным изучением древних языков (древнееврейского, древнегреческого, латинского, старославянского), *епархиалка* – «учащаяся среднего закрытого женского учебного заведения для дочерей лиц духовного звания со специальной педагогической подготовкой воспитанниц к преподавательской работе в народных училищах и школах» (-m).

Образование оставалось раздельным и на более продвинутых этапах: *пепиньерка* – «учащаяся специальных педагогических классов, открытых в *женских институтах* для девушек, закончивших полный курс этих учебных заведений и готовящих себя к педагогической деятельности в качестве преподавательниц иностранных (французского и немецкого) языков» (- m).

Раздельным оставалось и высшее образование: *студент* – «учащийся университета или другого высшего учебного заведения для лиц мужского пола» (- f), *курсистка* – «учащаяся высших женских курсов» (- m), впервые начавших функционировать в Москве в 1873 году.

Лишь в некоторых учебных заведениях, связанных с изучением актерского искусства или музыки, девушки и юноши получали одинаковое образование при совместном (или, по крайней мере, в значительной степени совместном!) обучении: *воспитанник театрального училища – воспитанница театрального училища, консерваторец – консерваторка.*

Значительная часть перечисленных нами выше слов ЛСГ «учащийся – учащаяся» относится к категории **историзмов** и употребляется в современном русском языке только для воссоздания колорита прошедших времен (*юнкер, правовед, пепиньерка, курсистка, реалист, институтка – институтец, епархиалка*).

Однако мы не случайно обратились к рассмотрению ЛСГ «учащийся – учащаяся» и связанной с ней ЛСГ «учебные заведения» именно в разделе, посвященном **архаизмам**: многие из слов, входящих в указанные ЛСГ, как бы обрели «второе дыхание» и вновь вошли или входят в актуальный и стабильно употребляемый лексический фонд современного русского языка. Остановимся подробней на этом интересном лингвистическом явлении.

В течение двух последних десятилетий XX века в активно употребляемый словарный фонд современного русского литературного языка вновь вошли слова *гимназия, лицей* и УС *кадетский корпус.* Семантически разграничить два первых слова довольно трудно. Первый в России этого периода *лицей* был открыт в Петербурге на базе одного из профессионально-технических училищ, преподавание в нем носило явно технический уклон и совсем не соответствовало программе того Лицея, в котором когда-то учился А.С. Пушкин. В настоящее время во многих средних школах России существуют так называемые *лицейские классы* с углубленным изучением предметов различных циклов: «Школа № 843 с *лицейскими классами* проводит набор учащихся 9-х классов в *медико-биологический лицейский класс* на базе Второго медицинского университета, а также в *лицейские экономико-математические, физико-математические, юридический и лингвистический классы*» (объявление из газеты «Тропарево… плюс Никулино», № 3 (44) 2001 г.). Но существуют и школы, в которых лицейское образование начинается с 1-го класса (напр. *лицейский класс с математическим уклоном и преподаванием двух иностранных языков: английского и немецкого или французского* – по выбору).

Итак, *лицей* в наше время – это «среднее учебное заведение с углубленным изучением предметов различных циклов (физико-математического, биолого-медицинского, гуманитарного) по выбору учащихся». В этом значении слово *лицей* воспринимается как **семантический неологизм**, а в значении, которое может быть легко выведено из данной выше семантизации слова *лицеист* – «привилегированное закрытое мужское учебное заведение, совмещающее в своей программе среднее и высшее образование преимущественно гуманитарного направления и подготавливающее воспитанников к дипломатической деятельности» – это же слово воспринимается уже не как **историзм (звуковой комплекс слова не является устаревшим!)**, а как **семантический архаизм.**

Слово *гимназия* в последние десятилетия XX и начале XXI века чаще употребляется в значении «среднее учебное заведение с углубленным изучением предметов преимущественно гуманитарного цикла» (в некоторых гимназиях введено преподавание латинского и даже древнегреческого языков, учащиеся, как правило, изучают два или три новых иностранных языка, по особым программам ведется изучение русской и западноевропейской литературы). В этом значении слово представляет собой также **семантический неологизм,** а в значениях, легко выводимых из семантизации слов *гимназист и гимназистка,* это же слово реализует свои уже **архаизированные значения (семантические архаизмы).**

Интересно складывается в русском языке последних десятилетий XX и начала XXI в. судьба слов *лицеист – лицеистка* (явный **лексический неологизм!)** и *гимназист – гимназистка.* Даже преподаватели учебных заведений соответствующих типов и сами учащиеся предпочитают пользоваться словами *ученик и ученица* или (пожалуй, чаще!) словосочетаниями *учащийся* (*лицея, гимназии*) – *учащаяся* (*лицея, гимназии*): Серегина Елена – *учащаяся 10 коммерческого класса лицея,* Лапшин Дмитрий – *учащийся 8 экспериментального класса лицея* (из раздела «Авторы номера» в журнале «Лицей на Пушкинской», Тула, 1994, № 2–3. С. 63).

Тем не менее, уже стали активизироваться в нашей речи и, казалось, навсегда ушедшие в разряд **историзмов** слова *гимназист – гимназистка, лицеист* (Из телепередачи 2000 г. в день святого Валентина – «день влюбленных»: «А теперь мы обратимся с нашим вопросом к *гимназисткам*»; из журнала «Лицей на Пушкинской», с. 10: «Научное общество учащихся «Аква» приглашает к сотрудничеству всех *лицеистов*». С. 36: «*Лицеисты* очень тонко уловили смысл иллюстрируемого…»).

Подобные словоупотребления свидетельствуют о том, что в наш язык постепенно входят эти слова в совершенно новых своих значениях, т.е. **семантические неологизмы.** Первичные же, достаточно давно устаревшие их значения воспринимаются уже как **семантические архаизмы:** «Не завидовал я и *гимназистам*, хотя их шинели из серого офицерского сукна, с серебряными пуговицами считались очень красивыми» (К.Г. Паустовский. «Повесть о жизни». Т.3, М., 1958. С. 89); «Потом директор наденет им на пальцы чугунные кольца – символ крепкой дружбы – и они станут «чугунники». Наконец, прощальная лицейская клятва: «и последний *лицеист* один будет праздновать 19 октября…» (Н.Я. Эйдельман. Прекрасен наш союз… – М.: Мысль, 1991. С. 328). Видимо, такие же семантические инновации (изменения) «переживает» сейчас и слово *кадет,* и УС *кадетский корпус.*

В следующем разделе нашего учебника мы подробно рассмотрим такое лингвистическое явление, как **неология** (образование новых слов). В настоящем же разделе нам необходимо ещё остановиться на **архаизмах** и посмотреть, насколько **типология архаизмов русского языка** соответствует типологии этой разновидности слов в языках регулярного сопоставления.

Рассмотренная выше только на материале русского языка **типология архаизмов**, видимо, в значительной степени вообще **универсальна.** Во всяком случае на материале языков регулярного сопоставления мы получили подтверждение её универсальности.

Лексические архаизмы могут быть выделены в лексике всех четырех языков. Коллектив авторов книги «Общая риторика» (Дюбуа Ж., Мэнге Ф., Эделин Ф., Пир Ф., Клинкенберг Ж.-М., Тринон А.), рассматривая **архаизмы и неологизмы** как частные случаи проявления **стилистической синонимии**, приводят следующие пары французских слов, в которых каждое второе слово снабжено еще дополнительно маркером «архаизм» (^) : donner – bailler (^) – «давать», battre – dauber (^) – «бить, колотить», mettre – bouter (^) – «ставить»[148].

Н.Н. Лопатникова и Н.А. Мовшович отмечают, что еще во времена La Fontaine для выражения значений «думать» и «обманывать» использовались соответственно слова *cuider* и *engeigner* («Tel, comme dit Merlin, cuide engeigner autrui»)[149]. Добавим, что для современного французского читателя приведенная выше фраза из Ла Фонтэна звучит как очень архаизированная за счет употребленных в ней двух **лексических архаизмов**, которым в современном французском литературном языке соответствуют слова *penser* и *tromper*: «Tel, comme dit Merlin, pense tromper autrui».

Пользуясь системой подачи **лексических архаизмов** и соответствующих им синонимов в современном французском языке, предложенной авторами «Общей риторики», можно представить следующие пары слов, в которых каждое второе снабжено маркером «архаизм»: (le) poltron – (le) couard (^) – «трус», (la) poltronnerie – (la) couardise (^) – «трусость».

Для демонстрации **лексических архаизмов** других языков несколько изменим порядок подачи слов, начав со слова, имеющего маркер «архаизм»: исп. (el) efebo (^) – (el) joven – «юноша» (L.Martinez Calvo отмечает коннотацию иронии, свойственную слову efebo: L.Martinez Calvo. Diccionario español – ruso. – Barcelona, 1975. P. 762), англ. (a) maidenhead (^) – (a) virginity – «девственность», (a) pile (It was a vast and venerable pile – Byron, Childe Harold's Pilgrimage, Canto 1, 7, p.146) (^) – «large high building» – «огромное высокое здание», нем. из ЛСГ терминов родства: (der) Oheim (^) – (der) Onkel – «дядя», (die) Muhme (^) – (die) Tante – «тетя», (die) Base (^) – (die) Kusine – «двоюродная сестра», (der) Mage (^) – (der) Verwandte – «родственник».

В художественных произведениях лексические архаизмы сохраняют определенный колорит эпохи (что можно сказать и о других разновидностях архаизированной лексики). Причиной архаизации некоторых слов послужило, очевидно, их очень ограниченное употребление только в поэтических текстах. Таким образом, **лексические архаизмы** могут иногда выполнять функцию **поэтизмов**.

Таковы **лексические архаизмы**, выделенные нами в тексте стихотворения французского поэта Antoine – Vincent Arnault: …De son inconstante

[148] *Дюбуа Ж., Мэнге Ф., Эделин Ф., Пир Ф., Клинкенберг Ж.-М., Тринон А.* Общая риторика. – М.: Прогресс, 1986. С.110.

[149] *Lopatnikova N.N., Movchovitch N.A.* Lexicologie du français moderne. – M., 1971. P.177.

haleine / **Le zéphyr** ou **l'aquilon** / Depuis ce jour me promène / De la forêt à la plaine…

Le zéphyr (^) – «легкий теплый ветерок», (un) aquilon (^) – «северный ветер». Интересно, что В.А. Жуковский в своем переводе совершенно не передает этих слов: «С тех пор, по долам, по горам / По воле случая носимый, / Стремлюсь, куда велит мне рок» (Французская поэзия в переводах В.А. Жуковского. М.: Радуга, 2001. С. 145).

Естественно лексическими архаизмами, выполняющими функцию поэтизмов, они осознаются только в системе **современного** французского языка.

В немецком языке может быть выделено несколько пар слов, причем одно из слов в каждой паре, выполняя функцию **поэтизма,** является в то же время и **лексическим архаизмом**: (die) Lohe (^) – (die) Flamme – «пламя», (der) Lenz (^) – (der) Frühling – «весна», (das) Gewand (^) – (das) Kleid – «одежда, одеяние».

Во всех языках, рассматриваемых в сопоставлении с русским, имеются и другие разновидности архаизмов, основанные на фонетических, словообразовательных или грамматических факторах архаизации звукового комплекса слова: СЛОВО → (**Ф** – СЕМ) ГР / **ГР.**

В стихотворении Байрона «Sun of the sleepless! Melancholy star!» (Английская поэзия в русских переводах. – М.: Прогресс, 1981. С. 326 – 329) встречается несколько **лексико-грамматических архаизмов**: … That show'st the darkness *thou canst* not dispel, / How like art *thou* to Joy remember'd well! (*thou* – личное местоимение 2-го лица единственного числа, семантическое соответствие русскому местоимению *ты; canst* – архаизированная форма 2-го лица единств. числа глагола *can*), в русском переводе эти архаизмы не переданы: Как темнота при нем еще темней! / Как он похож на радость прежних дней! (А.К. Толстой)

Архаизмы этой же разновидности нередко встречаются в поэзии Г. Гейне: Wir wollen hier auf *Erden* schon / Das Himmelreich errichten. / Wir wollen auf *Erden* glücklich sein, / Und wollen nicht mehr *darben* (H. Heine. Deutschland. Ausgewählte Werke in sechs Bänden. Leipzig, Band II, S. 342: *Erden* – архаизированная форма склонения существительных женского рода с флексией *n*, сущ. жен. рода в современном немецком языке флексий не имеют; *darben* – **лексический архаизм,** объединяющий в своей семантике значения «терпеть» и «страдать»). А. Искос и А. Ленкова обращают внимание на архаизированную форму претерита в одном из стихотворений Гейне: Die Augen *begunnen* zu tropfen (в современном немецком языке – *begannen*) [150]. Эта форма представляет собой также **лексико-грамматический архаизм.** В одной только фразе из баллады Гёте «Лесной царь» (J.W. Goethe. «Erlkönig») совмещены **лексико-фонетический и лексический архаизмы – поэтизмы**: Meine Mutter hat manch *gülden Gewand* (*gülden* =*golden* – «золотой»).

Испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка (Federico García Lorca) назвал цикл своих стихов, посвященных древнему песенному фольклору Андалусии, «Poema del cante jondo» (Madrid, Editorial «Ulises», 1931). Название

[150] *Iskos A., Lenkowa A.* Deutsche Lexikologie. – Leningrad, 1960. S. 200.

цикла стихов включает в свой состав два архаизма, отразивших особенности старинного диалекта Андалусии: cante (вместо испанского литературного canto – «песня, песнь как часть большого произведения типа поэмы, предназначенного для песенного исполнения») и jondo (испанская литературная форма hondo) – «глубокий» (от специфического стиля исполнения – сольного «глубокого» исполнения). 1-й архаизм, изменяя **грамматическую форму** испанских имен существительных мужского рода с исходом на – о и одновременно частично изменяя **фонетический** облик **слова (лексической единицы)**, может быть признан одновременно и **лексико-грамматическим,** и **лексико-фонетическим.** 2-й архаизм, изменяющий только **фонетический** облик слова, является **лексико-фонетическим.**

Словарь современного французского языка «Le petit Robert» (Paris, 1972) интересен и в том отношении, что он дает, наряду с современными, и архаизированные формы слов с примерным указанием времени их функционирования: mère – madre, medre (X в.) (p. 1073), frère – fradre, IX в. (p. 742) , soeur – seror, serur, XI в. (p. 1659). В сопоставлении с формами слов современного французского языка их давно архаизированные аналоги представляют собой **лексико-фонетические архаизмы.**

Для языков регулярного сопоставления, безусловно, храктерны и **лексико-словообразовательные архаизмы**: немецк. (das) Mädchen – (das) Mägdelein (с сохранением древней корневой основы magd – от древней формы слова magad – «юная дева» – «Jungfrau», суффикс – lein не является специальным выражением архаизации слова), исп. (la) madre – (la) madrecita (наиболее часто встречающиеся в современном испанском языке формы выражения ласкового обращения к матери – mamá – mamita, слово madrecita использовано в переводе произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка» на испанский язык, причем в речи юного Гринева архаизированные почтительные наименования родителей *батюшка, матушка* передаются словосочетаниями mi padre, mi madre, в речи же пожилого Ивана Кузьмича для передачи его обращения к супруге *матушка* использовано слово *madrecita*).

Семантические архаизмы являются выражением сложных семантических процессов, семантической динамики соотношения значений в составе **одной лексемы.**

В словаре Hornby (Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English, Oxford University Press, 1974) значение, близкое к русскому «усадьба помещика» – «(in England) large country house, use one that belongs to the chief landowner in the district» дано для слова (a) hall как 4-е, в «Большом англо-русском словаре» (под общим руководством И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой) значение «помещичий дом, усадьба» дано как последнее, 6-е (т. 1, М., 1988. С. 727). Эти лексикографические данные явно свидетельствуют об определенной архаизации указанного значения по крайней мере во 2-й половине XX в. В XIX в. именно это значение лексемы было, видимо, одним из наиболее актуальных: The Childe departed from his father's *hall* (The Poetical Works of Lord Byron. Childe Harold's Pilgrimage, Canto The First, VII, p. 146).

Словарь «Le petit Robert» фиксирует семантический архаизм лексемы (le) père, дошедший до нас в названии одного из романов Бальзака: 11) XVII, avant de nom de famille. Désignant un homme mur et de condition modeste, ou avec condescendanse. *Le pére Goriot, de Balzac* (Paris, 1972, p.1272) – слово употреблялось перед фамилией, характеризуя человека зрелого, известного скромным поведением, иногда с некоторым чувством снисхождения.

В результате сложной и напряженной динамики семантической жизни одной лексемы какие-то из её значений могут и актуализироваться, приблизиться к категории **семантических неологизмов**, которые будут рассмотрены нами в следующем разделе, посвященном **неологии** и объектам её исследования.

8.3. НЕОЛОГИЯ И НЕОЛОГИЗМЫ

Неология – это специальный раздел **лексикологии**, изучающий **новые слова** как **билатеральные единицы**, в которых это свойство **новизны** распространяется в равной степени и на звуковой комплекс, и на лексическое значение: СЛОВО → **(Ф – СЕМ)**; кроме того, объектом **неологии** являются и слова, в семантической структуре которых появляются **новые значения.** На основе такого разграничения объектов **неологии** мы сразу можем сказать, что она изучает как **лексические**, так и **семантические неологизмы.**

Лексические неологизмы появляются в языке, как правило, вслед за появлением в жизни того или иного народа или целых культурных ареалов нескольких и многих народов **новых реалий.** В так называемую «космическую эру» такими новыми реалиями для многих (европейских и неевропейских) народов были реалии **космодром, звездолет, космонавт. Новизна реалий** находила свое лингвистическое отражение в возникновении соответствующих **лексических неологизмов**, о чем в свое время очень выразительно написала русская поэтесса Татьяничева:

Как влюбленные имя любимой,
Произносим впопад, невпопад.
Без конца восхищенно твердим мы:
– космодром, –
– звездолет, –
– космонавт–

В начале третьего тысячелетия эти слова уже, конечно, не воспринимаются как лексические неологизмы. Они утратили особую коннотацию новизны и воспринимаются русскими как достаточно активно употребляемые в языке слова.

Приведенные выше лексические единицы современного русского литературного языка интересны в том отношении, что они наглядно показывают внутреннюю динамику самого понятия **лексический неологизм.** Принадлежность слова к категории лексических неологизмов – лишь его временное состояние в лексической системе того или иного языка. По истечении некоторого времени, утратив первоначально свойственную ему коннотацию новизны, слово входит в активный лексический фонд

языка, а впоследствии может стать историзмом или архаизмом, или даже совершенно выйти из лексического состава языка, превратившись в **некротизм** («мертвое слово»).

К категории **некротизмов** могут быть отнесены в современном русском языке следующие, например, слова, которые вышли из лексического его состава именно как **билатеральные единицы**: *абаз – «серебряная монета достоинством в 20 копеек», авизо – «легкое посыльное и разведочное судно военного флота старой России», азям – «верхняя длиннополая крестьянская одежда (мужская и женская) из тонкой ткани»*[151].

Конечно, далеко не все слова, входящие в состав лексики того или иного языка, способны пройти сложный путь от **лексического неологизма** до **некротизма.** Но в некоторых случаях внутренняя динамика лексического состава языка приводит именно к таким конечным результатам.

Октябрьские события 1917 года нашли свое отражение в лексике современного русского языка. Слова революционной песни: «Отречемся от старого мира!» понимались тогда многими и как призыв отречься от «старого языка». В русском языке начала 20-х годов XX века появилось тогда множество **лексических неологизмов**, призванных уничтожить даже память о «старом мире»: *красноармеец, краснофлотец, краском* (*красный командир* для замены слова *офицер* именно как билатеральной единицы), *комдив* (*командир дивизии* для замены слова *генерал* также как билатеральной единицы), *вузовец – вузовка* (вместо *студент – студентка, курсистка*), даже совершенно безобидное слово *класс* – «группа учащихся одного и того же года обучения» было заменено словом *группа* (*В какой группе ты учишься? Сколько групп он кончил?*). Новое время породило и множество реалий, также получивших свои названия: *комбеды, чека, чекист,* позже: *колхозник, колхозница, кулак, подкулачник, середняк.* Большая часть этих лексических неологизмов в настоящее время существует в системе русского языка только в качестве **историзмов**, способных передать колорит ушедшей в прошлое эпохи «отречения от старого мира» (*группа* в значении «группа учащихся одного и того же года обучения» – **семантический архаизм**).

Итак, само понятие **лексический неологизм**, отражая сложную внутреннюю динамику лексики языка, может констатировать лишь **временное положение** того или иного слова в её составе. Обратимся теперь к тем словам современного русского литературного языка и языков регулярного сопоставления, которые в настоящее время (последние два десятилетия XX века и начало третьего тысячелетия) имеют статус **лексических неологизмов** и **неологизмов семантических.**

В 1973 году И.В. Арнольд, перечисляя **лексические неологизмы** современного английского языка, сочла возможным включить в их состав слово *computer*[152]. Действительно, это слово в английском языке того

[151] *Сомов В.П.* Словарь редких и забытых слов. – М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. С. 7 –13.

[152] *Арнольд И.В.* Лексикология современного английского языка (The English Word). – М.: Высшая школа, 1973. С. 232.

времени и в других европейских языках характеризовалось особой коннотацией новизны.

В настоящее время (конец XX – начало XXI века) английское слово *computer* и его лексические соответствия в сопоставляемых нами языках (русск. *компьютер*, франц.(le) *computer,* исп.(el) *computador*, нем. (der) *Computer*) утратили особую коннотацию новизны, вошли в состав лексики активного употребления, но многие слова, тематически связанные с компьютерной техникой, еще продолжают восприниматься как новые. При этом в сопоставляемых нами языках иногда наблюдаются аналогичные семантические процессы. Для того чтобы продемонстрировать это интересное явление, обратимся к сопоставительному анализу «Инструкции пользователя», составленной на всех интересующих нас языках.

Приведем сначала текст инструкции на русском языке, выделяя в его составе **лексические** и **семантические неологизмы**: «Этот *видеомонитор* имеет встроенную систему управления электропитанием, которая называется «*экономайзер*». Эта система экономит электроэнергию, переключая ваш *видеомонитор* в режим малого потребления электроэнергии, если он не используется в течение определенного времени. *Видеомонитор* автоматически возвращается к нормальной работе, когда вы передвигаете *компьютерную мышку* или нажимаете *клавишу* на *клавиатуре.* Для экономии электроэнергии выключайте свой *видеомонитор*, когда он не нужен, или когда вы отходите от него на длительное время. Система *экономайзера* работает на установленной в вашем компьютере *видеоплате,* совместимой с VESA DRMS. Используйте программную *утилиту*, установленную на вашем компьютере для *инсталляции* этого элемента».

При выделении слов, имеющих статус **лексических** или **семантических неологизмов**, мы прежде всего пользовались данными двух лексикографических источников, фиксирующих эти языковые явления: «Словарем иностранных слов» (М., 1999) и «Толковым словарем русского языка конца XX века» (СПб., 2000)[153]. Оба лексикографических источника дали нам возможность примерного определения времени вхождения слова в лексику современного русского литературного языка, во 2-ом лексикографическом источнике неологизмы разграничены по частоте их фиксации в словарях: неологизмы, впервые зафиксировнные только в указанном словаре **(неологизмы абсолютной новизны)**, и неологизмы, имеющие фиксации в других словарях современного русского языка **(неологизмы относительной новизны).** При этом типология новых слов по времени их фиксации в лексикографических источниках распространяется как на **лексические**, так и на **семантические неологизмы.**

Рассмотрим сначала **лексические неологизмы.** К их категории могут быть отнесены слова *видеомонитор* – «устройство отображения текстовой и графической информации в компьютере» (=*монитор*) со специальной пометой «первичная фиксация» и *утилита* – «сервисная

[153] Словарь иностранных слов. Актуальная лексика. Толкования. Этимология. – М.: Цитадель, 1999; Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. – СПб., 2000.

программа, облегчающая пользование другими программами, работу с компьютером» (Толковый словарь русского языка конца XX века, с. 645) с той же пометой (от англ. utility). Слово *экономайзер* (его семантизация дана в составе инструкции!) не было еще зафиксировано ни одним словарем и к категории лексических неологизмов может быть отнесено только условно.

В тексте технической инструкции широко представлены и **семантические неологизмы**, т. е. широко известные слова активного состава лексики с **совершенно новыми значениями.** Слово *мышка* (чаще как термин, обозначающий деталь компьютера, используется слово *мышь*) – «небольшой грызун с острой мордочкой, усиками и длинным хвостом» (1Н) – в тексте инструкции имеет значение «небольшое вспомогательное устройство для ввода информации в компьютер, перемещением которого по поверхности (столу) контролируется положение курсора на мониторе» (2 Н) (Толковый словарь русского языка конца XX века, с. 40, повторная фиксация!). Перед нами, следовательно, именно **семантический неологизм.**

К категории **семантических неологизмов** могут быть отнесены и слова *клавиша* и *клавиатура* в новых для них, но уже зафиксированных указанным выше словарем значениях, соответственно: «элемент клавиатуры, нажатием которого вызываются соответствующие знаки» (с. 295; 2Н, сравните со значением типа 1Н – «пластинка, прикосновение к которой приводит в движение рычаги музыкальных инструментов: рояля, пианино») и «совокупность расположенных в определенном порядке клавиш, используемых для ввода в компьютер и редактирования данных, управления выполнением операций» (указ. словарь, с. 295, значение типа 2Н, сравните со значением типа 1Н – «система клавиш рояля, пианино»).

Сложнее обстоит дело с определением лингвистического статуса слова *инсталляция*. Словарь конца XX века его вообще не фиксирует, в «Словаре иностранных слов» (М., 1999) слово фиксируется в другом, не имеющем никакого отношения к современной компьютерной технике значении – «в искусстве XX в. – художественное произведение, представляющее собой объемно-пространственную композицию, конструкцию из различных предметов (часто бывших в употреблении), подчиненную определенному художественному замыслу» (с. 101). В статье, посвященной данному слову, даются его возможные иноязычные прототипы: англ. installation – «водворение, установка на место», франц. installation – «размещение, установка (оборудования) от installer – «размещать, устанавливать, оборудовать» (с.101). В тексте технической инструкции, анализируемом нами, слово *инсталляция* употреблено в смысле «установка, вставка (этого элемента)». Поскольку перед нами только единичное *употребление* слова в данном смысле, мы еще не имеем права говорить о сложившемся у него новом *значении*. Если же предполагаемое значение будет подтверждено целым рядом семантически однотипных употреблений слова, то тогда мы получим право и в этом случае говорить о **семантическом неологизме.**

Теперь перейдем к сопоставительному анализу русского текста инструкции с текстами иноязычными (английским, немецким, французским, испанским).

Интересно, что ни в одном из иностранных текстов нет слова, в звуковом отношении близкого к русскому *экономайзер*, несмотря на то, что в английском языке, например, слово (an) economizer зафиксировано даже в двух значениях: 1) «бережливый человек», 2) тех. «экономайзер, подогреватель» (New English – Russian Dictionary, vol. I, Moscow, 1987, p. 496). Встроенная в монитор система экономии электроэнегии в английском тексте названа Power Saver (power – «сила, мощь, энергия», (to) save – «беречь, экономить»). В других иноязычных вариантах инструкции используется английское заимствование: исп. Este monitor posee un sistema de gestion de energia incorporado llamado Power Saver, франц. Ce moniteur est doté d'un système d'économie d'énergie dénommé Power Saver, нем. Dieser Monitor verfügt über ein integriertes Powermanagement – System mit der Bezeichnung Power Saver.

Как показывает приведенный выше материал, русскому **лексическому неологизму** *видеомонитор* во всех языках сопоставления однозначно соответствуют слова без компонента *видео-* (ср. с русским словом-синонимом *монитор*). В языках сопоставления это слова активного лексического фонда, не утратившие, однако, до конца особой коннотации новизны, т.е. также в какой-то мере относящиеся к категории **лексических неологизмов.**

Выявленные нами на материале русского языка **семантические неологизмы** имеют свои очень близкие аналоги и в языках сопоставления: русск. (компьютерная) *мышь* – англ. the computer's *mouse* – нем. *die Maus* des Computers – франц. la souris (de l'ordinateur – букв. «мышь компьютера, точнее: распорядителя») – исп. *el raton* (*del ordenador* – букв. перевод полностью соответствует переводу с французского). Во всех пяти сопоставляемых языках перед нами явные **семантические неологизмы.** Причем во всех языках, кроме английского, их образованию предшествовало калькирование слова (a) mouse как термина информатики, а затем «столкновение» слова в этом новом для него значении с традиционным названием небольшого грызуна.

Семантические неологизмы русского языка, возникшие на основе переосмысления музыкальных терминов *клавиша* и *клавиатура* и последующего использования их также и как терминов информатики, тоже имеют свои аналоги в языках регулярного сопоставления: англ. (a) key – 1) «клавиша музыкального инструмента (рояля, пианино), клапан духового музыкального инструмента» (1Н) → 2) «элемент клавиатуры компьютера» (2Н), (a) keyboard – 1) «клавиатура музыкального инструмента» (1Н) → 2) «совокупность расположенных в определенном порядке клавиш компьютера» (2Н). Английский язык был, видимо, и здесь первоисточником калькирования нового, относящегося к информатике терминологического значения, что и привело к появлению соответствующих **семантических неологизмов** как в русском, так и в других языках сопоставления.

Используемые в информатике терминологические значения появились как **производные номинативные** у французских слов (la) touche – «кла-

виша» и (le) clavier – «клавиатура», у испанских слов (la) tecla – «клавиша», (el) teclado – «клавиатура», в немецком языке основой для указанных выше производных номинативных значений послужили названия клавиатуры пишущей машинки (die Tastatur) и клавиши пишущей машинки (die Taste). Конечно, словари далеко не всегда успевают фиксировать все изменения в лексике того или иного языка. Ни в один из словарей современного русского языка не внесены пока некоторые **лексические неологизмы,** постоянно встречающиеся на страницах наших многочисленных рекламных газет: *евроремонт* – «ремонт квартиры по лучшим европейским образцам», *евростекла* – «стекла, созданные по лучшим европейским образцам, зимой не пропускающие холода», *евроостекление* – «остекление с помощью стекол этого образца»; не зафиксирован словарями и **лексический неологизм,** имеющий уже некоторую тенденцию к смещению в пассивный лексический состав языка, *эпонавт* – «инопланетянин – звездолетчик, посещающий нашу планету с помощью НЛО».

Многие лексикологи отмечали, что лексический состав того или иного языка особенно бурно развивается в периоды бурных социальных потрясений и изменений.

В настоящее время Россия переживает очень сложные социально-политические и экономические изменения. Это находит отражение в интенсивном обновлении и синхронно-диахронических сдвигах (перехода части лексики из актива в пассив и из пассива в актив) лексического состава современного русского литературного языка самых различных семантических сфер: сферы политико-социального устройства, сферы новых экономических отношений, сферы внутренней охранительной и репрессивной деятельности, теологической сферы (православие и другие вероисповедования), области медицины и сферы массовой культуры, повседневного быта[154]. Наряду с переходом в пассивный запас значительной части слов- «советизмов» (обком – обкомовец, райком – райкомовец, комсомолец – комсомолка, партком – парткомовец, партиец, партийный – беспартийный и т.д.), активный состав современного русского литературного языка постоянно пополняется не только за счет лексических неологизмов, но и за счет неологизмов семантических, часто возникающих даже на основе нового семантического осмысления слов-историзмов: *губернатор* – 1) «начальник губернии, высшее должностное лицо губернской администрации в царской России» (именно в этом значении слово является **историзмом**), 2) «глава областной администрации в некоторых регионах современной России» (**семантический неологизм**); *гувернер* – 1) « воспитатель и домашний учитель, чаще всего иностранец по происхождению, нанимавшийся дворянскими и буржуазными семьями для домашнего воспитания и образования детей» (**историзм**), 2) «домашний воспитатель и учитель детей обычно дошкольного возраста в некоторых семьях современной России» (**семантический неологизм**).

[154] Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения. – СПб., 2000, раздел «От редактора».

Еще 10 лет тому назад выпускник филологического факультета мог заявить, что он хотел бы быть *гувернантом,*образовав данную форму от более известного ему и более активного в его словаре слова *гувернантка.* В самом начале 3-го тысячелетия в планах некоторых педагогических учебных заведений уже фигурирует новая специальность – *семейный воспитатель / гувернер* (см. статью Карповой Т.И., директора Санкт-Петербургского высшего педагогического училища (колледжа) №4 в журнале «Преподаватель», № 5–6, 2000. С. 32).

Лексические и семантические неологизмы как **новые слова** или как **новые значения** уже известных слов, **входящих в систему языка,** следует отличать от **индивидуально-авторских словообразований,** которые могут никогда в эту систему не войти. Перед нами снова лингвистическое явление, свойственное не только русскому языку. Известный французский писатель Рабле вкладывает в уста своего героя (Панурга) следующую фразу, состоящую из одних только звуковых комплексов, не имеющих никакого значения: «Prug frest frins sordmant strochdt drhds, pag…»[155]. Эти **индивидуально-авторские окказионализмы** поэтому и не имеют статуса **слов.**

Ближе к словам следующие ниже **индивидуально-авторские окказионализмы**, созданные А.С. Пушкиным: За ужином объелся я, / А Яков запер дверь оплошно– / Так было мне, мои друзья, / И *кюхельбекерно* и тошно (Эпиграмма 1818 года)[156]. Пушкинский окказионализм *кюхельбекерно* – индивидуально-авторское образование, близкое к слову: по своей звуковой форме и «морфологической» организации оно очень напоминает русские слова категории состояния, это сходство усилено контекстом эпиграммы, в котором в сочинительной связи с этим индивидуально-авторским образованием выступает именно слово категории состояния *тошно.* В контексте эпиграммы окказионализм *кюхельбекерно* получает и вполне определенный смысл – «неприятно, противно». Тем не менее, это все-таки только авторский окказионализм, поскольку в систему русского языка он так и не вошел.

Итак, мы рассмотрели лексику современного русского литературного языка как динамическую систему, точнее, систему систем, определили основные формы проявления динамики этой системы в постоянно меняющихся соотношениях лексики собственно русской и заимствованной, лексики активного употребления и пассивного запаса, лексики, входящей в систему языка (**лексические и семантические неологизмы**), лексики, находящейся на грани выхода из этой системы (**историзмы, архаизмы лексические, лексико-фонетические, лексико-грамматические, лексико-словообразовательные и архаизмы семантические**).

Все указанные выше характеристики динамической системы русского языка находят определенный параллелизм в развитии лексики таких со-

[155] *Дюбуа Ж., Мэнге Ф., Эделин Ф., Пир Ф., Клинкенберг Ж.-М., Тринон А.* Общая риторика. – М., 1986. С. 111.

[156] *Филиппов Л.К.* Окказионализмы в письмах А.С.Пушкина // Филологические науки, № 4, 1999. С. 76.

временных европейских языков, как английский, немецкий, французский, испанский.

Но внутренняя динамика лексической системы современного русского литературного языка проявляется также и в определенной разнородности её **функционально-стилевой и экспрессивно-стилистической организации,** и в подвижности самих границ между лексикой, принадлежащей к различным **функциональным стилям** и характеризуемой различными **экспрессивно-стилистическими возможностями.** Обратимся теперь именно к этим формам проявления внутренней динамики лексики современного русского литературного языка.

9. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О СТИЛЕ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Внутреннняя форма слова *стиль* (от латинск. stilus, stylus – «палочка для письма на покрытой воском табличке» → на основе метонимического переноса «манера письма» → «манера говорения», т.е. особого, индивидуализированного использования общепринятого языка) уже в какой-то мере помогает дать определение этой лингвистической категории. **Стиль** – это способ использования общепринятого языка, его лексическо-фразеологической, синтаксической, морфологической, фонетической систем как отдельными лицами (**идиостиль = идиолект**), так и группами лиц, объединенных общностью их интересов, деятельности, образования, спецификой **коммуникации** с другими членами общества.

Обращаясь к **функционально-стилевой и экспрессивно-стилистической характеристике** лексики современного русского литературного языка, отметим, что этот раздел (единственный в нашем учебнике!) будет написан только на материале русского языка. Мы предлагаем нашим юным коллегам, начинающим лингвистам-исследователям, самим подобрать необходимые для сопоставления материалы на основе изучаемого ими иностранного языка. Все предыдущие разделы главы I уже подготовили вас к такого рода научной работе.

9.1. ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Приведенное выше определение понятия **стиль** в данном подразделе будет рассмотрено на основе тех **функций,** которые может выполнять современный русский литературный язык в целом и его лексика в частности в процессе **коммуникации** носителей этого языка. **Коммуникация (речевое общение)** – безусловно, важнейшая **функция** любого языка независимо от уровня его развития. Но **коммуникация** – это и наиболее **общая функция**, которая может быть реализована в функциях более конкретных по своей сущности: 1) речевое общение в более узком понимании этого термина: обмен информациями, разговор, беседа нескольких лиц (диалог или полилог), 2) сообщение информации – рассказ в устной или письменной форме, 3) эмоционально-оценочное или эстетическое воздействие на слушателей или читателей в процессе сообщения той или иной информации.

Итак, более конкретные формы коммуникации могут быть реализованы с помощью функций: 1) речевого общения как беседы и разговора, 2) сообщения и 3) воздействия (на слушателя или читателя). Эти три вида речевой деятельности при их возможной совместимости в той или иной форме и составляют основу для выделения двух **функциональных стилей современного русского литературного языка: 1) разговорного стиля, 2) книжного стиля.**

Разговорный стиль современного русского литературного языка отражает особенности разговорной речи лиц, владеющих **нормой** этого языка, и реализуется преимущественно в **устной форме**, но может передаваться и в частной переписке, т.е. реализоваться и в **письменной форме.**

Приведем в качестве примера реализацию этого стиля в устной речи двух лиц: Кто к тебе приехал? – Отец. – В командировку? – Нет, в отпуск. – Все время будет в Москве? –Только неделю. – А потом? – В Сочи поедет. Путевка!

Разговорный стиль, как мы видим, характеризуется преимущественным использованием бытовой общеупотребительной лексики и простотой синтаксических конструкций фраз, в ряде случаев даже их неполнотой, вполне допустимой в **диалоге** (или **полилоге**). Лучшие русские писатели всегда умели с удивительным мастерством передать особенности разговорного стиля в речи своих героев: – Соня! Что с тобою? Можно ли это? – сказал Николай, подбегая к ней. –Ничего, ничего, оставьте меня! – Соня зарыдала. – Нет, я знаю что. – Ну знаете, и прекрасно, и подите к ней. – Сооооня! Одно слово! Можно ли так мучить меня и себя из-за фантазии? – говорил Николай, взяв её за руку. …– Соня! Мне весь мир не нужен! Ты одна для меня всё, – говорил Николай. – Я докажу тебе (Л. Толстой. Война и мир. Т. I, ГИХЛ, М., 1951. С. 55).

Читая этот диалог, мы становимся невольными свидетелями объяснения двух очень юных героев романа – двоюродных брата и сестры Николая Ростова и Сони (Coisinage dangereux voisinage!). Диалог со стороны Сони ведется в соответствии с этическими нормами того далекого времени (к молодому человеку, даже очень близкому родственнику, следует обращаться на «Вы»), взволнованный Николай смело нарушает эту искусственную этическую норму.

Лексические нормы **разговорного стиля** значительно отличаются от норм **книжного стиля**: многие реалии в книжном стиле современного русского литературного языка обозначены сверхсловными номинантами (устойчивыми сочетаниями нефразеологического типа: автозаправочная станция, академический отпуск, альтернативная служба, безналичный расчет, безопасная бритва, бронебойное противотанковое ружье), в разговорном же стиле сверхсловный номинант заменяется существительным женского рода на – к(а): автозаправка, академка, альтернативка, безналичка, безопаска, бронебойка[157]) .

---

[157] *Осипова Л.И.* Новые слова в русском языке. Суффиксальные универбы женского рода с суффиксом – к- а. – М., 2000. С. 13 – 28.

Книжный стиль современного русского литературного языка представлен несколькими своими разновидностями: **научный стиль**, реализуемый преимущественно в письменной форме (научные статьи, монографии, диссертационные исследования), устной формой его реализации являются преимущественно научные доклады и сообщения, основные функции этого стиля – **сообщение** определенной научной информации и **воздействие** на слушателей и читателей; **официально-деловой стиль**, реализуемый также преимущественно в письменной форме (отчеты, доклады из сферы официально-деловой жизни, официально-деловая документация), основная его функция – **сообщение** определенной информации; **публицистический (газетно-публицистический) стиль**, реализуемый также преимущественно в письменной форме (исключение составляют устные репортажи журналистов и других работников прессы) и совмещающий две основные функции – **сообщение** определенной информации и **воздействие** на читателей или слушателей, направленное на вызов у них определенной **эмоционально-оценочной реакции** по поводу полученной информации (в связи с этим такое **воздействие** носит часто **эстетический** характер).

На основании **лингвистического** (и прежде всего **лексического!**) анализа определим функционально-стилевой статус трех следующих текстов.

I. Из признания концепта планом содержания языкового знака следует, что он включает в себя помимо предметной отнесенности всю коммуникативно значимую информацию. Прежде всего, это указание на место, занимаемое этим знаком в лексической системе языка: его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи – то, что Ф.де Соссюр называет «значимостью» и что, в конечном итоге, отражает лингвистическую ценность внеязыкового объекта, проявляющуюся в соответствии с законом синонимической аттракции в семантической плотности той или иной тематической группы («Филологические науки», № 1, 2001. С. 66).

II. Уважаемые коллеги! 18 – 20 апреля 2001 г. в Воронеже на базе Воронежского государственного университета состоится III Всероссийская научно-практическая конференция Российского общества преподавателей русского языка и литературы «Русский язык в современной социокультурной ситуации». …Тезисы докладов и сообщений будут опубликованы в сборнике, если вы направите их в адрес Оргкомитета в ВГУ не позднее 1 февраля 2001 г. Тексты объемом не более 2 страниц на бумаге формата А4 в отпечатанном на принтере виде и в виде файла в формате Word для Windows (шрифт Times New Roman Cyr, размер шрифта – 12 пунктов), межстрочный интервал одинарный, с указанием ФИО автора, должности, ученой степени, полного наименования учебного заведения или организации, страны, города, телефона (с кодом города!), факса, E-mail.

III. Неужели вы никогда не мечтали о белоснежной яхте, бесшумно летящей по волнам в пелене искрящихся брызг, неужели никогда не хотели вместо рева машин и городского шума услышать живое дыхание моря? Лучший способ испытать все это – яхтенный круиз (Мир за неделю, 13 – 20 мая 2000 г. № 16 (33).

Текст I принадлежит к **научной разновидности книжного стиля (научному стилю).** Об этом свидетельствует научная проблематика текста, широко представленная в нем лингвистическая терминология: *план содержания языкового знака, его* (*языкового знака*) *парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи, лексическая система языка, синонимическая аттракция,* т.е. свойственное синонимам любого языка взаимное семантическое притяжение в лексической системе языка. Научный термин *концепт* не является собственно лингвистическим. Это скорее термин философско-гносеологического содержания: *концепт* – «понятие, имеющее философско-этическую и культурологическую ценность», однако очень многие концепты могут быть исследованы в их лингвистическом выражении в языке (СВОБОДА и ВОЛЬНОСТЬ, ЛЮБОВЬ, СЧАСТЬЕ, ЖИЗНЬ и т.д.). Основная **функция** этого текста – сообщение определенной научной информации, **функция воздействия на читателей** реализуется с помощью четкой логики излагаемых научных положений.

Текст II явно относится к **официально-деловой разновидности книжного стиля (официально-деловому стилю)**: это деловой документ, сообщающий о предстоящем мероприятии (научно-практической конференции по проблемам преподавания русского языка и литературы) и возможностях участия в проведении этого мероприятия. Текст в сжатой и четкой форме информирует о самой конференции и условиях участия в ней. Он построен на штампах **официально-деловой переписки**, многие из них являются прочно вошедшими в переписку такого типа англицизмами и даются без перевода на русский язык. Основная **функция** такого текста – сообщение определенной информаци.

Кроме официально-деловой переписки и документации, к **официально-деловому стилю** следует относить и **официально-документальный стиль** всякого рода международных соглашений, меморандумов, дипломатических документов, сводов законов различных стран. Лексической спецификой **официально-делового стиля (в двух указанных выше его разновидностях!)** является полное отсутствие коннотированной лексики, предельная четкость и номинативная однозначность используемого лексикона.

Текст III именно за счет своей достаточно **яркой коннотированности** (*белоснежная яхта; яхта, бесшумно летящая по волнам; живое дыхание моря*) отличается от двух первых; **коннотированность** текста в некоторых случаях опирается на **метафоричность** (*живое дыхание моря*). В тексте III реализуются две **функции – функция сообщения** (об отдыхе на море, о круизе на яхте) и **функция воздействия** на читателя. Не стоит забывать, что этот текст в определенной степени носит характер рекламы. Перед нами достаточно яркий образец **газетно-публицистического** стиля.

Итак, современный русский **литературный** язык представляет собой тесное объединение и вместе с тем разъединение двух основных функциональных стилей – **разговорного** и **книжного,** состоящего из трех разновидностей: **научного, официально-делового, газетно-публицистического.** Объединение и разъединение стилей современного русского

литературного языка проявляется, безусловно, и во взаимодействии **лексики** этих стилей: тенденция к объединению всех стилей в обобщающем понятии **современный русский литературный язык** проявляется в том, что значительная часть **лексики** этого языка характеризуется **функционально-стилевой нейтральностью** и поэтому может функционировать во всех стилях и их разновидностях (значительная часть ЛСГ терминов родства, ЛСГ с интегральной семой «водоем»: океан, море, озеро; ЛСГ с интегральной семой «возвышенность»: гора, холм, курган, утес, скала, дюны и ЛСГ с интегральной семой «низменность»: долина, ложбина, впадина, равнина; слова, выражающие самые необходимые для существования человечества понятия (концепты): мир, спокойствие, доброта, справедливость, милосердие, гуманность).

Не менее четко, однако, выражается и явно противоположная тенденция – тенденция к лексическому разъединению функциональных стилей, тенденция к их обособлению. Эта тенденция очень ярко проявляется, например, в научном стиле (одной из разновидностей книжного стиля): лексический состав и прежде всего терминологические системы отдельных наук настолько своеобразны и обособлены друг от друга, что филолог, математик и медик практически ничего не поймут, читая научные статьи друг друга. В служебных документах (официально-деловой стиль) достаточно часто используются слова со стертым понятийным содержанием: в словосочетаниях *названные действия, указанные факты, данные улики* препозитивно употребленные определения фактически выражают семантику указательного местоимения «эти». Для официально-делового стиля вообще характерна **терминологизация**[158] общеупотребительной лексики. Например, термины *таможенный склад и магазин беспошлинной торговли* обозначают таможенный режим, а не место хранения ввезенных товаров без взимания пошлин и налогов. В таких случаях правомерно говорить о внутристилевой **фразеологизации** некоторых широко употребляемых именно в данном стиле устойчивых сочетаний, что, конечно, также поддерживает тенденцию к лексическому разъединению функциональных стилей.

Исследуя лексику современного русского литературного языка в составе различных функциональных его стилей, мы снова сталкиваемся с тем неопровержимым фактом, что лексика – это сложная система систем, внутренняя динамика которой весьма неоднозначна и противоречива.

Тем не менее, **лексика современного русского литературного языка – это нормированная лексика, т.е. лексика, соответствующая** НОРМАМ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА. И в этом отношении она явно **противостоит** лексике тех разновидностей современного русского языка, которые этим нормам не соответствуют: лексике русского **просторечия, диалектов, жаргонов, арго.**

К краткому описанию этих разновидностей современной русской **ненормированной лексики** мы и переходим.

[158] *Федорченко Е.А.* Язык документов таможенной службы. Вопросы культуры речи Лингвостилистический практикум. – М. 2000. С. 32 –33.

9.2. НЕНОРМИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА В СОПОСТАВЛЕНИИ И ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИИ С ЛЕКСИКОЙ НОРМИРОВАННОЙ

К ненормированной лексике современного русского языка относится лексика, не соответствующая нормам литературного языка: это лексика современного русского **просторечия,** современных **диалектов** русского языка, а также существующих в современном русском языке **жаргонов (сленгов) и арго.** Все выделенные нами лингвистические понятия требуют пояснения. Сразу следует заметить, что **ненормированной** лексика указанных лингвистических систем является только по отношению к **нормам** современного русского **литературного** языка: в пределах же самих этих систем существуют свои понятия о норме.

Термин **современное русское просторечие** понимается нами в очень узких временных границах: это просторечие, проявляющееся в речи носителей русского языка во 2-й половине XX – начале XXI веков. В целом само понятие **современное русское просторечие** не вполне однозначно. Это прежде всего особенности речи людей, не имеющих достаточно высокого образования и поэтому не владеющих **нормами современного русского литературного языка (просторечие–1):** Ладно, думаю, *дайкась* и *нынче* разок схожу. И пошла. *До-оже-жик*... Прихожу: *баб* пятнадцать уже *стоят,* и все за сахаром. Из наших, слободских, одна я. *После женьшины* с дробилки пришли. Двигаемся, *беседываем.* ...Я *тада* говорю: *тута* магазин, а не *разговоря*...Ну, смехом, кума, смехом… А сахар *возьми и закончись!* (Владимир Пшеничников. Лопуховские мужские игры / Новый мир, 1988, № 12, С. 18). Как показывают приведенные примеры, **просторечие–1** может проявляться на всех языковых уровнях (фонетическом, лексическом, морфологическом и синтаксическом).

Но в указанный нами период времени вполне четко оформилось и **просторечие –2,** проявляющееся чаще всего именно на уровне **лексики** у людей вполне культурных и образованных, но стремящихся придать своей речи больше экспрессии и «демократизма»: «Дочь моя – вполне взрослая *девка!*» (в речи высокопоставленного чиновника министерства народного просвещения, запись 1971 г.), «Вообще-то дочь моя – хорошая *девка!*» (в речи доцента ф-та иностраннных языков, запись 1986 г.), «Да он *мужик* хороший!» (в речи преподавателя одной из московских школ – о директоре школы, запись 1999 г.).

Термин **диалект** имеет очень широкое значение (он **эврисемичен!**) и охватывает специфические особенности речи людей, живущих на одной территории самой различной протяженности: от всей южной или всей северной части России (**южнорусское наречие – севернорусское наречие**) до отдельных деревень, в **говорах** жителей которых обнаруживаются какие-то специфические черты (**говор** жителей деревни Деулино, находящейся в северной части Рязанской области)[159]. При этом диалектные особенности речи, нарушающие нормы современного русского литературного языка, могут проявляться также на всех языковых уровнях (от фонетического до синтаксического). Приведем только некоторые особен-

[159] *Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. – М.: Наука, 1979. С. 78.

ности диалектной **лексики**, которая, по мнению исследователя Т.С. Коготковой, обнаруживает в большей мере, чем лексика литературного языка, тенденцию к мотивированности значения: *бездомник* – «не имеющий своего жилища» (в какой-то степени перед нами синоним литературного лексического неологизма *бомж*), *другоженец* – «женатый во второй раз», *безживотный* – «тощий, худой» (антоним слова *пузатый*, принадлежащего к разговорному стилю литературного языка), *засентябрить, заавгустить* – о проявлениях в природе примет сентября или августа[160].

Жаргоны и арго – особенности речи, проявляющиеся только в специфике **лексики и фразеологии** определенных категорий людей. **Жаргон** (франц. le jargon – «говор») – особенности речи людей, объединенных общей профессией, общностью социального положения или возраста (во всех пяти сопоставляемых нами языках существуют так называемые молодежные жаргоны).

Всем студентам российских вузов, видимо, знакомы жаргонные обозначения следующих реалий: стипендия (*стипе'ша, стёпка, пенсия*), академическая задолженность (*хвост*, также в выражениях: *сдавать хвосты, сдать – не сдать хвост*, (*у кого-л.*) *два, три,четыре хвоста*). К студенческим жаргонизмам конца XX – начала XXI века можно отнести следующие слова: *забить* (лекцию) – «пропустить» (лекцию), *бомба* (также *медведь*) – «шпаргалка больших размеров», *грины* (от английского green – «зеленый», цвет доллара) – «деньги» (я сегодня не при гринах!). Существуют жаргонизмы, общие для школьников и студентов: *ботан* – «зубрила», «зубрила – отличник», *ботанить* – «зубрить», выражения, характеризующие степень понимания предмета: он здорово *сечет* в математике – он совсем *не сечет* в математике. Приблизительно в 70-е годы XX в. в связи с введением предмета *гражданская оборона* в жаргоне школьников появилось слово *гроб* как его сокращенное обозначение (см. записи в школьных дневниках того времени: принести тетрадь по *гробу*, завтра вместо математики – *гроб!*).

В жаргоне военнослужащих (преимущественно солдат) широко распространены слова, обозначающие военнослужащих разных периодов срочной службы: *салага, салабон, сынок* – «солдат 1-го года службы, обычно только начинающий службу или прослуживший в армии всего несколько месяцев», *старик* – «солдат 2-го года службы», *дед* – «солдат, в скором времени подлежащий демобилизации». Следующее обращение подлежащих демобилизации солдат к молодому пополнению можно правильно понять, только зная жаргонную семантику выделенных слов: «Служи, *сынок*, как *дед* служил, а *дед* на службе не тужил!»

Для характеристики **молодежного жаргона** последних десятилетий XX и начала XXI в. вернемся снова к диалогу двух юношей в метро, дав этот диалог в полном объеме и выделив в нем жаргонные слова и выражения: – Пошли на «Красную кобру»! – Я *не врубаюсь* – это что такое? – *Убойная штука!* Все вообще *в отпаде*... – Завтра не могу, уже *стрелку забил*. Надо позарез успеть. – *Не гони*. Завтра у меня тоже *не прет*. Я тут *бабки заколачиваю*. – *Что* ты меня *грузишь? Давай забьемся* на пятницу.

[160] *Коготкова Т.С.* Указ. соч. С. 78.

После этого выразительного диалога «современной молодежи» хочется предоставить слово автору уже упоминавшейся нами статьи «Агрессия слова» Александру Семину: «Услышав такой диалог в метро, я с трудом заставил себя поверить, что это вовсе не бандиты сговариваются идти грабить банк, а студенты собираются в кино». Комментарии, как принято говорить, излишни.

На формирование молодежного жаргона оказывают влияние и некоторые иностранные языки: *гирла* – «девушка» (от англ. girl), точным семантическим эквивалентом этого слова в английском молодежном жаргоне является *gal*, *чувак* – из цыганского языка – «парень» (*чувиха* – слово, созданное на основе цыганской корневой морфемы, но по законам русского словообразования!), выражение *такая селявуха!* (обычно с негативной коннотацией) возникло на основе французского предложения *c'est la vie!* (букв. «это жизнь!»).

Арго (франц. «арго, жаргон») – **лексический и фразеологический состав** речи определенных социальных слоев населения, стремящихся к полному закодированию информации и недоступности её для понимания посторонних. Чаще всего **арго** используют в своем общении лица, принадлежащие к преступному миру. Однако к категории **арго** был явно близок «искусственный язык» коробейников, бродячих торговцев, часто подвергавшихся в пути различным опасностям и нападениям и потому стремившихся к полному закодированию своей речи: …лохи биряли колыги и гомза, кубы биряли бряеть и в устреку кундяков и ягренят (мужики давали брагу и вино, бабы давали есть и в дорогу пирогов и блинов – рассказ о том, как жители встречали проходивших через деревню солдат[161]). Еще В.И. Даль отмечал, однако, что «столичные, особенно питерские, мошенники, карманники и воры различного промысла, известные под именем мазуриков, изобрели свой язык, впрочем весьма ограниченный и относящийся исключительно до воровства»[162]: «Что стырил? Срубил шмель да выначил скуржаную лоханку» (Что украл? Вытащил кошелек да серебряную табакерку)[163].

Ограниченность любого арго проявляется в его тематической специфике (по замечанию В.И. Даля: «относящийся исключительно до воровства»), в весьма незначительном количестве «закодированных» слов и фразеологизмов. «Язык» офеней был, несомненно, по своему лексико-фразеологическому составу богаче различных арго, но и он не имел ни своей грамматики, ни своей фонетики, т.е. не был *языком* в собственном смысле этого слова.

В связи с тем, что создатели того или иного арго всегда стремятся сделать свою речь совершенно непонятной для посторонних, они охотно прибегают к помощи иноязычных слов, часто при этом коверкая их до неузнаваемости. Еще писатель Виктор Гюго отмечал во многих **арго**-

[161] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Том I.– М., 1955. LXXVII.
[162] *Даль В.* Указ. соч. LXXVII.
[163] *Даль В.* Указ. соч. LXXVIII.

тизмах (словах арго), используемых французами, разноязычные основы: vantane (vanterne) от vantana – «окно», gat от gato – «кошка» (исп. яз.), spade от spada – «шпага», carvel от caravella – «судно» (итальянск. яз.), bichot от bishop – «епископ», raille от rascal – «шпион» (англ. яз., (а) rascal – «негодяй»)[164].

Среди арготизмов русского языка также имеются иноязычные заимствования, как правило, подвергшиеся в арго полной или значительной семантической трансформации: *фраер*, также *фрайер* – «не – вор»[165], т.е. лицо, не принадлежащее к миру «блатных», человек, который может стать жертвой их враждебных действий. Видимо, от немецкого (der) Freier (сравните с возможным написанием *фрайер*) – «жених» (на свадебном торжестве жених обычно отличается от остальных присутствующих своей нарядной одеждой; слово могло попасть в арго из языка проживавших в России немцев); *хаза* – «квартира как место встречи»[166], также, видимо, воровской притон. Возможно, от венгерского (а) ház – «дом», (а) háza (хаз(а) – букв. «его дом», аффикс – а в слове háza указывает на принадлежность объекта какому-то 3-му лицу).

Естественно, что границы между лексикой просторечной, диалектной, жаргонной и арготической весьма подвижны. Проследить продвижение какого-либо слова из одной категории в другую достаточно трудно (арготизмы в этом отношении, очевидно, одна из самых устойчивых и изолированных категорий!). Так же трудно установить время перехода слова из просторечия, какого-либо диалекта или жаргона в лексику литературного языка.

А.С. Пушкина критики в свое время ругали за введение в **язык художественной литературы** большого числа просторечий. Слово *девчонка* во времена Пушкина воспринималось как явно просторечное, так можно было, например, назвать крепостную девочку (Н.В.Гоголь, «Мертвые души», слова помещицы Коробочки: «Пожалуй, я тебе дам *девчонку*; она у меня знает дорогу; только ты, смотри, не завези её! у меня уже одну завезли купцы»). Пушкин же смело использовал это слово для обозначения уездных дворянских барышень: Музыка будет полковая! / Полковник сам её послал. / Какая радость: будет бал! / *Девчонки* прыгают заране (А.С. Пушкин, «Евгений Онегин», глава V, строфа XXVIII).

Переход французского слова (le) gamin – « уличный мальчишка, сорванец, проказник» из категории слов «простонародных» в литературный язык В. Гюго датирует очень точно –1834-й год[167]. Далее писатель замечает: « Оно появилось в первый раз на страницах небольшого рассказа, озаглавленного «Клод Ге». Разыгрался шумный скандал, но слово привилось»[168]. Однако такая точная хронология перехода слова из просторечия в литературный язык – явление крайне редкое.

---

[164] *Гюго Виктор*. Собрание сочинений. В 15 т. Т. VII. Отверженные. – М., 1954. С. 458.
[165] *Быков В.* Русская феня. – Смоленск: ТРАСТ-ИМАКОМ, 1994. С. 195.
[166] *Быков В.* Указ. соч. С. 197.
[167] *Гюго Виктор*. Отверженные. Собрание сочинений в 15 томах. Том VII. – М., 1954. С. 16.
[168] *Гюго Виктор*. Указ. соч. С.16.

Теперь, когда мы подробно рассмотрели все функционально-стилевые разновидности лексики современного русского литературного языка и все разновидности русской лексики, к литературному языку не причисляемые, вполне логично будет специально обратиться к **лексике языка русской художественной литературы,** которая, как покажет последующий анализ, может включать в свой состав все указанные выше разновидности словарного состава – как **нормированные, так и не соответствующие нормам литературного языка.**

9.3. ЛЕКСИКА ЯЗЫКА РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЕЁ БОГАТСТВО И РАЗНООБРАЗИЕ

Понятия **современный русский литературный язык** и **язык русской художественной литературы**, безусловно, сопоставимы, но совершенно не однозначны. Прежде всего названные лингвистические категории достаточно четко разграничиваются в функцональном отношении: функционально-стилевая характеристика **современного русского литературного языка**, подробно рассмотренная нами выше, позволяет говорить о трех его основных функциях, которые могут и совмещаться: функции речевого общения (в узком смысле этого термина), функции сообщения и функции воздействия на участника речевой коммуникации (последняя функция характерна прежде всего для газетно-публицистической разновидности книжного стиля); **язык русской художественной литературы** – форма реализации **искусства слова** и его основной функцией является **эстетическое воздействие** на читателя или слушателя. Именно потому, что **язык русской художественой литературы** является формой реализации **искусства слова**, он и не может быть включен в систему **функциональных стилей современного русского литературного языка,** основной и объединяющей функцией которых является **функция коммуникации.**

Мы совершенно сознательно сопоставляем понятия **современный русский литературный язык** и **язык русской художественной литературы**, а не **язык** *современной* **русской художественной литературы:** выше мы уже перечислили те серьезные лингвистические аргументы, которые позволяют нам рассматривать понятие **современный русский литературный язык** в очень широком временном диапазоне (от Пушкина до наших дней), однако у нас нет никаких оснований считать *современной* всю русскоязычную художественную литературу этого периода. Говоря об истории развития русской художественной литературы со времен А.С. Пушкина, мы должны были бы выделить период русской классической литературы, период развития русской литературы начала XX века (часть её составляет литература Серебряного века), период развития русской советской литературы и хронологически совпадающий с ним период развития русской зарубежной (эмигрантской) литературы и, наконец, постсоветский период развития российской и русской зарубежной литературы. Понятие *современный* может быть отнесено только к последнему периоду.

Занимаясь анализом **лексики современнного русского литературного языка**, мы, безусловно, имели полное право привлекать в качестве

иллюстраций языковой материал того широкого временного диапазона, в рамках которого развивался и продолжает развиваться этот язык. Однако теперь нас интересует **лексика языка русской художественной литературы** и её отношение к **лексике современного русского литературного языка.** При этом **лексику языка русской художественной литературы** мы будем рассматривать именно в том временном диапазоне, который определяется понятием **современный русский литературный язык.**

Основным фондом этой лексики, позволяющим реализовать богатые изобразительные её свойства и её глубокое эстетическое воздействие на читателей русской художественной литературы, является, конечно, **лексика современного русского литературного языка**. Поэтическое очарование приведенных нами выше стихотворений А.С. Пушкина и И.А. Бунина связано именно с лексикой этого типа. Только лексику современного русского **литературного** языка использует в удивительном по силе своего лиризма финале произведения «Заря» Б.К. Зайцев: «Они прожили дома около месяца. Это было время тихого, радостного существования. С каждым днем мама поправлялась; каждый день, просыпаясь, Женя знал, что она здесь, любимая и дорогая, и в ужасе гнал мысль, что было бы, если б она не выздоровела. Но нечто серьёзное вошло в их жизнь. / …/ Уезжая после Рождества в гимназию, Женя чувствовал, что любит мать еще острее, и больней, мучительней. Вместе с тем, оглядываясь на родные места, он понимал, что какая-то часть его жизни – и не лучшая ли, – прожита и сюда он не вернется тем беспечным ребенком, каким въезжал в этот дом. Детство его кончалось» (Б.К. Зайцев. «Заря». Сочинения: В 3 т. – М.: Терра, 1993. Т. I. С. 178).

Но для усиления эстетического воздействия на читателя, для создания эффекта правдивости повествования, соответствия языка произведения особенностям изображаемой жизни границы лексики, используемой в языке художественной литературы, могут значительно расширяться, выходить за рамки принятых норм: **в состав лексики русской художественной литературы могут включаться просторечные слова и выражения** (См. выше: В. Пшеничников. Лопуховские мужские игры), **диалектизмы, жаргонизмы и арготизмы.**

Так, в произведениях М. Шолохова «Поднятая целина» и «Тихий Дон» широко представлена диалектная лексика донского казачества. Обратимся к некоторым иллюстрациям на материале романа «Поднятая целина» (книга I, глава I): «По крайнему к степи проулку январским вечером 1930 года въехал в *хутор* Гремячий Лог верховой. / …/ Уж въехав в *хутор*, спросил у встречной женщины: – А ну скажи, тетка, где тут у вас Яков Островнов живет? /…/ – А вон за тополем его *куре́нь*, крытый черепицей. Видите? – Вижу. Спасибо. /…/ – Ну, пойдемте *в куреня'*, как вас теперича величать и не знаю…»

Хутор – «небольшое селение на Украине или на Юге России» (МАС, т. IV, с. 631), *куре́нь* – «жилой дом в некоторых местах Украины и в казачьих станицах на Дону» (МАС, т. II, с. 201). Речь донского казака Якова Лукича Островнова включает в свой состав и *диалектизмы*, выделенные в тексте курсивом (они одновременно являются и *украинизмами*),

и **просторечные слова** (в тексте они даны с подчеркиванием). *Диалектизмы* и **просторечия** употребляет и автор, создавая особый речевой колорит произведения.

В романе Всеволода Крестовского «Петербургские тайны» (М., Эксмо, 1996) изображены трущобы старого Петербурга с их обитателями – ворами, бандитами, убийцами, их речь насыщена *арготизмами*, вполне естественно сочетающимися с **просторечием**, выделенным в тексте также подчеркиванием: «*Затынь* ты меня, отец, хоть до завтрева! Оглядеться на воле надо бы спервоначалу… Оболочься – тоже *накидалища* какое ни есть, опять же и *голубей* да *шифтан*, а в этом наряде – того и гляди – признают! – Это могу, – охотно согласился патриарх *мазов*. – Так нечего тебе тут *ухлить* задаром, а *хряй-то* скорей на мою домовуху: там *не мокро*, по крайности!» – предложил он (книга 2-я, с. 114).

Для того чтобы понять содержание диалога двух героев произведения, необходимо иметь специальный словарик *арготизмов*: *затынить* – «спрятать, скрыть», *накидалище* – «верхняя одежда» (шинель, плащ), *голуби* – «нижнее белье», *шифтан* – «кафтан, сибирка, пальтишко», *ухлить* – «глазеть», *хрять* – «уходить, удирать», *мокро* – «опасно».

Вряд ли в данном случае можно говорить об эстетическом воздействии арготизмов на читателей, но слова этого типа помогают создать достаточно правдивую картину, изображающую петербургские трущобы и их обитателей.

Конечно, лексика, нарушающая литературные нормы, достаточно широко представлена и в языках регулярного сопоставления, но в данном разделе иноязычный материал будет представлен в минимальной форме. Мы только сопоставим некоторые фрагменты **школьного жаргона** русского и иностранных языков. Во всех пяти языках имеются специальные **жаргонизмы** со значением «пропускать занятия в школе без уважительных причин»: русск. *прогуливать* англ. (*to*) *truant*, *play truant*, немецк. *die Schule schwänzen* (от слова der Schwanz – «хвост», возможна этимологическая связь с русскими словами и выражениями в жаргоне школьников и студентов: *хвост* – «академическая задолженность», *иметь хвосты* и т.д.), франц. *faire école buissonnière*, букв. «проходить кустовую школу, т.е. школу в кустах» (этимологически, возможно, это выражение связано с представлением о тайных, находившихся вне закона лесных школах для протестантов, école buissonnière – обозначение такой школы), исп. *fumarse* (от глагола fumar – «курить», *fumarse* – «прокуриться, смыться из школы»).

Как в русской художественной литературе, так и в иноязычной имеется большое количество произведений, посвященных школам различного типа, одна из отличительных характеристик таких произведений – широкое использование **школьного жаргона.**

Большой интерес в этом отношении представляет роман американского писателя Джерома Дэвида Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (1951 г.) – J.D. Salinger. «The catcher in the rye» (букв. «Ловец во ржи»: подросток Холден мечтает стать таким ловцом, предостерегающим детей, играющих во ржи у края пропасти, от падения в эту пропасть; образ «ловца во ржи», безусловно, символичен). В жаргоне американских

школьников наблюдаются явно противоположные тенденции: широкое использование прилагательных в переносных значениях с резко негативной коннотацией (*lousy teeth, lousy childhood, lousy* – 1 НК – «вшивый», 2 К – «мерзкий, омерзительный») и изменение резко негативной коннотации, свойственной прямому номинативно-коннотативному значению (1НК), на явно позитивную коннотацию переносного значения (2К): *terrific* (1НК) – «ужасающий» → «замечательный, превосходный» (2К): *terrific book, terrific legs, terrific friend* (*замечательная книга, замечательные ноги, замечательный друг*; нечто подобное можно наблюдать и в русском молодежном жаргоне: *убойная штука*) [169].

Включение «внелитературной лексики», т.е. лексики, нарушающей нормы литературного языка, в текст художественного произведения всегда создает сложнейшие проблемы при переводе этого произведения на другие языки. Вернемся к роману М. Шолохова «Поднятая целина» и напомним только один из компонентов его сюжета: Яков Лукич Островнов, приняв решение об участии в готовящемся мятеже против советской власти, просит благословения у своей 80-летней матери. Старая женщина произносит следующую фразу: «Ступай, ступай на них, супостатов, *чадунюшка.* Господь благословит! Церквá закрывают…Попам житья нету… Ступай!..» Эта фраза содержит один диалектизм – *чадунюшка*, выражающий ласковое отношение матери к сыну и полное одобрение ею его решения (слово этимологически связано с праславянским čędo – «дитя», в диалекте донского казачества появилось, видимо, под влиянием украинского слова *чадо* – «дитя»), просторечное слово поп (**священник** – синоним в системе современного русского литературного языка) и просторечный фразеологизм житья нету (в системе литературного языка фразеологизм **житья нет** – «полное отсутствие условий для нормальной человеческой жизни»), форма множественного числа слова «церковь» также является просторечной. Слово «супостат» является лексическим архаизмом (его синоним в современном литературном языке – *недруг, враг*).

В переводе романа на английский язык (переводчик Robert Daglish) указанные выше лексико-фразеологические особенности речи старой казачки фактически не находят соотвествующих эквивалентов: Rise agin them, the tyrants (= тираны), my son! The Lord will bless you! They're closing the churches.The priests (= священники, реже попы, но с коннотацией пренебрежения, которая в русском тексте полностью исключается) are being driven out. Rise agin them!» Просторечной фактически является только форма agin them.

Значительные сложности при переводах произведений русской художественной литературы на иностранные языки могут быть связаны не только с лексикой «внелитературной» (лексическими просторечиями и диалектизмами, жаргонизмами и арготизмами), но и с частью лексики, входящей в состав современного русского литературного языка. В частности, значительные трудности могут быть связаны с передачей на другие языки системы русских **экспрессивно-стилистических синонимов.**

[169] *Salinger J.D.* The Catcher in the Rye. – Moscow: Progress Publichers, 1979. P. 216 (здесь использованы материалы комментария, составленного Э.М. Медниковой).

Русские **экспрессивно-стилистические синонимы** различаются **степенью коннотированности их значений** и могут в связи с этим входить в различные сферы – литературные и «внелитературные» – современного русского языка: *обманывать* (лит., нейтр.) – *лгать* (лит., с негативной коннотацией) – *врать* (лит., разг., при сопоставлении с синонимом *лгать* коннотация является менее негативной), *спать* (лит., нейтр.) – *почивать* (лит., уст., высок.) – *дрыхнуть* (прост., груб., с резко негативной коннотацией).

При переводе на иностранные языки слов, образующих в современном русском языке микросистему экспрессивно-стилистических синонимов, очень трудно найти точное в коннотативном отношении лексическое соответствие. Обратимся в качестве иллюстрации этого положения к английскому переводу пьесы А.П. Чехова «Медведь», выполненному Kathleen Cook.

Русский текст: (Смирнов:) Или разбежаться и *трахнуться башкой* о стену? – Текст перевода: Or *bang* my *head* against a brick wall? Глагол (to) bang – «стукнуться, удариться» и существительное (a) head – «голова» – слова литературного языка и лишены яркой коннотативности русских лексических просторечий *трахнуться, башка.* Обратимся далее к диалогу героев в сцене перед так и не состоявшейся дуэлью: (Попова:) *Струсили?* – (Смирнов:) Да, *струсил.* – (Попова:) *Лжете!* – (Popova:) So you'*ve lost your nerve, have you?* – (Smirnov:) *Yes.* – (Popova:) *You're lying.* Снова русскому глаголу *струсить* в коннотативном отношении явно не соответствует лишенный такой же яркой негативной оценки глагольный оборот речи (to) *have lost nerve* (букв. «потерять присутствие духа»). И лишь глагольная форма *Лжете!* получает в английском переводе свой равноценный в коннотативном отношении эквивалент (= *You're lying*).

Итак, **лексика языка русской художественной литературы** представляет собой очень сложную, многообразную и разнообразную **систему систем**; **многообразие и разнообразие** этой **системы систем** создается в значительной степени за счет входящих в её состав «внелитературных» систем (**лексического просторечия, диалектизмов, жаргонизмов, арготизмов**); **красота** и **эстетическая её выразительность** создаются прежде всего **лексикой современного русского литературного языка.**

Темы рефератов к разделам 5, 6, 7, 8, 9 главы I

1. Слово как объект ономасиологии и слово как объект семасиологии: к проблеме разграничения объектов исследования ономасиологии и семасиологии как отдельных разделов лексикологии.

2. Лексическое значение слова как многокомпонентная структура (на материале пяти русских однозначных слов – слов-моносемем – и их соответствий в сопоставляемых языках).

3. Типология первичных (прямых) значений слова (на материале анализа 2 –3 страниц художественного русского текста по выбору студента и художественного перевода этого текста на изучаемый иностранный язык; при отборе русского материала следует исходить из наличия его перевода на иностранный язык).

4. Типология вторичных (производных номинативных и переносных коннотативных) значений слова (на материале анализа 2–3 страниц художественного текста по выбору студента и художественного перевода этого текста на изучаемый иностранный язык).

5. Лексема и её внутренняя семантическая структура: взаимосвязь и взаимодействие лексических значений многозначного слова – слова-полисемемы (на материале анализа пяти словарных статей русских словполисемем в сопоставлении с их семантическими соответствиями в изучаемых иностранных языках).

6. Сопоставительный анализ двух лексико-семантических групп или двух лексико-семантических полей русского и изучаемого иностранного языка (по выбору студента).

7. Лексика современного русского литературного языка как система систем в сопоставлении с системной организацией изучаемого иностранного языка.

8. Исконно русская и собственно русская лексика в составе художественного произведения, выбранного студентом для анализа (предлагается выбор произведений небольшого размера: например, И.С. Тургенев. «Как хороши, как свежи были розы!»).

9. Заимствования из изучаемого иностранного языка в лексике современного русского литературного языка (реферат выполняется на основе анализа специальных лексикографических источников: словарей иностранных слов, этимологических словарей).

10. Русское просторечие в современной русской художественной прозе и проблема его перевода на изучаемый иностранный язык (студент самостоятельно выбирает произведение для анализа, проблемы перевода решаются им также самостоятельно). Подобные же темы предлагаются по диалектизмам, жаргонизмам и арготизмам в языке русской художественной прозы.

11. Проблема лексикографического описания современного русского студенческого жаргона и проблема перевода жаргонизмов на изучаемый иностранный язык.

12. Лексика различных функциональных стилей современного русского литературного языка и проблема её перевода на изучаемый иностранный язык.

Завершая главу I учебника, ещё раз остановимся на некоторых наиболее важных теоретических положениях, высказанных в ней.

Поскольку в главе I **лексика современного русского литературного языка** постоянно рассматривалась в сопоставлении с **лексикой английского, немецкого, французского и испанского современных литературных языков,** эти теоретические положения будут иметь значение не только для **лексикологии современного русского литературного языка,** но и для **лексикологии,** изучающей **лексику** постоянно сопоставлявшихся с ним языков.

Выявление общих закономерностей в развитии **лексики** целого ряда современных языков позволит создать теоретические основы как для

формирования **сопоставительной лексикологии** этих языков, так и для становления **общей лексикологии** как науки, изучающей универсальные закономерности развития лексики самых различных языков вообще.

Исключение из возможных обобщений такого типа составят лишь разделы, посвященные описанию только **лексики различных функциональных стилей современного русского литературного языка и лексики языка русской художественной литературы.**

1. Основной единицей **лексики (словарного состава)** того или иного языка является **слово как диалектическое единство определенного звукового комплекса и закрепленного за ним в системе языка значения (или системы значений).** Любое слово в любом языке является таким образом одновременно и **материальной**, и **идеальной лингвистической единицей**, иначе **билатеральной** (двусторонней) лингвистической единицей.

2. Наиболее **универсальным** определением **слова** является определение, предложенное французским ученым Антуаном Мейе (A.Meillet), формулировка которого может быть условно сведена к предельно краткой формуле СЛОВО → (Ф. –СЕМ.) Гр.

3. **Слово** рассмотрено в главе I как лингвистическая единица, имеющая непосредственное отношение к общей теории знаков (**семиотике**) и теории особых словесных знаков (**лингвосемиотике**). Как лингвистическая единица слово **билатерально, знаком же в слове** является только его **материальная сторона (звуковой комплекс), значение слова** (его **идеальная сторона**) представляет собой **означаемое** этого **знака.** Следовательно, словесный знак **монолатерален.**

4. **Слово** в указанном выше единстве материального и идеального рассмотрено как объект **ономасиологии** (общей теории номинации); в зависимости от **произвольности / непроизвольности связи звукового комплекса и лексического значения** слова делятся на **немотивированные и мотивированные** (обе категории слов определяются только в **синхронном аспекте**, в зависимости от мотивированности / немотивированности в современных языках); в учебнике предложена **универсальная типология мотивированности слов:** 1) прямая мотивированность по звукоподражанию (**ономатопея**) – 2) непрямая мотивированность: 2,1 – по морфологической структуре – 2,2 – образно-семантическая мотивированность.

5. **Слово** как лингвистическая единица, всегда имеющая в лексической системе языка **значение** или **систему значений,** является также объектом **семасиологии**, специальной лингвистической дисциплины, исследующей **лексическую семантику** в различных формах её проявления – от отдельного лексического значения одного слова до форм организации лексической семантики всего языка. В нашем курсе **семасиология** изучается как отдельный раздел **лексикологии.**

6. Поскольку «исходной» семантической единицей, изучаемой **семасиологией**, является **отдельное лексическое значение**, оно определяется нами с предельной точностью как закрепленное в системе языка за звуковым комплексом слова его **индивидуальное содержание.** Лексическое значение слова представляет собой **многокомпонентную структуру,**

проявляющую себя во взаимодействии и взаимосвязи составляющих её **компонентов**: **сигнификативного (С)** и **денотативного (Д)**, реализующих во взаимодействии **номинативную функцию** слова, **коннотативного (К)**, реализующего – на основе взаимодействия с **С** и **Д** – его **коннотативную функцию, этнокультурного (ЭК),** отражающего в лексическом значении слова определенное специфически национальное восприятие некоторых реалий (с опорой на **С** и **Д**, часто при особой актуализации **К**), и **структурного (СТР)**, определяющего **структурные соотношения** данного конкретного лексического значения слова с лексическими значениями других слов, входящих в общую для них **лексико-семантическую группу (ЛСГ)** или общее **лексико-семантическое поле (ЛСП).**

7. Для выявления семантических связей слов в пределах общей для них ЛСГ или общего ЛСП необходима процедура **семного анализа** их лексических значений, т.е. анализа, с помощью которого в **лексическом значении**, не являющемся минимальной семантической единицей, выделяются именно **минимальные семантические единицы – семы** или **элементы (компоненты) лексического значения.** С помощью **семного** (в других терминологиях – **компонентного**) **анализа** определяются семантические связи данного конкретного слова в данном конкретном его значении с другими словами, входящими в общие с ним ЛСГ или ЛСП. С помощью **семного анализа** выявляются **общие (интегральные) семы** в словах с семантически контрастирующими значениями **(антонимах)** и **дифференциальные семы** в словах с предельно близкими значениями **(синонимах).**

8. Чрезвычайно актуальным для **семасиологии** является проблема **типологии лексических значений.** Актуальность этой проблемы связана с тем объективным положением, что большая часть слов в лексике того или иного языка **многозначна.** Слово, рассматриваемое **в контексте языка,** т.е. в совокупности всех своих лексических значений и возможных грамматических форм (**лексема**), может характеризоваться наличием значений разных типов. Предлагаемая нами типология лексических значений исходит из взаимодействия в слове двух его основных функций – **номинативной** и **коннотативной.**

Уже в системе **первичных (прямых) значений** выделяются значения **прямые номинативные – 1Н (К), прямые номинативно-коннотативные – 1НК, прямые коннотативно-номинативные – 1 КН, прямые коннотативные – 1К (Н).**

В системе **вторичных значений**, возникших на основе различных типов **семантических трансформаций** значений первичных (метафоризация, метонимизация, генерализация или, наоборот, сужение значения), выделяются – в зависимости от превалирования функции **номинации** или **коннотации** – два основных типа значений – **производное номинативное** и **переносное коннотативное (коннотированное)**, условно обозначаемые символами **2Н (К)** и **2К (Н).** Заключенные в скобки знаки-символы указывают на то положение, что явное превалирование в значении слова одной из функций не может полностью исключать проявление другой.

Тип **2К(Н)** в зависимости от степени широты синтагматики слова в этом значении подразделяется на подтипы: **2К(Н) св. (вторичное переносное значение с широкой лексико-семантической валентностью слова**, условно: **вторичное переносное свободное значение), 2К (Н) лексич. связ. (вторичное переносное лексически связанное значение), 2К (Н) фраз. связ. (вторичное переносное фразеологически связанное значение).** Кроме того, выделяется еще один подтип вторичного переносного значения, характеризуемый спецификой своей **синтаксической** реализации – только в функции сказуемого или производных от него синтаксических функций – обособленного приложения, характеризующего обращения – **2К (Н) синт. связ. (вторичное переносное синтаксически связанное значение).**

9. Типология лексических значений позволяет рассмотреть семантическую структуру каждого отдельного многозначного слова как некую **семантическую микросистему,** являющуюся компонентом всей **семантической системы лексики** того или иного языка.

Процедура **семного анализа** данного конкретного значения того или иного слова помогает определить – на основе его семантических связей в пределах ЛСГ или ЛСП – место этого слова в данном его значении во всей семантической системе лексики. Семантическая система лексики современного русского (английского, немецкого, французского, испанского) языка – это очень сложная **система систем, система семантически взаимодействующих друг с другом ЛСГ и ЛСП, построенных на разном уровне обобщения лексических значений входящих в их состав лексических единиц** (гора → возвышенность → рельеф). Поскольку **многозначное** слово в каждом своем отдельном конкретном значении входит в какую-то одну вполне определенную ЛСГ или в одно ЛСП, минимальным лексико-семантичеким компонентом той или иной ЛСГ или того или иного ЛСП чаще всего является один из возможных **лексико-семантических вариантов** многозначного слова (слово *море* в своем вторичном переносном свободном, но конструктивно обусловленном значении «большое количество, огромная масса (чего-л.)» входит в этом значении в ЛСГ с семантикой количественных характеристик).

10. Как уже было сказано выше, **лексика** любого языка представляет собой очень сложную **систему систем.** Анализ этой системы систем показал **внутреннюю динамику**, отражающую сложные взаимоотношения между различными составляющими её системами. Эта внутренняя динамика, отражающая сложные взаимоотношения между различными системами, составляющими лексическую систему систем, обнаруживается при исследовании лексики в разных аспектах.

10.1. Аспект **этимологический:** исконно русская, т.е. воспринятая из языков-«предков» (индоевропейского, общеславянского, восточнославянского) или возникшая уже собственно на русской основе лексика – лексика заимствованная; заимствованная лексика, постепенно утрачивая признаки языка-источника, начинает восприниматься как исконно русская (русск. *сарафан* ← от персидск. *сэрапэ'*), для отграничения заимствованной лексики от исконно русской очень важно усвоить те фонетико-

графические признаки, которые характеризуют заимствования из некоторых языков (в учебнике даны фонетико-графические признаки немецких, английских и французских заимствований).

10.2. Аспект **синхронно-диахронический**: лексика **современного** русского литературного языка – лексика, относящаяся к другим диахроническим периодам его развития (**устаревшая лексика, выходящая** из системы современного русского литературного языка: **историзмы, архаизмы; новая лексика, только входящая** в систему современного русского литературного языка: **неологизмы**). Аналогичные лингвистические явления показаны нами также на материале английского, французского, немецкого и испанского языков.

10.3. Аспект **функционально-стилевой** (продемонстрирован только на материале лексики современного русского литературного языка): лексика **разговорного стиля**, характеризуемого непринужденностью общения, часто дружески-фамильярными взаимоотношениями участников коммуникации – лексика **книжного стиля**, предполагающего достаточно официальные взаимоотношения участников коммуникации или, по крайней мере, необходимость соблюдения таких официальных взаимоотношений; лексика книжного стиля представляет собой также сложную систему систем, реализуемую в различных разновидностях этого стиля: **научном, официально-деловом, газетно-публицистическом.**

11. Особенно сложную систему систем представляет собой **лексика русской художественной литературы**, внутри которой **лексика современного русского литературного языка** противопоставлена «внелитературным», не соответствующим нормам современного русского литературного языка лексическим системам: системе **лексического просторечия, лексических диалектизмов, жаргонизмов, арготизмов.**

ГЛАВА II

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАЗЕОЛОГИИ. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (ОСНОВНЫЕ ЯЗЫКИ СОПОСТАВЛЕНИЯ: АНГЛИЙСКИЙ, НЕМЕЦКИЙ, ФРАНЦУЗСКИЙ, ИСПАНСКИЙ)

Во введении уже были даны и объяснены основные лингвистические понятия, необходимые для работы над содержанием этой главы: **фразеологизм (фразеологический оборот, фразеологическая единица – ФЕ** – «устойчивое сочетание слов с целостным обобщенно-переносным значением» (это понятие будет в дальнейшем несколько уточнено), **фразеология** – 1) «совокупность фразеологических оборотов того или иного языка», 2) «лингвистическая наука, исследующая совокупность фразеологических оборотов того или иного языка». Мы можем ввести еще два необходимых термина: **сопоставительная фразеология** – особое направление во фразеологической науке, исследующее в сопоставительном аспекте фразеологический состав двух или нескольких языков, **общая фразеология** – направление этой науки, занимающееся исследованием общих закономерностей развития фразеологии различных языков. Теперь перейдем к краткому **историческому очерку** развития **фразеологии**, учитывая все возможные направления, характерные для этой науки.

1. КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Переходя к обзору наиболее важных для развития фразеологии как лингвистической науки трудов, сразу обратим внимание на одно очень интересное обстоятельство: до сих пор в этой науке в какой-то мере продолжает сохраняться двойная система терминов: **фразеологизм = идиома, фразеология** (в двух указанных выше значениях!) = **идиоматика.** Такая двойственность терминологии была свойственна этой науке с самых первых моментов её становления: латинское слово **phraseologia** (от греческ. **phrasis** – «оборот речи, выражение», – **logia** – «сборник, собрание», сравните: русск. антология, трилогия, тетралогия, франц. anthologie, tétralogie) впервые появилось, видимо, в 1558 году и введено было в этот язык выдающимся немецким филологом-гуманистом Микаэлом Неандером (Michael Neander) для обозначения собрания оборотов речи и выражений древнегреческого оратора и преподавателя риторики Исократа (436–338 до н.э.), переведенных Неандером на латынь[1], а в 1578 году Оксфордским словарем было зафиксировано слово **idiom** (от греч. **idios** – «своеобразный, особенный»).

---

[1] *Назарян А.Г.* История развития французской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1981. С. 146.

Оба слова еще не имели статуса терминов, а слово **phraseologia** было вообще употреблено в совсем другом значении (к нему близко 3-е значение современного русского слова **фразеология** – «особенности стиля, идиолекта какого-либо писателя»). Интересно, что один из первых выдающихся русских филологов, М.В. Ломоносов, употреблял в своих трудах термины, образованные от обеих названных выше корневых морфем: **фразес, идиоматизм**[2].

В начале XX века в европейской лингвистике появилось несколько работ, сыгравших основополагающую роль в развитии **фразеологии** (= **идиоматики**) как самостоятельной лингвистической науки (двойная терминология, отражает по-прежнему сохранявшийся параллелизм терминов).

В 1909 году в Англии вышел словарь английских **идиом** Дж. Сейдла и У. Макморди – Jennifer Seidl / W. Mc Mordie «English Idioms and how to use them» («Идиомы английского языка и их употребление» [3]). В предисловии к словарю авторы дали глубокий научный анализ понятия **идиома**, предложив, в частности, следующее определение этого понятия: «What, then, is an idiom? We can say that an idiom is a number of words which, taken together, mean something diffferent from the individual words of the idiom, when they stand alone» [4] («Что же такое идиома? Мы можем сказать, что идиома – это какое-то количество слов, которые, будучи взяты вместе, означают что-то совсем другое по сравнению с индивидуальным значением каждого из слов, составляющих идиому»). В этом определении достаточно четко отражен такой признак идиомы **как целостная семантическая трансформация** входящих в её состав слов-компонентов, на основе которой сформировано **целостное обобщенно-переносное значение** самой идиомы: *have kissed the Blarney stone* («поцеловать камень Бларни» – буквальный перевод значений слов-компонентов идиомы) – «быть льстецом» (**целостное обобщенно-переносное значение идиомы**, сформировавшееся на основе **целостного переосмысления значений** её **слов-компонентов**: согласно старинному народному преданию каждый человек, поцеловавший камень, находившийся в замке Бларни в Ирландии, становился льстецом[5]).

В 1905 и 1909 годах появились две работы выдающегося швейцарского лингвиста Шарля Балли[6], в которых автор разработал проблемы типологии словосочетаний французского языка в зависимости от степени устойчивости связей составляющих их слов-компонентов. В своей типологии Ш.Балли употребил два термина, этимологически связанных со словом (la) phraséologie: les séries phraséologiques (фразеологические

[2] *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов, 1964. С.8.

[3] *Seidl Jennifer / W.Mc Mordie*. English Idoms and how to use them. – Moskow: Vysšaja škola, 1983.

[4] Ibid. P. 4.

[5] *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка. – М., 1972. С. 30.

[6] *Bally Ch.* Précis de stylistique. – Paris, 1925; *Bally Ch.* Traité de stylistique française. – Heidelberg, 1921.

серии), les unités phraséologiques (фразеологические единства)[7]. Само слово la phraséologie ученый употреблял в сочетаниях la phraséologie conventionnelle, la phraséologie vide (букв. «условная фразеология», «пустая фразеология»), обозначая этими терминами клише определенных, чаще всего официально-деловых стилей общения: J'ai l'honneur de porter à votre connaissance (Я имею честь довести до Вашего сведения)[8].

Классификация словосочетаний по степени спаянности их компонентов, предложенная Ш. Балли, до сих пор продолжает интересовать лингвистов, поэтому мы кратко остановимся на её анализе. 1-й тип словосочетаний Ш. Балли назвал **свободными . словосочетаниями** или **свободными группировками** (les groupements libres), сочетания такого типа распадаются сразу же после акта речи, в их составе «le mot est entièrement indépendant de son entourage» (p. 91: «слово полностью независимо от своего окружения»). Этот тип словосочетаний в принципе универсален и широко представлен во всех пяти сопоставляемых языках: *читать книгу – статью – письмо,* (*to*) *read a book – an article – a letter, lire un livre – un article – une lettre, leer un libro – un articulo – una carta, ein Buch – einen Artikel – einen Brief lesen.*

2-й тип словосочетаний отнесен Ш. Балли к категории **узуально закрепленных сочетаний** или **узуально закрепленных группировок** (les groupements usuels). Характеризуя связи между составляющими их словами, ученый пишет: «Ici donc le groupement est determiné par une affinité imponderable, mais réelle, entre les mots» (p. 91: «Здесь сочетаемость определяется невесомой, но реальной близостью между словами»). Анализируя приведенные Ш. Балли примеры, мы теперь можем отметить, что в составе подобных сочетаний одно из слов обладает предельно ограниченной лексико-семантической валентностью, синтагматические связи этого слова в системе языка чаще всего ограничены пределами только одного словосочетания. Слова *gravement* и *grièvement* фактически являются синонимами: это качественные наречия, которые могут быть переведены на русский язык совершенно одинаково – «тяжело», «серьезно». Но первое слово может реализовать свое значение только в словосочетании *gravement malade* («тяжело болен»), второе – только в словосочетании *grièvement blessé* («тяжело ранен»). В данных словосочетаниях указанные синонимы не могут заменять друг друга.

Другие примеры, приведенные Ш. Балли в его работе (suffocant, accablant, étouffant → chaleur – русск. *удушающая, изнуряющая жара;* plantureux → repas, festin – русск. *обильный ужин, богатый пир*) также подтверждают наше наблюдение, что в составе **узуально закрепленных сочетаний** ещё не происходит никаких семантических трансформаций слов-компонентов, но одно из входящих в сочетание такого типа слов характеризуется **предельно ограниченной лексико-семантической валентностью**. Этот тип сочетаний слов тоже, видимо, универсален, во всяком случае он представлен в системе всех пяти сопоставляемых языков: *жмурить глаза – screw up one's eyes – cligner les yeux – mit den Augen*

[7] *Bally Ch.* Précis de stylistique. – Paris, 1925. P. 91.

[8] Ibid. P. 92.

zwinkern – entornar los ojos (представленные здесь словосочетания не всегда являются полными семантическими эквивалентами, но **глагольное слово** в составе каждого их этих сочетаний характеризуется **предельно ограниченной лексико-семантической валентностью прямого номинативного значения**). В современном русском языке сочетания слов такого типа весьма распространены: *проливной дождь, проселочная дорога, окладистая борода, закадычный друг, заклятый враг, карие глаза, каурая лошадь* и т.д.

Характеризуя словосочетания 1-го и 2-го типа, Ш. Балли все-таки, видимо, не считал, что они не являются объектом фразеологии как особой части **стилистики** (о выделении **фразеологии** как самостоятельной лингвистической науки он ещё не говорил!).

Термин **phraséologique** («фразеологический») ученый использовал только при характеристике словосочетаний (группировок слов) **3-го и 4-го типов – les séries phraséologiques (фразеологических серий)** и **les unités phraséologiques (фразеологических единств).**

Фразеологические серии – это сочетания слов, в которых «две идеи, расположенные рядом, готовы слиться в выражении одной единой идеи» (deux idées juxtapposées sont bien près de se confondre en une seule), однако единым **целостным** значением этот тип словосочетаний все-таки не обладает. Один из компонентов в их составе (чаще всего глагольный) претерпевает семантическую трансформацию своего прямого значения и приобретает значение обобщенного действия, 2-й же компонент (чаще всего субстантивный) сохраняет свое прямое значение и становится вообще семантическим центром всего выражения: courir – «бежать, бегать» → courir de danger, courir un danger – «подвергаться опасности» (le danger – «опасность»), pousser – «толкать, проталкивать» → pousser un cri – «издать крик» (le cri – «крик»), remporter – «уносить обратно, брать с собой» → remporter une victoire – «одержать победу», remporter un grand succès – «добиться большого успеха» (le succès – «успех»), remporter le prix – «добиться приза, награды» (le prix – «приз, награда»). Глагол remporter в своем переносном значении действительно образует целую **серию** устойчивых сочетаний, однако эта **серия** достаточно ограничена и может быть признана именно **фразеологической** (об этом см. также: глава I, описание **переносных фразеологически связанных значений).**

Является ли этот тип устойчивых сочетаний (…des locutions presque entièrement fixées par l'usage – «сочетаний, почти полностью зафиксированных в употреблении») также достаточно универсальным? Безусловно, да. Перед нами сложное явление, характерное не только для европейских языков, – стремление к **аналитизму**, развитию **аналитических глагольно-именных конструкций,** в составе которых **семантическим центром становится именной компонент.**

Аналитические конструкции такого типа широко представлены во всех пяти сопоставляемых языках, однако далеко не всегда глагольный компонент в их составе характеризуется именно **фразеологически связанным значением.**

Так, французская лексема *prendre* имеет по крайней мере два значения, в которых она становится **структурным центром** аналитических конструкций и характеризуется достаточно широкой, но **лексически однотипной** сочетаемостью, т.е. не **фразеологически связанным**, а **лексически связанным значением:** 1) в сочетаниях с названиями предметов, действия, состояния образует выражения, обозначающие начало действия или состояния (prendre froi – «простудиться», prendre peur – «испугаться», prendre le volant – «сесть за руль», prendre courage – «осмелиться»), 2) в сочетаниях с существительными, обозначающими межличностные отношения, выражает различные типы таких отношений: prendre qn en amitié – «подружиться» с кем-л., prendre qn en haine – «возненавидеть» кого-л., prendre en gré – «принять благосклонно» кого-л.

Обратимся также к некоторым примерам из других языков: русск. *вести* (*вести ребенка в школу*) → *вести работу, вести агитацию, вести пропаганду, вести сев, вести собрание, вести урок, вести конференцию* (аналитическая конструкция с широкой лексической сочетаемостью глагольного компонента), нем. *nehmen* – «брать, взять» → *Abschied nehmen* – «прощаться», *einen Aufschwung nehmen* – «обрести состояние подъема» (из сферы экономической лексики и фразеологии), *seinen Lauf nehmen* – «развиваться», *j-n in Empfang nehmen* – «встречать кого-л.», j-n *in Schutz nehmen* – «взять под защиту» (аналитическая конструкция с широкой лексической сочетаемостью глагольного компонента), англ. (*to*) *give a book,* (*to*) *give a letter* → (*to*) *give* (*smb*) *the place of honour* – «предоставить кому-л. почетное место», (*to*) *give information, evidence, testimony, an account of smth* – «дать информацию», «дать показания», «дать показания под присягой», «дать отчет о чем-л.», исп. *dar un libro, dar una carta* → *dar a luz* – «произвести на свет, родить», *dar rabia* – «бесить, злить» (la rabia – «бешенство, ярость»), *dar permiso* – «разрешить» (el permiso – «разрешение»).

Как мы видим, аналитические глагольно-именные конструкции широко распространены во всех сопоставляемых нами языках, одним из первых какую-то часть таких конструкций (**фразеологические серии**) описал на материале французского языка Ш. Балли, в этом, безусловно, заключается большая заслуга ученого.

Фразеологические единства (les unités phraséologiques) выражают уже только **одну неразложимую идею** (p. 91: «Enfin **les unités praséologiques** sont les groupes qui ne renferment plus qu'**une seule idée indécomposable**»): *faire table rase* – «не считать более существующим, полностью уничтожить» (о полном изменении мнения, своих прежних взглядов; букв. «сделать табличку для письма гладкой, ровной», **этимология** выражения: имеется в виду покрытая воском табличка, на которую с помощью специальной отточенной палочки наносили записи, в случае надобности такую надпись можно было легко стереть, уничтожить, такие таблички для письма широко использовались в школах древнего Рима; в современном французском языке слово la table в значении «табличка для письма» является семантическим архаизмом); *faire amende honorable* – «признать свои ошибки» (букв. «совершить публичное покаяние»). Приведенные Ш. Балли примеры показывают, что **фразеологические единства** обладают не только **целостным**, но и **обобщенно-переносным значением**: выражаемая ими **неразложимая идея** воспринимается не как сумма

значений составляющих выражение слов, а как результат их **обобщенного совместного переосмысления.** На основе этого мы и можем прийти к заключению, что **идиомы** Дж. Сейдла и У. Макморди и **фразеологические единства** Ш.Балли характеризуются **однотипным значением.**

В 1946 и 1947 годах в СССР вышли две работы В.В. Виноградова, которые сыграли решающую роль в становлении **фразеологии как самостоятельной лингвистической науки.** Уже в самих названиях этих работ отражена целая программа исследований в области **фразеологии**: 1) «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946), 2) «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947)[9]. Впервые **фразеология** была рассмотрена автором этих работ **как совершенно самостоятельная лингвистическая наука, имеющая свою систему научных понятий**; впервые В.В. Виноградовым была предложена **типология фразеологизмов русского языка**, которая, как показал впоследствии опыт многих десятилетий исследования фразеологии самых различных языков, оказалась и наиболее **универсальной типологией** этих лингвистических единиц.

В чем же «секрет» **универсальности** этой типологии фразеологизмов? Имеются ли в ней какие-либо преемственные связи с типологией словосочетаний Ш. Балли и определением идиом, предложенным Дж. Сейдлом и У. Макморди? Удалось ли создателю этой типологии полностью избежать столь характерной для начальных этапов развития фразеологии как науки терминологического дублирования?

Обращаясь к исследованиям лингвистов, занимавшихся проблемами **фразеологии** (К. Бругманна, Г. Пауля, Ш. Балли, Сешеа, Есперсена, Бодуэна де Куртенэ, А.А. Шахматова), В.В. Виноградов перечисляет целый ряд терминов, которыми обычно обозначается **фразеологизм** как основной объект этой науки: «фраза», «идиома», «тесная фразеологическая группа», «устойчивые, неделимые или неразложимые словосочетания», «фразеологическая единица»[10]. Все эти термины, по мнению ученого, обозначают различные типы **«семантических единств, более сложных, чем слово»**[11]. Используя для обозначения основной единицы **фразеологии** термин **фразеологическая единица**, В.В. Виноградов дает в обеих своих статьях **типологию фразеологизмов**, исходя прежде всего именно из особенностей их **семантической организации.**

Фразеологические сращения и **фразеологические единства** противопоставляются **фразеологическим сочетаниям** как языковые единицы, обладающие **семантической неделимостью, целостностью значения**, языковым единицам, **семантически делимым** и, следовательно, **не имеющим целостного значения.**

В свою очередь **фразеологические сращения** и **фразеологические единства** также могут быть противопоставлены друг другу **по степени внутренней семантической слитности** составляющих их компонентов.

[9] *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. С. 118 –162.
[10] Указ. соч. С.119.
[11] Указ.соч. С.119.

Фразеологические сращения характеризуются наивысшей степенью семантической слитности компонентов, поскольку их целостное значение «совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова–знака» [12].

Обратимся к анализу конкретных **фразеологических сращений** (контексты подобраны нами): Прохор приглашал и Протасова: тот универсально образован и в горном деле *собаку съел* (В.Я. Шишков. «Угрюм-река»); Домнушка знала, что Катря в сарайной и *точит* там *лясы* с казачком Тишкой (Д.Н.Мамин-Сибиряк. «Три конца»).

Фразеологизм *собаку съесть* (на чем-л. или в чем-л.) – «иметь большой опыт, большие знания» (в каком-л. деле, в чем-л.) может быть отнесен к категории **фразеологических сращений**, поскольку его целостное значение никак не мотивируется на основе составляющих его лексических компонентов. Это обстоятельство и создает впечатление особенно тесной семантической спайки компонентов, их полного **семантического сращения** в выражении целостного значения фразеологизма. Вместе с тем возможность сопоставления компонентов с соответствующими им словами свободного употребления *собака, съесть* позволяет нам воспринять **целостное** значение этого фразеологического сращения как **обобщенно-переносное**.

Фразеологизм *лясы точить* – «болтать, заниматься пустыми разговорами» (всегда с явно негативной оценкой и эмоциональной тональностью иронии, нередко злой насмешки) может быть также отнесен к категории **фразеологических сращений**, поскольку незнание семантики диалектизма *лясы* (этимология фразеологизма будет объяснена в дальнейшем изложении!) делает значение этого фразеологизма немотивированным и создает впечатление полного **семантического сращения** его компонентов. Однако незнание изначальной семантики компонента *лясы* создает определенные трудности для восприятия **целостного значения** данного фразеологического сращения как **обобщенно-переносного.**

Фразеологические единства, в отличие от **фразеологических сращений**, всегда характеризуются меньшей степенью семантической спаянности компонентов. Это объясняется тем обстоятельством, что **целостное** их значение всегда **образно мотивируется** на основе лексических значений компонентов: «значение целого связано со смутным ощущением внутреннего образного стержня фразы» [13]. Ощущение же «внутреннего образного стержня» фразеологизма актуализирует **словные** свойства его компонентов: мы ясно осознаем фонетико-графические и семантические границы компонентов, осознаем **обобщенно-переносный характер значения фразеологического единства**: Ведь она ничего не понимает – долго ли ей испортить себе репутацию, ведь рады будут – *из мухи слона сделают* (Всеволод Соловьев. «Старый дом»).

[12] Указ. соч. С. 121.
[13] Указ. соч. С. 128.

Фразеологическое единство *из мухи слона делать* – «что-л. чрезмерно преувеличивать» (оценка чаще негативная, эмоциональная тональность иронии) характеризуется яркой **внутренней формой (фразеологическим образом) – наглядным представлением** (о том, что кто-л. действительно превращает крохотную муху в огромного слона!), на основе которого мы и воспринимаем **целостное обобщенно-переносное значение фразеологизма.**

Фразеологическое единство *белая ворона* – «человек, резко отличающийся от окружающих его людей» также характеризуется яркой **внутренней формой (фразеологическим образом) – наглядным представлением** (именно о *белой* вороне как редчайшем явлении среди обычных серо-черных ворон!), на основе которого мы и воспринимаем **целостное обобщенно-переносное значение фразеологизма:** Мне 19 лет, отец. В училище все курили. Я не могу быть *белой вороной* (Ю.Бондарев. «Генерал Бессонов»); В армии он почувствовал себя *белой вороной,* ни к чему не пригодным, самым незадачливым из всех в этой разноголосой, разноликой массе людей (В. Быков. «Журавлиный крик»).

Итак, «свойство **реально существующей образности** – это основное свойство **фразеологических единств**»[14], отличающее их от **фразеологических сращений.**

Термин **идиома**, в соответствии с уже сложившейся во фразеологии традицией, В.В. Виноградов предлагает использовать только для обозначения **фразеологических сращений**[15].

Фразеологические сочетания, в отличие от **фразеологических сращений и фразеологических единств,** не имеют целостного значения и сохраняют свою семантическую делимость. Как правило, они состоят из **двух компонентов**: один из них сохраняет свое прямое номинативное значение (1Н), другой же выступает в значении **переносном фразеологически связанном** (2 К!): *облить презрением* – «в резкой форме выразить по отношению к кому-л. свое презрение» (в **переносном фразеологически связанном значении** выступает компонент *облить*), *черная неблагодарность* – «особенно подлая, низкая форма проявления неблагодарности» (в **переносном фразеологически связанном значении** выступает компонент *черная*), *дружная весна* – «весна, характеризуемая быстрым началом и очень интенсивным проявлением своих признаков» (в **переносном фразеологически связанном значении** выступает компонент *дружная*).

Типология фразеологизмов, разработанная В.В. Виноградовым на материале русского языка, была использована фразеологами и для описания фразеологических систем других языков, фактически на основе именно этой типологии были описаны фразеологические системы практически почти всех народов, составлявших в свое время СССР; к этой типологии обращались и специалисты по фразеологии многих западноевропейских

[14] *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. С. 201.

[15] *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 121.

языков. Обратимся к материалам по описанию фразеологических систем английского, немецкого и французского языков.

Сразу отметим, что терминология В.В. Виноградова была переведена специалистами на все указанные языки и будет нами представлена в следующем порядке: *фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания.*

Английский язык: *phraseological fusions* (*heavy father* – «самая торжественная или самая важная часть в театральном представлении»), *phraseological unities* (*to wash one's dirty linen in public* – «разглашать свои семейные ссоры и неурядицы», букв. «стирать свое грязное белье на людях»), *phraseological collocations*[16] (*white lie* – «ложь, заслуживающая прощения» ≅ *святая ложь, black lie* – «особенно подлая ложь»).

Немецкий язык: *phraseologische Zusammenbildungen* (bei j- m *in der Kreide stehen* – «иметь долги», букв. у кого-л. «быть отмеченным мелом» – от принятого в старину обычая записывать мелом имена должников), *phraseologische Einheiten* (*keinen Finger krumm machen* – «совершенно ничего не делать, бездельничать», букв. «ни одного пальца не согнуть»), *phraseologische Verbindungen* (*blindes Fenster – слепое окно*)[17].

Французский язык: *les locutions soudées* (*букв. «плотно соединенные обороты речи» = фразеологические сращения: à la queue leu leu* – «друг за другом, один за другим», *mettre au violon* – «посадить в тюрьму», букв. «поместить в скрипку»), *des ensembles phraséologiques* (у Ш.Балли – *les unités phraséologiques = фразеологические единства*): *laver son linge sale en famille* – «не разглашать своих домашних ссор и неурядиц», букв. «стирать свое грязное белье дома», *lire entre les lignes* – «догадываться, о чем именно хотел сказать автор», букв. «читать между строк», *les combinaisons phraséologiques* (*фразеологические сочетания: rompre les liens d'amitié =briser les liens d'amitié* – букв. «рвать / разрывать связи дружбы», être *noyé de dettes* – букв. «утонуть в долгах» [18]; здесь заметим, что для семантизации *фразеологических сочетаний* французского языка использованы *фразеологические сочетания* русского языка).

Классификация В.В. Виноградова может быть, видимо, использована и для описания *фразеологической системы* испанского языка. Во всяком случае авторы монографии «Фразеология испанского языка» Н.Н. Курчаткина и А.В. Супрун указывают на наличие в этом языке *фразеологизмов,* целостное значение которых уже не мотивируется прямыми номинативными значениями составляющих их компонентов: *echar pelos* (*pelillos*) *a la mar* – «помириться» (букв. «бросить волосы / волосики в море»)[19]. Перед нами явно *фразеологическое сращение* испанского языка. В испанской фразеологии очень много *фразеологизмов с целостным обобщенно-*

[16] *Ginzburg R.S., Khidekel S.S., Knyazeva G.Y.* A Cours in Modern English Lexikology. – M., 1979. P. 76.

[17] *Stepanova M.D.* Černyševa I.I. Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – M., 1975. S. 215.

[18] *Lopatnikova N. N., Movchovitch N.A.* Lexicologie du français moderne. – Moscou, 1971. P. 111–120.

[19] *Курчаткина Н.Н., Супрун А.В.* Фразеология испанского языка. – М.: Высшая школа, 1981. С. 12.

переносным и образно мотивированным значением, т.е. *фразеологических единств*. Приведем здесь испанские фразеологические параллели для рассмотренных нами выше русских *фразеологических единств:* русск. *делать из мухи слона* – исп. *hacer de una pulga un camello* (букв. «делать из блохи верблюда»), *hacer de una pulga un elefante* (букв. «делать из блохи слона», **фразеологический образ, или внутренняя форма,** этого испанского и русского *фразеологических единств* достаточно близки; русск. *белая ворона* – исп. *mirlo blanco* (букв. «белый дрозд»).

К категории *фразеологических сочетаний* испанского языка можно отнести устойчивое, но уже семантически явно делимое сочетание *noche toledana* – «бессонная ночь» (букв. «ночь в Толедо, толедская ночь»; необычная образность этого *фразеологического сочетания* объясняется, видимо, тем, что Толедо находится в полосе особенно жаркого климата, и активный отдых его жителей возможен в летнее время только ночью).

Итак, мы явно видим тенденцию типологии фразеологизмов, разработанной В.В. Виноградовым, к **универсальности.** Это не означает, безусловно, что указанные выше **типы фразеологических единиц** различных языков не имеют ничего **специфически национального. Специфически национальны** очень часто **внутренние формы (фразеологические образы),** мотивирующие значения разноязычных фразеологических единиц. Нередко **национальной спецификой** характеризуются и их **структуры.**

Некоторые фразеологизмы русского языка (обычно это **фразеологические единства**) со значением качественной оценки человека имеют весьма необычную структуру N-1 – N-5 (существительное в именит. падеже + существительное в творит. падеже): *зверь зверем* – «злой, жестокий человек (чаще о его внешнем виде)», *дубина дубиной* – «совершенно тупой и глупый человек» (здесь мы рассматриваем только **фразеологизмы** и не касаемся случайных образных выражений индивидуальной речи: *гора горой* – «огромный, очень тучный человек», *мышка мышкой* – о ком-л. маленьком и юрком).

Некоторые фразеологизмы (тоже обычно **фразеологические единства**) испанского языка со значением качественной оценки лица имеют весьма специфическую структуру, свойственную только этому языку: *hecho* (≅ «превращенный», форма страдат. причастия от глагола hacer – «делать, сделать») + метафоризированное имя существительное: *hecho una bacalada* – «исключительно тощий» (букв. «превращенный в сухую треску», *la bacalada* – «сухая треска»), *hecho una estatua* – «истукан, совершенно неподвижный» (букв. «превращенный в статую»)[20].

В немецком языке **фразеологические сращения** и **фразеологические единства** часто имеют весьма специфическую структуру «словесных пар» (Zwillingsformeln, Wortpaare[21]). Такова синонимическая серия **фразеологических единств** со значением «все» («alle»): *alt und jung, arm und reich, groß und klein, Freund und Feind* (соответственно: стар и млад, бедный и богатый, большой и маленький, друг и враг). **Фразеологизм** *mit Kind und Kegel* – «всей семьей, всем домом» частично утратил образную мотивированность своего целостного значения в связи с тем, что из употребления полностью вышло, превратившись в **некротизм,** слово *Kegel* – «прислуга, челядь, домочадцы». Для носителей современного немецкого языка это уже скорее всего **фразеологическое сращение.**

[20] *Курчаткина Н.Н., Супрун А.В.* Фразеология испанского языка. – М., Высшая школа, 1981. С. 73.

[21] *Stepanova M.D., Černyševa I.I.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – M., 1975. S. 220.

Как мы видим, национальная специфика образной или грамматической структуры фразеологизмов не препятствует возможности их **универсальной типологии**. Такой **универсальной типологией фразеологизмов** представляется нам их классификация, разработанная В.В. Виноградовым первоначально только на материале фразеологии русского языка. Привлеченный нами для сопоставительного анализа разноязычный фразеологический материал подтвердил **универсальность** данной типологии и дает возможность краткого обобщения результатов этой типологии уже на разноязычном фразеологическом материале: 1) к категории собственно **фразеологизмов** принадлежат только фразеологические единицы с **целостным обобщенно-переносным значением (фразеологические сращения** и **фразеологические единства**), 2) **фразеологические сочетания** – это фразеологические единицы **семантически делимые** и находящиеся в переходной зоне между **фразеологизмами** и **свободными сочетаниями слов.**

В чем же «секрет» **универсальности** этой типологии фразеологических единиц?

Фразеологизмы в собственном смысле этого термина в своем материальном выражении, т.е. в звуковом (фонетическом) и графическом воплощении, – это **языковые знаки**, а языковые знаки, согласно общей теории **лингвосемиотики** и **ономасиологии**, могут быть **немотивированными** или **мотивированными**. Именно поэтому нам и представляются **универсальными** два основных типа фразеологических единиц различных языков – **фразеологические сращения** и **фразеологические единства.**

Во всех языках мира между какими-либо **основными** категориями языковых единиц должна находиться своего рода **переходная зона,** переходную зону между **фразеологизмами** и **свободными сочетаниями слов** и заполняют **фразеологические сочетания**. Мы предлагаем теперь рассматривать термин **фразеологическая единица (ФЕ)** в более широком объеме, чем термин **фразеологизм (фразеологический оборот)**: **фразеологическая единица** – это любая лингвистическая единица, являющаяся **объектом фразеологии** как науки (**фразеологизм** и **фразеологическое сочетание**).

Существуют ли какие-либо преемственные связи между типологией сочетаний слов Ш. Балли и типологией фразеологических единиц В.В. Виноградова? Их просто не может не существовать, потому что оба ученых исследовали на основе разных языков (французского и русского) в значительной степени однотипный материал.

Вы уже заметили, очевидно, что русский лингвист строит свою классификацию языковых единиц «в обратном порядке»: он начинает с фра-

зеологических единиц, характеризуемых наивысшей степенью семантической спаянности компонентов (**фразеологических сращений**) и заканчивает фразеологическими единицами с наименьшей степенью этой спаянности, собственно уже фразеологическими единицами семантически делимыми (**фразеологическими сочетаниями**).

Свободные сочетания слов В.В. Виноградов вообще не рассматривает как особый **объект исследования**, но в своей более поздней статье «Основные типы лексических значений слова» он специально останавливается и на этом типе лингвистических единиц, подчеркивая, что к **свободным сочетаниям слов** относятся такие их сочетания, в которых сама сочетаемость компонентов, выступающих в **прямых номинативных значениях**, регулируется «социально-исторически и предметно-логически» [22]. Примеры таких сочетаний слов наглядно показывают, что в их состав могут входить как слова с широкой лексико-семантической валентностью (*пить воду, квас, вино, чай, сидр, виноградный сок*), так и с лексико-семантической валентностью исключительно ограниченной (*щурить, прищуривать глаза, силлабический стих*)[23]. Следовательно, именно к категории **свободных сочетаний слов** могли бы быть отнесены и некоторые **узуально закрепленные словосочетания** Ш. Балли (*chaleur suffocante, chaleur étouffante, gravement malade,griévement blessé*).

Ш. Балли в своей типологии не ставил перед собой проблемы исследования степени мотивированности / немотивированности значений фразеологизмов, именно поэтому его термин **les unités phraséologiques** обозначает все фразеологические единицы с **целостным** значением. У В.В. Виноградова, учитывавшего степень мотивированности фразеологического значения, появляется и более детализированная классификация **фразеологизмов** на **фразеологические сращения** и **фразеологические единства.**

И **les séries phraséologiques** Ш. Балли, и **фразеологические сочетания** В.В. Виноградова обозначают достаточно близкие языковые явления: устойчивые сочетания слов, в которых один из компонентов сохраняет свое прямое номинативное значение, а второй выступает в значении **переносном фразеологически связанном.** Фактически оба типа таких сочетаний представляют собой определенную переходную ступень от свободных сочетаний слов к собственно фразеологизмам. На материале русского языка В.В. Виноградов как раз и прослеживает возможность такого перехода: *отвести глаза* в значении «направить глаза в сторону» является **фразеологическим сочетанием**, *отвести глаза* (*кому-нибудь*) в значении «обмануть, отвлечь внимание от чего-нибудь» является **фразеологическим единством**: «здесь единое значение **целого** (выделено нами. – *Ю.С.*) как бы разлито по всем его элементам» [24].

В.В. Виноградов объективно отразил в своей классификации своеобразный факт терминологического параллелизма во фразеологии как науке: по отношению к **фразеологическим сращениям** он использует достаточно традиционный для многих лингвистов термин **идиома.**

Впоследствии возникла тенденция использовать этот термин как по отношению к **фразеологическим сращениям**, так и **фразеологическим единствам**, противопоставляя таким образом **фразеологические единицы** с **целостным значением** *семантически делимым фразеологическим сочетаниям*[25].

Появившиеся в СССР во 2-й половине 40-х годов труды В.В. Виноградова сыграли исключительно важную роль в становлении **фразеологии как самостоятельной лингвистической науки** (Ш. Балли рассматривал **фразеологию** только как один из разделов **стилистики**!). Высокий уровень его исследований в области фразеологии на многие годы обеспечил приоритет развития этой лингвистической науки именно в нашей стране.

Труды В.В. Виноградова в области фразеологии стали теоретической основой для интенсивного становления новой лингвистической науки не только на материале русского языка (исследования А.М. Бабкина, В.П. Жукова, Н.М. Шанского, В.Н. Телии[26]), но и на материале самых различных по отношению к нему языков: как близкородственных и неблизкородственных[27], так и совершенно неродственных и в структурном отношении очень далеких[28]. Кроме того, на этой же теоретической основе начинают развиваться совершенно новые аспекты теоретического исследования фразеологии различных языков – **сопоставительная фразеология**[29] и **общая фразеология**[30].

Несмотря на значительные успехи в развитии **фразеологии** как самостоятельной лингвистической науки, одной из сложнейших её проблем до сих пор остается определение **фразеологизма** как особой лингвистической единицы. То определение **фразеологизма**, которым мы пользовались уже во введении, только приближает нас к решению этой проблемы, но ещё не решает её полностью. Здесь вообще следует сказать, что само

---

[22] *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. С. 171–172.

[23] *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 172.

[24] *Виноградов В.В.* Указ. соч. С. 139.

[25] *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. С. 201.

[26] *Бабкин А.М.* Русская фразеология, её развитие и источники. Л., 1970; *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. – М., 1978; *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М., 1985; *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

[27] *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1986; Рубинчик Ю.А. Основы фразеологии персидского языка. – М., 1981; *Черданцева Т.З.* Язык и его образы (Очерки по итальянской фразеологии). – М., 1977.

[28] *Пюрбеев Г.П.* Глагольная фразеология монгольских языков. – М., 1972.

[29] *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М., 1980; *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980; *Солодухо Э.М.* Проблемы интернационализации фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп). – Казань, 1982; *Солодуб Ю.П.* Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). – М., 1985.

[30] *Копыленко М.М., Попова З.Д.* Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1978; *Ройзензон Л.И., Авалиани Ю.Ю.* Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. – Вологда, 1967. Dobrovol'skij Dmitrij. Phraseologie als Objekt der Universalienlinguistik. – Leipzig, 1988.

это определение в современной лингвистической науке не является однозначным и зависит от той **концепции**, т.е. научной точки зрения на **фразеологизм**, которую разделяет тот или иной ученый. Следовательно, для решения этой проблемы необходимо ознакомление с **основными концепциями фразеологизма.**

2. ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Наиболее распространенными концепциями фразеологизма в современной теории фразеологии являются **концепция воспроизводимости («широкая» концепция фразеологизма)** и **семантическая концепция («узкая» концепция фразеологизма).**

Поскольку ученые, разделяющие ту или иную концепцию фразеологизма, совершенно различно определяют сущность этой сложной языковой единицы, однозначного определения интересующего нас термина в современной фразеологии быть пока не может. Рассмотрим каждую из указанных выше концепций в отдельности.

2.1. ПОНЯТИЕ «ФРАЗЕОЛОГИЗМ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ВОСПРОИЗВОДИМОСТИ

Концепция воспроизводимости достаточно широко представлена в современной теории **фразеологии** (см. указанные выше труды ученых-фразеологов Н.М.Шанского, А.В. Кунина, И.И. Чернышевой, см. также ряд исследований Р.Н. Попова [31]). Сущность концепции раскрывается уже в её названии: под **фразеологизмом** понимается **любое устойчивое и воспроизводимое в речи как единое целое сочетание слов**[32]. Н.М. Шанский пишет, например: «… **фразеологизмы** предстают перед нами как **устойчивые словосочетания, воспроизводимые** и, значит, **готовые единицы языка**, существующие в виде **целостных по своему значению** и **устойчивых в своем составе** и **структуре образований**»[33] (все выделено нами. – *Ю.С.*).

Согласно этому определению, в состав **фразеологизмов** могут быть включены **фразеологические сращения** и **фразеологические единства**, включение в их состав **фразеологических сочетаний** является проблематичным: они не всегда «устойчивы в своем составе» (*обдать презрением – обдать злобой, разорвать / расторгнуть узы дружбы*) и не являются, как известно, «целостными по своему значению».

Кроме **фразеологических сращений** и **фразеологических единств**, представители этой концепции включают в состав **фразеологизмов** так называемые **фразеологические выражения – устойчивые сочетания**, в

[31] *Попов Р.Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М.: Высшая школа, 1976.

[32] *Шанский В.М.* Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. С.173.

[33] *Шанский Н.М.* Указ.соч. С. 173.

составе которых все компоненты сохраняют свои прямые номинативные значения, их **целостное значение** представляет фактически некую «сумму» прямых номинативных значений компонентов: *высшее учебное заведение, трудовые успехи, на данном этапе*[34].

Мы использовали здесь только те **фразеологические выражения**, которые называет в своем учебнике по лексикологии современного русского языка Н.М. Шанский. Разряд **фразеологических выражений** можно значительно расширить за счет неисчислимого множества **сверхсловных номинативных единиц (сверхсловных номинантов)**: *атомная электростанция, атомный реактор, космический корабль, детская консультация, женская консультация, хирургическое отделение* (*больницы*), *филологический факультет, факультет иностранных языков, художественно-графический факультет, музыкально-педагогический факультет, строительный колледж, педагогический колледж и т.д.* Объем самого понятия **фразеологизм** практически безгранично расширяется (не случайно эта концепция фразеологизма часто называется **широкой**). При этом сами критерии принадлежности той или иной лингвистической единицы к сфере фразеологии становятся очень неопределенными: Н.М. Шанский предлагает включить в состав фразеологизмов словосочетание *партийный билет* как устойчивое и воспроизводимое, но считает, что словосочетание *партийный стаж* в связи с отсутствием у него указанных выше признаков в состав фразеологизмов включено быть не может[35]. Однако в советский период оба словосочетания были, пожалуй, в равной степени устойчивы и воспроизводимы, в настоящее время они оба пополняют число уходящих из употребления советизмов.

Мы разделяем **семантическую концепцию фразеологизма** и переходим к её изложению.

2.2. ПОНЯТИЕ «ФРАЗЕОЛОГИЗМ» С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ

Выше уже отмечено, что ещё В.В. Виноградов считал **фразеологизмы** единицами **семантическими,** но более сложными, чем **слово.** И классификация Ш. Балли, и классификация В.В. Виноградова являются по своей сущности классификациями **семантическими. Семантическую концепцию фразеологизма** разделяют в настоящее время многие фразеологи (В.П. и А.В. Жуковы[36], В.М. Мокиенко[37], А.В. Назарян[38], W. Fleischer[39], В.Н. Телия [40] и др.).

[34] *Шанский Н.М.* Указ. соч. С. 204.

[35] Там же.

[36] *Жуков В.П.* Русская фразеология. – М., 1986.

[37] *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М., 1980. *Его же*: Образы русской речи. – Л., 1986. *Его же*: Загадки русской фразеологии. – М., 1990.

[38] *Назарян А.В.* Идиоматические выражения французского языка. – М., 1978.

[39] *Fleischer W.* Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. – Leipzig, 1982.

[40] *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Наше определение **фразеологизма** связано с пониманием его как явления прежде всего **семантического: фразеологизм** – это **устойчивое семантически неделимое сочетание слов, целостное обобщенно-переносное значение которого сформировано на основе переосмысления словесного комплекса-прототипа** (далее СК-прототипа)[41].

На основе этого определения ясно видно, что само понятие **фразеологизм** мы распространяем только на **фразеологические сращения** и **фразеологические единства; фразеологические сочетания**, являясь, безусловно, объектом **фразеологии** как науки, к категории **фразеологизмов** все-таки не принадлежат.

Принципиально новым в нашем определении **фразеологизма** является особое акцентирование специфики его **семантической основы: целостное обобщенно-переносное значение фразеологизма представляет собой** СЕМАНТИЧЕСКИЙ РЕЗУЛЬТАТ **образного переосмысления** ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ ВСЕГО СК-ПРОТОТИПА (а не изолированных значений отдельных его компонентов).

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема типологии самих СК-прототипов фразеологизмов; на основе такой типологии можно будет показать особенности **семантики фразеологизмов** и прежде всего **коннотативные возможности** этой семантики.

Под **СК-прототипом** того или иного **фразеологизма** понимается **сочетание слов**, на основе целостного переосмысления которого данный фразеологизм сформировался: **носить на руках** (кого-либо) – 1) «оказывать особое расположение» (кому-л.), 2) «баловать (кого-л.), предупреждая все желания этого человека», **ломиться в открытую дверь** – «создавать для себя искусственные препятствия», сравните с **СК-прототипами фразеологизмов,** имеющих в сопоставляемых языках то же самое значение: англ. **knok at an open door** (букв. «стучать в открытую дверь»), нем. **offene Türen einrennen** (букв. «разбивать с разбегу открытые двери»), франц. **enfoncer une porte ouverte** (букв. «выламывать, вышибать открытую дверь»), исп. **forzar la puerta abierta** (букв. «взламывать, выламывать открытую дверь»).

Приступая к типологической классификации СК-прототипов фразеологизмов, сразу же сопоставим русские ФЕ (далее это сокращение мы будем использовать для обозначения собственно **фразеологизмов**) *носить* (*кого-л.*) *на руках* в указанных выше двух её значениях и *ломиться в открытую дверь* также в указанном выше значении. Перед нами две совершенно различные, более того, две **взаимно противопоставленные разновидности** СК-прототипов: 1-я из них представляет собою **свободное сочетание слов,** в составе которого синтаксические и лексико-семантические связи компонентов «реальны и современны»[42] и отражают реальные, логически нормативные отношения предметов и явлений – 2-я же разновидность представлена СК-прототипом, изначально являвшимся **несвободным сочетанием слов**, построенным на явном нарушении лексико-семантических связей его компонентов (ср.: *ломиться в закрытую дверь – ломиться в открытую дверь!*) и отражающим логически ненормативные отношения предметов и явлений (зачем *ломиться в открытую дверь?*); к **несвободным сочетаниям слов**, отражающим логически ненормативные отношения предметов и явлений, могут быть отнесены и все СК-прототипы соответствующих иноязычных ФЕ.

[41] *Солодуб Ю.П.* Роль словесного комплекса-прототипа в реализации коннотативных возможностей фразеологизма // Филологические науки. 1996. №1. С. 67.

[42] *Сухотин В.П.* Проблема словосочетания в современном русском языке// Вопросы синтаксиса современного русского языка. – М., 1950. С. 154.

Иллюстрируя то положение, что ФЕ *носить* (*кого-л.*) *на руках* восходит к **свободному сочетанию слов**, мы можем привести контекст, в котором данный СК выступает именно в этом качестве: «Для того ль тебя носила я когда-то на руках?» (А. Ахматова. В стихотворении мать обращается к взрослому сыну.). Этому контексту может быть легко противопоставлен контекст, содержащий соответствующий **фразеологизм**: «Находили, что я красив, как бог. Старый князь меня *на руках носил* (А.К. Толстой. «Черная пятница»).

Такого параллелизма в употреблении не допускают СК-прототипы 2-й разновидности: они функционируют в том или ином языке только как средство выражения **фразеологизма**: Das ist ein Angebot, mit dem du bei mir *offene Türen einrennst* (*H.H. Kirst.* «*Die Wölfe*» – С этим предложением ты *ломишься* у меня *в открытые двери*).

По наблюдениям многих фразеологов, большая часть фразеологизмов различных языков восходит именно к **свободным сочетаниям слов (СК-прототипы 1-й разновидности).** К свободным сочетаниям слов восходит, например, ряд разноязычных фразеологизмов, построенных по следующей **фразеологической модели (ФМ)**, т.е. логико-семантической формуле, отражающей становление **фразеологического значения,** «складывать свои вещи перед отъездом» → «быть готовым к отъезду»: русск. *сидеть на чемоданах,* франц. *se faire la malle* («приготовлять себе дорожную сумку, чемодан»), нем. *sein Bündelchen schnüren* (букв. «завязывать свой узелок»). **ФМ** построена на **метонимической трансформации СК-прототипов** (перенос на основе **временной смежности** событий). ФЕ испанского языка с тем же значением строится на несколько иных образных ассоциациях, но также восходит к свободному сочетанию слов – *tener el pie en el estribo* (букв. «держать ногу в стремени»).

Приведенный выше ряд очень близких по образности фразеологизмов со значением «создавать себе искусственные препятствия» свидетельствует, однако, о том, что и СК-прототипы 2-й разновидности также достаточно распространены в различных языках.

Рассмотрим более внимательно каждую из указанных разновидностей СК-прототипов.

К 1-й из них следует, безусловно, отнести СК-прототипы, изображающие **уникальные, редкие**, но тем не менее все же вполне **реальные, логически нормативные отношения предметов и явлений.** В следующем контексте, например, СК *белая ворона* выступает явно как **свободное словосочетание**: «Белая ворона! Как зачарованные смотрели мы на лесную красавицу. Словно залетный белоснежный голубь-гигант» («Вечерняя Москва», 25 окт. 1983г.). Вместе с тем русский фразеологизм *белая ворона* имеет близкие образные соответствия фактически во всех

языках регулярного сопоставления: англ. *white crow,* нем. *weißer Rabe* (букв. «белый ворон», всегда только с позитивной коннотацией: Manfred nahm sie vor alllen Leuten in den Arm. «Du bist ein weißer Rabe», sagte er. Christa Wolf. «Der geteilte Himmel»), франц. *merle blanc*, исп. *mirlo blanco*. СК-прототипы этих ФЕ – **свободные словосочетания**, отражающие **уникальные** для орнитологии (науки о птицах) явления.

Столь же **уникальны**, хотя и вполне **реальны** жизненные ситуации, отраженные в содержании СК-прототипов следующих ФЕ: русск. *давать голову на отсечение* – «с полной убежденностью ручаться за что-л. / кого-л.», нем. *sich selbst sein Grab schaufeln* – «разоряться» (букв. «самому себе могилу копать»), франц. *compter les clous de la porte* – «долго ждать (под дверью)» (букв. «считать гвозди на двери»).

К периферии 1-й разновидности относятся СК-прототипы, которые могут быть восприняты как **свободные сочетания слов** только на основе **диахронического (этимологического) анализа.** Это прежде всего СК-прототипы, в составе которых имеются этимологические затемненные компоненты. Здесь мы должны отметить, что между **фразеологическими сращениями** и **фразеологическими единствами** в различных языках нет резких границ. Чем выше общий уровень лингвистической и страноведческой подготовки того или иного лица, тем больше **фразеологических сращений** родного или иностранных языков он воспринимает как **фразеологические единства**: ему открыты их **образность** и **образная мотивированность их значений.** Принадлежность той или иной ФЕ к указанным выше категориям зависит и от времени функционирования этой ФЕ в языке.

В качестве примера **фразеологического сращения** мы привели в свое время ФЕ *лясы точить* – «заниматься пустыми разговорами». Однако в середине XIX века эта ФЕ воспринималась, видимо, большей частью русских как **фразеологическое единство**: лясы, балясины – «точеные столбики для перил крыльца», их в подлинном смысле этого слова *вытачивали* (*точили*) из кусков дерева, и во время этой работы люди развлекали себя сказками-небылицами, выдуманными историями. На основе СК-прототипа *лясы точить* с помощью его **метонимического переосмысления** возник фразеологизм *лясы точить* – «заниматься пустыми разговорами». В романе Д.Н. Мамина-Сибиряка «Три конца» *балясина* – вполне реальный предмет: «На лестнице, ухватившись одной рукой за потолочину, а другой за *балясину* перил, стояла девочка лет семи». Это слово, видимо, «возвращается» в наш язык: Лестничные ограждения… элементы лестниц… балясины («Обустройство и ремонт». № 27 (56). 2001. С. 32).

В XVIII – XIX веках в некоторых диалектах русского языка слова просак, баклуши также обозначали вполне реальные предметы: просак – «станок для кручения веревок», баклуши – «чурки, из которых деревенские мальчуганы сооружали различные фигуры», по правилам игры эти фигуры надо было разбивать с большого расстояния длинной палкой – битой[43]. Эти этимологические комментарии помогают восстановить как исходный смысл **свободных словосочетаний** *попасть в просак* (в современном написании вследствие перехода слова просак в разряд **некротизмов** – попасть впросак), *бить баклуши*, так и **внутреннюю форму** возникших на их основе **фразеологизмов**: «И я ведь тоже раз попал впросак» (оказался в неприятном положении, подобно человеку, действительно попавшему в станок для кручения веревок – Всеволод Соловьев. «Последние Горбатовы»); – «Так ты баклуши бить будешь совсем уж? – Напротив, душа моя, надоело мне бить баклуши – вот что, пора приняться за дело» (приниматься за дело – своего рода **антоним** для **фразеологизма** бить баклуши – «бездельничать», это значение развилось на основе представления о мальчишках, которые заняты только игрой, т.е. бездельничают – Всеволод Соловьев. «Последние Горбатовы»).

Благодаря этимологическому комментарию **фразеологизмы** *бить баклуши и попасть впросак* воспринимаются скорее как **фразеологические единства**, а не **фразеологические сращения**.

Этимологический комментарий может быть, конечно, использован и для иноязычного фразеологического материала, с его помощью совершенно так же могут быть объяснены этимологически затемненные компоненты и восстановлен смысл тех **свободных сочетаний слов**, на основе образного переосмысления которых и были сформированы соответствующие **фразеологизмы**. Так, ФЕ французского языка *à la queue leu leu* – «один за другим, гуськом» восходит к устаревшей форме **свободного словосочетания** *à la queue le leu* (= *loup*), букв. «за хвостом волка» (известно, что волки следуют друг за другом, «гуськом»)[44]. В современном немецком языке ФЕ (j-n) *in Harnisch bringen* – «привести (кого-л.) в бешенство, в ярость» содержит в своем составе этимологически затемненный компонент Harnisch (der Harnisch – «латы», **историзм**) и восходит к **свободному словосочетанию**, образно мотивирующему состояние выведенного из терпения человека (он латы готов надеть на себя, чтобы бороться с противником).

К периферии СК-прототипов, восходящих к **свободным сочетаниям слов**, относятся также СК, вполне соответствующие современным нормам грамматического и лексико-семантического сочетания слов, но, тем не менее, утратившие всякую мотивационную связь со значениями возникших на их основе **фразеологизмов.** Такие **фразеологизмы** также обычно воспринимаются как **фразеологические сращения**: русск. (в каком-л. деле, в чем-л.) *собаку съесть* – «иметь большой опыт», англ. (*to*) *lead apes in hell* – «остаться старой девой, умереть старой девой» (букв. «управлять обезьянами в аду»), франц. *coiffer sainte Catherine* – «остаться старой девой» (букв. «украшать головным убором голову святой Екатерины», святая Екатерина – «всегда чистая» – является покровительницей девственниц).

Этимологический комментарий некоторых из них требует страноведческих знаний: согласно древнему английскому народному поверью, старые девы после смерти обречены нянчить обезьян в аду (in hell), в некоторых католических странах (Франции, Испании, Италии) обряд украшения головы святой Екатерины могли выполнять только девственницы (чаще всего это поручалось очень юным девушкам); остаться старой девой и означало сохранить за собой до конца своих дней право участия в выполнении этого обряда.

---

[43] *Мокиенко В.М.* Историческая фразеология: этнография или лингвистика? // Вопросы языкознания. 1973. № 2. С. 21–35.

[44] *Lopatnikova N.N., Movchovitch N.A.* Lexicologie du français moderne. – Moscou. 1971. P. 113.

Фразеологизм *собаку съесть* имеет целый ряд этимологий, восстанавливающих логическую связь между значением ФЕ и значением его СК-прототипа, восходящего к **свободному словосочетанию** (В Ленинграде во время блокады съели всех собак и кошек). Наиболее аргументированной представляется нам этимология И.Е. Тимошенко[45]. Он ссылается на поговорку, приведенную В.И. Далем в полной её форме: «Собаку съел, а хвостом подавился», которая, в частности, могла означать «выполнил главную, самую трудную часть работы и не смог осилить самого конца её».

Можно вполне предположить, что ФЕ *собаку съесть* (чаще употребляемая в форме *собаку съел*) является «осколком» приведенной выше поговорки (проблема отношения **пословиц** и **поговорок** к **фразеологии** будет рассмотрена в следующем разделе!), тем более, что именно эта часть поговорки содержала в себе положительную оценку лица. И.Е. Тимошенко приводит в своей книге древнегреческую поговорку, записанную Плянудом и полностью по своей семантике совпадавшую с русской поговоркой, кроме того, и построенную по общей с ней **ФМ** (используем нашу терминологию). Приводим буквальный перевод этой поговорки: «быка съел, а на хвосте устал»[46].

Заканчивая анализ СК-прототипов 1-й разновидности, напомним, что они восходят к **свободным сочетаниям слов**, т.е. к сочетаниям слов, отражающим **реальные** и **логически нормативные** связи их компонентов.

СК-прототипы 2-й разновидности восходят, как уже было отмечено выше, к **несвободным сочетаниям слов**, т.е. к таким **сочетаниям слов**, которые характеризуются **алогизмом лексико-семантических связей своих компонентов**, при этом по своей грамматической организации они чаще всего вполне нормативны (русск. *ломиться – в открытую дверь*). Такие СК-**алогизмы** широко распространены в самых различных языках. Так, **ФМ** «доставлять объекты X туда, где они находятся в изобилии» → «заниматься совершенно бесполезным делом» охватывает фразеологизмы различных языков, при этом яркая коннотативность этих ФЕ создается именно **внутренними алогизмами, парадоксальностью** их СК-прототипов: русск. *ездить в Тулу со своим самоваром* (Тула – город, в котором издавна изготовлялись самовары), англ. (*to*) *carry coals to Newcastle* (букв. «возить уголь в Ньюкасл», Ньюкасл – центр угледобывающей промышленности в Англии), франц. *porter de l'eau à la mer / à la rivière* (букв. «носить воду в море / в реку»), нем. *das Wasser ins Meer / in den Rhein tragen* (букв. «носить воду в море / в Рейн»), исп. *llevar hierro a Viscaya* (букв. «доставлять железо в Бискайю» – топоним, обозначающий провинцию Испании, которая является местом расположения и добычи железной руды), итал. *portar frasconi a Vallombrosa* (букв. «возить лес в Валломброзу» – топоним, обозначающий очень богатую лесом часть Италии), *portare vasi a Samo* (*букв.* «возить вазы на остров Самос», где они изготовляются), *portar coccodrilli in Egitto* (букв. «возить крокодилов в Египет»)[47], венг. *vizet a Dunába hordani* (букв. «носить воду в Дунай»), араб. *йахмилу аттамра ила Багдад* (букв. «возить финики в Багдад» – столицу Ирака, где эти фрукты имеются в изобилии). Итак, перед нами СК-прототипы – **парадоксы** (греч. paradoxos – «мнение, противоречащее здравому смыслу»). На СК-**парадоксах** основаны все нижеследующие фразеологизмы: русск. *на рыбьем меху* – «не предохраняющая от холода, не согревающая» (об одежде), нем. *den Schnee im Ofen backen* (букв. «печь снег в печи») – «заниматься совершенно бесполезным делом», франц. *peigner la girafe* (букв. «причесывать жирафа») – «заниматься совершенно бесполезным делом», ФЕ разных языков, объединяемые **ФМ** «когда животное / птица X будет обладать свойством, совершенно противоречащим его природе» → «никогда»: русск. *когда рак на горе свистнет* (*а рыба запоет*), англ. *when pigs fly* (букв. «когда полетят свиньи», сравните с устаревшей ФЕ русского языка *когда поросеночек птичкой полетит*), немецк. *wenn die Hunde mit dem Schwanz bellen* (букв. «когда собаки залают хвостами»), франц. *quand les poules auront des dents* (букв. «когда у кур будут зубы»), исп. *cuando las ranas crien pelos* (букв. «когда у лягушек появится шерсть»), *cuando meen las gallinas* (букв. «когда куры будут мочиться»).

Кроме СК-**парадоксов**, во 2-й разновидности можно выделить и менее многочисленные СК-**оксюмороны** (греч. oxymoron – «остроумно-глупое»), характеризуемые сочетанием компонентов с явно противоположной, антонимической семантикой. На внутреннем семантическом контрасте СК-прототипов построены, например, русские ФЕ *живые мощи* – «исключительно истощенный, часто очень больной человек» и *живой труп* – 1) «исключительно истощенный, часто очень больной человек», 2) «человек, утративший всякий интерес к жизни». При этом русский фразеологизм *живой труп* в 1-м своем значении имеет **МФЭ** (**межъязыковые фразеологические эквиваленты** – см. введение!) в очень многих языках, что, безусловно, свидетельствует о достаточно широком распространении СК-**оксюморонов** не только в русской фразеологии: укр. *живий труп,* болг. *жив труп,* польск. żywy trup, чешск. *živa mrtvola,* румынск. cadávru viú («труп живой»), **франц.** *cadavre vivant* («труп живой»), **исп.** *un cadaver andanto* («труп ходячий»), **англ.** *a walking corpse* («ходячий труп»), **нем.** *eine wandelnde Leiche* («ходячий труп»), норв. *et levende lik* («живой труп»), турецк. *canlI cenaze* («имеющий душу труп»).

На периферии 2-й разновидности СК-прототипов находятся СК, представляющие собой **сравнительные конструкции** (русск. *как кошка с собакой*). Наличие в конструкции компаративного компонента (русск. *как*) уничтожает характерный в какой-то мере даже для общеязыковых метафор-фразеологизмов эффект уподобления денотатов, заменяя их семантикой лишь некоторого подобия (сравните: Н – *живой мертвец,* Н – *как живой мертвец!*). Такие конструкции даже в период своего формирования в языке не могут восприниматься как **свободные сочетания слов в прямых значениях своих компонентов** – их основная роль заключается **в образном выражении подобия** характеризуемого объекта объекту сопоставления (Н *как живой мертвец* означает «Н исключительно истощен, бледен, худ и поэтому подобен *мертвецу*»).

---

[45] *Тимошенко И.Е.* Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. – Киев, 1897.

[46] *Тимошенко И.Е.* Указ. соч. С. 151–152.

[47] *Черданцева Т.З.* Язык и его образы. – М., 1977. С. 121, 122.

В составе таких СК-прототипов также очень часто реализуются **парадоксальные** связи компонентов, которые придают сформировавшимся на их основе фразеологизмам особенно яркую коннотацию: русск. *как кошка с собакой* – «в постоянных ссорах, спорах, драках», **МФЭ** во фразеологии сопоставляемых языков: англ. *cat – and – dog life,* немецк. *wie Hund und Katze,* франц. *comme chien et chat,* исп. *como el perro y el gato.* В некоторых других языках яркая коннотативность фразеологизмов с указанным выше значением создается парадоксальным объединением иных компонентов: японск. «как собака и обезьяна», китайск. «как собака и курица» (по отношению к русской ФЕ это уже, конечно, не **МФЭ!**).

Еще более парадоксальным представляется соединение компонентов в составе СК-прототипов, на основе которых сформировались фразеологизмы со значением «совершенно бессмысленно, ничего не понимая» (смотреть, уставиться): русск. *как баран на новые ворота,* укр. *як цап («козел») на нові ворота, як теля на нові ворота,* чешск. *jako tele na nová vrata,* польск. *jak cielę na malowane («выкрашенные») wrota* , немецк. *wie die Kuh vorm neuen Tor* (*dastehen*), болг. *като магаре пред иконостас* («как осел перед иконостасом»).

Типология СК-прототипов фразеологизмов важна как средство проникновения во **внутреннюю семантическую структуру** самих фразеологических оборотов.

Фразеологизмы, сформировавшиеся на основе переосмысления СК-прототипов 1-й разновидности, характеризуются **семантической двуплановостью** (значение СК-прототипа → целостное обобщенно-переносное значение фразеологизма), которая и становится основой их яркой **образности** и **коннотативности**. **Фразеологизмы**, сформировавшиеся на основе переосмысления СК-прототипов 1-й разновидности, могут быть, как показал анализ, и **фразеологическими единствами** и **фразеологическими сращениями. Фразеологические единства** обладают **реальным свойством образности**, поскольку их СК-прототипы сохранили и свою первоначальную семантику. Для восстановления у **фразеологических сращений** свойства их **реальной образности** необходим, как правило, специальный диахронический анализ, восстанавливающий исходную семантику их СК-прототипов.

Фразеологизмы, сформировавшиеся на основе переосмысления СК-прототипов 2-й разновидности, могут быть только **фразеологическими единствами!**

Помимо **семантической двуплановости**, их **образность** и **коннотативность** активно поддерживается **парадоксальными** и **оксюморонными** семантическими связями компонентов в составе СК-прототипа. В связи с этим можно сказать, что **в семантике фразеологизмов, сформировавшихся на основе СК-прототипов 2-й разновидности, свойство коннотативности представлено более ярко.**

Проведенный анализ подтвердил высказанное еще А. М. Бабкиным определение **фразеологизма** как «явления прежде всего **семантического**»[48].

[48] *Бабкин А.М.* Русская фразеология, её развитие и источники. – Л.: Наука, 1970. С. 3.

Заканчивая раздел, мы должны ещё раз вернуться к **семантической концепции фразеологизма** и некоторым фрагментам нашего определения этой языковой единицы.

Семантическая концепция фразеологизма при сравнении её с **концепцией воспроизводимости** является, безусловно, более «узкой» : **устойчивые сочетания**, не прошедшие целостной семантической трансформации их компонентов (*высшее учебное заведение, аналитическая химия, комбинат бытового обслуживания и т.д.*), признаются **нефразеологическими** и как объект **фразеологии** не рассматриваются (они являются объектом **общей теории номинации**).

В наше определение **фразеологизма** включен термин **сочетание слов.** Это термин более широкого понятийного содержания, чем **словосочетание**, который тоже нами используется. **Сочетание слов** охватывает все разновидности синтаксических соединений слов вообще, и это очень важно для нашего определения **фразеологизма**, поскольку фразеологизмы как русского, так и других языков имеют самые разнообразные синтаксические структуры. Проиллюстрируем это положение только на материале русского языка. В русском языке выделяется большая группа фразеологизмов со структурой предложно-падежного сочетания (*в сердцах, под рукой, на носу, под носом, на глаз и т.д.*), имеются фразеологизмы со структурой сочинительного сочетания слов (*кожа да кости, ни кожи ни рожи*), имеется очень много фразеологизмов со структурой подчинительного сочетания слов, или **словосочетания** (*кровь с молоком, пятая спица в колеснице, козел отпущения, бить баклуши, лясы точить, лежать на боку, красная девица, белая ворона и т.д.*), наконец, некоторые фразеологизмы русского языка имеют **структуру предложения** часто при наличии в составе этой структуры формальных подлежащего и сказуемого и с обязательной открытой позицией для какого-л. второстепенного члена (см. во введении: (у кого-либо) *молоко на губах не обсохло*).

Все структурное многообразие и разнообразие русских фразеологизмов и охватывает термин **сочетание слов**, который был нами введен в наше определение **фразеологизма.**

Использование термина **сочетание слов** в нашем определении **фразеологизма** правомерно ещё и потому, что **компоненты фразеологизма,** как показал анализ, в значительной степени сохраняют свои **словные** свойства, у **фразеологических единств** эти свойства легко выявляются при синхронном анализе, у **фразеологических сращений** – при анализе диахроническом.

3. СЕМАНТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА И ВОПРОС ОБ ОТНОШЕНИИ К ФРАЗЕОЛОГИИ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК (ПАРЕМИЙ)

Рассмотренная нами выше **семантическая концепция фразеологизма** позволяет поставить вопрос о том, какое отношение могут иметь к **фразеологии как науке пословицы и поговорки (паремии). Пословицы** и **поговорки (паремии)** – это краткие и меткие народные изречения, имеющие структуру **замкнутого предложения,** т.е. предложения без открытых синтаксических позиций: *друзья познаются в беде, после драки*

кулаками не машут, снявши голову, по волосам не плачут, игра не стоит свеч, нашла коса на камень, сравните эти выражения с **фразеологизмом**, имеющим структуру **незамкнутого предложения** с открытой синтаксической позицией косвенного дополнения: (у кого-л.) *сердце кровью обливается*). **Паремии** (греч. **paroimia** – «изречение, притча, отрывок из библии») – явление, безусловно, **универсальное**, свойственное всем языкам мира. Специальная наука, изучающая **паремии,** называется **паремиологией.** Почему же тогда мы все-таки ставим вопрос об отношении **паремий (пословиц и поговорок)** к **фразеологии?** Прежде чем ответить на этот вопрос, внимательно рассмотрим те **паремии** русского языка, которые уже были приведены выше. Одна из них – *друзья познаются в беде* – имеет целостное обобщенное значение, которое фактически лишено идиоматичности, поскольку оно в той или иной степени выводится из суммы значений составляющих паремию слов-компонентов, сравните эту русскую паремию с её эквивалентами в языках регулярного сопоставления: англ. *a friend in need is a friend indeed,* франц. *au besoin on connait l'ami; c' est dans le maleur qu'on connait ses amis,* немецк. *wahre Freunde erkennt man in der Not, den Freund erkennt man in der Not,* исп. *amigo en la adversidad es amigo de verdad.* Целостные обобщенные значения всех приведенных здесь паремий также не характеризуются идиоматичностью. Очевидно, паремии с обобщенным прямым значением не могут быть объектами **фразеологии**, основанной на **семантической концепции фразеологизмов.**

Но все остальные приведенные нами выше русские паремии характеризуются, как и **фразеологизмы, целостным обобщенно-переносным значением**: *после драки кулаками не машут* – «после того, как уже совершилось что-то плохое, непоправимое, бесполезно возмущаться и протестовать», *снявши голову, по волосам не плачут* – «утратив главное, нелепо сокрушаться об утрате чего-либо второстепенного», *нашла коса на камень* – «столкнулись два человека с очень трудными, неуживчивыми характерами», *игра не стоит свеч* – «какое-либо дело совершенно не стоит того, чтобы его выполнять». Паремии со значениями такого типа могут рассматриваться как **фразеологизмы (фразеологические единства!) со структурой замкнутого предложения (с замкнутой предикативной структурой).**

Паремиология как наука значительно «старше» **фразеологии**: во Франции уже в XII–XIV веках теория паремиологии была развита настолько высоко, что ученые умели разграничивать понятия **le proverbe** («пословица») и **le dicton** («поговорка»), при этом разграничение этих основных единиц паремиологии производилось именно на **семантической основе**: «le proverbe est une formule nettement frappée, de forme généralement métaphorique» («пословица – это очень меткая формула, обычно имеющая метафорическую форму»), le dicton «garde une allure directe, n'emprunte pas la forme imagée du proverbe» (поговорка имеет прямой смысл и не характеризуется образной формой пословицы»)[49].

[49] *Pineaux Jacques.* Proverbes et dictons français. – Paris, 1956. P. 6.

Согласно нашей концепции, **пословицы** и **поговорки** действительно могут быть разграничены на **семантической основе**, но **семантическая** разница между ними заключается в **разной степени обобщенности** их значений[50].

Пословицы отражают в своих значениях **наиболее общие закономерности действительности**: русск. *цыплят по осени считают,* англ. *don't count your chickens before they are hatched* – «не считайте ваших цыплят, пока они не вылупились из яиц», франц. *il ne faut pas compter l'oeuf dans le cul de la poule* – «не следует считать яйцо, которое находится внутри курицы» – «о результатах работы можно судить только после её полного завершения», русск. *яблоко от яблони недалеко падает,* немецк. *der Apfel fällt nicht weit vom Stamm* (*Baum*), букв. «яблоко падает недалеко от ствола (дерева)», франц. *le fruit ne tombe jamais loin de l'arbre,* букв. «фрукт никогда не падает далеко от дерева» – «дети всегда похожи на родителей» (в испанском языке пословица с той же семантикой имеет совсем другое образно-метафорическое выражение: *cual cuervo, tal su huevo* – «каков ворон, таково и его яйцо»). Согласно указанному признаку приведенные выше русские паремии *снявши голову, по волосам не плачут, после драки кулаками не машут, цыплят по осени считают, яблоко от яблони недалеко падает, друзья познаются в беде* (и все иноязычные эквиваленты этой паремии) являются **пословицами,** при этом все они, кроме самой последней пословицы, могут рассматриваться и как **фразеологизмы (фразеологические единства!) с замкнутой предикативной структурой**.

Поговорки такой степенью обобщенности значения не характеризуются. Их значения представляют собой результат обобщения на уровне типизированной, но все же и достаточно конкретной ситуации: *нашла коса на камень* – ситуация столкновения двух лиц с тяжелыми неуживчивыми характерами, в украинском языке образ поговорки более прозрачен: *найшла коса на камінь: коса не втне, камінь не подасться* – «… коса не входит внутрь, камень не поддается» (сравнить: англ. *diamond cuts diamond* – букв. «алмаз режет алмаз», нем. *es geht hart auf hart* – букв. «идет твердое против твердого», исп. *en torcida argolla no entra bola* – букв. «в искривленное кольцо не входит шар»[51]), *игра не стоит свеч* (**МФЭ** в языках сопоставления: англ. *the game is not worth the candle, франц. le jeu ne vaut pas la chandelle* – «игра не стоит свечи»), *овчинка выделки не стоит* – в ситуации, когда не следует тратить сил на исполнение совершенно бессмысленного дела, *и волки сыты, и овцы целы* – в ситуации, когда удается соблюсти интересы двух противоположных сторон, *ухатали сивку крутые горки* – в ситуации, когда хотят подчеркнуть, что в борьбе с жизненными трудностями человек лишился сил и здоровья.

Все приведенные выше **поговорки** также обладают **целостным обобщенно-переносным значением** и могут рассматриваться как **фра-**

[50] *Солодуб Ю.П.* К проблеме разграничения пословиц и поговорок в языках различных типов // Филологические науки. 1994. № 3. С. 55–71.

[51] *Дубровин М.И.* Иллюстрированный сборник пословиц и поговорок на пяти языках. Русский, английский, французский, испанский, немецкий. – М.: Росмэн, 1998. С. 101.

зеологизмы с замкнутой предикативной структурой. Для разграничения же **пословиц** и **поговорок** нужно учитывать некоторые **формально-структурные признаки** тех и других языковых единиц.

Пословицы в силу значительной обобщенности значения очень часто имеют структуру **обобщенно-личного предложения** с характерными формами глагольного сказуемого – формами глаголов настоящего времени 3-го лица множественного числа (*после драки кулаками не машут, лежачего не бьют, снявши голову, по волосам не плачут*) и 2 –го лица единственного числа изъявительного наклонения (*что посеешь, то и пожнешь*), а также 2 –го лица единственного числа повелительного наклонения (*любишь кататься – люби и саночки возить*).

При обращении к другим языкам следует учитывать свойственные им структурные особенности обобщенно-личных предложений; употребление в составе таких предложений специальных обобщенно-личных местоимений и формы глаголов-сказуемых при этих местоимениях (сравните: русск. *что посеешь, то и пожнешь – англ. as you sow, you shall mow,* франц. *comme on séme, on moissonne,* исп. *lo que siembres, recogerás* – обобщенно-личная семантика предложения передается формами 2-го лица единств. числа настоящего или будущего времени, а в англ. и франц. языках также специальными местоимениями с обобщенно-личной семантикой; русск. *век живи – век учись* – немецк. *man lernt, solange man lebt,* в немецкой пословице употреблено специальное местоимение с обобщенно-личной семантикой – man и соответствующие ему глагольные формы настоящего времени индикатива).

Поговорки в силу ситуативной обусловленности своих значений, как правило, не имеют форм обобщенно-личного предложения, сказуемые в их составе достаточно часто выступают в форме глаголов прошедшего времени (*нашла коса на камень*) или имеют значение настоящего данного момента (*овчинка выделки не стоит, игра не стоит свеч*).

Еще раз отметим, что в соответствии с **семантической концепцией фразеологизма** объектами **фразеологии** могут быть только те **паремии (пословицы и поговорки)**, которые обладают **целостным обобщенно-переносным значением.**

Показав, что **фразеологизмы** – это явления прежде всего **семантические**, мы теперь должны обратиться к сопоставлению **фразеологического значения** со **значением лексическим**, чтобы увидеть как сходства, так и различия этих значений.

4. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ. РОЛЬ ОБРАЗНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ В ФОРМИРОВАНИИ ПЕРЕНОСНОЙ СЕМАНТИКИ СЛОВА И ОБОБЩЕННО-ПЕРЕНОСНОЙ СЕМАНТИКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА

Напомним, что **лексическое значение (ЛЗ)** – это сложная структура, состоящая из нескольких взаимосвязанных и взаимообусловленных **компонентов**, каждый из которых представляет собой тот или иной способ отражения действительности в семантике слова. **Облигаторными компонентами ЛЗ** являются компонент **сигнификативный (С)**, компонент **денотативный (Д)** и компонент **структурный (СТР)**, **коннотативный (К)** и **этнокультурный (ЭК) ЛЗ факультативны.**

В какой же мере все эти положения распространяются на **фразеологическое значение (ФЗ)**? В настоящее время мы располагаем целым рядом работ, доказывающих на разноязычном фразеологическом материале, что **ФЗ** – это тоже **многокомпонентная структура**, при этом компоненты **ЛЗ** и компоненты **ФЗ** фактически идентичны[52]. Продемонстрируем это положение на основе семантизации **фразеологизмов**, имеющих во всех пяти интересующих нас языках одинаковые (синонимические) значения.

По некоторой аналогии с понятием «лексическое значение» понятие «фразеологическое значение» может быть в самом общем виде определено как социально закрепленное за тем или иным фразеологизмом его содержание. При семантизации средствами русского языка русской ФЕ *лежать на печи,* немецк. *auf der Bärenhaut liegen,* англ. *twiddle one's thumbs,* франц. *prendre un bain de lézard,* исп. *mirarse las uñas* может быть использован глагол «бездельничать». Какие же компоненты **ФЗ** может скрывать в себе такой способ семантизации?

Очевидно, ФЗ этих разноязычных фразеологизмов обладают идентичным **понятийным содержанием (С)**, представленным выбранным в качестве средства их семантизации глаголом, имеют идентичную **денотативную отнесенность (Д)**, обозначая состояние полного безделья. При этом обобщенно-переносные значения всех ФЕ (в данном случае взаимодействие их **С** и **Д**) являются **образно мотивированными**, т.к. мысль о полном бездействии человека (или группы людей) в каждом из языков воспринимается на основе определенных наглядных представлений («картинок», «образов»): человек, бесцельно лежащий на печи (русск.), человек так же бесцельно лежащий на медвежьей шкуре (нем.), человек, который, подобно ящерице, нежится на солнце (франц.), человек, погруженный в созерцание своих собственных ногтей (исп.), человек, который «от нечего делать» вертит своими большими пальцами (англ., сравните с **МФЭ** в немецком языке: *die Daumen umeinander drehen,* букв. «вертеть большие пальцы один вокруг другого»).

Яркая образная мотивировка делает ФЗ всех пяти ФЕ **экспрессивно значимым** и **эмоционально-оценочным** (поведение и позы людей, наглядно обрисованные всеми пятью народами, могут восприниматься только негативно, только с эмоциональной тональностью иронии, презрительной насмешки). Таким образом, во ФЗ анализируемых ФЕ активную роль играет **коннотативный компонент (К)**.

---

[52] *Stepanova M.D., Černyseva I.I.* Lexikologie der deutschen Gegenwartssprache. – Moskau, 1975. S. 212 (здесь И.И.Чернышева предлагает для конфронтативного анализа лексического и фразеологического значения опираться на их денотативный, сигнификативный, коннотативный, структурный и социальный аспекты. – *Ю.С.*) ; *Солодуб Ю.П.* Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (На материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица): Автореферат дисс. на соискание ученой степени доктора филологич. наук. М., 1985 (структура ФЗ представлена во взаимодействии С, Д, К, ЭК и СТР). *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

В какой-то мере фразеологические образы трех ФЕ носят и специфический **этнокультурный** характер: *печь* как основное место отдыха (и бездельного лежания) *в русской избе*, отражение реалий охотничьего быта древних *германцев* (*медвежья шкура*), специфика климата и животного мира *Франции* (вряд ли у северных народов состояние полного безделья может быть образно связано с представлением о *ящерице, которая греется на солнце*). Таким образом, во ФЗ ФЕ русского, немецкого и французского языков представлен и **этнокультурный компонент – ЭК.**

В лексико-фразеологической системе каждого из пяти языков приведенные выше ФЕ входят в семантические пространства, объединяющие лексические и фразеологические единицы семантики «бездельничать», «лентяйничать», «сибаритствовать». Они, наряду с другими ФЕ идентичной семантики (в русском языке: *лежать на боку, сидеть сложа руки, плевать в потолок, ворон / галок считать*, в немецком языке: *die Daumen umeinander drehen, die Hände in den Schoss legen и т.д.*), образуют **фразеологический фрагмент** лексико-семантической группы, в которую входят и синонимически близкие к этим фразеологизмам глагольные лексемы (*бездельничать, лоботрясничать, лентяйничать, лодырничать, балбесничать* в русском языке, *faulenzen* – в немецком языке и т.д.). Опираясь на материал русского языка, можно заметить, что **СТР** ФЗ перечисленных выше русских ФЕ реализуется в структурных связях семантики этих фразеологизмов между собой и лексическими единицами, заполняющими соответствующее семантическое пространство.

Итак, рассмотренные материалы подтверждают **идентичность** состава компонентов как ЛЗ, так и ФЗ (**С, Д, К, ЭК, СТР**), при этом **факультативный** характер имеет только **ЭК.**

Эти выводы, безусловно, требуют дополнительных подтверждений. Обратимся для этого к анализу разноязычных фразеологизмов, построенных по общей **ФМ** «тот, кто не способен причинить зла даже совершенно беззащитному перед человеком живому существу» → «исключительно кроткий, тихий, смирный, безобидный, удивительно добрый» (о человеке).

Вполне возможно, что образное выражение Сенеки non posse videtur muscam excitāre (букв. «кажется, и мухи не разбудит / не потревожит») стало прототипом ФЕ многих языков европейского культурного ареала. Во всяком случае русская ФЕ *и мухи не обидит* – «исключительно кроткий, смирный, безобидный, очень добрый» имеет **МФЭ** в очень многих современных европейских языках: укр. *мухи не скривдить* (*не зачепить*), блр. *мухі не пакрыўдзіць*, польск. *muchy nie skrzywdzi* (букв. «мухи не обидит»), чешск. *ani mouše neubliží* (букв. «мухи не обидит»), **франц.** *ne pas faire mal à une mouche* (букв. «не причинить вреда мухе»), **исп.** *no ofender a una mosca* (букв. «не обидеть мухи»), **итал.** *non fare male a una mosca* (букв. «не причинить вреда мухе»), **англ.** *wouldn't hurt a fly* (букв. «не принесет вреда мухе»), **немецк.** *kann keiner Fliege etwas zuleide tun* (букв. «не может причинить обиды мухе»), швед. *gör inte en fluga för när* (букв. «не причинит обиды мухе»), венг. *a légynek sem àrt* (букв. «не причинит вреда мухе»).

С и **Д** достаточно четко определены во всех приведенных выше фразеологизмах: понятийное содержание «исключительно кроткий, тихий,

смирный, безобидный, удивительно добрый» (**С**) делает возможным использование этих ФЕ как форм качественной оценки людей вполне определенного типа – тех, кто в жизни часто страдает из-за своей излишней деликатности, кротости, неумения постоять за себя (**Д**).

Фразеологический образ (**ФО**) – представление о человеке, который не способен причинить вреда даже мухе – стимулирует яркое проявление **К (коннотативного компонента)** в структуре ФЗ; в целом негативная оценка субъекта смягчается эмоциональным выражением мягкой иронии, незлой насмешки.

СТР ФЗ проявляется в соотношении семантики рассматриваемых фразеологизмов с семантикой других единиц того или иного языка (**слов** или **фразеологизмов**), входящих в общее с ними семантическое пространство. Так, в лексико-фразеологической системе французского языка ФЕ *ne pas faire mal à une mouche* может семантически сближаться с целым рядом имен прилагательных, выражающих оценку указанных выше качеств лица: humble, doux – «смирный», humble, tendre – «кроткий», inoffensif, anodin – «безобидный», bon – «добрый». **ФО** как бы усиливает интенсивность проявления обозначаемых фразеологизмом качеств, поэтому для «эмоционального согласования» названных выше прилагательных с рассматриваемой ФЕ их лучше употреблять с усилительной частицей trop: Il est trop tendre, trop doux, il ne peut pas faire mal à une mouche.

ЭК в значениях фразеологизмов европейских языков проявляется только при их сопоставлении с фразеологизмами других культурных ареалов – монгольского (1) и тюркского (2): 1) монг. *хэвтээ хонь босгохгүй* (букв. «лежащую овцу не поднимет»), бурятск. *хэбгэһэн хони бодхозгүй* (букв. перевод тот же) – 2) казахск. *к,ой аузынан шоп алмайды* (букв. «изо рта овцы травы не возьмет»), узбекск. *к,уй огзидан чуп олмайди* (букв. перевод тот же), турецк. *karincayi incitmez* (букв. «муравья не обидит»). ФЕ этих ареалов построены по той же **ФМ** (см. выше!), но имеют свои весьма специфические национальные фразеологические образы (**ФО**), выражаемые СК-прототипами этих фразеологизмов. Таким образом, для выявления **ЭК** в структуре **ФЗ** часто бывают необходимы многоязычные фразеологические параллели, причем **ЭК** может выявляться на уровне целого культурного ареала, характеризуя все или значительную часть фразеологизмов этого ареала (в пределах европейского ареала имеются отдельные ФЕ отдельных языков, обладающие также специфическими **ФО**: чешск. *ani kuřeti neubliží*, букв. «и цыпленка (=куренка) не обидит», норвежск. (han) *gjör ikke en katt fortrêd*, букв. «и кошку не сгонит с колен»).

На основании проведенного нами анализа конкретного фразеологического материала сделаем возможные выводы: 1) **ФЗ**, как и **ЛЗ**, – **многокомпонентная структура**, состав компонентов ФЗ и ЛЗ идентичен: **С, Д, К, ЭК, СТР**; 2) **облигаторными** для ФЗ, как и ЛЗ, являются компоненты **С, Д, СТР. ЭК** является компонентом **факультативным**, выявляемым как в значениях фразеологизмов отдельных языков, так и в значениях фразеологизмов целого культурного ареала; 3) **К** играет ведущую роль в структуре ФЗ тех фразеологизмов, которые характеризуются «реальным

свойством образности», т.е. **фразеологических единств;** роль этого компонента в структуре ФЗ **фразеологических сращений** должна ещё быть определена.

Известно, что во фразеологическом составе самых различных языков имеется достаточно большой массив ФЕ, утративших по тем или иным причинам как лингвистического, так и экстралингвистического (собственно уже не лингвистического!) характера свою образную мотивированность.

Приведем в качестве примеров некоторые фразеологизмы, утратившие образную мотивированность своего значения в связи с этимологической затемненностью одного из лексических компонентов в составе СК-прототипа (фактор лингвистический): русск. *сбить с панталыку* – 1) «приводить в замешательство, в растерянность, в заблуждение», 2) «воздействуя каким-либо образом, побуждать изменить поведение в плохую сторону», англ. *have kissed the Blarney stone* – «стать лицемером», франц. *à la queue leu leu* – «один за другим, гуськом». Этимологически затемненные компоненты в составе этих ФЕ: *панталык, the Blarney (stone), leu leu.* Можно ли говорить о значительной роли **К** в значениях фразеологизмов такого типа (одной из разновидностей **фразеологических сращений**)?

Затемнение или полная утрата фразеологического образа, несомненно, ослабляет коннотативные возможности той или иной ФЕ, усиливая вместе с тем роль **С** и **Д** в структуре её значения. Тем не менее, взаимодействие некоторых лингвистических факторов явно способствует сохранению за **К** его значительной роли.

Фразеологизмы такого типа все-таки остаются языковыми единицами, экспрессивно маркированными и в стилевом, и в стилистическом отношении: они осознаются носителями языка как единицы особых стилевых сфер употребления (неофициальная, разговорно-бытовая, фамильярная речь, допускающая даже просторечие), включение их в акт коммуникации явно усиливает эмоционально-оценочные возможности высказывания (ср.: Ты вчера опять ничего не делал? – Ты вчера опять баклуши бил? – Второе высказывание несет общую пейоративную тональность и выражает явно негативную оценку поведения адресата речи).

Компоненты, не поддающиеся лингвистической интерпретации и способствующие тем самым безóбразному восприятию всего фразеологизма, создают вместе с тем «эффект скрытого образа», «тайны», «загадки». Этот лингвистический фактор, явно усиливающий **коннотативные** возможности фразеологизмов такого типа, построен на лингвистическом парадоксе: компонент, способствовавший утрате образности ФЕ, одновременно выступает и в роли дезактуализатора, и в роли интенсификатора **К** в структуре ФЗ.

В такой же двойной роли выступает и **СК-прототип** фразеологизма, в целом совершенно доступный пониманию носителей языка, но вместе с тем только осложняющий восприятие целостного значения этого фразеологизма (почему *собаку съесть* (в чем-то, на каком-то деле) означает «иметь большой опыт» (в каком-либо деле)?). Перед нами уже **фразеологические сращения** 2-й разновидности.

Утрата ими образной мотивированности целостного значения часто бывает связана и с экстралингвистическими факторами: забыты жизненные ситуации, способствовавшие превращению свободного словосочетания *собаку съесть* во фразеологизм, забыт тот факт из истории Франции, что в парижскую тюрьму при дворце правосудия (Palais de Justice) помещали (обычно на короткие сроки) проштрафившихся пажей и дворцовых слуг, разрешая им при этом играть на имевшейся там *скрипке* (*le violon*), отсюда и пошло выражение *mettre au violon,* которое вскоре – на основе **метонимического переноса** – получило целостное обобщенно-переносное значение «посадить в тюрьму».

Фразеологические сращения 2-й разновидности также осознаются в том или ином языке как **экспрессивно маркированные** в функционально-стилевом и стилистическом отношении выражения, характерные для фамильярно-разговорной речи со свойственной ей яркостью **эмоциональных оценок.** Кроме того, лингвистическим фактором, способствующим сохранению **К** в их семантике, является **алогизм** связи **целостного значения** таких **ФЕ** с **общим смыслом СК-прототипа.**

Итак, **ФЗ** отличается от **ЛЗ** тем лингвистическим фактором, что в его многокомпонентной структуре значительная роль **всегда** принадлежит **коннотативному компоненту – К,** и этот компонент, естественно, никогда не может быть признан в составе **ФЗ** факультативным.

Специально обращая внимание на те лингвистические факторы, которые способствуют сохранению **К** в структуре **ФЗ**, когда его главная составляющая – **образная составляющая** – фактически отключена, мы как бы заново вновь продемонстрировали очень сложную структуру этого компонента (в первый раз это было подробно сделано при описании многокомпонентной структуры ЛЗ в главе 1).

Поскольку объектом исследования в этом разделе главы II является многокомпонентная структура **ФЗ**, рассматриваемая в сопоставлении со структурой **ЛЗ**, мы теперь должны сопоставить **образную составляющую ФЗ с образной составляющей ЛЗ.**

Вполне понятно, что ЛЗ многих **слов** и особенно прямые первичные их значения вообще лишены какой-либо образности. Однако к сопоставлению с **фразеологизмами**, которые всегда обладают **реальной** (**фразеологические единства**) или хотя бы **потенциальной, этимологически реконструируемой образностью** (**фразеологические сращения**) будут привлекаться только слова в **переносных образно мотивированных значениях**, т.е. слова, в **ЛЗ** которых активно функционирует **образная составляющая К.**

При таком сопоставлении нас прежде всего будут интересовать сходства и различия образных возможностей **слова** в значениях **переносных** и **фразеологизма** (прежде всего, конечно, **фразеологических единств**).

В очень многих языках (разносистемных и разноструктурных!) широко известны формы качественной оценки человека, выраженные **переносными** значениями **слов**, которые в прямых своих значениях обозначают животных, признанных многими народами своего рода эталонами соответствующих качеств: 1) *змея* – «злой, жестокий человек» (**русск.**, укр., блр., польск., чешск., словацк., сербскохорв., **англ., немецк.,** швед.,

норв., **франц., исп.,** итал., рум., венг., турецк., узб., казах., китайск., вьет.), 2) *лиса* – «хитрый человек, хитрец» (**русск.,** укр., блр., польск., чешск., словацк., сербскохорв., **англ., немецк.,** швед., норв., **франц., исп.,** итал., рум., венг., турецк., узб., казах., башк., китайск., корейск., вьет.).

При сопоставлении переносных значений данных слов с ФЕ, включающими в свой состав соответствующие лексические компоненты (*змея – лиса*), можно заметить, что семантика ФЕ характеризуется **большей разноплановостью, большей широтой содержания,** т.е. именно тем свойством, которое мы уже в главе 1 называли **эврисемичностью.**

ФЕ лексического состава «старая лиса / старый лис» (в некоторых языках это слово обозначает животное мужского пола!), свойственные многим языкам (**англ.** *old fox,* **нем.** *alter Fuchs,* швед. *gammel räv,* норв. *gammel rev,* **франц.** *vieux renard,* итал. *una vecchia volpe,* серб. *стар лисац,* узб. *кари тулки,* венг. *vén roka,* вьет. *cáo giá*), синонимически сближаются с русскими ФЕ *старый / стреляный воробей, стреляная птица*, т.е. требуют довольно подробной семантической интерпретации типа «бывалый, опытный человек, которого трудно перехитрить, провести, обмануть». Эти **ФЕ** по сравнению с соответствующими **словами** в их **переносных значениях** снова характеризуются вполне явно выраженной **эврисемичностью.**

Русская ФЕ *змея подколодная* имеет более сложное значение, чем слово *змея* в его переносной семантике. Это «злой и жестокий, коварный человек, который совершенно неожиданно для окружающих может проявить свое враждебное отношение к ним»: «Сама – уедет к сыну, поступит к нему хоть в няньки, лишь бы не о бок с *подколодной змеею* жить» (В.Я.Шишков. «Угрюм-река»). **Эврисемичная** семантика фразеологизма мотивируется его **внутренней формой (ФО)** – представлением о *змее,* выползающей *из-под колоды и неожиданно нападающей.* Очень близкую образно-семантическую аналогию мы находим в английской фразеологии: *a snake in the grass* – «злой и жестокий человек, тайный враг» (букв. «змея в траве»). Характеризуемая близкой образностью ФЕ французского языка имеет уже более отвлеченное значение: *le serpent sous les fleurs* – «скрытая опасность» (букв. «змея под цветами»). По своей образности и семантике к ФЕ русского и английского языков очень близок явно **эврисемичный** фразеологизм персидского языка: *мар – э дäр пирahän* – «скрытый, замаскированный враг из ближайшего окружения» (букв. «змея в рубашке»)[53]. Обратимся вновь к серии разноязычных ФЕ, начатой нами русским фразеологизмом *и мухи не обидит*. Значения фразеологизмов этого ряда также обладают достаточно широким содержанием – «кроткий, смирный, совершенно безобидный, исключительно добрый», акцентирующим целый ряд признаков, характеризующих человека. Значения эти тоже **эврисемичны.**

Итак, **целостное обобщенно-переносное и образно мотивированное значение фразеологизмов** (фактически только **фразеологических единств!**) достаточно часто характеризуется **эврисемичностью. Эврисемичность** этого значения проявляется прежде всего, как вы, видимо, успели заметить, на уровне **денотативного** и **сигнификативного** его компонентов, но обусловлена она особенностями **образной составляющей ФЗ.**

Чем же **образная составляющая ФЗ** отличается от **образной составляющей ЛЗ**? Или иначе: чем **образ**, лежащий в основе **ФЗ,** или **фразеологический образ**, отличается от **образа**, лежащего в основе **лексического значения**, или **образа лексического?**

Лексический образ (ЛО) выражается **одним словом** (А.П. Чехов. «Медведь», Попова – Смирнову: **Медведь! Медведь! Медведь!** А.П. Чехов. «Чайка», Нина Заречная: Я – **чайка!**) – **фразеологический образ** эксплицируется целым **сочетанием слов**, чаще всего **словосочетанием** (М. Киселева. «Белая ворона»: «В словаре *индивидуум* объясняется как отдельная личность в среде других людей. Так вот, тут совершенно отдельная, среди других. Счастье, что это редкость. **Белая ворона**» ; Всеволод Соловьев. «Изгнанник» : «Никак это ты, Мишенька, **вороной** стал **в павлиньих перьях**! Очнись, батюшка, не пристало тебе франта такого разыгрывать…»).

Вполне очевидно, что **фразеологический образ** имеет гораздо больше возможностей для своей экспликации: он может быть выражен и **свободным сочетанием слов (белая ворона)** и **несвободным – алогизмом** с **парадоксальной (ворона в павлиньих перьях)** или **оксюморонной** связью компонентов **(живые мощи, живой труп).**

Более сложные формы экспликации **фразеологического образа** усиливают не только его **коннотативные** возможности – они расширяют его общее понятийное **(сигнификативное)** и предметно-вещественное **(денотативное)** содержание и способствуют формированию **эврисемичного значения**[54] соответствующего фразеологизма: *ворона в павлиньих перьях* – «человек, стремящийся казаться гораздо лучше и значительнее, чем он есть на самом деле; человек, стремящийся оторваться от своей социальной среды, которая представляется ему незначительной, и войти в более привилегированные слои общества».

Фразеологический образ является своего рода «ключом» к пониманию **ФЗ.** Исходя из специфики фразеологического образа и тенденции фразеологизмов к эврисемичности **ФЗ**, можно на уровне **С** и **Д** разграничить фразеологизмы, объединяемые общей семой «безделье»: *сидеть сложа руки* – «бездействовать, проявлять полную пассивность в тех ситуациях, когда необходимы решительные действия» (сравнить: нем. *die Hände in den Schoss legen*, франц. *rester les bras croisés*, исп. *estar con brazos cruzados*), *лежать на печи, лежать на боку* – «бездельничать, предаваясь полной праздности и проявляя полное равнодушие к окружающему» (сравнить: нем.*auf der Bärenhaut liegen*), *плевать в потолок* – «бездельничать, предаваясь совершенно пустым развлечениям и демонстрируя полное пренебрежение ко всему окружающему» (А нам что? Пусть другие вкалывают! А мы *в потолок плевать будем*! – «Вечерняя Москва», 1986).

---

[53] *Рубинчик Ю.А.* Основы фразеологии персидского языка. – М., 1981. С. 42.

[54] *Алефиренко Н.Ф., Валюх З.Д.* Теоретические основы фразеографической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов // Проблемы русской и общей фразеографии. – Новгород, 1990. С. 23–32.

Как уже показал проанализированный фразеологический материал, фразеологизмы разных языков могут очень по-разному соотноситься между собой именно **на уровне фразеологических образов**, мотивирующих **тождественные** или **предельно близкие ФЗ.** Это интересное явление и будет основным объектом нашего исследования в следующем разделе главы II.

5. РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ КАК ОБЪЕКТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Фразеологический состав (фразеология) любого языка является «неисчерпаемой сокровищницей» (W.Humboldt: eine unerschöpfliche Fundgrube) его образных, ярко коннотированных выражений, помогающих воспринять сложные и отвлеченные понятия на основе конкретных и наглядных представлений и картин. **Фразеологическая картина мира** того или иного народа – это прежде всего мастерство и искусство этого народа представлять сложные **концепты** (понятия, имеющие философско-познавательную и этнокультурную ценность) в виде **образов**.

Фразеология русского народа характеризуется богатейшей палитрой образов, отражающих и концепты мироздания, и особенности жизни и культуры именно этого народа.

Образность многих фразеологизмов русского языка связана с бытом и обычаями нашего народа, расшифровка фразеологических образов часто требует определенных этнокультурных сведений.

В романе Вс. Соловьева «Жених царевны» весьма своеобразно характеризуются родители будущего первого царя из рода Романовых: «И отец, и мать Михаила Федоровича были люди необычной крепости, твердой воли, большого разума; про них говорили: «*нашла коса на камень*». Близкие родственники полагали, что не добром кончится брак Федора Никитича – жена ему не уступит, он перед ней не согнется…»

Вполне возможно, что интересующий нас **фразеологизм с замкнутой предикативной структурой (в паремиологии – поговорка)** мог возникнуть задолго до описываемых в романе событий XVII века: его **фразеологический образ (внутренняя форма** фразеологического оборота) тесно связан с русским крестьянским бытом. Поскольку очень близкую, но только в большей степени «расшифрованную» внутреннюю форму имеет фразеологизм украинского языка (*найшла коса на камінь: коса не втне, камінь не подасться*), можно даже предположить, что время его возникновения относится к периоду **восточнославянского языкового единства.** Приведенный выше контекст из романа Вс. Соловьева дает фактически полную расшифровку метафорического образа русской и украинской ФЕ.

Фразеологизм *отставной козы барабанщик* – «человек, занимавший в прошлом очень незначительное место в обществе, но в настоящее время утративший и его»: «Ну там отопрут без меня: я теперь не при должности – *отставной козы барабанщик* – не мое дело» (А.Н. Островский. «Невольницы») – находится, видимо, в стадии перехода от **фразеологического**

единства к фразеологическому сращению. Для образной мотивации его значения необходимо иметь некоторые этнокультурные сведения: в XVIII и первой половине XIX века была распространена народная забава: по улицам городов на потеху публике водили ручного медведя, которого сопровождали человек в козьей шкуре («коза»!) и мальчик, бьющий в барабан (он-то и был «козы барабанщик», т.е. барабанщик при козе). Мальчик с барабаном был самой незначительной фигурой во всей процессии. Однако образ фразеологизма построен на актуализации особой детали: речь идет о человеке, который уже утратил и эту очень скромную роль («отставной барабанщик»). Учитывая именно эту ситуацию, можно образно мотивировать эврисемичное значение фразеологизма.

Только обращаясь к уже известным вам этнокультурным сведениям, можно образно мотивировать и значения фразеологизмов *бить баклуши, точить лясы*, что уже и было сделано выше. Фразеологизмы *отставной козы барабанщик, бить баклуши, точить лясы* являются **собственно русскими**, поскольку их фразеологические образы связаны с представлениями о реалиях русского быта. К **собственно русской фразеологии** следует отнести и два фразеологизма-синонима со значением «исключительно долговязый, длинноногий и длиннорукий человек» (оценка ближе к негативной, эмоциональная тональность иронии, насмешки): «И тогда Пещериков стал оскорблять его, крича: «Верзила! Оглобля! Дылда!» – и так далее. По словам отца, Слава проявил завидное терпение, и только когда Пещериков крикнул «*Коломенская верста*!» – слегка стукнул его. Очевидно, это старомодное прозвище показалось самым обидным» (В. Каверин. «Верлиока»); «– Ты мне брось, *каланча пожарная*, пугать людей!» (М.Бубеннов. «Белая береза»).

ФЕ *каланча пожарная* сохраняет образную мотивированность и в настоящее время, в особенности при сопоставлении с контекстами, в которых её СК-прототип употребляется как сверхсловная номинативная единица в прямом значении: «Вот то – лавка местного богача Бабина. Это – домик батюшки. А вот торчит пожарная каланча» (А. Толстой, «Актриса»).

Для образной мотивации значения ФЕ *коломенская верста* снова необходимы некоторые этнокультурные сведения: первоначально **коломенская верста** – особенно высокий верстовой столб, такие столбы были расставлены вдоль дороги из Москвы в село Коломенское (летнюю резиденцию царя Алексея Михайловича). Затем – на основании **метафорического переноса** – это УС нефразеологического характера приобрело **целостное обобщенно-переносное значение** и превратилось во **фразеологизм.**

Напомним, однако, что основной проблемой данного раздела главы II является не описание собственно русской фразеологии, а **структурно-типологическое исследование русской фразеологии в сопоставлении с фразеологией других современных языков** и прежде всего, конечно, **английского, немецкого, французского и испанского.**

Для того чтобы перейти непосредственно к решению этой проблемы, поясним сначала, что следует вообще понимать под **сопоставительным структурно-типологическим исследованием фразеологии** двух или нескольких языков.

В такого рода исследованиях фразеологизмы двух или нескольких языков **сопоставляются** между собой по своим **семантическим структурам,** при этом выявляются различные **типы соотношения их семантических структур** и устанавливается общая **типология** этих соотношений.

Семантическая структура фразеологизма представляет собой **соотношение** его **целостного обобщенно-переносного значения с мотивирующим это значение фразеологическим образом (значение ФЕ** «исключительно долговязый, нескладный и неловкий человек» в соотношении с **наглядным представлением** о вполне реальной **пожарной каланче**, которая намного выше всех окружающих её построек, «торчит» над ними).

Сразу же отметим два очень важных для дальнейшего анализа положения: 1) основными объектами нашего исследования будут почти исключительно **фразеологические единства**, поскольку семантическая структура этих ФЕ достаточно «прозрачна» и доступна для анализа, **фразеологические сращения** могут вовлекаться в сферу такого анализа только после их **этимологизации**; 2) наш анализ является прежде всего **лингвистическим**, категория же **фразеологической образности** и вообще **образа как наглядного представления** о каких-либо реалиях скорее относится к сфере **психологии**, но в составе любого фразеологизма основы такого представления **лингвистически** выражены составом соответствующего **СК-прототипа**, и это делает вполне возможным и объективным **лингвистический анализ семантической структуры фразеологизма.**

Исходным положением **структурно-типологического анализа** фразеологизмов русского и сопоставляемых с ним языков является их **семантическое тождество** или, по крайней мере, **очень близкое семантическое сходство,** это обстоятельство предполагает особенно внимательную лингвистическую интерпретацию **СК-прототипов** фразеологизмов, в специфике которых и найдут свое *лингвистическое отражение* **различные типы образной соотнесенности разноязычных ФЕ.**

В настоящее время **структурно-типологический аспект сопоставительной фразеологии** привлекает внимание многих исследователей, предложено уже несколько **сопоставительных структурно-типологических классификаций** фразеологизмов различных языков[55]. Наша классификация таких соответствий впервые была представлена в 1982 году[56]. В 1985 году она была уточнена и получила дальнейшую разработку на материале фразеологии 17 языков: русского, украинского, польского, чешского, немецкого, английского, шведского, норвежского, французского, испанского, итальянского, румынского, венгерского, турецкого, казахского, узбекского (с привлечением также отдельных ФЕ

[55] *Долгополов Ю.А.* Сопоставительный анализ соматической фразеологии (на материале русского, английского, немецкого языков). Дисс. на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Казань, 1973. *Райхштейн А.Д.* Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980. *Солодухо Э.М.* Теория фразеологического сближения. – Казань, 1989.

[56] *Солодуб Ю.П.* К вопросу о совпадении фразеологических оборотов в различных языках // Вопросы языкознания, 1982, № 2.

монгольского, китайского, вьетнамского языков)[57]. Основным объектом сопоставления в этой классификации были **фразеологизмы русского языка.** Основной принцип её построения – учет **степени структурно-типологической близости** русских и сопоставляемых с ними иноязычных фразеологизмов. При **обязательном семантическом тождестве** сопоставляемых разноязычных ФЕ **степень их структурно-типологической близости** проявляется прежде всего **в степени сходства лексико-грамматической организации** составляющих их **СК-прототипов.**

На основе учета **степени структурно-типологической близости** сопоставляемых фразеологизмов выделяются **основные разновидности** их **структурно-типологических соответствий**: 1) **межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ),** 2) **межъязыковые фразеосемантические соответствия 1-й степени сходства (МФС–I)** и 3) **межъязыковые фразеосемантические соответствия 2-й степени сходства (МФС–II).**

1. Межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ)

Межъязыковые фразеологические эквиваленты (МФЭ)[58] – это фразеологизмы различных языков, **совпадающие** по своим **значениям** (обязательное условие для всех типологических сопоставлений в нашей системе вообще!), **фразеологическим образам** и **стилистической окраске** (см. во введении: русск. (у кого-л.) (*еще*) (*материно*) *молоко на губах не обсохло,* укр. (у кого) (*ще*) (*материно*) *молоко на губах не обсохло,* блр. (у каго) *малако на губах не абсохла* – «кто-л. слишком молод, не имеет никакого жизненного опыта», оценка смягченно негативная, эмоциональная тональность иронии, незлой насмешки), ФЕ употребляются предпочтительно в разговорной и фамильярно-разговорной речи.

В свою очередь **МФЭ** также на основе степени их **структурно-типологической близости**, отражающейся в различных **лексико-грамматических отношениях** составляющих их **СК-прототипов**, делятся на четыре разновидности: **МФЭ–I, МФЭ–II, МФЭ–III** и **МФЭ–II–III.**

Некоторые из этих разновидностей могут быть продемонстрированы на иноязычных структурно-типологических соответствиях русского фразеологизма *кровь с молоком*, рассматриваемого в 1-м своем значении «здоровый, румяный, с хорошим цветом лица» (о человеке): … Один (Солобуев) хворый, какой-то сморчок, а другой *кровь с молоком* и красавец (С.Т. Аксаков. «Наташа»); (Лука:) Эх, барыня-матушка! Молодая, красивая, *кровь с молоком,* – только бы и жить в свое удовольствие…(А.П. Чехов. «Медведь»); Глянул на соседку Аниску, скажу тебе – глазам не поверил. Была маленькая, худенькая, а стала – *кровь с молоком!* (Николай Лохматов. «Листопад»); Погонщицы, отборные, *кровь с молоком*

[57] *Солодуб Ю.П.* Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). – М., 1985.

[58] Этот термин впервые был введен в классификации Ю.А. Долгополова, см.: *Долгополов Ю.А.* Указ. соч. С. 26 и далее.

девчата, больше крутили с солдатами, угощали их первачком, вот и Кулагин повадился (О. Смирнов. «Эшелон»).

Это значение русской ФЕ **эврисемично** (латентные, «скрытые», семы «молодость», «красота» достаточно четко представлены в контекстах).

Структурно-типологическая разновидность **МФЭ – I,** предполагающая **полное соответствие** СК-прототипов разноязычных фразеологизмов на **лексическом и грамматическом уровнях,** обнаруживается в следующих близкородственных языках (СК-прототипы специально выделены!): русск. **кровь с молоком,** укр. **кров з молоком**, блр. **кроў з малаком,** польск. **krew z mlekiem**. Полное соответствие СК-прототипов данных фразеологизмов на лексическом и грамматическом уровнях отражает и полное соответствие образной организации этих ФЕ: в **метафорически** представленном эталоне цветущего здоровья признак «яркий румянец» явно превалирует над признаком «белизна лица»: начальная позиция компонента **кровь** и присоединение к нему компонента **молоко** с помощью подчинительной конструкции!

Разновидность **МФЭ–II** характеризуется отсутствием полного соответствия СК-прототипов разноязычных ФЕ на **лексическом** уровне. Такой тип структурно-типологического соответствия встречается в составе **МФЭ** различных языков достаточно редко, поскольку даже очень незначительные расхождения СК-прототипов на **лексическом** уровне обычно отражают и различие самих **фразеологических образов**. На материале русской ФЕ *кровь с молоком* и её иноязычных фразеологических параллелей показать структурно-типологические соответствия именно данной разновидности мы не можем. Но тем не менее в сопоставительной фразеологии они – при их редкости! – вполне реальны.

Вернемся к русской ФЕ (у кого-л.) (*ещё*) (*материнское*) *молоко на губах не обсохло.* В составе СК-прототипа этой ФЕ компонент **молоко** сочетается с синтагматически очень для него характерным глаголом конкретной семантики (с отрицанием) – **не обсохло.**

В некоторых **тюркских** языках фразеологизмы построены на фактически **тождественных образах**, но предложно-падежному сочетанию **на губах** в СК-прототипах соответствует форма исходного или местного падежа существительного с семантикой «рот», а глагольный компонент характеризуется более общей семантикой «не сойти», «не уйти» (отрицание включается в состав глагола в виде агглютинирующей частицы): казах. *анасинің сүтІ аузынан кеп***пе***ген* (букв. «молоко матери со рта не сошло», агглютинирующая отрицательная частица выделена нами в составе слова), узб. *она сЎти оғзидан кет***ма***ган* (букв. «молоко матери со рта не сошло», агглютинирующая отрицательная частица также выделена!), башк. *ауызында ана һөте кип***мэ***гэн* (букв. «во рту молоко матери не ушло»). Поскольку все эти ФЕ характеризуются тождественной с русским фразеологизмом семантикой, по отношению к нему они являются **МФЭ–II.**

Покажем структурно-типологические соответствия типа **МФЭ–II** также на материале русского фразеологизма *волк в овечьей шкуре* – «злой и жестокий человек, притворяющийся добрым и добродетельным» и его фразеологических параллелей в языках регулярного сопоставления.

СК-прототип этого русского фразеологизма мы находим в евангельской притче о лжепророках: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам **в овечьей одежде**, а внутри суть **волки хищные**» (Матф., 7, 15). В составе фразеологизма евангельская цитата, как мы видим, претерпела некоторую трансформацию: она выражена в краткой формуле, восходящей к несвободному словосочетанию – **алогизму** с **парадоксальной** связью компонентов **волк** *в овечьей шкуре*, в этой краткой формуле, вошедшей в состав фразеологизма, утрачено определение к слову **волк**, а компонент **одежда** – на основе семантического согласования с определением *овечья* – заменен онтологически более близким словом *шкура,* в результате этих трансформаций и возникла окончательная форма ФЕ – *волк в овечьей шкуре.*

Сопоставим теперь евангельские тексты на немецком и английском языках с краткими формулами – фразеологизмами, возникшими на их основе: «Sehet euch vor den falschen Propheten, die **in Schafskleidern** zu euch kommen, in wendig aber sind sie **reissende Wölfe**» (Matt., 7,15) – *ein Wolf in Schafskleidern* (букв. «волк в овечьей одежде»);

«Beware of false prophets, which come to you **in sheeps clothing**, but inwardly they are **ravening wolves**» (Matt., 7, 15) – *a wolf in sheeps clothing* (букв. «волк в одежде овцы»).

Как мы видим, и немецкий, и английский фразеологизмы, сохранив бóльшую лексическую близость к евангельским текстам, именно на **лексическом уровне** отличаются от фразеологизма русского, однако ФО во всех случаях остается тождественным: ведь *одеждой* овцы может быть только её *шкура.*

Именно поэтому ФЕ немецкого и английского языков являются по отношению к ФЕ русского языка структурно-типологическими соответствиями **МФЭ–II.** Классификация структурно-типологических соответствий французского и испанского языков, не относящихся к категории **МФЭ–II,** будет дана позже: франц. *le loup qui se fait l'agneau* (букв. «волк, который делает из себя ягненка»), исп. *cara de beato, uñas de gato* (букв. «лицо блаженного, святого – когти кота»).

Обращаясь к структурно-типологическим соответствиям разновидности **МФЭ–III**, характеризуемым отсутствием полного сходства СК-прототипов фразеологизмов разных языков на **грамматическом уровне**, мы можем вновь обратиться к русской ФЕ *кровь с молоком*, рассмотрев её межъязыковые связи с фразеологией чешского, словацкого, болгарского, итальянского, немецкого и норвежского языков.

Русск. *кровь с молоком* – чешск. *krev a mléko,* словацк. *krv a mlieko:* фразеологизмы чешского и словацкого языка сформированы на основе СК-прототипов с **сочинительной** связью компонентов (букв. «кровь и молоко»), что как бы уравнивает роль этих компонентов в структуре фразеологического образа (некоторое превалирование признака «яркий румянец» может сохраниться только за счет **препозиции** компонентов *krev, krv*).

Фразеологизмы всех последующих языков (болгарского, итальянского, немецкого и норвежского) сформированы на основе СК-прототипов с **препозицией** компонента семантики «молоко», и это интересное обстоя-

тельство вносит определенные нюансы в восприятие фразеологического образа – превалирующим признаком здесь, видимо, является все-таки «белизна лица»: болг. *само мляко и кръв*, итал. *tutto latte e sangue*, нем. (*wie*) *Milch und Blut*, норв. (*som*) *melk og blod* (в скобки заключены факультативные компоненты, соответствующие русскому *как*, который факультативно употребляется и в составе русской ФЕ – (*как*) *кровь с молоком*).

Особенно редким является структурно-типологическое соответствие **МФЭ–II–III**, характеризуемое отсутствием полного сходства СК-прототипов **как на лексическом, так и на грамматическом уровнях**: русск. *птенец желторотый*, болг. *има още жълто около устата* (букв. «имеет ещё желтизну около рта») – «очень юный, не имеющий никакого жизненного опыта» (оценка ближе к негативной, эмоциональная тональность иронии, иногда шутливой снисходительности: Да ты еще совсем *птенец желторотый!*).

Итак, мы рассмотрели все возможные разновидности структурно-типологических соответствий фразеологизмов различных языков в пределах **межъязыковой фразеологической эквивалентности.** В заключение следует только отметить, что резких границ между этими разновидностями, конечно, быть не может, возможны и **переходные** явления (при сопоставлении русской ФЕ (у кого-л.) *ещё материно молоко на губах не обсохло* с её **МФЭ–II** в ряде тюркских языков, кроме расхождений на **лексическом уровне**, наблюдаются и некоторые очень незначительные **грамматические** несоответствия в построении СК-прототипов русского и тюркских фразеологизмов).

Общее и типологически исключительно важное свойство всех разновидностей **МФЭ** – наличие у сопоставляемых разноязычных фразеологизмов **тождественных фразеологических образов.**

Теперь же мы переходим к структурно-типологическим соответствиям фразеологизмов различных языков, которые уже не характеризуются наличием тождественных фразеологических образов – к **МФС–I** и **МФС–II**.

2. Межъязыковые фразеосемантические соответствия 1-й степени сходства (МФС–I)

МФС–I характеризуются уже не тождественными, а только **близкими** фразеологическими образами, что, безусловно, находит свое отражение прежде всего в определенных **лексических несоответствиях** СК-прототипов сопоставляемых разноязычных фразеологизмов, эти **лексические несоответствия** и являются основными лингвистическими показателями **отсутствия тождества** фразеологических образов.

Рассмотрим русскую ФЕ *держаться / цепляться за маменькину* (*материну, материнскую, мамашину, мамину*) *юбку* – «проявлять несамостоятельность и свою полную зависимость от матери» в сопоставлении с ФЕ тех языков, в которых эта русская ФЕ имеет структурно-типологические соответствия интересующего нас типа (**МФС–I**).

В романе английского писателя Джона Голсуорси одна из героинь, юная Флёр Форсайт, поняв, что любящий её юноша, Джон Форсайт, готов отказаться от её любви ради счастья и спокойствия своей матери,

произносит следующую фразу: «I didn't think in these days boys *were tied to their mothers' apron-strings* (John Galsworthy. «The Forsyte Saga»). В составе этой фразы есть очень интересный по своей образности фразеологизм английского языка, выделенный нами в тексте. В русском переводе он заменен своим русским фразеологическим соответствием: «Не думала я, что в наши дни молодые люди (в англ. тексте – boys!) *цепляются за мамашины юбки*» (перевод под общей редакцией М. Лорие).

Русский и английский фразеологические обороты тождественны по своим значениям и стилистической окраске (разговорно-фамильярная речь), их семантике свойствен тождественный коннотативный компонент – выражение негативной оценки (при этом негативность оценки значительно усиливается, когда фразеологизмы характеризуют лиц мужского пола – мальчиков-подростков, юношей, молодых людей), эмоциональная тональность иронии, переходящей в данном, например, случае в злую насмешку. Но мотивирующие их семантику **фразеологические образы** *тождественными не являются*, они только **близки** (сравните СК-прототип русского фразеологизма с переводом СК-прототипа фразеологизма английского – «быть привязанным к завязкам материнского фартука», вообще английский фразеологизм функционирует обычно в двух лексических вариантах – (*to*) *be tied* (*pinned*) *to mothers' aprong-strings*, букв. «быть привязанным (прищпиленным) к завязкам материнского фартука»).

Немецкий фразеологизм *an Mutters Schürzenband hängen* (букв. «висеть на завязках материнского фартука») является **МФЭ–III** по отношению к английскому фразеологизму, СК-прототип которого представляет собой **пассивную** конструкцию (в отличие от активной конструкции в немецком языке) и **МФС–I** по отношению к русскому фразеологизму.

МФС–I по отношению к русскому фразеологизму имеются и во фразеологии итальянского языка: *essere / stare attaccato* (*cucito*) *alla gonnella* (*alla sottana*) *della mamma* (букв. «быть привязанным / пришпиленным к юбке = la gonnella=la sottana мамы») и *non uscire mai di sotto la gonnella della mamma* (букв. «ещё ни разу не выходить из-под подола маминой юбки»). При этом образ 1-го итальянского фразеологизма (он является **МФЭ–I** по отношению к ФЕ английского языка и **МФЭ–III** по отношению к немецкой ФЕ!) все-таки ближе к образу русского фразеологизма, чем образ 2-го итальянского фразеологизма.

Структурно-типологические соответствия типа **МФС–I** обычно имеют свои лингвистические показатели: в состав СК-прототипов сопоставляемых фразеологизмов часто входят онтологически очень близкие лексемы идентичных лексико-семантических групп (в нашем случае – обозначение деталей женского туалета), лексемы, соотносящиеся между собой как видовые и родовые наименования (русск. *старый / стреляный воробей*, англ. *old bird*, букв. «старая птица» – «бывалый, опытный человек, которого трудно провести, обмануть», русск. *волк в овечьей шкуре* (овечий → овца), франц. *le loup qui se fait l'agneau*, букв. «волк, который притворяется ягненком»).

В некоторых случаях, однако, значительная лексическая близость СК-прототипов приводит, тем не менее, к весьма не адекватным семантическим результатам (формированию **разных значений**). В таких случаях об отношениях типа **МФС–I** говорить, конечно, нельзя. Выше мы уже рассмотрели семантику итальянского фразеологизма *non uscire mai di sotto la gonnella della mamma*, очень близкий по лексическому составу своего СК-прототипа испанский фразеологизм имеет, однако, совсем другое значение и лишен характерных для итальянского фразеологизма отрицательных коннотаций: исп. *no haber salido de las faldas de su madre* – «очень простодушный, наивный человек» = он совсем ребенок! Он совершенное дитя! (букв. «не выходил из-под юбки своей матери»).

Завершая анализ структурно-типологических отношений типа **МФС–I**, рассмотрим термин, выбранный нами для их обозначения, – **межъязыковые фразеосемантические соответствия 1-й степени сходства.** Фразеологизмы различных языков, соотносящиеся между собой как **МФС–I**, характеризуются не только **семантическим тождеством**, но и значительной степенью близости на **фразеологическом уровне: семантика** их мотивируется на основе **близких фразеологических образов.** Именно поэтому они и названы **межъязыковыми фразеосемантическими соответствиями 1-й степени сходства**, той степени сходства, которая опирается на **близкие** фразеологические образы.

Вполне естественно, что межъязыковые структурно-типологические соответствия фразеологизмов, уже не характеризуемых близостью фразеологических образов, могут быть названы **межъязыковыми фразеосемантическими соответствиями 2-й степенн сходства.** К их анализу мы теперь и переходим.

3. Межъязыковые фразеосемантические соответствия 2-й степени сходства (МФС–II)

МФС–II характеризуются, помимо вообще обязательных и для других типов межъязыковых структурно-типологических соответствий, т.е. **МФЭ** и **МФС–I**, тождеством значений и стилистических характеристик, только **общностью фразеологической модели (ФМ)**. **Фразеологические образы** в пределах данной ФМ совершенно различны и носят очень часто **специфически национальный характер.** Со структурно-типологическими соответствиями типа **МФС–II** мы уже неоднократно встречались в предыдущих разделах главы. Напомним, что под **ФМ, общей** для целого ряда языков, мы понимаем **обобщенную схему логико-семантического конструирования значений** определенных фразеологизмов этих языков. **ФМ** всегда **двучленна**: 1-м её компонентом является **обобщенная формула значений СК-прототипов** рассматриваемых **фразеологизмов,** 2-ой её компонент представляет собою **семантический результат целостного переосмысления значений этих СК-прототипов,** т.е. **тождественное** для всех рассматриваемых **фразеологизмов** их **целостное обобщенно- переносное значение.**

Так, по общей ФМ построены фразеологизмы целого ряда языков, выражающие оценку крайней степени невежества и безграмотности человека: 1) «не знает даже самой первой буквы родного алфавита или одной

его из первых букв» → 2) «абсолютно невежествен, безграмотен» (оценка резко негативная, эмоциональная тональность злой насмешки). Фразеологизмы, построенные по данной ФМ: русск. *не видал / не знает ни аза в глаза,* исп. *no sabe ni la a* (букв. «не знает и А» – первой буквы испанского алфавита), *no sabe ni una jota* (букв. «не знает и хоты» – одной из первых букв алфавита – j), турецк. *elifi görse mertek* (*direk*) *sanir* (букв. «если увидит алиф – первую букву арабского алфавита, – примет его за четырехугольный брус / шест»), узбек. *алифни таёқ демок,* (букв. «алиф называет палкой», ФО узбекской ФЕ, как и турецкой, восходит к тем временам, когда эти народы пользовались арабским алфавитом: *алиф* – первая буква арабского алфавита – действительно отдаленно напоминает палку, брус или шест). ФО всех приведенных выше фразеологизмов маркированы в этнокультурном отношении: для их понимания необходимо знакомство с национальными культурами этих народов.

Однако специфические именно для данного народа ФО могут и не иметь специальной этнокультурной маркированности. Напомним ФЕ ряда языков, построенные по ФМ «когда животное / птица X будет обладать свойством, явно противоречащим его природе» → «никогда!» : русск. *когда рак на горе свистнет* (*а рыба запоет*), англ. *when pigs fly* (сравнить с МФС – I русского языка *когда поросеночек птичкой полетит*), франц. *quand les poules auront des dents,* исп. *cuando las ranas crien pelos, cuando meen las gallinas,* немецк. *wenn die Hunde mit dem Schwanz bellen.*

Близкое типологическое сходство ФЕ русского и английского языков как раз и является доказательством отсутствия их этнокультурной маркированности. Фактически ни один из приведенных выше фразеологизмов, объединенных общностью ФМ, этнокультурной маркированностью не обладает.

Структурно-типологические соответствия разновидности **МФС–II** особенно интересны в том отношении, что их внутренняя структура отражает одновременно два противоположных по своей сущности фактора – **универсальность законов мышления** и **национальную специфику образного видения мира различными народами.** Учитывая одновременное действие этих факторов во **фразеологии**, нам особенно интересно будет обратиться к исследованию иноязычных структурно-типологических соответствий **собственно русских по своей образности фразеологизмов.**

Если собственно русские по своей образности фразеологизмы имеют какие-то иноязычные структурно-типологические соответствия, то это, как правило, соответствия типа **МФС–II**, часто также носящие специфически национальный характер.

Вновь обратимся к двум собственно русским ФЕ, образность которых уже была очень подробно показана нами выше, это ФЕ *коломенская верста и пожарная каланча.* Их МФС–II в языках регулярного сопоставления носят также национально-специфический характер.

В немецких деревнях с давних пор выращивали бобы, фасоль (*die Bohnen*) и хмель (*der Hopfen*), при выращивании обоих растений пользовались *длинными и очень тонкими подпорками* (*die Stange*), на основе этих реалий и сложилась *образная основа* немецких фразеологизмов,

обозначающих очень высоких и худых (долговязых!) людей – *eine lange* (*dürre*) *Bohnenstange, eine lange* (*dürre*) *Hopfenstange.*

Во Франции выращивался виноград, для этого также использовались специальные – тоже *длинные и тонкие* – подпорки (*un échalas*), на основе этой специфически национальной реалии и сформировалась образная основа фразеологизма со значением «верзила, долговязый человек» – *un grand échalas* (букв. «большая подпорка»).

В Испании широко известна народная игра, проводимая во время некоторых праздников: по условиям этой игры её участники стараются забраться на высокий столб (la cucaña), чтобы получить приз. На основе этой национальной реалии и становится ясной образная основа фразеологизма *más alto que una cucaña* – «верзила, очень высокий, долговязый человек» (букв. «более высокий, чем куканья»). Сама грамматическая конструкция *más – качественное имя прилагательное – que* (*более – качественное имя прилагательное – чем*) очень характерна для многих фразеологизмов испанского языка[59].

В английском языке нет семантически соответствующего фразеологизма, но имеется сложное слово с образно мотивированным переносным значением: (а) *maypole* – «долговязый человек, верзила» (букв. «майский столб» – очень высокий столб, украшенный лентами и венками, вокруг которого танцуют дети и молодежь в праздник начала весны – 1-го мая; этот комментарий и позволяет понять образную основу национально-специфической метафоры английского языка).

Все рассмотренные выше фразеологизмы русского, немецкого, французского и испанского языков построены по общей **ФМ** «объект, характеризующийся исключительной высотой» → «человек исключительно высокого роста». Фактически внутри этой же модели можно рассмотреть семантическую структуру переносного и образно мотивированного значения английского слова (а) *maypole.*

При сопоставительном структурно-типологическом анализе собственно русских фразеологизмов со значением «исключительно далеко» и их фразеологических соответствий в языках регулярного сопоставления могут быть выделены две общие для всех пяти языков **ФМ**: 1) «где-то исключительно далеко за пределами данной страны» (образ строится на **гиперболе**!) → «исключительно далеко» и 2) «там, где уже находятся сверхъестественные силы» → «исключительно далеко».

Фразеологизмы, построенные по 1-й **ФМ,** представлены в русском языке известными сказочными зачинами – *за тридевять земель, в тридесятом царстве* – и таинственными обозначениями каких-то очень отдаленных мест: *куда ворон костей не заносил, куда Макар телят не гонял* (*Макар* – имя-символ, обозначение крестьянина-бедняка, не имеющего своих земельных наделов и вынужденного гонять своих телят в какие-то очень отдаленные места, на «ничейные земли»). Двум первым русским ФЕ в какой-то мере (только на уровне **МФС–II**) соответствуют также построенные на гиперболах ФЕ немецкого, норвежского и английского языков: нем. *über alle Berge* (букв. «за всеми горами»), норв. *over alle*

[59] *Zarco Miguel Tirado.* Refranes. Biblioteca Popular, 1987.

hauger (букв. «за всеми холмами»), англ. *on the other side of the world* (букв. «на другой стороне мира / света»).

2-я **ФМ** представлена в сопоставляемых нами языках двумя своими разновидностями: 1) «там, где находится нечистая сила (черти, дьяволы)» → «исключительно далеко» и 2) «там, где находятся силы божественные» → «исключительно далеко».

1-й и более распространенной в языках разновидности 2-й **ФМ** соответствуют семантические структуры двух русских фразеологизмов *у черта на рогах* и *у черта на куличках.* ФЕ *у черта на рогах* характеризуется достаточно прозрачной внутренней формой (достаточно ясным ФО): *черт*, как известно, обитатель *преисподней* (метонимически ФЕ прочитывается как «у черта в преисподней»). Сравним с **МФС–II** испанского языка *en los quintos infiernos* – «исключительно далеко» (букв. «в пятых преисподних»).

ФЕ *у черта на куличках* – «исключительно далеко» (А.П. Чехов, «На гвозде»: «Стручков обитал *у черта на куличках*») требует особого лингвистического комментария, без которого фразеологизм может быть воспринят только как **фразеологическое сращение** с этимологически неясным ФО.

Ещё В.И. Даль сделал интересный комментарий по поводу этого фразеологизма (не пользуясь, конечно, самим термином!): «*кулига, кулижка* – ...ровное место, чистое и безлесное; небольшой покос, пожня особняком среди пашень либо лесу, прогалинка, полянка, отличная растительностью, травою, ягодами, урожаем хлеба // лужок на заводи, заливе и самая заводь, *прм.,арх.;//* клин лесу, остров, *твр.,ряз...В вят. кулига* иногда значит починок, выселок или деревня в лесу. О неизвестно куда или далеко ушедшем, говорят: *У чорта на кулижках* (неправл. *на куличках*), неведомо где»[60].

Итак, *кулига, кулижка* (а не *куличка!*) – это какое-то отдаленное место в лесу, а черти, по народным поверьям, водились именно в таких отдаленных местах.

Подобные поверья существовали не только у русского народа, отсюда и соответствия типа **МФС–II** во фразеологии других языков: франц. *être au diable* (*à tous les diables*) habiter (loger) – «где-то немыслимо далеко» (жить, проживать), букв. «у черта (у всех чертей) (жить, проживать), *au diable vert, auvert, vauvert* (vivre, loger) – в том же значении, букв. «у зеленого черта» (жить, проживать), форма фразеологизма *au diable vert* и промежуточный его вариант *au diable auvert* являются, однако, производными от первоначальной формы *au diable Vauvert* (*Vauvert* – название замка в окрестностях Парижа, замок этот впоследствии был заброшен и стал, по народным преданиям, местом пребывания нечистой силы); нем. *beim Teufel seiner Großmutter* (wohnen) – «где-то немыслимо далеко» (жить), букв. «у бабушки черта» (жить).

1-я разновидность **ФМ** «там, где пребывают сверхъестественные силы» (а именно: нечистые силы) → «исключительно далеко» является, как мы видим, достаточно продуктивной. 2- я же её разновидность «там, где пребывают сверхъестественные силы» (а именно Бог, божественные си-

[60] *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. – М., 1955. С. 216.

лы) → «исключительно далеко» менее продуктивна, и для того чтобы продемонстрировать её, нам нужно обратиться к более широкой сфере языков: венг. *isten háta mögött* – «где-то исключительно далеко» (букв. «за спиной Бога», специфическая конструкция венгерского языка с *послелогом* mögött, обозначающим место: *isten háta = «Бога спина»*); испанск. *donde Cristo dio las tres voces* (*y no lo oyeron*) – «исключительно далеко», букв. «где Христос трижды возглашал (и его не услышали)» (согласно Евангелию от Марка, Христос трижды обращался к своим ученикам в ночь перед тем, как был схвачен по приказанию «первосвященников и книжников», но ученики оставались глухи к его словам; это происходило в Гефсимании, т.е. *очень далеко от Испании*).

Рассмотрим также **ФМ** «быть вынужденным обходиться самой простой и дешевой пищей» → «терпеть сильную нужду, жить крайне бедно, испытывая большие лишения». Интересно, что в русском языке эта модель представлена двумя фразеологизмами. Причем один из них, включающий в состав своего СК-прототипа компонент **квас**, который обозначает русский крестьянский напиток, приготавливавшийся даже в самых бедных семьях, имеет **МФС–II** только в испанском и румынском языках образность этих ФЕ имеет также специфически национальный характер: русск. *перебиваться с хлеба на квас,* испанск. *pasarse los dias a pan y cebolla* (букв. «проводить дни на хлебе и луке»), румынск. *a trăi cu mămăligă şi ceapă* (букв. «жить на мамалыге и луке»).

2-й фразеологизм, в состав СК-прототипа которого входят общеизвестные по семантике компоненты **вода** и **хлеб**, имеет достаточно большое количество **МФЭ** в других европейских языках: русск. *перебиваться с хлеба на воду,* укр. *перебиватися з хліба на воду* (**МФЭ–I**), польск. *żyć o chlebie i wodzie* (**МФЭ–II**), франц. *vivre au pain et à l'eau* (букв. «жить на хлебе и воде», **МФЭ–II**), исп. *estar a pan y agua* (букв. «быть, находиться на хлебе и воде», **МФЭ–II**), швед. *leva på vatten og bröd* (букв. «жить на хлебе и воде»), норв. *leve av brød og vann* (букв. «жить на хлебе и воде», **МФЭ–II**).

Сопоставление двух русских фразеологизмов *перебиваться с хлеба на квас* и *перебиваться с хлеба на воду* (с нашей точки зрения это совершенно разные, хотя и близкие по своей образности ФЕ) с их иноязычными структурно-типологическими соответствиями ещё раз подтверждает одно очень важное положение, которое неоднократно прослеживалось нами и раньше: русская фразеология, как и фразеология других языков, состоит не только из ФЕ, характеризуемых яркой и несопоставимой с фразеологизмами других языков образностью, но и из ФЕ, имеющих очень близкие образные параллели (типа **МФЭ и МФС–I**) во фразеологии других языков. Это значит, что **фразеологические картины мира** (**ФКМ**) различных народов могут совпадать в каких-то своих «участках», в каких-то своих семантических сферах.

Чем же может быть объяснен такой интересный факт? Во-первых, способностью различных народов к одинаковому образному видению мира (русская ФЕ *кожа да кости* – «исключительно худой, очень тощий, изможденный человек» имеет **МФЭ** во всех современных европейских языках, во многих тюркских языках: башкирском, казахском, узбекском,

турецком, в монгольском, вьетнамском, китайском и корейском языках; эти образы были известны уже и фразеологии древних народов: лат. *ossa ac pellis*, букв. «кости и кожа», древнегреч. *osti kai derma,* букв. «кости и кожа»). Во-вторых, фактом восхождения фразеологизмов современных языков к какому-то общему древнему образно-семантическому прототипу (русская ФЕ *волк в овечьей шкуре*, её **МФЭ–II** в английском и немецком языках и её **МФС–I** во французском языке).

Указанные выше факторы делают в принципе возможным сопоставительные структурно-типологические исследования фразеологических систем самых разных языков, взятых в самом различном их соотношении. При этом в связи с **универсальностью законов мышления** всех народов мира и в определенной степени (!) **специфически национальным образным видением мира** разными народами мы, безусловно, обнаружим связи типа **МФС–II** в пределах **общих** для самых различных народов **ФМ** (см. выше русские фразеологизмы *ездить в Тулу со своим самоваром, коломенская верста, пожарная каланча, у черта на рогах, у черта на куличках* и разнообразие их образных этнокультурно маркированных соответствий в пределах общих **ФМ** во фразеологии других языков).

Общность **ФМ** сохраняется, безусловно, и в соответствиях типа **МФЭ** (**МФЭ–I, МФЭ–II, МФЭ–III, МФЭ–II–III**) и **МФС–I** , но в соответствиях таких типов **общность ФМ** активно поддерживается и значительной **образной близостью** сопоставляемых фразеологизмов.

Специально обращаясь к проблеме **структурно-типологического сопоставления** фразеологизмов **русского, английского, немецкого, французского и испанского языков**, сразу отметим довольно высокую степень **образной близости** фразеологизмов этих языков, т.е. фразеологических соответствий на уровне **МФЭ** и **МФС–I.**

Так, при сопоставительном структурно-типодогическом исследовании русских фразеологизмов со значением качественной оценки лица (*старый / стреляный воробей, белая ворона, своей собственной тени боится, (у кого-л.) семь пятниц на неделе* и т.д.), рассмотренных в многоязычном сопоставлении, мы получили любопытную статистику: из **560** ФЕ **русского** языка **117** имеют **МФЭ** разных разновидностей и **МФС–I** в **английском** языке, **159** – в **немецком**, **161** – во **французском**, **156** – в **испанском**[61] (для сопоставления: в **украинском – 338**, в **белорусском – 336**, в **болгарском – 245**, в **польском – 223**, в **чешском – 163**).

Однако ни на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица, ни на значительно расширенном материале фразеологического состава современного русского литературного языка, использованном при написании этого учебника, нам не удалось обнаружить русских фразеологизмов,имеющих близкие структурно-типологические соответствия только в указанных выше четырех языках. Как правило, если какой-либо русский фразеологизм и имеет структурно-типологические со-

[61] *Солодуб Ю.П.* Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (на материале фразеологизмов со значением качественной оценки лица). – М., 1985. С. 108.

ответствия типа **МФЭ** (разных разновидностей) или **МФС–I** в английском, немецком, французском и испанском языках, его структурно-типологические связи этим не ограничиваются и распространяются на языки славянские, другие германские и романские языки, венгерский язык, чья фразеология уже много веков развивается в европейском ареале, не исключаются также близкие типологические связи с языками тюркской группы, а иногда и с языками в структурно-типологическом отношении очень далекими (вьетнамский, китайский, монгольский).

Все это мы предполагаем подробно показать в следующем разделе главы II, посвященном проблеме **сопоставительной многоязычной фразеографии** и включающем в свой состав, кроме теоретического обоснования необходимости развития этого вида **фразеографии** (т.е. системы словарей), ряд статей словаря нового типа «**Русская фразеология в многоязычном сопоставлении**» (фразеологический материал языков регулярного сопоставления будет в составе каждой словарной статьи специально выделен).

6. ПЕРСПЕКТИВЫ МНОГОЯЗЫЧНОЙ СОПОСТАВИТЕЛЬНОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ, НЕКОТОРЫЕ СТАТЬИ СЛОВАРЯ «РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В МНОГОЯЗЫЧНОМ СОПОСТАВЛЕНИИ»

Основная цель последнего раздела главы 2-й заключается в демонстрации перспектив **многоязычной сопоставительной фразеографии** – типа фразеографии, почти не разработанного вплоть до настоящего времени. Несмотря на очень интенсивное развитие современной русской фразеографии[62] и фразеографии, сопоставляющей фразеологию одного из иностранных языков с фразеологией русской[63], многоязычная сопоставительная фразеография почти отсутствует или в лучшем случае представляет собой сопоставительное описание фразеологии трех языков[64]. Исключение составляет «Иллюстрированный сборник идиом на пяти языках» М.И. Дубровина, в котором фразеологизмы русского языка сопоставлены с их семантическими и образными эквивалентами во фразеологии английского, французского, немецкого и испанского языков[65]. При

[62] *Войнова Л.А., Жуков В.П., Молотков А.И., Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского языка / Под ред. Молоткова А.И. – М.: Русский язык, 1986. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. доктора филологических наук А.И. Федорова. Т. I, II. – Новосибирск: Наука, 1991. *Аристова Т.С., Ковшова М.Л., Рысева Е.А., Телия В.Н., Черкасова И.Н.* Словарь образных выражений русского языка / Под ред. доктора филологических наук В.Н. Телия. – М.: Отечество, 1995. *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. Словарь. – М.: Русские словари, 1997.

[63] Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я.И. Рецкера. – М., 1963. *Бинович Л.Э., Гришин Н.Н.* Немецко-русский фразеологический словарь / Под ред. доктора Малиге-Клаппенбах и К. Агрикола. – М., 1975. *Андрейчина К., Влахов С., Димитрова С., Запрянова К.* Русско-болгарский фразеологичесий словарь. М., 1980. *Черданцева Т.З., Рецкер Я.И., Зорько Г.Ф.* Итальянско-русский фразеологический словарь. – М., 1982. *Левинтова Э.И., Вольф Е.М., Мовшович Н.А., Будницкая И.А.* Испанско-русский фразеологический словарь. – М., 1985 и др.

[64] *Попович Р.И.* Дикционар фразеолоджик франчез–молдовенеск – рус. – Кишинев, 1975.

[65] *Дубровин М.И.* Иллюстрированный сборник идиом на пяти языках. – М., 1997.

этом образные соответствия фразеологизмов пяти языков выявляются с помощью красочных иллюстраций, передающих специфику **фразеологического образа**, отраженного в **значении СК-прототипа.** Однако этот словарь очень невелик по объему: в нем в сопоставлении с ФЕ указанных выше языков дано 100 русских фразеологизмов.

Такое отставание в развитии сопоставительной многоязычной фразеографии от фразеографии двуязычной тем более удивительно, что первый русский фразеологический словарь М.И. Михельсона, появившийся в начале XX века[66], содержал большое количество многоязычных сопоставлений и даже в своем названии выражал идею необходимости подачи русской фразеологии в многоязычном сопоставлении: «Русская мысль и речь. *Свое и чужое.* Опыт русской фразеологии».

Здесь хотелось бы также отметить, что в современной **паремиографии** (словарном описании **паремий,** т.е. **пословиц и поговорок**) уже появились словари, в которых русская **паремиология** дается в многоязычном сопоставлении[67].

Общей чертой, характеризующей как имеющиеся многоязычные, так и двуязычные фразеографические источники, является стремление их составителей к поискам только в достаточной степени соответствующих друг другу *семантических эквивалентов* во фразеологии различных языков: русск. *тертый калач* – «бывалый, опытный человек, которого трудно провести, обмануть» = англ. *old hand* («старая рука»), поскольку английская ФЕ имеет ту же семантику. Оригинальную попытку выявить степень **образной близости** фразеологизмов пяти языков предпринимает М.И. Дубровин, но и он также не прослеживает **различную степень** этой образной близости. Представляется, однако, что и для двуязычных, и для многоязычных фразеологических словарей очень важно не только установить семантическую эквивалентность сопоставляемых фразеологизмов, но и показать различную степень их **структурно-типологической близости** (в терминах **МФЭ, МФС–I** и **МФС–II**), т.е. в целом охарактеризовать их **образно-семантические отношения.**

Поскольку в современной двуязычной и многоязычной фразеографии **никогда не осуществлялся сопоставительный структурно-типологический анализ разноязычных фразеологизмов,** позволяющий выявить не только их **семантическую эквивалентность**, но и **степень** их **образной близости**, предлагаемый вашему вниманию словарь, в котором такой анализ будет последовательно проводиться, можно назвать **фразеологическим словарем нового типа.**

Основным объектом сопоставления с фразеологией различных языков (близкородственных, неблизкородственных и совершенно неродственных) является в нашем словаре **фразеология современного русского**

[66] *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Т.1 –2. СПб., б/г.

[67] *Дубровин М.И.* Иллюстрированный сборник пословиц и поговорок на пяти языках. Русский – английский – французский – испанский – немецкий. – М.: Росмэн, 1998. *Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями. – СПб., 2000 (в сопоставлении с паремиями русского языка в словаре даны не только паремии английского, но паремии фактически всех современных славянских языков).

литературного языка, отсюда и название словаря – «**Русская фразеология в многоязычном сопоставлении**». Об особых перспективах **многоязычного** сопоставительного фразеологического словаря в сравнении со словарем **двуязычным** скажем несколько позже, после наглядной демонстрации нескольких статей словаря нового типа.

Русские фразеологизмы даются в словаре в алфавитном порядке по первой букве грамматически опорного компонента их СК-прототипа (*не видеть дальше своего носа, с глазу на глаз, делать из мухи слона и т.д.*). Ориентация словаря не только на поиск межъязыковых **семантических эквивалентов**, но и на поиск фразеологизмов, характеризуемых различной степенью **образной близости**, делает совершенно необходимым обращение к **фразеологическому образу**, лежащему в основе русского фразеологизма, поскольку материалы русской фразеологии являются в нашем словаре фактически «отправной точкой» всех сопоставлений.

1. НЕ ВИДЕТЬ ДАЛЬШЕ СВОЕГО (СОБСТВЕННОГО) НОСА – «быть исключительно недальновидным, ограниченным, неспособным выйти за рамки узких собственных интересов» (оценка негативная, эмоциональная тональность иронии): Олег сказал, что Рыбкин (рыбмастер. – *Ю.С.*) не умеет мыслить масштабно, *дальше своего носа не видит*, а Козырев парировал тем, что ему и не надо далеко глазеть, ему рыбу выбивать надо (Н. Сиянов. Оверкиль).

Яркая **метафоричность** фразеологического образа, наглядно представляющего исключительную ограниченность **физического** поля зрения человека: видит только то, что расположено на расстоянии его носа – и явно **гиперболизирующая** физическую ограниченность этого поля зрения, становится основой мотивации значения фразеологизма, оценивающего **интеллектуальные** и **духовные** возможности человека.

I. Славянские языки: 1) укр.яз. – МФЭ–I: *бачити не далі свого(власного)носа;* 2) блр. яз. – МФЭ–1: *не бачыць далей сваяго носа;* 3) болг. яз. – МФЭ–1: *не вижда подалече от носа си;* 4) польск. яз. – МФЭ–1: *nie widzieć dalej swego nosa;* 5) чешск. яз. – МФЭ–II–III: *nevidit dál než na špičku nosu* (букв. «не видеть дальше кончика носа»); 6) словацк. яз. – МФЭ–1: *nevidiet' si dalej od nosa,* МФЭ–II–Ш: *nevidiet' si dalej na špičku nosa;*7) сербскохорв. яз. – МФЭ–1: *не видети даље од носа.*

II. Германские языки: 1) **англ. яз. – МФЭ–II–Ш:** *not to see an inch beyond one's nose* (букв. «не видеть и на дюйм дальше своего носа»); 2) **нем. яз. – МФЭ–II:** *nicht weiter sehen als die Nase reicht* (букв. «не видеть дальше, чем достигает нос)»; 3) шведск. яз. – МФЭ–II: *se inte längre än näsan räcker* (см. предыдущий перевод); 4) норв. яз. – МФЭ–II: *ikke se lenger enn nesa rekker* (см. перевод СК-прототипа немецкого фразеологизма).

III. Романские языки: 1) **франц. яз. – МФЭ –II-III:** *ne pas voir plus loin que le bout de son nez* (букв. «не видеть дальше кончика своего носа»), 2) **испанск. яз. – МФЭ–I :** *no ver más allá de sus narices* (букв. «не видеть дальше своего носа), 3) итальянск. яз. – МФЭ–II–III: *non veder piú in lá della punta del* (*proprio*) *naso* (букв. «не видеть дальше кончика своего – собственного – носа»).

IV. Венгерский язык: МФЭ–1: *nem látni tovább az orránal* (букв. «не видеть дальше своего носа»), МФЭ–II–III: *nem látni tovább az orra hégyénél* (букв. «не видеть дальше кончика своего носа»).

V. Тюркские языки: 1) турецк. яз.: МФЭ–I: *burundan ötesini görmetek* (букв. «не видеть дальше своего носа»); 2) казахск. яз. – **МФС–II:** (ол) *аягының астында на болып жатканын көрмейдІ* (букв. «не увидит и того, что лежит у его ног»).

Общая **ФМ** «не обладать способностью видеть даже на самое короткое расстояние» → «быть исключительно недальновидным, не уметь выйти за рамки своих личных интересов» получает очень специфическую образную реализацию в казахском языке. Образные реализации этой модели в языках регулярного сопоставления чрезвычайно близки к русскому языку (на уровнях **МФЭ–I**, **МФЭ–II, МФЭ–II–III**). Это же явление наблюдается и в других языках, привлеченных нами к сопоставлению.

2. С ГЛАЗУ НА ГЛАЗ – «только вдвоем, без свидетелей»: Знаю со слов Бунина, что через несколько дней он встретился с Симоновым в кафе и провел с ним *с глазу на глаз* часа два или даже больше (Георгий Адамович. Бунин. Воспоминания // Дальние берега. Портреты писателей эмиграции. Мемуары. М.: Республика, 1994). Устаревший фразеологизм – синоним *МЕЖДУ ЧЕТЫРЕХ ГЛАЗ*, его грамматический вариант – *МЕЖДУ ЧЕТЫРЬМЯ ГЛАЗАМИ.* Устаревший фразеологизм в двух его вариантах характеризуется достаточно прозрачным **фразеологическим образом**: он построен на переносе **синекдохического** типа («количество органов зрения, точно определяющих, что в тесном контакте находятся только два человека» → «только вдвоем, без посторонних свидетелей»). **Фразеологический образ** ФЕ современного русского литературного языка осложнен **метонимией**: взгляд = глаз (взгляд одного человека встречается с взглядом другого = **глаз** одного встречается с **глазом** другого).

I. Славянские языки: 1) укр. яз. – МФЭ–III: *віч- на –віч* (букв. «глаз на глаз»), 2) болг. яз. – МФС–1: *на четири очи* (букв. «в четыре глаза»), *между четири очи* (букв. «между четырьмя глазами» – МФЭ–1 по отношению к устаревшему фразеологизму-синониму!), 3) польск. яз. – МФС–1: *w cztery oczy* (букв. «в четыре глаза»), 4) чешск. яз. – МФС–1: *mezi čtyřma očima* (букв. «между четырьмя глазами», также МФЭ–1 по отношению к устаревшему фразеологизму-синониму русского языка!), 5) словацк. яз. – МФС–1: *medzi štyrmi očami* (букв. «между четырьмя глазами», также МФЭ-1 по отношению ко 2-му грамматическому варианту устаревшего русского фразеологизма), 6) сербскохорватск. яз. – МФС–1: *у четири ока.*

II. Германские языки: 1) англ.яз. – МФС–II: *face to face* (букв. «лицо к лицу»), **2) немецк. яз. – МФС–I:** *unter vier Augen* (букв. «между четырьмя глазами», также МФЭ–I по отношению ко 2-му грамматическому варианту устаревшего русского фразеологизма), 3) шведск. яз. – МФС–1: *mellan fyra ögon* (букв. «между четырьмя глазами»), 4) норв. яз. – МФС–1: *under fire øyne* (букв. «между четырьмя глазами»).

Ш. Романские языки: 1) франц. яз – МФС–II: *tête-à-tête* (букв. «голова к голове»), **2) испанск. яз. – МФС–II:** *cara a cara* (букв. «лицо к

лицу»), *frente a frente* (букв. «лоб ко лбу»), 3) итальянск. яз. – МФС–I: *a quattr' occhi* (букв. «в четыре глаза»).

IV. Венгерский язык: *négyszemközt* – сложное слово с целостным образно мотивированным значением (букв. «в четыре глаза»: négy – «четыре», szem – «глаз», közt – послелог способа действия), слово имеет образные аналоги во фразеологии многих языков (см. выше).

V. Тюркские языки: 1) турецк. яз. – *başbaşa* (сложное слово с целостным образно мотивированным значением, очень близким по образной организации к французскому языку: букв. «голова к голове»), 2) казахск. яз. – МФЭ–1: көзбе көз (букв. «с глазу на глаз»), 3) узбек. яз. – МФС–II: *юзма–юз* (букв. «с лица на лицо»).

VI . Вьетнамский язык : МФЭ–III – *mắt đối mắt* (букв. «глаз на глаз, глаз к глазу»).

В свое время проф.А.А. Реформатский, сопоставив русский фразеологизм *с глазу на глаз* с его **семантическими эквивалентами** во **фразеологии** английского, немецкого и французского языков (см. выше!), пришел к выводу: «так как лексикализованные сочетания (= фразеологизмы. – *Ю.С.*) по своему происхождению тесно связаны с условиями места и времени, с каким-либо данным случаем, то они в каждом языке **индивидуальны** и **своеобразны** и буквально не переводимы» (выделено нами. – *Ю.С.*)[68].

Как показывает материал **многоязычного** сопоставительного фразеологического словаря, **индивидуальность** и **своеобразие** не являются обязательным свойством каждой фразеологической единицы: многие фразеологизмы самых различных языков могут иметь значительное сходство в их образной организации (сравните: русск. = казахск.=вьетнамск; англ. = испанск.= узбекск. и т.д.). С тезисом о буквальной непереводимости фразеологизмов различных языков можно согласиться, но их **СК-прототипы переводимы и их переводимость помогает понять образный строй фразеологии любого языка.**

Общая **ФМ** всех рассмотренных выше фразеологизмов: «Соматизмы (названия части лица, головы, органов зрения), количество которых точно определяет, что в тесном контакте находятся только два человека» → «только вдвоем, без посторонних свидетелей».

3. ДЕЛАТЬ ИЗ МУХИ СЛОНА – «преувеличивать что-либо сверх всякой меры, придавать исключительно большое значение совершенно ничтожной вещи, обстоятельству» (часто как ярко коннотированное преувеличение чужих недостатков; оценка обычно негативная, эмоциональная тональность иронии, сарказма): … Да ведь она себя погубит! Ведь она ничего не понимает – долго ли ей испортить себе репутацию, ведь рады будут – *из мухи слона сделают*...(Вс. Соловьев. «Старый дом»). Фразеологизм построен на яркой **метафоре**, образно выражающей превращение чего-либо совершенно незначительного в очень значительное и важное. Образность фразеологизма активно поддерживается **явной парадоксальностью** внутренней связи лексических компонентов СК-прототипа.

---

[68] *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1967. С. 123–124.

I. Славянские языки: 1) укр. яз. – МФЭ–1: *робити з мухи слоня;* 2) болг. яз. – МФЭ–1: *правя, направя от мухата слон; МФС–1: правя, направя от мухата вол; МФС–1: правя, направя от бълхата слон; МФС–II: правя, направя от бълхата вол;* 3) польск. яз. – МФЭ–1: *robić z muchy słonia*; 4) чешск. – МФС–II: *dělat z komára velblouda* (букв. «делать из комара верблюда»); 5) словацк. яз. – МФС–II: *robit' z komára somára* (букв. «делать из комара осла»), *robit' z komára dromedara* (букв. «делать из комара верблюда», сравните с соответствующей ФЕ чешского языка!), но также МФС–1: *robit' z komára slona,* 6) сербскохорватск. яз. – МФС–II: *правити од комарца магарца* (букв. «делать из комара осла»).

II. Германские языки: 1) **англ.яз. – МФС–II:** *to make a mountain out of a molehill* (букв. «делать гору из кротовины, т.е. из кучки земли, нарытой кротом», ФО **национально своеобразен** и в других языках не повторяется!), 2) **немецк. яз. – МФЭ–1:** *aus einer Mücke einen Elefanten machen* (букв. «из мушки сделать слона», die Mücke – также «комар», сравнить с распространенностью именно этого компонента в славянских языках!); 3) шведск. яз. – МФС–II: *göra berg av sandkorn* (букв. «делать гору из песчинки», МФС–1 по отношению к ФЕ английского языка, см. выше!); 4) норв.яз. – МФС–1: *gjøre en mygg til en elefant* (букв. «делать комара слоном»).

III. Романские языки: 1) **франц.яз. – МФЭ–1:** *faire d'une mouche un éléphant* (букв. «делать из мухи слона»); 2) **испанск. яз. – МФС–1:** *hacer de una pulga un elefante* (букв. «делать из блохи слона»), **МФС–II :** *hacer de una pulga un camello* (букв. «делать из блохи верблюда»); 3) итальянск. яз. – МФЭ–1: *fare di una mosca un elefante* (букв. «делать из мухи слона»), также МФС–1: *fare di una pulce un elefante* (букв. «делать из блохи слона»), 4) рум. – МФС–II: *a face din ţînţar armăsar* («делать из комара жеребца»).

IV. Венгерский язык: МФС–1: *szúnyogbo'l elefántot csinálni* (букв. «из комара слона делать»), *bolhabo'l elefántot csinálni* (букв. «из блохи слона делать»).

V. Тюркские языки: 1) турецк.яз. – МФС–II: *habbeyi kubbe yapmak* (букв. «зернышко небесным сводом делать», ФО **национально своеобразен,** хотя и не имеет специальной **этнокультурной маркированности** 1); 2)казах.яз. – МФС–II: *мүйедейді мүйедей ету* (букв. «из чего-то величиной в пуговицу – *мүйме* – что-то величиной с верблюда – *мүйе* – делать», *дей* – агглютинативная частица, которая присоединяется к слову: *мүйедей* – «подобный верблюду», ФО **национально своеобразен и этнокультурно маркирован**: *верблюд* – очень важное для быта казахов – кочевников животное); 3) узбек. яз. – **МФЭ–1**: *пашшадан фил ясамоқ* (букв. «из мухи – *пашшадан* – слона – *фил* – делать»), этот фразеологизм, возможно, проник в узбекский язык под влиянием русской культуры, в языке имеется и **МФС–II** с **национально своеобразным и этнокультурно маркированным ФО:** *игнадек нарсани туядек қилмоқ* (букв. «из чего-л. величиной с иголку что-то величиной с верблюда делать» ; как и в казахском языке, в состав СК-прототипа ФЕ входят слова с агглютинативными частицами сравнения: *игна* – «иголка», *игнадек* – «как иголка», *туя* – «верблюд», *туядек* – «как верблюд»).

Общая **ФМ** «из чего-либо, имеющего очень незначительную величину, делать что-либо огромное» → «сверх всякой меры преувеличивать что-либо» (часто в ситуациях преувеличения чужих недостатков) почти во всех европейских языках функционирует в своей более **конкретизированной** форме «из насекомого совершенно малых размеров делать какое-либо огромное (по крайней мере, в сравнении с этим насекомым!) животное» → «что-либо чрезмерно преувеличивать». Достаточная близость (на уровне **МФЭ** и **МФС–1** ФО **европейских** фразеологизмов объясняется, видимо, тем обстоятельством, что все они – непосредственно или опосредованно (через другие языки!) – восходят к общему **древнегреческому** прототипу, который традиционно приписывается сатирику Лукиану (2-й век н.э.) – *ek mujas eléfanta poiein* – «что-либо безмерно преувеличивать» (букв. «из мухи слона делать»)[69].

Следует, однако, отметить, что во многих современных европейских языках первоначальный ФО подвергся значительной трансформации (см. выше: ФЕ сербскохорватского, чешского, словацкого, румынского языков!). Но **порождающая роль** конкретизированной **ФМ** проявляется и в этих языках, при этом в некоторых из них (сербскохорватском, румынском) замена традиционных компонентов «муха» и «слон» могла произойти в связи со стремлением создать фразеологизм, построенный на внутренней рифме субстантивных компонентов (сербскохорв.: *комарца́ – магарца́*, рум.: *ţînţár – armăsár*). **ФМ** в своей **обобщенной** форме, охватывая фразеологизмы всех приведенных в статье языков, проявляется в некоторых из них в виде очень своеобразных образных реализаций (англ. яз., шведск. яз., турецк. яз., узб. и казах. языки). ФЕ русского языка по своей образности полностью соответствует приведенному выше древнегреческому прототипу (Лукиан мог быть и создателем этого образного выражения, но мог и воспользоваться фразеологизмом, распространенным у древних греков).

4. (У кого-либо) *НИ КОЛА НИ ДВОРА* – «(кто-либо) крайне, исключительно беден, совершенно ничего не имеет» (коннотация фразеологизма весьма неоднозначна: с негативной оценкой и эмоциональной тональностью осуждения, недоброжелательности он употребляется по отношению к тем, кто из-за собственной лени оказался в указанном положении; чаще, однако, он выражает сочувствие и сострадание по отношению к людям, помимо своей воли оказавшимся в нищете): Наташа осталась дома, беременная, не имея *ни кола, ни двора, ни гроша за душой* (Е. Весенин. «С приветом, Коля»). В данном контексте исключительная бедность героини произведения подчеркивается наличием в контактной позиции двух фразеологических синонимов, выражающих состояние крайней нищеты.

Фразеологический образ строится на **метонимии**, для правильного понимания которой необходима этимологизация лексических компонентов СК-прототипа: **кол** – «надел, участок земли возле дома», **двор** – «изба, крестьянский дом со всеми хозяйственными пристройками»[70]. При такой семантической ретроспекции становится очевидным **метонимический** тип переноса: показателем исключительной бедности человека является обычно полное отсутствие личной собственности, отсутствие и **кола, и двора** – необходимых атрибутов крестьянского хозяйства в старой России. Большая часть структурно-типологических соответствий других языков строится также на **метонимической образности.**

I. Славянские языки: 1) укр.яз. – МФЭ–I: *ні кола ні двора*; 2) блр.яз. – МФЭ–I: *ні кала ні двара;* 3) польск. яз. – МФС–I: *nie ma ani zagona,ani ogona* (букв. «нет ни полосы земли, ни головы скота»), образная близость польской и русской ФЕ становится более очевидной при сопоставлении с устаревшим **квантитативным**, т.е. различающимся по количеству компонентов, вариантом русской ФЕ: *ни кола, ни двора, ни милого живота*), 4) сербскохорв. яз. – МФС–I: (он) *нема ни куће ни кућишта* (букв. «не имеет ни дома, ни места, где можно построить дом»).

II. Германские языки: 1) англ.яз. – МФС–I: *neither house no home* (букв. «ни дома, ни родного очага, семьи»); **2) нем.яз. – МФС–I:** *weder Haus noch Hof haben* (букв. «не иметь ни дома, ни двора»); 3) норв. яз. – МФС–II: (han) *eier* (*har*) *ikke nåla i veggen* (букв. «(он) не имеет даже иголки (булавки) в стене»).

III. Романские языки: 1) франц. яз. – МФС–I: *n'avoir ni feu ni lieu* («не иметь ни очага, ни пространства, места», по отношению к крестьянскому хозяйству – земли); **2) испанск. яз. – МФС–I:** *no tiene ni casa ni hogar* (букв. «не имеет ни дома, ни очага»); 3) итал. яз. – МФС–I: *sènza lètto né tètto* (букв. «без крова и *без крыши*», *без крыши* – **метонимическое** указание на отсутствие дома); 4) рум. яз. – МФС–I: *a nu avea nici casă, nici mesă* (букв. «не иметь ни дома, ни стола», ср. с русск. ФЕ: *двор* – «изба, крестьянский дом…»).

IV. Венгерский язык: МФС–I: *se tanyája, se hazája* (букв. «(у него) ни усадьбы, ни хутора, ни дома»).

V. Тюркские языки: 1) казах. – МФС–I: *үй жоқ, күй жоқ,* (букв. «нет ни дома, ни состояния»), *үй тұғІл, қ,ада да жоқ,* (букв. «нет ни родного дома, ни кола для коновязи»).

При ложной этимологизации компонентов СК-прототипа: *двор* – «участок земли между домами или перед домом», *кол* – «заостренная на конце толстая палка» возникает образная близость с ФЕ ряда языков: болг. *нямам ни побит кол* (*в земята*) (букв. «не имеет даже забитого в землю кола»), турецк. *tek dikili kaziği yok* (МФЭ–1 по отношению к болгарской ФЕ, букв. «у него нет и забитого в землю кола»).

Общая **ФМ** «не иметь даже самого необходимого для ведения крестьянского хозяйства» → «быть исключительно бедным, нищим, бедствовать». Обращает на себя внимание тот интересный факт, что большая часть ФЕ различных языков состоит из перечисления двух компонентов, соединенных «внутренней рифмой» (*ни колá ни двóрá – nie ma ani zagona, ani ogona – n'avoir ni feu ni lieu – sènza lètto né tètto – se tanyája se*

---

[69] *Тимошенко И.Е.* Литературные первоисточники и прототипы трехсот русских пословиц и поговорок. – Киев, 1897. С. 131–132.

[70] *Попов Р.Н.* Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М.: Высшая школа, 1976. С. 54.

házája) или – даже при отсутствии рифмы – составляющих ритмически организованную языковую единицу: *neither house no home – weder Haus noch Hof* (*haben*) *– no tiene ni casa ni hogar.*

Описание русской фразеологии в многоязычном сопоставлении достаточно хорошо показывает общие перспективы **многоязычной сопоставительной фразеографии.** В **двуязычных** фразеологических словарях все наблюдения замыкаются в рамках фразеологии **двух сопоставляемых языков. Многоязычная сопоставительная фразеография** значительно расширяет рамки лингвистических наблюдений, позволяя приблизиться к наглядному описанию общих для разных языков свойств **фразеологизма** как одной из языковых **универсалий**. Кроме того, именно **многоязычная сопоставительная фразеография** позволяет увидеть как удивительное разнообразие, так и значительное сходство **образности** фразеологизмов разных языков.

Сопоставительный **структурно-типологический** анализ **фразеологической образности** разных языков позволяет сопоставить **фразеологические картины мира** различных народов. Даже на основе очень фрагментарного анализа фразеологической образности русского, английского, немецкого, французского и испанского языков, представленной во всей главе II и специально обобщенной в четырех статьях многоязычного сопоставительного фразеологического словаря, выявлена как явная близость фразеологических картин мира народов – носителей этих языков, так и её национальное своеобразие, свойственное каждому из них.

Данные **многоязычного сопоставительного фразеологического словаря**, безусловно, очень фрагментарно представленные в четырех его статьях, тем не менее достаточно убедительно показывают, что **фразеология как часть языкового фонда любого языка** характеризуется не только национальным своеобразием, но и широтой межъязыковых связей. При этом и национальное своеобразие, и широта её межъязыковых связей проявляются прежде всего в самой **основе фразеологической семантики – её образности.**

Темы рефератов

1. Фразеологический состав произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и способы его перевода на изучаемый иностранный язык (особое внимание уделить главе «Вожатый»).
2. Фразеологический состав одного из романов И.С. Тургенева (по выбору учащихся) и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.
3. Фразеологический состав одноактных пьес-шуток А.П.Чехова и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.
4. Фразеологический состав пьесы А.П. Чехова «Три сестры» (по выбору учащихся также: «Дядя Ваня», «Вишневый сад») и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.
5. Фразеологический состав одного из романов Вс. Соловьева (из цикла «Хроника четырех поколений») и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.

6. Фразеологический состав одного из романов Д.Н. Мамина-Сибиряка («Три конца», «Дикое счастье», «Золото») и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.
7. Фразеологический состав романа В.Я. Шишкова «Угрюм-река» и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.
8. Фразеологический состав одного из произведений Б.К. Зайцева («Голубая звезда», «Тишина», «Заря») и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.
9. Фразеологический состав произведения Бориса Екимова «Житейские истории» («Новый мир», 1998, №3) и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.
10. Фразеологический состав повести Е.С. Чижовой «Крошки Цахес» («Звезда», 2000, № 4) и способы его перевода на изучаемый иностранный язык.
11. Русская фразеология в произведениях В.П. Астафьева (по выбору учащихся) и способы её перевода на изучаемый иностранный язык.
12. Английская (немецкая, французская, испанская) фразеология в русских переводах (рефераты строятся на сопоставлении художественных текстов на языке оригинала с имеющимися русскими переводами, основным объектом анализа остается фразеология, тексты художественных произведений на иностранных языках выбираются самими учащимися).

Примечание. В предложенных для сопоставительного анализа русских произведениях содержится богатая и яркая по своей образности русская фразеология, но мы ни в коем случае не хотим ограничивать инициативу преподавателей и учащихся в их самостоятельном отборе художественных произведений для анализа.

7. СЛОВО И ФРАЗЕОЛОГИЗМ (СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Подводя общий итог главам I и II, посвященным **слову** и **фразеологизму** как **универсальным** лингвистическим единицам, вернемся к тому материалу, который был только намечен во **введении,** – анализу этих единиц в **сопоставительном** аспекте.

Как уже отмечено во **введении, слово** и **фразеологизм** могут быть сопоставлены между собой по трем основным параметрам: 1) по особенностям **плана выражения (ПВ)**, 2) по особенностям **плана содержания (ПС)**, т.е. по специфике **лексического** и **фразеологического значений (ЛЗ и ФЗ)**, 3) по специфике отношения в **слове** и **фразеологизме ПС к ПВ.**

1. По **особенностям ПВ слова** и **фразеологизмы** различных языков, в том числе и русского, противопоставляются друг другу как единицы **цельнооформленные (СЛОВА)** и единицы **раздельнооформленные (ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ).** Здесь следует однако отметить, что в языках более склонных к **аналитическому** строю (английский, немецкий, французский, испанский по сравнению с русским как языком в большей степени **синтетическом**) свойство **цельнооформленности** слова часто ограничивается только целостностью той его части, которая выражает собственно **лексическое значение**, **грамматические** же **значения** слова

обычно выражаются отделенными от этой части формантами: русск. *роз*а (флексия – **а** в целостной структуре слова выражает грамматические значения рода, падежа и числа) – англ. a (the) *rose* (артикли как грамматические форманты указывают на принадлежность слова к категории существительных и разграничивают категории неопределенности и определенности), нем. die (eine) *Rose* (артикли как грамматические форманты выражают значения рода, числа и падежей: Nominativ / Akkusativ и разграничивают категории определенности и неопределенности), франц. la (une) *rose* (артикли выражают значение женского рода, единств. числа и разграничивают категории определенности и неопределенности), исп. la (una) *rosa* (см. описание функций артикля во франц. яз.).

Отдельные грамматические формы слова (и целые системы этих форм!) даже в языках преимущественно синтетического типа могут быть **раздельнооформленными** (А. Ахматова: И легкие месяцы *будут* над нами, как снежные звезды, *лететь*). В языках же преимущественно аналитического типа **раздельнооформленность** целых систем грамматических форм слова может преобладать над **цельнооформленностью** (системы прошедших времен индикатива в английском, немецком, французском и испанском языках).

Фразеологизм отличается от **слова** именно **раздельнооформленностью** своей даже исходной (словарной) формы, поскольку он генетически восходит к **раздельнооформленному СК-прототипу – свободному** или **несвободному сочетанию слов, т.е. алогизму** с **парадоксальными** или **оксюморонными** связями компонентов (русск. *Ходячая / живая энциклопедия,* англ. *walking dictionary* – «ходячий словарь», франц. *une bibliothèque vivante / ambulante* – «живая / ходячая библиотека», исп. *enciclopedia andante* – «ходячая энциклопедия», нем. *wandelndes Lexikon* – «ходячая энциклопедия» – «человек, обладающий богатыми и разносторонними знаниями»). При всей своей **устойчивости** раздельнооформленная структура фразеологизма допускает наличие нескольких **лексических** (см. приведенные выше примеры) или **грамматических вариантов** (русск. *безуздный саврас, саврас без узды* – «мужчина, не признающий нравственных ограничений в отношении с женщинами»). Существование одного **слова** в нескольких вариантах – явление крайне редкое (*рельс* – м.р., *рельса* – ж.р., просторечная форма!).

2. Лексическое и фразеологическое значения (ЛЗ и ФЗ) представляют собой сложные многокомпонентные структуры с одинаковым набором компонентов (**С, Д, К, ЭК, СТР**). Однако в **ЛЗ облигаторными** являются только **С, Д, СТР; К и ЭК факультативны** и не обнаруживают себя в значениях многих **слов.** Во **ФЗ** к категории **факультативных** компонентов может быть отнесен только **ЭК. Коннотативный** же **компонент** в составе ФЗ, наоборот, очень актуален и именно с его помощью **фразеологизм** реализует свою основную функцию в языке – функцию **коннотации**, тогда как для значительной части **слов** основной является функция **номинации.** Наличие в **ЛЗ** и **ФЗ коннотативного** компонента во многом объясняется уже на основе **соотношения их ПВ и ПС (плана выражения и плана содержания).**

3. В **значительной** части **слов** русского и других языков **целостное** их **значение (ПС)** уже никак не выводится из соответствующих **звукокомплексов (ПВ).** К такой категории **слов** прежде всего относятся слова с **непроизводными** (с точки зрения **синхронии**!) основами: *звезда,* (*der, ein*) *Stern,* (*a*) *star,* (*une*) *étoile,* (*la,una*) *estrella* – «небесное тело, состоящее из раскаленных газов и представляющееся взору человека на ночном небе в виде святящейся точки». Однако было бы абсолютно неверно полагать, что все слова с непроизводными основами способны выполнять в современных языках только **номинативную** функцию. Такие лингвистические факторы, как функционально-стилевая и экспрессивно-стилистическая специализация слова, способствуют сохранению за ним также и функции **коннотативной**: русск. *хибара*= англ. (a) *hovel,* (*a*) *shack* = нем.(*die*) *Kate* = франц. (*la*) *masure* = исп. (*la*) *chabola.* В некоторых случаях сохранению за немотивированным словом с непроизводной основой коннотативной функции способствует и сама специфика звукокомплекса: русск. *Дылда* = нем. (der) *Lulatsch.*

Наличие мотивированной связи между **ПВ и ПС слова** чаще всего способствует возникновению в структуре его **ЛЗ коннотативного компонента (К). К** в структуре **ЛЗ** часто возникает в результате **мотивированности значения слова на основе его морфологической структуры** (*звездочка, das Sternchen, la esrellita*) или в результате **образного осмысления семантического взаимодействия составляющих данное слово морфологических частей (образно-семантическая мотивированность слова** в его *первичном значении: лежебока, кровопийца, белоручка,* (*der*) *Milchbart,* (*a*) *sweetheart* – «милая, милочка», букв. «мягкое сердце»).

Богатая система **переносных** значений **слов,** характеризующихся обязательным наличием в структуре этих значений **К,** связана с тем, что **ПВ** таких слов способен одновременно актуализировать в сознании людей как **вторичное переносное**, так и **первичное прямое значения.** На основе семантической **аппликации** (наложения) одного значения на другое возникает **смысловая двуплановость слова**, порождающая **образное** восприятие **вторичного переносного значения** (*Солнышко! Ласточка! Звездочка!* как формы ласкового обращения матери к маленькому ребенку, см. выше: рассмотренные нами на материале многих языков системы качественной оценки **людей**, построенные на **переносных** значениях слов с исходной семантикой «змея», «лисица, лиса», «осел», «медведь»).

Коннотативный компонент в составе **значения фразеологизма** связан именно со **смысловой двуплановостью** этой универсальной лингвистической единицы: восприятием **обобщенно-переносного значения фразеологизма** на основе **прямого значения** его **СК-прототипа** (русск. *слон в по́судной лавке,* англ. *a bull in a china shop*, букв. «бык в магазине для фарфора», нем. (wie) *ein Elefant im Porzellanladen,* букв. «(как) слон в магазине для фарфора», франц. (comme) *un éléphant dans un magasin de porcelaine*, букв. «(как) слон в магазине для фарфора» – «исключительно неповоротливый, обычно большой и грузный человек»). **Образная составляющая** является основной составляющей **К** во **ФЗ.** Вполне естественно, что утрата **фразеологизмом** *образной составляющей* его значения сближает его с *немотивированными, лишенными образности* **словами.**

Однако функцию **составляющих К** во **фразеологическом значении** выполняют и другие лингвистические факторы: функционально-стилевая и экспрессивно-стилистическая специализация фразеологизмов в речи, явная логическая несовместимость ФЗ со значением его основы – СК-прототипа: (*показать* (*кому-л.*) *кузькину мать* – «(кого-л.) жестоко наказать, (с кем-л.) сурово расправиться» – но: показать Сережкину – Петькину – Машкину мать) или «эффект загадки», связанный с наличием в составе ФЕ компонента с затемненной этимологией (Опять нагородил *турусы на колесах!*). Все эти факторы так или иначе помогают сохранению коннотативного компонента в составе фразеологического значения.

Сопоставляя **слово и фразеологизм** по соотношению в них **ПВ и ПС**, мы видим, что для значительной части **слов** (кроме слов с прямыми коннотативно-номинативными и собственно коннотативными значениями, а также слов с переносными образно мотивированными значениями) **основной** функцией является функция **номинации,** для **фразеологизмов,** даже и для тех из них, которые утратили свою изначальную образность, **основной** является функция **коннотации.** Вместе с тем было бы совершенно неправильно рассматривать **фразеологизмы** как языковые единицы, лишенные **номинативной ценности.** Наоборот, как мы уже выяснили выше, более сложный в структурном отношении **фразеологический образ**, лингвистической основой которого является не одно слово, а целое **сочетание слов**, может стать источником более сложного, чем у значения слова, **сигнификативно-денотативного содержания**, что достаточно часто способствует **эврисемичности фразеологического значения.**

Обнаружив определенные различия между **словами** и **фразеологизмами**, которые проявляются во всех трех параметрах сопоставительного анализа этих лингвистических единиц, мы, тем не менее, должны, опираясь на материал глав **I** и **II**, констатировать, что резких границ, своего рода «китайской стены» между этими единицами не существует. Это особенно ясно ощущается при сопоставлении **фразеологизмов** со **словами,** обладающими **сложной морфологической структурой и образно мотивированными значениями.** Так, в ряд **ФЕ** со значением «исключительно высокий, длинный, долговязый человек» мы включили и английское **слово** *maypole*, немецкое слово *Milchbart* по своим образно-коннотативным возможностям явно сближается с русской ФЕ (у кого-л.) (*ещё*) (*материно*) *молоко на губах не обсохло* и его МФЭ и МФС–I в различных языках. Очень близки по своей семантической структуре к фразеологизмам и слова с первичными, но целостными и обобщенно-переносными значениями (*лежебока, вертихвостка, кровосос, ветродуй*), условно их можно было бы назвать *однословными фразеологизмами или однословными идиомами*, если бы признак **цельнооформленности** не считался одним из **категориальных (основных)** признаков *слова.*

Безусловно, между **словами** и **фразеологизмами** имеется какая-то «переходная зона» языковых единиц или индивидуально-авторских речевых образований, которые и будут подробно рассмотрены в **главе III**.

Глава III

ЕДИНИЦЫ ЗОНЫ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Суть явлений, о которых пойдёт речь в данной главе, определяется самой постановкой проблемы **лексико-фразеологической переходности**: наша цель заключается в том, чтобы выявить и описать единицы, не относящиеся в полной мере ни к лексике, ни к фразеологии.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОБРАЩЕНИЯ К ПРОБЛЕМЕ ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Всякое обращение к проблемам переходности с необходимостью предполагает, что уже известны и в своих существенных чертах определены признаки центральных, ядерных классов тех единиц, промежуточное состояние между которыми представляет переходная единица. В лексикологии и фразеологии дело обстоит значительно сложнее. Как будто бы очень понятная, сразу выделяемая интуитивно основная единица лексикологии – слово – оказывается очень по-разному устроенной в разных языках (см. главу I). Даже такой признак слова, как цельнооформленность, нуждается в серьёзном комментарии, а именно по формальному признаку «цельнооформленность – раздельнооформленность» различают слово и фразеологическую единицу (далее ФЕ). Необходимо подчеркнуть, что цельнооформленность лексемы и раздельнооформленность ФЕ не следует понимать механистически. Цельнооформленность как языковой феномен не может быть отождествлена ни с фонетической, ни с графической цельнооформленностью. В русском языке есть слова, которые не выдерживают выдвинутого Н.М. Шанским критерия недвуударности[1]: *овалообразный, грязеводолечебница, радиоаппаратура*. Для английских и немецких слов, образованных путём сложения основ, он вообще неприложим: англ. *a hedgehog* (ёж, букв. «изгородь–боров»), *a railway* (железнодорожный путь), *a schoolmaster* (директор школы), нем. *ein Bücherregal* (книжная полка), *eine Sprachwissenschaft* (наука о языке), *ein Grundgedanke* (основная мысль). В языках есть такие слова, которые никогда не могут (или часто не могут) составлять одно фонетическое слово: составные числительные в русском языке (*двести шестьдесят четыре*), глаголы с послелоговым компонентом в английском языке (*to give in, to put down*), глаголы с отделяемыми приставками в немецком языке (*aufstehen, mitbringen*). В грамматике существуют аналитические формы слова, которые также не являются одним фонетическим словом: русск. *Я **буду работать***, англ. *How long **have** you **lived** in this city?*, нем. *Ich **werde** dich **wecken***, франц. *Tu **as changé** d'emploi.* Графически слитное написание тоже во многом условно. Так, правописание наречий в русском языке

[1] *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского литературного языка. – М., 1972. С.14.

часто основывается на традиции: *бок о бок*, но *точь-в-точь*, *в обнимку*, но *вдребезги*, *помногу*, но *по-хорошему*. Немецкая орфографическая традиция закрепляет слитное написание за составными числительными: ср. русск. *двести шестьдесят четыре*, но нем. *zweihundertvierundsechzig*. Правописная традиция тоже меняется: ср., например, некоторые новые правила, введённые Институтом немецкого языка в Маннгейме, по которым вместо старых написаний *radfahren* (ездить на велосипеде), *soviel* (столько), *Balletttruppe* (балетная труппа) вводятся новые *Rad fahren, so viel, Balett-Truppe*[2]; см. также параллельно существующие написания в испанском языке *agua nieve* (снег с дождём) и *aguanieve*. Таким образом, цельнооформленной можно назвать такую мельчайшую структуру, которая способна иметь лексическое значение, грамматическое значение и самостоятельную синтаксическую функцию. Соответственно, раздельнооформленной может называться структура, состоящая из двух или нескольких цельнооформленных структур (*буду работать дома, der Grundgedanke eines Werks*). Следовательно, под раздельнооформленностью ФЕ следует понимать то, что ФЕ состоит из нескольких цельнооформленных структур, соединённых, как правило, регулярными синтаксическими отношениями.

Но определившись с цельнооформленностью и раздельнооформленностью – базовым структурным признаком противопоставления слова и ФЕ, – мы встречаемся с ещё бóльшими трудностями. Достаточно взять для примера маленький стандартный список раздельнооформленных воспроизводимых единиц, чтобы убедиться в их качественной неоднородности: *железная дорога, Министерство иностранных дел, историческая грамматика, бревно тупое, важная шишка, оказать помощь, чаша терпения, ну и гусь, чучело гороховое, ворона в павлиньих перьях*. Возникает вопрос, с каких позиций подходить к данным устойчивым сочетаниям слов (далее УС), куда и на каком основании их зачислять.

В широком смысле все эти УС, несмотря на их неоднородность, хранятся в памяти говорящих в готовом виде и **воспроизводимы**. На этом основании приверженцы широкого подхода к фразеологии (или концепции воспроизводимости) считают все эти УС ФЕ. Таким образом, учёные, работающие в направлении фразеологии в широком смысле[3], принимая раздельнооформленность и воспроизводимость за исходные критерии выделения ФЕ, зачисляют в класс ФЕ как УС типа *ворона в павлиньих перьях*, с одной стороны, так и *железная дорога* и *Министерство иностранных дел*, с другой. В этом случае и проблема лексико-фразеологической переходности может быть помыслена только в том ключе, какие из УС узуально воспроизводимы, а какие – нет. С чисто утилитарной точки зрения концепция воспроизводимости удобна тем, что исходя из неё можно делать полные словари (особенно это продуктивно для двуязычных словарей) УС данного языка. Однако с чисто теоретических позиций следует учитывать две вещи. Во-первых, данная концепция заведомо переводит проблему разнообразия подклассов внутри ФЕ в сугубо описательный план. Во-вторых, концепция

[2] *Нарустранг Е.В.* Практическая грамматика немецкого языка. – СПб., 1999. С.345–355.

[3] В учебной литературе такую концепцию содержит прежде всего книга Н.М. Шанского «Фразеология современного русского языка». – М., 1985.

воспроизводимости зиждется всё же на той аксиоме, что центральной единицей языка является слово. Между тем, в современной лингвистике существует подход к языку с точки зрения **реального говорящего субъекта**, а для него в качестве первичной единицы можно помыслить не слово, а коммуникативный фрагмент – динамически заданную цитату-блок, хранящуюся в памяти носителей языка. Как пишет один из приверженцев этого подхода Б.М. Гаспаров, «в опыте говорящего субъекта каждая словоформа оказывается погружённой и растворённой в своей собственной, только ей свойственной среде потенциальных употреблений»[4]. И далее: «объём и контуры этого поля подвижны и открыты, так как чем большее число выражений отложилось в памяти говорящего, тем шире расходятся от них круги потенциальных выражений, рождающихся по аналогии с уже известными»[5]. Естественно, что при таких исходных позициях разговор о ФЕ и УС вообще не существен, однако для нас здесь важно, что каждый говорящий субъект обладает в некоторой степени своим набором раздельнооформленных единиц, и граница ФЕ оказывается расплывчатой с точки зрения фразеологии в широком смысле.

С точки зрения фразеологии в узком смысле, объём УС, относящихся к ФЕ, намного меньше. Сторонники узкого подхода к фразеологии считают ФЕ **только семантически переосмысленные УС**. Устойчивость и воспроизводимость ФЕ, таким образом, являются следствием **семантической трансформации**[6]. Однако хотя объём ФЕ с позиций этого подхода становится намного более определённым (введён чисто лингвистический, а не узуальный, критерий отграничения), полностью проблема всё равно не решается. Считать ли ФЕ УС *чаша терпения*, где переосмыслен только один компонент? Считать ли ФЕ УС *ну и гусь*, в котором *ну и* – всего лишь усилитель к метафоре *гусь*? Зачислять ли в ФЕ УС *бревно тупое, чучело гороховое*, если в семантической системе языка свободно функционируют лексические метафоры *бревно* и *чучело* с тем же значением? Есть ли разница в соотношении компонентов в ФЕ *важная шишка*, с одной стороны, и ФЕ *ворона в павлиньих перьях*, с другой? Этот далеко не полный перечень вопросов в общем виде сводится к **проблеме взаимодействия компонентов в составе семантически осложнённого УС**. Данную проблему не обошёл ни один фразеолог: разнились только исходные критерии и метаязыки[7], с помощью которых об этом говорилось. С позиций классического метаязыка структурной лингвистики о взаимодействии компонентов говорит В.Л. Архангельский[8];

[4] *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996. С.86.

[5] Указ. соч. С.87.

[6] В учебной литературе такую концепцию содержит прежде всего книга В.П. Жукова «Русская фразеология» (М., 1986).

[7] Метаязык (от греч. μετα – «через, после») – «язык «второго порядка», по отношению к которому естественный человеческий язык выступает как «язык-объект», т.е. как предмет языковедческого исследования (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С.297).

[8] *Архангельский В.Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов-на-Дону, 1964.

Д.Н. Шмелёв вводит критерии парадигматической, синтагматической и деривационной связанности слов[9]; А.В. Кунин подразделяет слова в составе ФЕ на реальные, потенциальные, «бывшие» и псевдолексемы в зависимости от степени переосмысления всего ФЕ[10]. А.И. Молотков полностью отказывает компонентам ФЕ в признаках словности, кроме их звукового облика[11], а Ю.Л. Гвоздарёв, напротив, считает, что слова в составе ФЕ «могут сохранять свои лексические значения полностью»[12]. Мы перечислили только самые известные разнообразные подходы. При этом оказалось, что УС – явление настолько многомерное, что каждый учёный вполне в состоянии подкрепить свои теоретические выкладки адекватными примерами.

К проблеме взаимодействия компонентов кардинальным образом подошёл В.П. Жуков. Он ясно показал, что для многих ФЕ необходимо выделять **смысловой центр** – знаменательный элемент ФЕ, «доля участия которого в общем значении фразеологизма очевидна»[13]. Безусловно, что смысловой центр не может быть выделен для всех ФЕ. В языках много ФЕ, переживших равномерное переосмысление словесного комплекса-прототипа, например: русск. *крепкий орешек* – «человек с очень твёрдым характером», *правая рука* – «первый помощник, опора для кого-либо», *отрезанный ломоть* – «человек, отдалившийся от семьи, порвавший с ней всякую связь»; англ. *a lame duck* (хромая утка), нем. *eine lahme Ente* (хромая утка) – «неудачник»; сербскохорв. *operušani pijetao*[14] (ощипанный петух) – «человек со слабо выраженными особенностями», франц. *une puce à l'oreille* (блоха в ухе) – «беспокойство, тревога», и т.п. Особое место среди ФЕ без семантического центра занимают единицы, которые можно отнести к **ядерному классу идиом**: в их образ намеренно включена ситуация, нарушающая наши знания о мире. Обобщённо-переносное значение подобного ФЕ-алогизма (*ворона в павлиньих перьях*) и экспрессивный эффект от него строятся на «мнимой возможности его буквального понимания»[15]: русск. *буря в стакане воды* и франц. МФЭ–I (см. главу 2) *une tempête dans un verre d'eau* – «большое волнение, конфликт по ничтожному поводу»; *барской курицы племянник* и франц. МФС–I *le fils de la poule blanche* (сын белой курицы) – «счастливчик». К ним примыкают ФЕ, образ которых не нарушает наших знаний о мире, но на уровне свободных значений СК-прототип характеризуется крайне низкой частотностью употребления[16]: русск. *пауки в банке* – «о хищных, злых людях, готовых уничтожить друг друга», *белая ворона* – «человек, резко

[9] *Шмелёв Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973.

[10] *Кунин А.В.* Курс фразеологии современного английского языка. – М., 1986. С. 71–72.

[11] *Молотков А.И.* Основы фразеологии современного русского языка. – Л., 1977.

[12] *Гвоздарёв Ю.Л.* Основы русского фразообразования. – Ростов-на-Дону, 1977. С. 156.

[13] *Жуков В.П.* О смысловом центре фразеологизмов // Проблемы фразеологии. Исследования и материалы. – М.-Л., 1964. С. 140–141.

[14] Здесь и далее сербские и хорватские примеры даны на том алфавите и с теми орфографическими особенностями, на которых написан источник. В данной главе мы пользуемся термином «сербскохорватский язык» в чисто лингвистическом смысле.

[15] *Шмелёв Д.Н.* Указ. соч. С. 270.

[16] См.: *Солодуб Ю.П.* Роль словесного комплекса-прототипа в реализации коннотативных возможностей фразеологизма // Филологические науки, 1996, № 1.

выделяющийся среди окружающих его людей», англ. *a skeleton in a cupboard* (скелет в шкафу) – «неприятная семейная тайна, которую не следует разглашать», *a bee in one's bonnet* (пчела в чьей-либо шляпе) – «идея-фикс».

Наличие смыслового центра во многом зависит от **фразеологической модели и фразеологического образа**, существенных для обобщённо-переносной семантики ФЕ. Например, во многих языках присутствуют ФЕ, образованные по фразеологической модели «старое животное → бывалый, опытный, переживший большие испытания и невзгоды человек». В силу того, что у слова *старый*, присутствующего во всех этих ФЕ, есть подразумеваемые переносные смыслы «искушённый, опытный», оказывается не столь уж важным, какой конкретно зооним (наименование животного) будет содержать ФЕ. Приводимые ниже ФЕ являются МФС–I или МФС–II (см. главу 2) по отношению к русскому варианту ФЕ *старый воробей*: англ. *an old bird* (старая птица), сербскохорв. *стар зец* (старый заяц), чеш. *stará liška* (старая лиса), нем. *alter Fuchs* (старая лиса), *alter Hase* (старый заяц), франц. *un vieux lapin* (старый кролик), *un vieux loup* (старый волк). То же с моделями «крупное животное → человек, занимающий высокое положение в обществе» и «небольшое животное → человек, занимающий незначительное положение в обществе», реализации которых могут быть представлены следующими межъязыковыми эквивалентами и соответствиями: русск. *важная птица, крупная рыба, важный зверь, не велика птица, мелкая рыбёшка*, исп. *un pájaro gordo* (дородная птица), англ. *a big fish* (большая рыба), *a big dog* (большая собака), сербскохорв. *krupna (velika) riba* (крупная (большая) рыба), *sitna (mala) zvjerka* (мелкий (маленький) зверёк), чеш. *velké zvíře* (большой зверь), *malé zvíře* (маленький зверь), нем. *ein hohes Tier* (высокий, т.е большой зверь, животное). Благодаря общим, не нуждающимся в конкретике контурам образа, лексический состав данных ФЕ предопределён нежёстко, что часто приводит к различного рода контаминациям между ФЕ, к заменам компонентов, к изменениям количества компонентов: *стреляный воробей – стреляная ворона* или *пуганая ворона – пуганый воробей*, *стреляный воробей – стреляная птица*, *старый стреляный воробей, старый травленый волк* и т.п.

Поскольку число фразеологических моделей и фразеологических образов разнообразно и огромно, ясно, что есть все основания выделять разные семантические центры и выстраивать их подробную типологию. В науке такую типологию выстроил А.В. Жуков. Учёный опирается на два базовых положения: 1) ФЕ – это «гибридная единица языка, функционально и семантически тяготеющая к слову, а в формальном отношении в силу своеобразной уровневой инерции имитирующая поведение синтаксических единиц»[17], т.е. формально структура ФЕ – **сочетание слов**; 2) у ФЕ очень часто присутствует неравномерность процесса деактуализации (переосмысления) компонентов, что и является основным источником фразеологической переходности.

[17] *Жуков А.В.* Переходные фразеологические явления в русском языке. – Новгород, 1996. С. 16.

Итак, языки располагают как центральным, ядерным подклассом ФЕ, у которых произошло равномерное переосмысление компонентов, так и ФЕ с неравномерностью переосмысления компонентов, отнесёнными на периферию идиоматической иерархии. По словам А.В. Жукова, ФЕ, «отнесённые на периферию идиоматической иерархии, становятся основным источником фразеологической переходности»[18]. Если А.В. Жуков рассматривает явления переходности внутри ФЕ на основании неравномерности утраты компонентами ФЕ своего прямого значения, то мы **выходим за пределы ФЕ и совершаем поворот в сторону лексико-фразеологической переходности**. Границей периферии идиоматической иерархии мы считаем тот случай, **когда при наличии УС не все компоненты в его составе изначально вовлекаются в процесс переосмысления**. Прежде чем приступить к описанию единиц зоны лексико-фразеологической переходности, сформулируем базовые признаки ФЕ.

1. В формальном отношении ФЕ представляют собой раздельнооформленную (больше чем одно слово) единицу, с учётом оговорок, сделанных по проблеме раздельнооформленности.

2. В семантическом отношении ФЕ представляет собой семантически переосмысленное УС с целостным обобщённо-переносным значением, построенное по определённой фразеологической модели на основе определённого фразеологического образа. В процесс семантической трансформации вовлечены в той или иной степени все знаменательные компоненты ФЕ.

3. В функциональном отношении ФЕ представляет собой регулярную воспроизводимую единицу, относительная устойчивость состава и структуры которой и возможность их варьирования предопределена образом и моделью переосмысления. Если жив образ, то вопрос о статусе компонентов есть не более чем схоластические изыски: для говорящего компоненты в составе ФЕ являются полноправными словами с постоянно реализующейся в речи возможностью актуализации двуплановости ФЕ[19]. Об этом постоянно свидетельствуют контексты, например: «Надзиратель за богоугодными заведениями Земляника – совершенная *свинья в ермолке*». Артемий Филиппович (к зрителям): И неостроумно! *Свинья в ермолке*! Где ж свинья бывает в ермолке?» (Гоголь. «Ревизор»). Буквализация ФЕ героем, вскрытие нарушенного знания о мире (вместе с возможной осознанностью коннотативного потенциала лексемы *ермолка* – «еврейская шапочка») – прекрасное свидетельство тому, что герой, во-первых, понял ФЕ, а во-вторых, на основе актуализации первичной семантики **слов** попытался отвести от себя оскорбление или хотя бы смягчить его, указав на «неостроумие» автора.

Таким образом, единицей зоны лексико-фразеологической переходности следует считать всякую единицу, которая лишена хотя бы одного из перечисленных признаков ФЕ.

[18] *Жуков А.В.* Указ. соч. С. 7.

[19] См. словарь: *А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко.* Фразеологизмы в русской речи. – М., 1997.

2. ЦЕЛЬНООФОРМЛЕННЫЕ ФЕ («ОДНОСЛОВНЫЕ ИДИОМЫ»)

Сравним следующие ряды слов, образованных путём сложения основ:

пароход	*молокосос*
самолёт	*лизоблюд*
ледокол (1)	*буквоед* (2)

Значения слов в (1), если пренебречь немотивированным компонентом, можно описать исходя из их морфемного состава: *пароход* – то, что ходит / работает на пару; *самолёт* – то, что само летает; *ледокол* – то, что колет лёд / чем колют лёд. Для слов в (2) такое описание будет явно недостаточным: *молокосос* – это не тот, кто сосёт молоко (ср. невозможность диалога: **Ваш ребёнок ещё молокосос? – Нет, я уже отняла его от груди.*). Значение данного слова, как и других слов из (2), образовалось на основе **переосмысления** обобщённого образа: «сосущий молоко – юный, неопытный», т.е. стало, наподобие значения ФЕ, **обобщённо-переносным**[20]. Формально цельнооформленные единицы с обобщённо-переносным образно мотивированным и, по сути, фразеологическим значением представлены и в других языках: англ. *a wallflower* (букв. «стенной цветок») – «девушка, не приглашённая на танец», сербскохорв. *žutokljunac* (букв. «желтоклювик») – «очень юный, неопытный человек», нем. *eine Schlafmütze* (букв. «шапочка для спанья») – «ротозей»; см. также довольно распространённые в южнославянских языках образования без соединительного суффикса: сербскохорв. *газиблато* (букв. «топчи грязь») – «незначительный человек», *гуликожа* (букв. «сдирай-кожа») – «эксплуататор, мироед, ростовщик», болг. *развей-прах* (букв. «разнеси-пыль») – «вертопрах», *лапни-муха* (букв. «проглоти-муху») – «ротозей, разиня, простофиля».

3. УСТОЙЧИВЫЕ СОЧЕТАНИЯ СЛОВ АНАЛИТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ («РАЗДЕЛЬНООФОРМЛЕННЫЕ СЛОВА»)

Сравним по две пары единиц в нескольких языках:

русск. *дать совет – посоветовать*;

англ. *to take part – to participate* (букв. «брать участие – участвовать»);

сербскохорв. *узимати учешће – учествовати* (букв. «брать участие – участвовать»);

франц. *faire une promenade – se promener* (букв. «совершать прогулку – прогуливаться»).

Очевидно, что значения единиц левого и правого столбиков для каждого языка совпадают, однако единицы правого столбика выражают это значение цельнооформленной структурой, а левого – раздельнооформленной. Различия

* В современных лингвистических трудах под этим знаком принято помещать так называемый отрицательный языковой материал: невозможные или неупотребляемые конструкции. В данной главе мы следуем этой традиции.

[20] См.: *Солодуб Ю.П.* Языковые единицы со статусом лексико-фразеологической переходности // Семантика языковых единиц. Доклады VI Международной конференции. – М., 1998. С.290–293.

в значении многих таких пар будут сводимы к стилистическим, например: *Мы весь вечер беседовали на кухне. – Секретарь совета имел беседу с чиновником из министерства.* Раздельнооформленные единицы, обладая грамматической структурой глагольно-именного словосочетания, почти всецело сосредоточивают смысловой центр на существительном, а глагол оказывается всего лишь формально-грамматическим оператором, показывающим наклонение, лицо, число и т.п. и способным ввести единицу в высказывание. Будучи в смысловом отношении подобными обычным глаголам, данные словосочетания вполне допускают возможность вариативности и вне стилистических разграничений: *Дам-ка я тебе совет! = Посоветую-ка я тебе вот что...* Однако, по словам Н.Н. Прокоповича, «возможности такого варьирования не безграничны»[21]. Ограничения, видимо, связаны не только с функционально-стилистическими причинами, но и с тем, что у существительных в данных словосочетаниях могут быть реализованы разные значения: ср. в *совершить посадку на Луну* существительное *посадка* имеет значение «спуск и приземление летательного аппарата», но **совершить посадку на диван* невозможно, так как от глагола *сесть* в значении «принять сидячее положение» нет отглагольного существительного *посадка* со значением процесса.

4. СОСТАВНЫЕ И НОМЕНКЛАТУРНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ

Составные и номенклатурные наименования – это весьма объёмный класс единиц, структурно и семантически организованных как словосочетание и служащих для номинации самых разнообразных предметов и явлений: *железная дорога, атомный реактор, Министерство иностранных дел*; англ. *the United States of America* (Соединённые Штаты Америки), сербскохорв. *Савет безбедности* (Совет безопасности). В составных наименованиях находит отражение «целостный, но лексически делимый смысл, мотивируемый значением объединяемых слов»[22]. Поэтому с точки зрения семантической концепции данные единицы не являются ФЕ. Составные наименования необходимы для детализации и классификации понятий: именно в этом кроется причина их возникновения. Сравним, например:

	лексическая	*диван кровать*
семантика	*грамматическая*	*диван-кровать*
	синтаксическая	

Будучи непосредственно связанными с познавательной деятельностью человека, составные и номенклатурные наименования наиболее активно представлены в терминологических системах самых различных сфер деятельности. Причины устойчивости и воспроизводимости раздельнооформленной структуры таких сочетаний слов, следовательно, находятся вне языка: их следует усматривать в познавательно-классификаторской деятельности человека. Поэтому составные наименования не могут выполнять функцию коннотации, или же она отнесена на периферию, если один

[21] *Прокопович Н.Н.* Об устойчивых сочетаниях аналитической структуры в русском языке советской эпохи // Мысли о современном русском языке: Сб. статей. – М., 1969. С. 55.

[22] *Кожин А.Н.* Составные наименования в русском языке (на материале военно-деловой лексики) // Мысли о современном русском языке: Сб. статей. – М., 1969. С. 44.

из компонентов имеет переносное значение (огненный мешок, усталость металла). И.М. Кобозева говорит об иконической мотивированности (иконичность знака – фактическое подобие означающего и означаемого) составных наименований: «простому, базовому понятию соответствует простое (однословное) выражение, а более сложному, производному понятию – более сложное (неоднословное)»[23]. В силу семантической целостности, мотивированной лексическими значениями, раздельнооформленная структура данного класса единиц не является устойчивой: составные наименования способны превращаться в цельнооформленную единицу:

партийный съезд	*партсъезд*
лингвистическая поэтика	*лингвопоэтика*
Министерство иностранных дел	*МИД*
зачётная книжка	*зачетка*

Набор составных наименований и само их наличие во многом зависит от словообразовательной системы данного языка[24]. Так, немецкий язык располагает бóльшим по сравнению с русским количеством цельнооформленных структур в силу продуктивной модели сложения основ: *eine Kochwurst* (варёная колбаса), *ein Briefkasten* (почтовый ящик), *eine Maschinenabteilung* (машинное отделение). В чешском языке, например, суффикс *–ština* имеет значение «язык», так что русским составным наименованиям *чешский язык, русский язык* и *сербский язык* будут соответствовать чешские слова *čeština, ruština* и *srbština*.

5. ТИПЫ РАСШИРЕНИЯ МЕТАФОРЫ, УСИЛИВАЮЩИЕ ЕЁ КОННОТАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

Как известно, коннотативная функция метафор заключает в себе, помимо прочего, информацию об отношении говорящего к тому, о чём он сообщает, и к адресату. Посмотрим в этом аспекте на следующие высказывания:

(1а) *Он и этого не понял? Ну и пень!*

(1б) *Он всё равно не послушался? Какой осёл!*

(1в) *Этот ваш новый директор – такой чурбан!*

(2) *Ничего нового ты не сообщил. Об этом каждая собака знает.*

(3) *Сколько уже мучаюсь, и ведь ни одна собака не поможет!*

(4) *Какой-то баран меня ещё учить будет!*

(5) *«В лице этого Дунчиля перед нами выступил... типичный осёл» (Булгаков).*

(6) *«Прозоров хмелел всё сильнее... пока совсем не свалился на диван, где и заснул... – Действительно, настоящая свинья... – с горечью подумал генерал» (Мамин-Сибиряк).*

В (1а), (1б) и (1в) говорящий не просто характеризует конкретное лицо, к которому относится высказывание, но и подчёркивает с помощью усилительных частиц заложенную в коннотативном компоненте метафор оценку. Употребле-

[23] *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. – М., 2000. С. 41.

[24] Интересные наблюдения по этому поводу на материале славянских языков содержатся в книге: *Мечковская Н.Б.* Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. – М., 2001. С. 107–108.

ние говорящим усилителей типа *ну и, что за, какой, такой* целиком зависит от его желания / намерения усилить эффект от произносимого слова, которое вовсе не обязательно должно обладать переносным метафорическим значением: ср. *Ну и дурак!, Какая сволочь!, Что за идиотизм!,* и т.п. В (2), (3) и (4) слова *собака* и *баран* содержат скрытую предикацию, направленную на **адресат сообщения**. В (2) намерение говорящего можно описать следующим образом: «каждая собака это знает, а ты не знаешь, значит, ты даже хуже собаки». В (3) намерение говорящего выглядит так: «мне не помогла даже собака, в том числе и ты / вы, который / ые поэтому приравнивается / ются к классу «собак», т.е. низких людей». В (3) намерение говорящего раскрывается так: «баран, т.е. глупый человек, в том числе и адресат, который тоже является «бараном», не может меня учить». Местоимения в (2), (3) и (4) различным образом подчёркивают, по отношению к какому множеству определяемых объектов истинно высказывание: следовательно, сами конструкции «местоимение + существительное» и их синтаксическая позиция подлежащего подразумевают, что есть типичное множество «собак» (то есть подлых, низких и вообще нехороших людей) и «баранов» (то есть глупых людей). В данном случае типизированность воспринимается как ценностный низ, поэтому в подобных высказываниях невозможно употребление слова с положительной оценкой: **каждый молодец, *какой-то цветок*. Общее намерение подобных высказываний следующее: адресат отстранённо (через третье лицо) представляется как один из множества низко оцениваемых объектов. Оно сходно с общим намерением в (5), где характеризуемое лицо представляется как типичный объект низко оцениваемого множества. Поэтому и со словами *типичный, обыкновенный* невозможна сочетаемость слов положительной оценки: **типичный орёл, *обыкновенный молодец*.

В (6) слово *настоящий* удостоверяет действительное наличие у характеризуемого лица признаков, входящих в толкование переносного значения слова *свинья*. Такими же функциями обладают слова *сущий, полный, совершенный, точно, действительно, прямо*. Общее намерение высказываний типа (6) таково: характеризуемое лицо действительно обладает, по мнению говорящего, признаками, устойчиво приписываемыми данному множеству объектов, и потому сам может быть представлен как один из этих объектов.

Таким образом, все рассмотренные языковые средства работают на двуплановости метафоры, причём как **лексической**, так и **фразеологической**. Приведём примеры сочетаемости данных языковых средств с ФЕ: «Надзиратель за богоугодными заведениями Земляника – ***совершенная свинья в ермолке***» (Гоголь. «Ревизор»); сербскохорв. «Taj je ***prava*** *zadušna baba*, on ne ume reći «Ne dam» (букв. «Этот – настоящая «душеспасительная старуха» (чрезмерно сердобольный человек), он не умеет говорить «Не дам»)[25]; франц. *C'est un* ***vrai*** *plat de nouilles* (букв. «Это настоящее блюдо с лапшой») – «о безвольном человеке, размазне». Из этого можно заключить, что сочетания слов с данными языковыми средствами принципиально не могут храниться в памяти говорящих в качестве УС: их употребление или неупотребление целиком зависит от желания / намерения говорящего. Таким образом,

[25] Пример заимствован из словаря: *Matešić J.* Frazeološki rječnik hrvatskog ili srpskog jezika. – Zagreb, 1982.

зафиксированные во французско-русском фразеологическом словаре[26] обороты (по сути, предложения) *c'est une vraie cruche* (настоящий олух), *c'est une vraie bassinoire* (настоящий зануда), *c'est un vrai mannequin* (настоящая тряпка), *c'est une vraie taupe* (настоящий коварный интриган) и некоторые другие представляют собой не что иное, как сочетания узуальных метафор *une cruche* (кувшин, *перен.* олух), *une bassinoire* (грелка, *перен.* зануда), *un mannequin* (манекен, *перен.* безвольный человек, тряпка), *une taupe* (крот, *перен.* шпион) с усилителем *vrai*, выполняющим функцию «оператора истинности». О нефразеологической природе подобных оборотов свидетельствуют и переводы: рассматриваемые языковые средства появятся в переводах ровно в тех же случаях, что и в языке источника. Например, выражение *экой медведь* в контексте «Экой… медведь! – пробормотал ему вслед главный конторщик…» (Тургенев. «Контора») переводится следующим образом: англ. *what a bear*, франц. *quel ours*, сербскохорв. *какав је медвед*, польск. *co za niedźwiedź*. Выражение *уж точно блоха* в контексте: «Стал дома жить, да и дома-то не усиживался: такой беспокойный, – уж *точно блоха*» (Тургенев. «Касьян с Красивой мечи») передано так: англ. *a regular flea*, франц. *une vrai puce*, сербскохорв. *баш права буба*, польск. *prawdziwa pchła*. Выражение *типичный осёл* в (5) даётся в английском переводе романа как *a typical ass*, в немецком – *ein typischer Esel*, в сербскохорватском – *типичан магарац*, в чешском – *typický osel*, в итальянском – *un tipico somaro*.

Из всех возможных сочетаний с данными единицами устойчивыми и воспроизводимыми для русского языка будут, пожалуй, только *ну и гусь, хорош гусь, каждая собака* и *ни одна собака* (все они фиксируются в словарях на правах ФЕ). Почему же они устойчивы при том, что не являются ни семантическими, ни в строгом смысле формальными аналогами ФЕ? Возможно, у слова *гусь* следует усматривать развитие **несвободного значения** «ловкий, хитрый, плутоватый человек», которое эта лексема реализует в сопровождении усилителей *ну и* и *хорош*. Не менее частотны контексты, в которых слово *гусь* приобретает значение, сходное с одним из значений слова *субъект* – «человек, не представляющий для говорящего никакой ценности»; ср. *Что-то не нравится мне этот гусь!* Что касается слова *собака*, то в сознании говорящих по-русски она воспринимается в том числе как эталон ничтожности, нижайшей ступени на социальной лестнице – отсюда и типичность словосочетаний *каждая собака* и *ни одна собака* в ситуации, когда говорящий указывает на самое низкое место подразумеваемого адресата в собственной шкале оценок.

6. АНАЛОГИ ФЕ, ОБРАЗУЕМЫЕ НЕСВОБОДНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ОДНОГО ИЗ КОМПОНЕНТОВ СЛОВОСОЧЕТАНИЯ

Рассмотрим следующие высказывания.

(1) *Его голубая мечта – побывать в Париже.*

(2) *Мне эта канцелярская крыса ни один документ не подписала!*

(3) *Птица счастья завтрашнего дня прилетела, крыльями звеня…*

[26] См.: Французско-русский фразеологический словарь / Под ред. Я.И. Рецкера. – М., 1963.

(4) *На концерте было море людей.*

(5) *Из-за неудачной женитьбы мой друг впал в тоску.*

В каждом из высказываний мы без труда найдём УС: *голубая мечта, канцелярская крыса, птица счастья, море людей, впасть в тоску*. Многие из подобных словосочетаний в словарной практике принято относить к ФЕ в силу их устойчивости и воспроизводимости. Однако очевидно, что данные словосочетания не являются ФЕ по параметру семантической целостности. Ещё В.В. Виноградов отмечал, что подобные УС образованы с помощью реализации **несвободного значения одного из компонентов словосочетания**, и подчёркивал их аналитичность, то есть смысловую разложимость[27]. В современной науке эти единицы называют полуидиомами[28], частичными метафорами[29], а в западной традиции – лексическими коллокациями[30]. Действительно, *голубая мечта* – это примерно то же, что и *идиллическая мечта*, *канцелярская крыса* – это низкая пренебрежительно-презрительная оценка служащего канцелярии, чиновника, бюрократа, *море людей* – это очень много людей; в словосочетании *птица счастья* реализуется воплощённый в конкретном денотате метафорический образ абстрактного понятия *счастье*. Иначе говоря, исследуемые словосочетания строятся по принципу семантического взаимодействия, обусловленного несвободным значением одного из слов: лексема с несвободным значением может существовать в данном лексико-семантическом варианте лишь при опоре на другие слова в рамках определённой семантической модели.

Если модель представлена очень немногими реализациями (в предельном случае – одной), то принято говорить о **фразеологически связанном значении** слова. Таков тип значения у прилагательных в следующих оборотах: *голубая мечта*, англ. *a white lie* (букв. «белая ложь»; невинная ложь, ложь во спасение), *a rainy day* (букв. «дождливый день»; чёрный день), франц. *une peur bleue* (букв. «голубой страх»; панический страх), *un bouillon aveugle* (букв. «слепой бульон»; нежирный бульон), сербскохорв. *divlji brak* (букв. «дикий брак»; гражданский брак), *слепа улица* (букв. «слепая улица»; тупик).

Если модель представлена целым рядом однотипных сочетаний и принципиально не закрыта, то принято говорить о **лексически связанном значении** слова. Например, в русском языке слово *крыса* в значении «*разг. пренебр.* о человеке, род занятий которого расценивается как что-то мелкое, ничтожное» может существовать только в сочетании с относительными прилагательными, обозначающими отношение к определённому роду занятий: *канцелярская, министерская, тыловая, архивная, тюремная, гарнизонная, штабная, библиотечная, полицейская, магазинная, придворная, интендантская* и т.п.

Иногда роль слова в лексически связанном значении сводится к общеоценочному метафорическому аналогу лексемы *человек*. В английском языке, например, общая модель подобных образований выглядит так: «прилагательное (чаще качественное) + название животного (чаще гипероним, т.е. родовое понятие) – разг. о человеке, обладающем качеством, названным прилагательным»: *a lucky dog* (удачливая собака), *a lazy dog* (ленивая собака), *a clever dog* (умная собака), *an odd (queer) fish* (подозрительная рыба), *a dull fish* (скучная рыба), *a loose fish* (распущенная рыба) и некоторые другие. В сербском разговорном языке функционируют выражения *добра риба* (хорошая рыба) и *добра мачка* (хорошая кошка) применительно к положительно оцениваемой говорящим (преимущественно в физическом аспекте) девушке, женщине. Английским и сербским метафорам функционально тождественна русская лексема неметафорического характера *субъект*. Об этом, в частности, свидетельствует следующий перевод фрагмента текста из романа Дж.Голсуорси «Сага о Форсайтах» на русский язык: «The other chap, Profond, is a *queer fish*. – А второй, Профон, тот *подозрительный субъект*».

Помимо лексической и фразеологической связанности, слово может иметь **конструктивно обусловленное значение**, т.е. строго определённую грамматическую форму реализации семантической валентности (ср. *отозваться на крик* и *отозваться о книге*). Если же слово обладает одновременно переносным и конструктивно обусловленным значением, то выражение при нём его семантической валентности становится обязательным[31]. По такому принципу существуют, например, так называемые генитивные метафоры, построенные по модели «N + N» (*луч надежды, птица счастья*). Разумеется, среди них есть и те, которые обладают и фразеологически связанным значением (*гвоздь программы, червь сомнения*), но лексическая и фразеологическая связанность в целом не обязательна. Так, в русском языке существительное *море* в значении «большое количество чего-л.» может существовать только в сочетании с существительным в род. пад.: *море людей, море огня, море цветов*, при этом выбор существительного в род. пад. семантически не ограничен; существительное же *акула* в лексически связанном значении «опытный и хваткий в своём деле человек» сочетается только с теми существительными в род. пад., которые называют род деятельности (он именуется иногда по принципу метонимии – *акулы пера*): *акулы бизнеса, акулы телевидения*. Этот тип модели (с естественными грамматическими модификациями) присущ и другим языкам. Например, английское слово *a body* (тело) в структуре N + of + N реализует значение «главная, основная часть чего-либо»: *the body of the book* (основная часть книги), *the body of the letter* (основная часть письма), *the body of the race* (основная дистанция бега). Французское слово *un coeur* (сердце) в этой же конструкции N + de + N реализует значение «середина, центр, средоточие, сердцевина, основная часть»: *le coeur d'un fruit* (сердцевина фрукта), *le coeur d'hiver* (середина зимы), *le coeur d'un sujet* (основная часть сюжета).

Интересная модель с лексически связанным и одновременно конструктивно обусловленным значением представлена в сербскохорватском языке. Её структурная схема – N1 + *od čovjeka* (од човека), то есть существительное во вторич-

---

[27] *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // *Виноградов В.В.* Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977.

[28] *Телия В.Н.* Основные особенности значения идиом как единиц фразеологического состава языка // Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. – М., 1995. С. 15.

[29] *Гвоздарёв Ю.А.* Указ. соч. С. 79.

[30] См.: *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996. С. 64.

[31] См. в связи с этим замечание Ю.Д. Апресяна о большей синтагматической обусловленности переносных значений: *Ю.Д. Апресян.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М., 1995. С. 149–150.

ном переносном значении в им. пад. с общей семантикой «качественная оценка лица» + из/от человека. В N1 реализуются узуальные метафоры с ведущим мотивом коннотации, предопределяющие значение словосочетания. Сербские и хорватские фразеографические источники фиксируют следующие обороты: *blago od čovjeka (žene, djeteta)* (букв. «благо из человека, женщины, ребёнка») – «очень хороший человек (женщина, ребёнок)»; *čudo od čovjeka* (букв. «чудо из человека») – «необычный в силу своих способностей или странностей человек»; *duša od čovjeka* (букв. «душа из человека», ср. русск. *душа-человек*) – «очень хороший, благородный человек»; *zlato od čovjeka* (букв. «золото из человека», ср. русск. *человек-золото*) – «очень добрый, честный, гуманный человек»; *đavo od čovjeka* (букв. «дьявол из человека») – «шаловливый, находчивый, ловкий человек»; *krpa od čovjeka* (букв. «тряпка из человека») – «очень слабый, измученный человек»; *kruh od čovjeka* (букв. «хлеб из человека») – «очень добрый, честный, милосердный человек, человечная личность»; *čelik od čovjeka* (букв. «сталь из человека») – «очень сильный, выносливый человек»; *гад од човека* (букв. «гад из человека») – «аморальный человек, негодяй».

Показательно, что вторая часть структурной схемы *од човека* задаёт целую область более конкретных лексем с общей семой «человек», и они могут варьироваться в зависимости от конкретной ситуации, например: «Ova *guska od moje sestre*» (букв. «Эта *гусыня из моей сестры*», т.е. глупая женщина) (Matković. «Vašar snova»); «… Нисам могô да их сликам, јер ме један *коњ од келнера* избацио из кафане» (букв. «Я не мог их снимать, потому что один *конь из официанта* (т.е. глупый человек) вышвырнул меня из кафе») (Ковачевић. «Балкански шпијун»).

Таким образом, рассмотренные в этом параграфе единицы можно назвать собственно переходными лексико-фразеологическими образованиями. Они раздельнооформленны, устойчивы и воспроизводимы, однако не обладают семантической целостностью: непрямое значение одного из компонентов УС поддерживается определённой моделью сочетаемости с узким классом слов в прямом значении. Природа воспроизводимости обусловлена у данных оборотов **несвободным** значением одного из слов, которое можно, вне зависимости от его грамматического статуса, назвать **опорным**, **стержневым**, так как оно заключает в себе **образную мотивировку УС**. Воспроизводимость по модели сочетаемости следует отличать от воспроизводимости по модели целостного смысла, как у ФЕ.

7. АНАЛОГИ ФЕ, ОБРАЗУЕМЫЕ ПО ПРИНЦИПУ ОБРАЗНОЙ ИЛИ ОБРАЗНО-СМЫСЛОВОЙ АКТУАЛИЗАЦИИ СЛОВЕСНОЙ МЕТАФОРЫ

Возьмём для сравнения следующие два столбика УС:

чурбан деревянный	*белая ворона*
чучело гороховое	*правая рука*
птенец желторотый (1)	*тёртый калач* (2).

Одинаково ли устроены данные словосочетания? Если мы последовательно уберём из (1) прилагательные, то семантика оставшихся лексем существенным образом не нарушится и будет, в общем, тождественна семантике данных словосочетаний с прилагательными: *чурбан* – «неповоротливый, тупой человек, болван», как и *чурбан деревянный*, *чучело* – «грязный, небрежно одетый, некрасивый человек», как и *чучело гороховое*, *птенец* – «очень юный, неопытный человек», как и *птенец желторотый*. Однако если мы проделаем то же самое с (2), то существенным образом нарушим семантику данных словосочетаний, т.е. попросту разрушим их. Следовательно, словосочетания из (1) и (2) не тождественны по способу организации переносной семантики. Словосочетания (2) – это классические ФЕ, выдерживающие все критерии данной единицы: они раздельнооформленны, обладают целостным обобщённо-переносным значением, возникшим на основе образного переосмысления всего словосочетания, относительно устойчивы и воспроизводимы. Словосочетания (1) возникли, по-видимому, на основе лексической метафоры. Почему это не представляется очевидным? Общее функциональное назначение всех исследуемых единиц – служить средством образной характеристики, а значит, выступать в функции сказуемого или характеризующего обращения. В сфере лексических средств такую же функцию имеют слова с ведущим мотивом коннотации и синтаксически обусловленным значением, описанные ещё В.В. Виноградовым[32]. У этих слов могут быть как прямые коннотативно-номинативные значения (*объедение, заглядение*), так и переносные синтаксически связанные (*дубина* – «тупой, глупый человек»). Итак, образная характеристика оказывается «зоной пересечения функций», по крайней мере, двух разнокачественных единиц: цельнооформленной и раздельнооформленной. Следовательно, в значении этих единиц должно быть что-то общее, что позволяет таким структурам играть одну и ту же роль в высказывании. Сравним два высказывания:

(1) *Твой сосед – полная дубина!*

(2) *Среди своих сокурсников он оказался белой вороной.*

Представим схематически, как организовано переносное значение у слова *дубина*:

Схема 1



На схеме: Д – денотат; С – сигнификат; К – ведущая функция коннотации.

[32] *Виноградов В.В.* Основные типы лексических значений слова // Указ. соч.

Теперь покажем, как организовано переносное значение у ФЕ *белая ворона*:

Схема 2



Как видно из схем, переносное синтаксически обусловленное значение слова и значение ФЕ **изоморфны** (т.е. структурно подобны) друг другу[33]. Вторичный денотат и сигнификат формируются скорее даже не на основе прямого значения слова или словесного комплекса, а за счёт образной обработки информации об именуемых реалиях. И здесь возникает парадокс: бóльшая детализация образа у ФЕ обеспечивает последней бóльшую широкозначность (эврисемичность) и вместе с тем бóльшую конкретность, нежели у словесной метафоры. Поэтому семантика словесной метафоры в бóльшей степени размыта (диффузна) и принципиально открыта множеству интерпретаций. С этим свойством лексической метафоры, в частности, связаны разные образные представления об одном внеязыковом объекте у разных народов, подвергающих метафоризации одно и то же имя: ср. русск. *выдра* – «худая и некрасивая женщина», но сербскохорв. *видра* – «расторопный человек».

Диффузность семантики словесной метафоры можно показать на следующей схеме:

[33] В аспекте изоморфизма структур значения лексической метафоры и значения ФЕ заслуживает внимания существовавшая в науке проблема однословных идиом. Все лексические метафоры с ведущим мотивом коннотации с этой позиции – однословные идиомы. Разбирая эту проблему, чешская исследовательница Я. Цадрова писала: «Как могло случиться, что проблема так называемых однословных идиом вообще возникла? Предполагаем, причину нужно искать в том, что в живом языке не всегда легко отделить фразеологические элементы от элементов нефразеологических – граница очень подвижна» (перевод наш. – *Ф.А.*); см.: *Cadrová J.* Problematika tzv. jednoslovných idiomů // Bulletin ústavu ruského jazyka a literatury. XVI. – Praha, 1972. C. 171.

Схема 3



Свойство семантической диффузности метафоры часто требует в речи конкретизации, которая и происходит за счёт словесного выражения устойчивых ассоциативных признаков, связанных как с производящим прямым, так и с актуальным переносным значением слова. В этом и кроется причина возникновения словосочетаний (1), приведённых в начале данного параграфа. В науке некоторые из этих единиц относят к ФЕ, а в словарной практике наблюдаются расхождения. «Раздельное описание идиом и слов с метафорическим значением, – замечает Д.О. Добровольский, – утвердившееся в лексикографической практике, вряд ли оправдано с семантической точки зрения. В ряде случаев такое разделение возможно лишь на основе детального обсуждения понятия идиомы. Ср., например, часто встречающееся… словосочетание blöde Kuh «глупая корова», описываемое одними словарями как фразеологическое, а другими – как свободное…»[34]. Поскольку в нашу задачу как раз и входит детальное обсуждение понятия идиомы, или ФЕ, то по отношению к рассматриваемым единицам можно утверждать следующее: 1) они возникли на основе расширения словесной метафоры, а не на основе переосмысления всего сочетания слов; 2) вследствие того, что словесная метафора чаще получает в речи тот расширитель, который наиболее устойчиво ассоциируется с данным словом как в прямом, так и в переносном значении (см. схему 3), возникает впечатление об устойчивости данного словосочетания в памяти носителей языка, **образной типичности** его переносного значения, подобного ФЕ. Следовательно, перед нами не ФЕ, но лишь их структурно-семантические аналоги, которые могут существовать в виде «двуликого Януса»: то как слово, то как раздельнооформленная структура.

Расширение словесной метафоры сводится к двум типам. Для первого типа характерно появление в высказывании слов, семантически и синтаксически связанных с производящим прямым значением метафоры. Расширители могут служить только средством повышения «экспрессивности слова подчёркиванием его прямого значения»[35]: *пень берёзовый* – «глупый человек» (ср. сербскохорв. *drvo javorovo* (букв. «дерево белоклённое, яворовое» с тем же значением), *столб*

[34] *Добровольский Д.О.* Метафора в разговорной речи // Словарь. Грамматика. Текст. – М., 1996. С. 364, сноска.

[35] *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М., 1989. С. 143.

телеграфный – «худой и высокий человек; инертный, малоподвижный человек», *чучело гороховое* – «неопрятный, нелепый человек»; см. также: «Составилось о нём мнение, что он лихой, бедовый, что он *гусь лапчатый, зверь полосатый*» (Аксаков. «Семейная хроника»). Но чаще расширитель называет такой признак, который связан с устойчивым ассоциативным ядром переносной семантики слова, например, в словосочетании *змея ядовитая* прилагательное *ядовитый* подчёркивает метафорическую семантику «злобный, опасный», ср. чешский эквивалент *had jedovatý* (змея ядовитая), а также *гад ползучий / гадина ползучая* (*ползучий* отсылает, во-первых, к ценностному низу – ползают хтонические животные – а во-вторых, к метафорической семантике «коварный»); в словосочетаниях *пень замшелый, чурбан неотёсанный* прилагательное *замшелый* связано с переносной семантикой «закосневший, консервативный», а *неотёсанный* – с семантикой «грубый, некультурный»; в словосочетании *птенец желторотый* прилагательное актуализирует переносную семантику «неопытный».

Для второго типа расширения характерно появление в высказывании слов, выражающих переносную семантику метафоры. В этом случае расширители устраняют свойство семантической диффузности: ср. *медведь – медведь неуклюжий, камень – камень бездушный, чучело – чучело уродливое*. Примеров таких словосочетаний, характеризующих людей, очень много: русск. *корова толстая* – «толстый человек», *трудолюбивые пчёлы* – «о трудолюбивых людях», *глупый баран* – «глупый человек», *трусливый шакал* – «трусливый человек», *жадный паук* – «жадный человек», *доверчивые овцы* – «о слишком доверчивых людях», *прекрасный цветок* – «об очень красивом человеке», *змея лютая* – «об очень злом человеке», *бревно тупое* – «тупой человек», *тюлень ленивый* – «ленивый, неповоротливый человек», *дубина безголовая* – «очень глупый человек», а также англ. *a silly goose* (глупый гусь), *a stupid / silly ass* (тупой / глупый осёл) – «глупый человек», нем. *ein schlauer Fuchs* (хитрая лиса) – «хитрый человек», *eine dumme Gans* (глупая гусыня) – «глупый человек», *ein sturer Bock* (упрямый козёл) – «упрямый человек», сербскохорв. *глуп магарац* (глупый осёл) – «глупый человек», *глупа гуска* (глупая гусыня) – «глупая женщина», *krhka krizantema* (хрупкая хризантема) – «хрупкая, нежная женщина», *dobri anđeo* (добрый ангел) – «очень добрый человек», чеш. *hloupá / pitomá husa* (глупая гусыня), *káča pitomá* (утка глупая) – «глупая женщина», *liška pálená / podšitá* (лиса лукавая / хитрая) – «хитрый человек», *tvrdohlavý mezek* (упрямый лошак) – «упрямый человек», *hezká žába* (красивая жаба) – «о красивой девушке, женщине» и т.п. Если расширению подвергается общеоценочная метафора, то расширитель может называть любое отрицательно оцениваемое качество, которое в данный момент необходимо актуализировать говорящему: *лживая собака, скотина безмозглая, наглое животное*; ср. также франц. *une bête brute* (скотина грубая), *une méchante bête* (злая скотина), *une maligne bête* (злобная, вредная скотина).

Косвенным доказательством нефразеологической природы исследуемых оборотов может послужить техника их перевода. Во-первых, слово с коннотативным компонентом, причём как в прямом, так и в переносном

значении, весьма часто переводится с помощью структурно-семантического аналога ФЕ. При схеме перевода «слово в прямом значении – структурно-семантический аналог ФЕ» расширитель дублирует семантику переводимой лексемы, а грамматически опорное слово являет собой образно-метафорический аналог данной семантики. Например, слово *дура* в контексте «Да он у тебя лентяй, да он у тебя дармоед, да чего ты, *дура*, смотришь!» (Чехов. «Торжество победителя») в чешском переводе передано оборотом *hloupá huso* (букв. «глупая гусыня» в звательной форме). То же слово в контексте «Дура! – прокричал он, ища глазами крикнувшую» (Булгаков. «Мастер и Маргарита») передано в чешском переводе оборотом *káčo pitomá* (букв. «утка глупая» в звательной форме), а в немецком – *blöde Gans* (букв. «глупая гусыня»). При схеме перевода «слово в ВПЗ – структурно-семантический аналог ФЕ» расширитель дублирует семантику или выступает в качестве усилителя, а грамматически опорное слово дублирует образ. Например, следующие реплики из пьесы А.П. Чехова «Медведь» переведены на английский язык следующим образом: «*Медведь! Медведь! Медведь*!» – You *great bear, bear, bear*!»; «Болван! *Осёл*!» – «Blockhead! *Silly ass*!».

Во-вторых, обращает на себя внимание факт буквального или очень сходного перевода исследуемых оборотов. Приведём пример перевода на русский язык фрагментов из романа Я. Гашека «Похождения бравого солдата Швейка»: «Vy lumpové, padouchové, neřádi, *hyeny skvrnitý*! – Бродяги! Мошенники! Сволочи! *Гиены пятнистые*!». В данном контексте выделенный оборот переводится буквально. Заметим, что, в принципе, там, где метафора *hyena* не подвергается расширению, она в соответствии со своей общеоценочной семантикой переводится русским коннотативно-сигнификативным аналогом *гадина*. Приведём ещё ряд примеров из Гашека. Переносному значению русского общеоценочного слова *скотина* соответствует одно из переносных значений чешского *hovado* (бык). Одно из имеющихся в тексте расширений – выражение *podlé hovado*, переведённое как *подлая скотина*. Более конкретное переносное значение слова *hovado* «глупец» передаётся русским метафорическим аналогом *осёл* или коннотативно-номинативными соответствиями *балда, болван*. Однако у чешских структурно-семантических аналогов ФЕ *ignorantské hovado, nedoučené hovado, nejpitomejší hovado* в русском тексте буквально переводятся расширители, а метафора – общеоценочным словом *скотина*: *невежественная скотина, неразумная скотина*. Расширителей оказывается достаточно, чтобы передать семантику, при том, что слово *скотина* указывает на общую низкую оценку и непрямую номинацию. Такое положение дел, как думается, связано с тем, что, если расширению подвергается общеоценочная метафора, то расширитель, конкретизируя семантику, нуждается в очень сходном переводе, а для общеоценочной метафоры становится несущественным, будет ли для неё подобран номинативный эквивалент (ср. ещё один пример из Гашека, когда оборот *hubená svině* (букв. «худая свинья») переводится как *тощая стерва*).

8. О ПРОХОДИМОСТИ ГРАНИЦ МЕЖДУ СОБСТВЕННО ФЕ И ИХ СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ АНАЛОГАМИ

Рассмотренные в предыдущем параграфе единицы были зачислены нами в аналоги ФЕ с учётом очевидного и простого критерия: расширение (раздельнооформленность) у них возникает на основе лексической метафоры, способной к самостоятельному функционированию. Однако в конечном счёте наличие пары «лексическая метафора – лексическая метафора с расширением и целостным образом» зависит от частотности той и другой в узусе[36] и от характера восприятия образа конкретным говорящим субъектом. В области семантики мы работаем с системой размытых множеств, т.е. с такими единицами, принадлежность которых к какому-либо классу не может быть жёстко предопределена. Единица размытого множества характеризуется тем, что она может быть отнесена одновременно к нескольким множествам в зависимости от применимости / неприменимости к ней некоторого критерия, который тоже оказывается вероятностным. В нашем случае вероятностные критерии – это узуальность (широкая степень употребительности) и конкретный говорящий субъект. Не случайно, например, многие фразеологические словари фиксируют УС *птенец желторотый*, хотя в разделе 7 мы доказываем, что это – аналог ФЕ. Это происходит потому, что пара *птенец – птенец желторотый*, как кажется, несколько искусственна: взятая в отвлечении от узуса, она не учитывает, что в узусе гораздо чаще употребляется раздельнооформленная единица[37]. Следует допустить, что УС *птенец желторотый*, вне зависимости от того, образовалось оно изначально на основе лексической метафоры или нет, уже воспринимается говорящими как УС с обобщённо-переносным значением и СК-прототипом (т.е. как **фразеологизм**) и поэтому воспроизводимо. Возникает следующая ситуация: пока лексема свободно функционирует во вторичном переносном значении, всякое её расширение порождает целостные по образу, но не воспроизводимые в узусе словосочетания (см. схему 3). Но как только какое-то из подобных словосочетаний отрывается от своей «производящей базы» и начинает употребляться самостоятельно, оно фактически переходит в разряд ФЕ, поскольку становится воспроизводимым.

В свою очередь, зачисление / незачисление воспроизводимых УС в класс ФЕ часто зависит от того, **как воспринимает их образную составляющую конкретный говорящий субъект и какие семантические следствия из этого возникают**. Ясно, что такие, например, УС, как *Лиса Патрикеевна, дубина стоеросовая* не могут быть отнесены к ФЕ: во-первых, их семантика тождественна переносному значению параллельно функционирующих слов *лиса* и *дубина*, а во-вторых, компоненты *Патрикеевна* и *стоеросовая* неизвестны в свободном виде большей части говорящих, а сохранились только в связи с вышеназванными метафорами. Рассмотрим теперь следующие УС: *буриданов осёл, валаамова ослица, казанская сирота*. Представим себе, что одним говорящим известно происхождение (следовательно, образ) и семантика УС, вторым неизвестно происхождение, но известна семантика, третьим неизвестно ни то, ни другое, а только сами обороты. В ситуации с первой группой говорящих мы должны будем говорить об этих УС как о ФЕ с актуальным образом и равномерным переосмыслением компонентов, для второй – о ФЕ с частично «выключенным» образом и неравномерным переосмыслением компонентов (смысловой центр – существительное, поскольку образная интерпретация семантики будет исходить из известного компонента), а для третьей – об аналогах ФЕ по типу *Лиса Патрикеевна*, поскольку переносная семантика будет выведена из образа осла как эталона глупости и упрямства или из образа сироты как эталона жалкого, несчастного человека. Об этой возможности свидетельствует зафиксированное во фразеологическом словаре под редакцией А.И Молоткова[38] второе значение оборота *валаамова ослица*: «глупая, упрямая женщина».

Сказанное в схематичном виде можно представить так:

Схема 4



Подобную интерпретацию можно допустить и для других УС. Так, если в УС *змея подколодная* говорящему неизвестно прилагательное, то можно говорить об аналоге ФЕ по типу *Лиса Патрикеевна*, поскольку переносная семантика будет выведена исходя из образа-эталона змеи. Но если слово *подколодный* (т.е. находящийся под колодой, таящий опасность) известно носителю языка, то оно добавляет существенную семантическую долю «скрытый, опасный» в значение ФЕ, сформированное на основе яркого образа. МФС-I этой ФЕ в других языках будут ФЕ с похожей образной организацией: англ. *a snake in the grass* (змея в тра-

---

[36] У з у с (от лат. usus – «пользование, употребление, обычай») – «общепринятое употребление языковой единицы (слова, фразеологизма и т.п.) в отличие от его окказионального (временного и индивидуального) употребления… Обычно узуальное употребление единиц языка фиксируется словарями…» (Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. С. 532).

[37] Так, в «Словаре русского языка» С.И. Ожёгова 1988 года издания (Москва) у слова *птенец* переносная семантика не отмечена.

[38] См.: Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1978.

ве) и франц. *un serpent en fleur* (змея в цветах). Возможна и обратная ситуация: классический пример аналога ФЕ *гусь лапчатый* может быть проинтерпретирован как ФЕ, если в этом обороте, судя по словарю М.И. Михельсона, говорящий осознаёт «намекъ на загребающія, запускаемыя лапы»[39].

Безусловно, узуальность (широкая степень употребительности) – намного более объективный критерий. Любое сочетание слов, прежде чем сделаться устойчивым, должно стать достоянием большинства говорящих. Для ФЕ этот механизм сложнее: достоянием языкового коллектива должна стать типичная образно переосмысленная ситуация. Сравним под этим углом зрения следующие высказывания.

(1) *«Вы тогда... меня честили: «Хотел, мол, под уголовщину подвести, жулик, волк в овечьей шкуре...»* (Боборыкин. «Василий Тёркин»).

(2) *«Заведующий литературным отделом, феноменальный осёл в золотом пенсне... высокопарно вещал...»* (Стругацкие. «Град обреченный»).

В (1) находим ФЕ, построенную по принципу нарушения наших знаний о мире (см. раздел 1) *волк в овечьей шкуре* – «лицемер, скрывающий дурные или недобрые намерения под маской добродетели». Модель построения образа *осёл в золотом пенсне* из (2) ровно такая же: образ, нарушающий наши знания о мире. Однако у последнего словосочетания нет обобщённого образа, и оно не может быть применено **к некоторому множеству внеязыковых объектов на основании некоторых признаков денотата**. У него есть совершенно конкретный, сугубо ситуативный денотат, действительно носящий золотое пенсне. Подобные словосочетания очень активны в речи (*глиста на каблуках, пень в костюме*); поскольку характеристика с помощью непрямой номинации (лексической метафоры) и одновременное называние реальных признаков субъекта характеристики многократно усиливает коннотативный эффект высказывания.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что критерий узуальности тоже относителен, ибо относительно само понятие узуса. Языковая единица может рассматриваться в качестве узуальной как на уровне всей языковой общности, так и на уровне отдельной семьи. Можно представить себе, например, ограниченное общество людей (семью, трудовой коллектив), в котором словосочетание *пень в костюме* становится, скажем, характеристикой глупого, но важничающего человека. Безусловно, что для этого общества данный оборот станет ФЕ. Словарь, не регистрируя эту ФЕ, поступает правомерно – она не является достоянием большинства говорящих по-русски. С другой стороны, неправомерно поступил бы исследователь, проигнорировав подобный факт.

Таким образом, мы приходим к выводу, что УС – явление настолько сложное, что для объективного изучения их свойств мы неизбежно вынуждены обращаться к вероятностным и субъективным критериям. При работе с семантическими феноменами постоянно приходится учитывать двойственную природу языка: чтобы не утратить границ материала, необходимо опираться на язык как на общественный феномен, и этим удерживается продуктивность узуального критерия, а чтобы не утратить адекватного взгляда на материал, необходимо опираться на язык как на личностный феномен, и этим удерживается продуктивность критерия говорящего субъекта.

[39] См.: *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии // Сборник образных слов и иносказаний. – М., 1994. В 2-х т. Т.1. С. 221.

В заключении отметим, что в этой главе мы описали переходные единицы, в полной мере не относящиеся ни к лексике, ни к фразеологии. Исходя из того, что ФЕ возникает на базе переосмысления некоторого сочетания слов, что в процессе переосмысления задействованы все знаменательные компоненты этого сочетания слов и что в результате ФЕ получает целостное обобщённо-переносное значение и становится относительно устойчивым и воспроизводимым, мы выявили единицы, у которых отсутствуют некоторые из перечисленных признаков ФЕ. В заключении целесообразно показать «движение» описанных единиц от меньшего присутствия в них признаков ФЕ к большему.

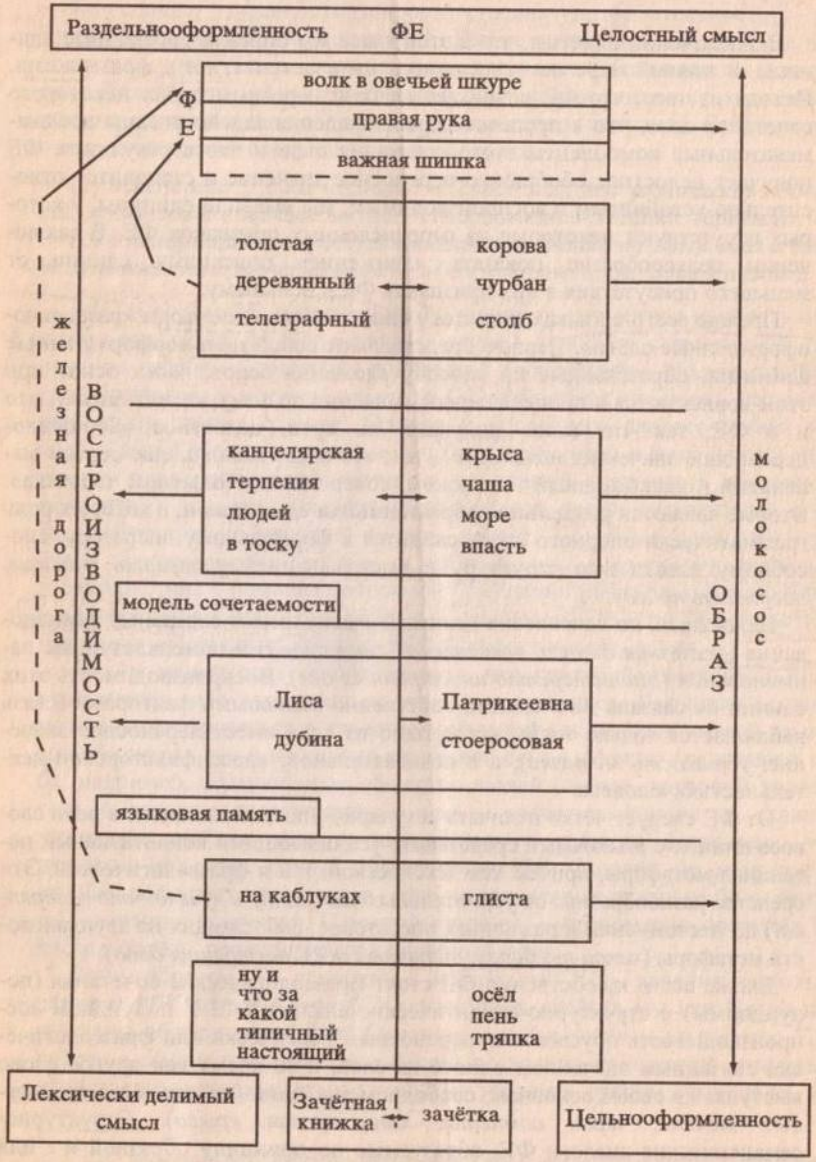
Прежде всего в языках имеются «однословные идиомы» и «раздельнооформленные слова». Первые представляют собой **цельнооформленные единицы**, образованные по способу сложения основ; части основ при этом вовлекаются в процесс переосмысления по тому же механизму, что и в ФЕ, так что слово получает, по сути, целостное обобщённо-переносное значение: *молокосос* – тот, кто сосёт молоко, ещё совсем маленький и беспомощный – «о юном, совершенно неопытном человеке». Вторые являются **раздельнооформленными единицами**, в которых роль грамматически опорного слова сводится к формальному оператору, способному ввести всю структуру в высказывание: *принимать участие, одержать победу*.

Целостный, но лексически делимый смысл имеют составные наименования (*железная дорога, лексическая семантика*) и номенклатурные наименования (*Министерство иностранных дел*). Воспроизводимость этих единиц не связана ни с какими собственно языковыми факторами (связь наблюдается только тогда, когда одно из слов имеет переносное значение: *усталость металла*), а с познавательной, классификаторской деятельностью человека.

От ФЕ следует чётко отличать регулярно употребляющиеся в речи словосочетания с языковыми средствами, усиливающими коннотативный потенциал метафоры, причём как лексической, так и фразеологической. Эти средства разнообразны: от усилительных частиц (*ну и чучело! что за тряпка!*) до местоимений и различных операторов, работающих на двуплановости метафоры (*какой-то баран, типичный осёл, настоящая баба*).

Ближе всего к собственно ФЕ стоят фразеологические сочетания (полуидиомы) и структурно-семантические аналоги ФЕ. У полуидиом воспроизводимость обусловлена переносным лексически или фразеологически связанным значением одного из слов, в то время как другое слово выступает в своём основном, свободном значении (*впасть в тоску, голубые мечты, червь сомнения, канцелярская крыса*). Структурно-семантические аналоги ФЕ, образуемые по принципу образной и / или смысловой актуализации словесной метафоры (*чурбан деревянный, брев-*

Схема 5



но тупое) имеют целостное значение и создают впечатление образной типичности за счёт устойчивых ассоциативных связей опорного слова с расширителем.

В собственно ФЕ процесс переосмысления может проходить равномерно и неравномерно. Если он происходит неравномерно, то в ФЕ выделяется явный смысловой центр: ***важная*** *птица,* ***важная*** *шишка.* При равномерном переосмыслении компоненты ФЕ «работают» на создание образа и семантики в равной мере: *правая рука, крепкий орешек.* Среди ФЕ с равномерным переосмыслением компонентов выделяются те, образ которых построен на основе нарушения наших знаний о мире: *волк в овечьей шкуре, буря в стакане воды.*

Такие единицы представлены на схеме 5. Эта схема показывает также, что жесткой границы между ФЕ и не-ФЕ не может существовать.

Наконец, следует отметить, что предлагаемое описание переходных единиц отнюдь не претендует на исчерпанность и законченность. Мы прекрасно осознаём, что любая классификация такого сложного материала, как УС, во многом условна и выхватывает из всего многообразия размытых множеств только основные случаи. Мы ясно понимаем, что выделение наших единиц во многом обусловлено исходными принципами и критериями подхода к материалу. Мы привлекли для исследования примеры из очень небольшого количества индоевропейских языков. Но сказанное, как думается, вовсе не умаляет важности самого исследования переходных лексико-фразеологических образований, ибо всякий новый подход не только обогащает наши представления об описываемом явлении, но и свидетельствует о многомерности и многоаспектности этого явления. А семантика языковых единиц – явление настолько многоаспектное, что только совокупное применение очень разных подходов позволит нам приблизиться к пониманию её сущности.

Темы рефератов

1. Сложные слова с целостным обобщённо-переносным значением в русском и изучаемом иностранном языке.
2. Составные и номенклатурные наименования, содержащие в своём составе слово с переносным значением, в русском и изучаемом иностранном языке.
3. Устойчивые сочетания аналитической структуры в русском и изучаемом иностранном языке.
4. Устойчивые сочетания с широкозначными глаголами (типа русск. *делать*, англ. *to set*, франц. *faire*) в сопоставительном аспекте.
5. Фразеологические сочетания (полуидиомы) глагольной структуры в русском и изучаемом иностранном языке.
6. Фразеологические сочетания (полуидиомы) субстантивной структуры в русском и изучаемом иностранном языке.
7. ФЕ, построенные на образе-алогизме, и структурно подобные им невоспроизводимые словосочетания в русском и изучаемом иностранном языке.
8. Словосочетания с целостным значением, возникшие на базе расширения лексической метафоры по синтагматике прямого значения, в русском и изучаемом иностранном языке.
9. Словосочетания с целостным значением, возникшие на базе расширения лексической метафоры по синтагматике переносного значения, в русском и изучаемом иностранном языке.
10. Сочетания метафор и слов с оценочной семантикой с усилительными частицами в русском и изучаемом иностранном языке.
11. Сочетания метафор с «операторами эталонности» (*типичный*) в русском и изучаемом иностранном языке.
12. Сочетания метафор с «операторами истинности» (*настоящий*) в русском и изучаемом иностранном языке.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава I
Лексика современного русского литературного языка в сопоставлении с лексикой английского, немецкого, французского и испанского языков 13

1. Понятие о слове как об основной единице лексики, проблема универсального определения слова 13
2. Проблема определения русского слова и его национально-специфические черты 18
3. Неосновные (периферийные, маргинальные) единицы лексики 22
4. Слово как объект ономасиологии 25
   4.1. Ономасиология как особый раздел лексикологии, его связь с семиотикой как наукой о знаковых системах: общее понятие о знаке, типология знаков, знаковая природа слова и основные концепции слова как знака 25
   4.2. Мотивированность и идиоматичность слова как проблема ономасиологии 28
   4.3. Идиоматичность и мотивированность как противоположные, но не взаимоисключающие свойства слова 38
   4.4. Фоносемантика и проблема мотивированности / идиоматичности слова 41
   Темы рефератов к разделам 1, 2, 3, 4 главы I 46
5. Слово как объект семасиологии 48
   5.1. Семасиология как особый раздел лексикологии 48
   5.2. Понятие о лексическом значении слова, лексическое значение как многокомпонентная структура 48
   5.3. Типология лексических значений слова 61
   5.4. Семантическая структура слова как проявление взаимосвязи и взаимодействия его лексических значений 82
6. Функционирование слова в лексической системе языка, системные и асистемные связи слова 89
   6.1. Общее понятие о лексике как системе, отражение в ее системной организации основных закономерностей окружающей человека действительности 89
   6.2. Краткий обзор учений о системной организации лексики ... 90
   6.3. Метод семного (компонентного) анализа как одно из основных средств описания системной организации лексического состава языков 93
   6.4. Системные отношения в лексике 95

6.5. Асистемные отношения в лексике ... 102
6.6. Лексика как система систем. Отражение системных связей лексики в лексикологии и лексикографии ... 108
7. Синхронно-диахроническая характеристика русской лексики ... 115
7.1. Краткий очерк исторического становления русской лексики ... 115
7.2. Межъязыковые лексические контакты. Заимствованные слова в составе русской лексики ... 119
8. Внутренняя динамика лексической системы современного русского литературного языка: соотношение лексики активного стабильного употребления с лексикой, выходящей из системы языка и входящей в эту систему ... 132
8.1. Лексика современного русского литературного языка, характеризуемая определенной стабильностью и активностью употребления ... 132
8.2. Устаревшие слова в составе лексики современного русского литературного языка ... 134
8.3. Неология и неологизмы ... 145
9. Общее понятие о стиле как лингвистической категории ... 152
9.1. Функционально-стилевая характеристика лексики современного русского литературного языка ... 152
9.2. Ненормированная лексика современного русского языка в сопоставлении и противопоставлении с лексикой нормированной ... 157
9.3. Лексика языка русской художественной литературы, ее богатство и разнообразие ... 161
Темы рефератов к разделам 5, 6, 7, 8, 9 главы I ... 165

Глава II
Теоретические проблемы фразеологии. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования (основные языки сопоставления: английский, немецкий, французский, испанский) ... 171
1. Краткий исторический очерк развития фразеологии как лингвистической науки ... 171
2. Основные концепции фразеологизма в современной фразеологии ... 184
2.1. Понятие «фразеологизм» с точки зрения концепции воспроизводимости ... 184
2.2. Понятие «фразеологизм» с точки зрения семантической концепции ... 185
3. Семантическая концепция фразеологизма и вопрос об отношении к фразеологии пословиц и поговорок (паремий) ... 193
4. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений. Роль образной составляющей в формировании переносной семантики слова и обобщенно-переносной семантики фразеологизма ... 196
5. Русская фразеология как объект сопоставительного структурно-типологического исследования ... 204
6. Перспективы многоязычной сопоставительной фразеографии, некоторые статьи словаря «Русская фразеология в многоязычном сопоставлении» ... 218
Темы рефератов ... 226
7. Слово и фразеологизм (сопоставительный аспект) ... 227

Глава III
Единицы зоны лексико-фразеологической переходности ... 231
1. Теоретические предпосылки обращения к проблеме лексико-фразеологической переходности ... 231
2. Цельнооформленные ФЕ («однословные идиомы») ... 237
3. Устойчивые сочетания слов аналитической структуры («раздельнооформленные слова») ... 237
4. Составные и номенклатурные наименования ... 238
5. Типы расширения метафоры, усиливающие ее коннотативный потенциал ... 239
6. Аналоги ФЕ, образуемые несвободным значением одного из компонентов словосочетания ... 241
7. Аналоги ФЕ, образуемые по принципу образной или образно-смысловой актуализации словесной метафоры ... 244
8. О проходимости границ между собственно ФЕ и их структурно-семантическими аналогами ... 250
Темы рефератов ... 256